

Серия

2014

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 1 (17)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издаётся философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2014 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барз (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Зинаида Петровна Замараева* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Растко Мочник* (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркус (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Лондоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широков* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Professor, Doctor of Philosophy)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Candidate of Psychology)

PHILOSOPHY

Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Tula), *György Sarvari* (Doctor of Philosophy, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY

Anatoly G. Antipyev (Professor, Doctor of Sociology, Perm), *Zinaida P. Zamaraeva* (Professor, Doctor of Sociology, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Galina I. Osadchaya* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Rastko Močnik* (Professor of the Department of Sociology, University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council

Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Florida State University, USA), *Michael Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, USA), *Alexandre Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Vermont, USA), *Dmitri Shirokanov* (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Žiga Knap* (Professor, Doctor of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia), *Isaac Eberstein* (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Florida State University, USA).

Address of Editorial Board

Perm State National Research University,
Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru,
dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт <i>Р. Мочник</i>	6	Subject supposed to believe and nation as a zero institution <i>Rastko J. Mochnik</i>
Исторический процесс и глобализация (глобализация: сущность, содержание, форма и антропологические основания) <i>Л.А. Мусаелян</i>	17	Historical process and globalization methodological (globalization: essence, content, form and anthropological bases) <i>Lyeva A. Musayelyan</i>
К вопросу о соотношении утопического и реалистического в социальных процессах <i>Т.А. Логиновских</i>	23	About relationship of utopian and realistic in the social processes <i>Tatyana A. Loginovskih</i>
Онтологические основания творчества в различных философских системах <i>Т.Ф. Сулейманов</i>	30	Ontological basis of creativity in different philosophical systems <i>Timur F. Suleimanov</i>
Интеллигентность и интеллигенция <i>А.В. Климова</i>	38	Intelligence and intelligentsia <i>Alexandra V. Klimova</i>
К характеристике социокультурной динамики (диалектико-синергетический аспект) <i>А.Ф. Родюков</i>	47	To the characteristics of social and cultural dynamics (dialectical and synergetic aspects) <i>Alexei F. Rodyukov</i>
Влияние гендерной традиции на современную русскую культуру <i>Н.А. Вострова</i>	53	Influence of gender tradition on modern russian culture <i>Natalya A. Vostrova</i>
Возможность и онтологические основания атемпоральной интерпретации квантовой механики <i>М.Г. Годарев-Лозовский</i>	60	The possibility and ontological basis for atemporal interpretation of quantum mechanics <i>Maxim G. Godarev-Lozovsky</i>
Смысловые трансформации парадигм в процессе перехода от классической к постнеклассической науке <i>О.В. Рупташ</i>	68	The notional transformation of paradigms in the transition from classical to post-non-classical science <i>Olga V. Ruptash</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психологическая конфигурация праобраза в процессе творческого мировосприятия <i>Е.Н. Боровицкая</i>	74	Psychological configuration of the pre- image in the process of creative perception of the world <i>Olena M. Borovytska</i>
--	----	--

Опыт исследования идеального образа взрослого в подростковом возрасте с помощью семантических пространств <i>В.И. Зорина</i>	83	Research experience adult perfect image in adolescence by semantic spaces <i>Viktoria I. Zorina</i>
О схеме изменения представлений о детстве в истории <i>В.Л. Чечулин</i>	92	On the scheme of changing perceptions of childhood in history <i>Viktor L. Chechulin</i>
Особенности профессиональной социализации субъектов предпринимательской деятельности <i>О.Н. Паламарчук</i>	98	The peculiarities of professional socialization subjects of entrepreneurial activity <i>Olga N. Palamarchuk</i>
Рефлексивность как профессиональное качество банковских работников и педагогов <i>Л.О. Пузырева</i>	105	The reflexivity as a professional quality of bank workers and teachers <i>Lubava O. Pousyрева</i>
Представления россиян о деловой этике: межпоколенные различия <i>В.А. Голдырева</i>	111	Views on business ethics of russians: inter-generational differences <i>Vera A. Goldyreva</i>
Кросскультурные исследования социальной лености <i>К.Н. Стратилат, Н.И. Семечкин</i>	122	Cross-cultural research of social loafing <i>Karina N. Stratilat, Nikolay I. Semechkin</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Любовь к видеорегистраторам в России: социокультурные особенности менталитета или защита от коррупции дорожной полиции? <i>В.В. Ковалев, Л.В. Сажина, Н.Б. Иванова</i>	128	Love for videoregistrars in Russia: socio-cultural peculiarities of mentality or protection from corruption of road police? <i>Vitaly V. Kovalev, Liliya V. Sazhina, Natalia B. Ivanova</i>
Уровень жизни и социальная стратификация населения в городах Пермского края <i>Е.Б. Плотникова, И.А. Германов</i>	138	Standard of living and social stratification in the cities of the Perm Kray <i>Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov</i>
Социальное здоровье студенческой молодежи в гендерном измерении (на материалах Южного федерального университета) <i>Н.Х. Гафиатулина</i>	146	Social health of student's youth in gender dimension (on the materials of the South Federal University) <i>Natalia K. Gafiatulina</i>
Многофакторная модель обусловленности здоровья молодежи: социологический анализ <i>С.С. Гордеева</i>	158	Multiple-factor pattern of the youth health dependance: sociological analysis <i>Svetlana S. Gordeeva</i>
Жизненные ценности современного студенчества <i>Ю.С. Маркова</i>	163	Life values of modern students <i>Julia S. Markova</i>

Анализ влияния роли рейтинговых позиций вуза на мотивацию абитуриентов при выборе места обучения: прикладной аспект <i>И.Н. Ефимова, А.В. Маковейчук</i>	173	Analysis of the influence the role of the university ranking positions on the motivation of prospective students choosing a place of study: applied aspect <i>Irina N. Efimova, Artyom V. Makoveichuk</i>
Информация для авторов	182	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 170.23.32 + 316.75

**СУБЪЕКТ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ВЕРЯЩИЙ,
И НАЦИЯ КАК НУЛЕВОЙ ИНСТИТУТ*****Мочник Растко***профессор кафедры социологии**философский факультет Люблянского университета**Словения, 1000, Любляна, ул. Ашкерчева, 2**e-mail: josip.mocnik@guest.arnes.si*

В данном тексте мы пытаемся систематизировать результаты различных теоретических изысканий, которые, становясь частью стремительно меняющейся исторической ситуации последних десятилетий благодаря переплетающимся логикам теоретической работы и исторической практики, оформились вокруг концепции идеологической интерпелляции Луи Альтюссера¹. Какими бы ни были теоретические результаты наших усилий, они предпринимались в рамках довольно гетерогенного набора практик в попытке помыслить, т.е. «организовать» в интеллектуальном и практическом плане наши исторические обязательства и устремления последних десятилетий на таких теоретических основаниях, где значительное место занимает мощный теоретический аппарат, оставленный нам в наследство альтюссеровским переосмыслением исторического материализма. Во время блестящих маршей восьмидесятых, когда с каждым новым шагом исторический процесс, казалось, обретал форму блистательной фразы, мы, возможно, были убаюканы самодовольством, потеряли возможность видеть и теперь оказались низвергнуты на землю, задаваясь вопросом, почему восемнадцатое Брюмера с неизбежностью следует за разнообразными «веснами» и «оттепелями»².

Ключевые слова: неомарксизм; идеология; идеологическая интерпелляция; субъект; нация; принуждение.

Теория идеологии как теория интерпретации

В любопытном соответствии с тем, чем занималась современная Альтюссеру аналитическая философия языка, в теоретическом анализе идеологии он отошел от проблем ее «порождения», «социальных функций» и/или «внутренней структуры» (в основе своей это подход в духе Лукача) и обратился к *проблематике* ее действительности. Его

теория идеологической интерпелляции может быть представлена в еще более радикальном ключе, если мы сузим ее и будем рассматривать как теорию *интерпретации*.

Интерпретатор может понять значение высказывания, если сможет дать подходящее определение интересубъективной ситуации, в которой это высказывание было произнесено. Но поскольку такая ситуация структурируется самим этим высказыванием и единственной доступной подсказкой оказывается причина (этой ситуации)³, т.е. само интерпретируемое высказывание, то интерпретатор попадает в порочный круг: ключом к значению высказывания выступает определение интересубъективной структуры, а эта структура определяется значением данного высказывания.

Однако ситуация не является безнадежной: поскольку и интерпретатор, и говорящий попадают в одну и ту же ловушку, они вынуждены сотрудничать и вырабатывать коммуникативную солидарность. Эта солидарность, как мы утверждаем, может быть только *солидарностью верований*. Если

* Статья была впервые опубликована на немецком языке под заголовком «Das „Subjekt, dem unterstellt wird zu glauben“ und die Nation als eine Null-Institution» в антологии: Boeke H., Mueller J.Ch., Reinfeld S. Denk-Prozesse nach Althusser. Argument. Hamburg; Berlin, 1994. На русском языке статья выходила в журнале «Критика и семиотика» в переводе Т.И. Кихтенко: Мочник Р. Субъект, который должен верить, и нация как нулевой институт // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 33–66. Публикуемый в «Вестнике Пермского университета» текст представляет собой переработанный вариант перевода первой части статьи профессора Мочника (редактор перевода Д.К. Чулаков).

коммуниканты намерены коммуницировать, им необходимо «разделять» минимальный набор верований. Тем не менее, мы не хотим ограничивать возможность коммуникации такими случаями, где верования коммуникантов, по крайней мере, частично, но действительно и обязательно образом «совпадают»⁴. Чтобы смягчить теоретические условия, предъявляемые акту коммуникации, мы вводим два понятия: понятие *возможного* верования⁵ и понятие промежуточной инстанции, которой эта вера *приписывается*.

Оба процесса — произнесения и понимания — опираются на *формальное* свойство правильно образованных языковых цепочек: на *способность иметь значение*. Это формальное и собственно лингвистическое измерение касается *материальной основы* процессов смыслопорождения, которое необходимо обеспечить совместными усилиями говорящего и слушающего. *Предложение*, чисто лингвистическая структура, — необходимое, но недостаточное условие коммуникации: чтобы произвести имеющее значение *высказывание*, адресант и адресат должны опираться на «разделяемый ими набор верований», т.е. на *идеологию как социальную связь*, в минимальной степени производящую социальную связь коммуникативной ситуации. Чтобы избежать противоречащего фактам допущения, ограничивающего возможность коммуникации до сообществ индивидов, уже разделяющих одну и ту же идеологию (или, как минимум, общий *Lebenswelt* (жизненный мир. — Прим. переводчика), что является всего лишь способом навязывания того же самого противоречащего интуиции ограничения), т.е. обнаружить теоретическую возможность *идеологической интерпелляции* в альтюссеровском смысле, мы предполагаем, что разделение верований может быть только *условным и опосредованным*.

Верования, минимально разделяемые и говорящим, и интерпретатором, можно рассматривать как поддерживаемые отношением, аналогичным для них обоим, — отношением к третьей и «нейтральной» инстанции, управляющей коммуникативной ситуацией и опосредующей intersubjectивную структуру: *отношением идентификации с «субъектом, предположительно верящим»*⁶. Субъект, предположительно верящий (далее СПВ), действует в модальности *возможного*: «*возможно*, данная цепочка означающих имеет смысл; она несет смысл, если мы принимаем ее фоновые верования как *возможные*».

Идентификация с СПВ является вынужденным ходом в коммуникативной игре⁷ и в дальнейшем

может потребовать обоснования *ex post facto*. Это обоснование может быть и неявным, но интерпретатор будет готов указать на него, если его спросят о причинах, по которым он интерпретирует высказывание определенным образом. В случае успешной интерпелляции обоснование может не поддаваться объяснению в полной мере, а интерпретатор столкнется с тем, что наряду с верованиями, которые он рассматривает как «возможные», примет определенные верования как «необходимые», сам того не желая и не подозревая об этом. В этом и заключается сущность риторики, и именно поэтому демистификация, *non obstant* её «просвещенческих» ограничений, играет некоторую роль в идеологической борьбе. Обоснование, на которое явно или неявно полагается интерпретатор, является суждением, которое *относится одновременно и к высказыванию, и к intersubjectивной ситуации*. Мы можем называть это *принципом интерпелляции* (ПИ).

(1) Пусть расцветают сто цветов.

Мы интерпретируем (1) как выражение определенной политической доктрины, так как полагаемся на ПИ «Мао Цзэдун сказал (1)». Но представим себе, что мы обладаем фоновой информацией о том, что (1) сказал Клод Лоррен. В данном случае мы бы полагались на наши знания о французском художнике, который писал пейзажи в манере, побудившей английскую аристократию придавать своим паркам определенный «романтический» вид: и мы бы интерпретировали (1) как выражение концепции «*jardin à l'anglaise*» (пейзажного, английского парка. — Прим. переводчика)⁸.

ПИ основывается исключительно на вере и располагает высказывание внутри коммуникативной ситуации, а *не* относительно какого-то «внешнего мира»:

(2) Товарищ Жданов сказал: «Пусть расцветают сто цветов».

Отсылка к говорящему функционирует здесь как своего рода ПИ, и парадокс, который влечет за собой эта функция, хорошо иллюстрирует природу ПИ: кто бы ни интерпретировал (2) верно, он стал бы его оспаривать («Это не он говорил!» или «Он не это имел в виду!»). Отрицая данную атрибуцию, интерпретатор доказал бы, что он понял (2) именно тем способом, который указан данной (ложной) атрибуцией — как фрагмент речи о культурной политике. Имя знаменитого апологета «социалистического реализма» располагает (2) внутри определенной полемики и производит указанный

ПИ, потому что говорящий, вовлеченный в эту дискуссию, *мог* сказать что-то вроде (1), хотя маловероятно, что это был Жданов. Таким образом, значение, установленное с помощью ПИ, подсказанного именем говорящего, фальсифицирует атрибуцию (1) носителю имени, потому что мы знаем (если мы вообще что-то знаем о ждановщине — но это знание уже необходимо для получения правильного ПИ), что Жданов не говорил (1), а если и говорил, то не имел это в виду.

Механизм идеологической интерпелляции может быть описан следующим образом: для того, чтобы произнести осмысленное высказывание, говорящий *идентифицирует* себя со структурной позицией (СПВ), из которой *может быть* произнесено осмысленное, т.е. интерпеллятивное, высказывание. Интерпеллированный индивид *идентифицирует* себя с *той же самой* инстанцией, которая, с его стороны, работает как позиция, находясь в которой *можно поверить*, что высказывание «имеет смысл». Взаимное «признание» обеих сторон опосредовано, таким образом, третьей инстанцией, с которой обе они активно идентифицируются. Обе коммуницирующие стороны *желают*, чтобы предложение имело смысл; чтобы их желание осуществилось, они *вынуждены*, пусть и условно, разделять определенные верования. Инстанция идентификации, таким образом, располагается в точке, где *совпадают желание и принуждение*. Чтобы обосновать этот механизм, мы должны усилить свой концептуальный аппарат.

(3) Слушайте, я не собираюсь дразнить инвалида. (Рональд Рейган во время предвыборной борьбы с Дукакисом)

Лингвистический анализ *в духе Дюкро*⁹ мог бы показать, что (3) влечет за собой предположение вроде «Дукакис — инвалид». Если это предположение признается фоновым, предложение приобретает оскорбительное значение. Однако то же самое предложение может быть использовано в высказывании, основанном на *противоположном* предположении, которое в развернутом виде может быть представлено следующим образом:

(3') Я не собираюсь дразнить инвалида, когда призываю Дукакиса обнародовать результаты его медицинского обследования, потому что, насколько я знаю, он в полном порядке.

Несмотря на существенную разницу в смысле, который может приобрести одно и то же предложение в двух разных высказываниях, оба значе-

ния поражены одним и тем же *изъяном*, связанным с означаемым «инвалид»: в неявном виде они оба намекают, что есть что-то постыдное в обращении за психиатрической помощью, и в обоих случаях (3) ссылаются на то, что Дукакис на самом деле проходил курс психиатрического лечения. В означаемое «инвалид» инвестирован неявный и поэтому еще более беспокоящий аффект, поэтому оно требует замыкания и в конце концов «нейтрализации» каким-либо «веровани-ем». Тут легко узнать *topos* Фрейдова *фантазма*: означаемое обычно состоит из представления и связанного с ним аффекта; однако при травмирующем «опыте» представление вытесняется в бессознательное, а означаемое (которое может подвергнуться дальнейшему воздействию смещения или сгущения) продолжает существовать, будучи инвестированным одним только аффектом, который затем, как правило, преобразуется в *тревову*¹⁰. Фантазм — именно как элемент «фасада», который *также* принадлежит и бессознательному и таким образом одновременно связывает «фасад» с вытесненным представлением и блокирует доступ представления к сознанию — функционирует в виде *бессмысленной цепочки означающих*, точно так же, как и предложение «до того», как оно приобретет смысл в речевом акте. Сознательные представления организуются вокруг этого наделенного тревогой фантазматического «ядра бессмыслицы» так, чтобы наделить его каким-то «смыслом» и стабилизировать его на структурной позиции «перекрещивания», образуемого (сознательным) значением и защитой вытесненного¹¹. Именно благодаря такой структурной действительности фантазма одна и та же цепочка означающих может быть, как в нашем примере, наделена *противоположными* значениями: «в интересах» артикулированного фантазмом контекста необходимо, чтобы фантазм не обладал тем или иным определенным значением, но просто мог что-то значить.

Мы не утверждаем, что каждое коммуникативное взаимодействие принимает столь драматичный оборот и приводит в действие фантазм: мы не считаем также, что идеологическая интерпелляция должна запускать в индивиде связанные с фантазмом механизмы, чтобы успешно осуществиться. Мы хотим только выделить *возможность* подобного эффекта, внутренне присущую любому идеологическому обмену. На данном этапе мы оставляем интуицию Альтюссера или, вернее, предлагаем более тонкое прочтение его теории. Хотя идеология в нашей интерпретации, как и изначально у

Альтюссера, интерпеллирует индивидов *как* субъектов, это не обязательно означает, что индивид ежедневно «субъективирует» себя в 8 часов вечера, когда смотрит вечерние новости по телевизору. Интерпелляция подчиняет индивида механизмам идентификации, которым он подвергается как субъект. Идеологическая интерпелляция может затрагивать, но не обязательно затрагивает, идиосинкретические субъективные механизмы, связанные с фантазмом, в случае чего она порождает воздействия, которые могут вмешиваться в «архаичные» процессы субъективации. Когда восточно-европейские семьи собираются вечером за ужином — это, возможно, единственный раз за день, когда они проводят время вместе и смотрят националистическую чушь, которую подконтрольное правительству национальное телевидение изливает на их однотипные жилища-ячейки, это действительно имеет наиболее конструктивное воздействие на создание нации. Тем не менее, это происходит на уровне идентификации, и когда панкующая дочь спрашивает: «А что, премьер действительно носит белые носки?» — чары могут быть разрушены, так как в современном фольклоре стран Восточной Европы белые носки ассоциируются с беспощадным неолиберальным карьеризмом и «мафией». Но когда телевизор начинает бомбить зрителей образом врага, демонстрируя бородатых, возможно, пьяных мужчин, которые как одержимые выкрикивают на знакомом языке улицы мало-вразумительный вздор, который они сами услышали прошлым вечером по *своим* телеканалам, тогда, конечно, может быть подцеплен тот или иной фантазм, связанный с более «глубокими» процессами субъективации; и дерзкая дочь промолчит.

Беспокоящий элемент в (3) может вызывать или не вызывать индивидуальные идиосинкретические фантазмы, относящиеся к «комплексу кастрации». В любом случае и прежде всего таким элементом является общее место, стереотип. Как таковой он содержит знакомый ингредиент «иррациональности»: именно то, что может быть в нем иррациональным, способствует его идеологической привлекательности. Стереотипы в целом и *a fortiori* общие места подобного рода, связанные с социальной сегрегацией, могут быть приняты *только в модальности абсолютной веры*. Поэтому для того, чтобы подчиниться действию интерпелляции, нет необходимости задействовать индивидуальный фантазм. Стереотипы ставят интерпретатора перед радикальной дилеммой: это бессмыслица или этому следует верить? Стереотипные или «иррациональные» элементы *сгуща-*

ют основную дилемму, встающую перед интерпретатором, который хочет «понять» то или иное высказывание. «Спонтанной» установкой интерпретатора является стремление сохранить осмысленность и искать такой принцип интерпретации, который бы позволил ему считать высказывание имеющим значение. Когда он снова сталкивается с этой проблемой относительно ПИ, *он уже решил её*: если бы он не разрешил альтернативу смысл/бессмыслица положительно по отношению к определенному высказыванию, он бы вообще не нашел возможного ПИ. При «спонтанном» (т.е. идеологическом) толковании радикальная дилемма (бессмыслица/вера) никогда не возникает: ее «позитивное» разрешение, т.е. выбор интерпретатором «веры», является структурным условием того, что ПИ вообще будет найден. Постановка радикальной дилеммы обречена на провал: она не может быть сформулирована, если уже не была уничтожена на предыдущем этапе. ПИ этого идеологически привилегированного типа (стереотипы, общие места, «иррациональные» элементы) влекут за собой знакомую ретроактивную, *Nachträglichkeit* («последейственную»). — Прим. переводчика) логику психических процессов: только после идентификации с СПВ интерпретатор обнаруживает, что именно было «материальным базисом» его идентификации. Этот материальный базис, содержание которого не критически принято интерпретатором вследствие *структурного* принуждения, является элементом, который включает в себя формальную необходимость быть объектом веры.

В пределах *ad hoc* концепции ПИ мы должны различать два элемента. Во-первых, это определение, которое говорящий или интерпретатор дают коммуникативной ситуации (данный компонент имеет все характеристики «рационализации»); во-вторых, это ядро веры (или, если сформулировать более провокативно, ядро «бессмыслицы»), элемент, содержащий в себе *формальную* необходимость быть объектом веры. Это свойство второго компонента делает его точкой, в которой *желание* (осмысленности высказывания) и *принуждение* (верить) *совпадают*. Теперь мы можем далее уточнить понятие ПИ: в той степени, в которой ПИ является обоснованием собственной интерпретации высказывания, он зависит от отождествления интерпретатора с субъектом, предположительно верящим; это идеология в знакомом смысле (систематизация, рационализация, самообман и т.д.). Но поскольку он зависит от механизма переноса (идентификации), ПИ необ-

ходимым образом связывает *социальную потребность* (базовое отношение субъекта к другому) с *индивидуальным желанием* (базовым отношением субъекта к самому себе, т.е. уровнем конституирования субъекта). Локусом этого связывания является второй компонент ПИ, его ядро бессмыслицы/веры, или, в терминах Фрейда, фантазм. В качестве формальной матрицы для альтернативы смысл/бессмыслица, которая одновременно и принуждает субъекта верить, и отвечает на его желание, фантазм оказывается *материальным базисом* процесса идентификации, так как она является конститутивной для субъекта. Идеологическая интерпелляция может большей частью опираться на собственное формальное условие (которое задает альтернативу смысл/бессмыслица) и оставлять незатронутой фантазматически-субъективную структуру; однако всегда есть вероятность того, что она улавливает идиосинкразические бессознательные фантазмы, что может приводить к более значительным и длительным последствиям.

Попробуем систематизировать эти замечания с помощью схемы, которая представляет процесс интерпелляции как *обратную* версию лакановской схемы аналитического процесса¹²:

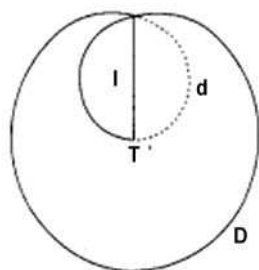

Рис. 1. Схема Лакана

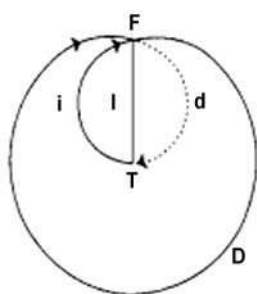

Рис. 2. Идеологическая интерпелляция:

D — потребность (в смысле); I — идентификация; T — точка переноса (субъект, предположительно верящий/знающий); F — (индивидуальный) фантазм; i — идеологическая интерпелляция.

Идеология и принуждение

Условие, которое позволяет интерпелляции быть успешной только в случае активации фантазма адресата, кажется слишком строгим. Хотя это может происходить в определенных случаях, некоторые из которых мы сможем описать в конце данной статьи, нам все же необходимо объяснить более распространенные феномены «повседневного» идеологического принуждения, где интерпелляция не обязательно проходит через петлю бессознательного и где «социальный» процесс идентификации не укоренен в идиосинкразических механизмах субъективации, скрепленных фантазмом.

Если нам удастся описать интерпелляцию только в терминах процесса идентификации, который действует по прямой линии, соединяющей субъект, взятый уже конституированным, и идентификационные цели субъекта, *при наличии или отсутствии* дополнительной поддержки петли бессознательного, то мы получим определенные теоретические преимущества: простоту, поскольку мы сможем описать большее поле феноменов с помощью менее сложного концептуального инструментария; интуитивную адекватность, потому что мы сможем объяснить, как индивид может быть одновременно интерпеллирован различными идеологиями и обладать, таким образом, несколькими «идентичностями», без необходимости быть фрагментированным «в качестве субъекта»¹³; связность, потому что мы сможем соблюсти предписание Дюркгейма объяснять социальные факты с помощью социальных фактов¹⁴.

Чтобы добиться этого, мы должны усилить концепцию *субъекта, предположительно верящего*, концепцией инстанции, с которой он идентифицируется. Успешность интерпелляции объясняется не большей достоверностью некоторых верований, приписываемых СПВ в качестве возможных, напротив, способ функционирования СПВ *навязывает* определенные верования как квазиобходимые и, соответственно, как «более достоверные».

До сих пор мы рассматривали СПВ как инстанцию, обеспечивающую возможность коммуникации; теперь же мы должны покинуть эмпирию философии языка и посмотреть, как эта модель работает в контекстах, которые всегда являются сверхдетерминированными. Теория коллективного действия, разработанная как специальное приложение теории рационального выбора, предлагает подходящий пример, демонстрируя, как

частные пороки подрывают общественные добродетели, даже в тех случаях, когда первые в конечном счете могли бы воспользоваться последними. В теории коллективного действия трудность связывания индивидуального и социального уровней разрешается путем представления их отношения как противоречивого: «основное противоречие капитализма» по Марксу (между общественной природой производства и частной природой присвоения) переписывается в терминах стратегического действия¹⁵.

Теория коллективного действия вызвала многочисленные дискуссии, так как некоторые ее заключения казались противоречащими интуиции. Мы можем, несомненно, сослаться на исторические случаи, фальсифицирующие ее как универсальную теорию; тем не менее, она адекватно описывает особые исторические условия, когда коллективное действие, пусть востребованное и действительно желаемое, так и не совершается. Даже если социальный выбор является необходимым результатом «индивидуальных» действий, агенты действия не обязаны осуществлять выбор «как индивиды», но они могут быть вынуждены так поступать. Принуждение является результатом того, как СПВ действует в определенных контекстах. Если мы переформулируем рассуждение, подрывающее коллективное действие, то в терминах нашей теории обнаружится, что индивидуальная рациональность зависит от *субъекта, предположительно верящего как «объективной», принуждающей и «социальной» идеологической инстанции*¹⁶.

«Я отлично знаю, — рассуждает своекорыстный рациональный индивид, — что общее благо является желаемым, и коллективное действие принесет пользу всем. Другие тоже могут это знать, но они, скорее всего, верят в то, что люди чаще всего своекорыстны, даже эгоистичны существа, и они предпочитают определенную частную выгоду неопределенному общественному благу. Поскольку они ожидают, что другие будут действовать в соответствии с этими верованиями, то станут поступать так же, независимо от собственных убеждений и желаний. Коллективное действие, скорее всего, так и не произойдет — поэтому, если я не хочу оказаться неудачником, мне лучше последовать примеру других и искать свою собственную выгоду».

Здесь в рациональных рассуждениях индивида начинается бесконечная регрессия: вера в то, что другие верят в то, что другие верят... Существует

структурная причина для подобного делегирования верований: интересубъективные отношения опосредованы СПВ, а в любом индивидуалистическом обществе функцию СПВ перекладывают на какого-то другого индивида. СПВ представлен верованиями, приписываемыми другому, и эти верования могут, в конце концов, быть снисходительно поданы как то, что другой верит в то, во что верят другие¹⁷. Особое значение здесь заключается в том, что каждый индивид играет роль СПВ для любого другого индивида. Это структурная основа для «модерного» (либерально-индивидуалистического) понятия «идентичности», определяющей и группу, и индивида как члена этой группы, т.е. это структурная причина парадокса, суть которого в том, что в либеральных индивидуалистических обществах существует тенденция определять индивидов исключительно или, по крайней мере, в большинстве случаев как членов некоторого коллектива. Таким образом, *условная* идентификация, при которой индивид сохраняет свои принципы, ведет к *безусловному принуждению* относительно его собственного и предположительно автономного выбора.

Производство структурной инстанции СПВ из множества независимых индивидуальных суждений принимает почти «гегельянский» поворот и может быть представлено как восхождение от единичного к особенному и от него к всеобщему:

1) различие «того, что я знаю и во что верю, и того, во что предположительно верят другие» является конститутивным для рассуждения *конкретного* индивида;

2) различие (1) является конститутивным для формирования представлений *каждого* индивида о его отношении к другим индивидам;

3) различие «собственного Я и СПВ» является *всеобщим* для группы индивидов и конституирующим эту группу.

Хотя гипотетически рациональным индивидам и не удастся осуществить коллективное действие, они действуют согласованно. Они не могут объединиться, потому что уже были «объединены» идеологическим принуждением — таким, которое конституирует «атомизированное общество». Со структурной точки зрения это такой тип группы или общества, который удерживается за счет противоречия между «частным» и «публичным». Идеология является социальным связующим звеном даже в предельном случае такой группы или общества, где связи кажутся трудноустановимыми, но причина этого состоит в том, что подобная

группа или общество уже были объединены связями «частного индивидуального своекорыстия»¹⁸.

В так называемых «тоталитарных» системах, если брать другой пример, предполагаемая вера во «всемогущество» властей является важным идеологическим *Bindungsmittel* (связующим средством. — Прим. переводчика) отношений господства, а также огромным препятствием для народного сопротивления. Соответствующее рассуждение может быть представлено следующим соритом: «Я знаю, что “бюрократия” ленива, некомпетентна, коррумпирована и сбита с толку. Но другие могут верить в ее всемогущество. Или они верят в то, что другие верят в ее всемогущество. В любом случае они будут вести себя так, как будто “бюрократия” всемогуща. Это и делает ее действительно всемогущей. Я лучше уступлю и буду вести себя так, как будто верю во всемогущество бюрократического аппарата».

В этом и заключается причина того, почему диссидентские фантазмы были исторически не способны сломать «тоталитарную систему»: они функционировали внутри системы и регулярно эксплуатировались правящими группами в идеологической борьбе — либо в форме монотонного *recitativo* «критики бюрократии», либо в рамках редких обсуждений ошибок попавших в опалу фракций. «Социальный персонаж», называемый «диссидентом», являлся «воплощением» СПВ данной системы. Он был ключевым элементом в «материальном существовании» определенной «тоталитарной» идеологии: используем формулу, значение которой станет очевидным впоследствии: *социальный персонаж «диссидент» был идеологическим аппаратом «тоталитарного» государства*. Понятие «тоталитаризм» само по себе зависит от СПВ, конститутивного для систем подобного типа: такую систему можно определить как «систему, в которой соответствующий ей СПВ верит, что она является “тоталитарной”»¹⁹. После коммунистической эпохи антикоммунистический дискурс, основывающийся на притягательности «тоталитарной» власти, вводит в социальные отношения как раз тот элемент террора, который необходим для установления новых отношений господства. На его фоне неолиберальная эксплуатация будет казаться «нормальной» и функционирующей без применения насилия. Посткоммунистический терроризм, включая войну, является практикой «нормализации».

(продолжение в следующем номере)

Примечания

¹ Теория идеологии, понимаемая как теория *интерпретации*, более детально рассматривается в наших работах [13, 14].

² Примеры конкретных исследований, в том или ином виде относящихся к представленной здесь теории, см. в работах [11, 12, 16].

³ Это предположение отступает от ситуаций «реальной жизни». Мы рассматриваем гипотетический предельный случай из теоретических соображений: теория, которая может быть построена для подобного случая, также может объяснять и другие («более легкие») случаи.

⁴ Здесь мы уходим в сторону от того, как эта проблема традиционно рассматривается в аналитической философии (ср. [18] как один радикальный вариант ее решения и [1] как другой), а также у Хабермаса (с краткими критическими замечаниями по поводу его подхода см. [19]). Коммуникацию не следует изучать как процесс, который требует «общего» идеологического горизонта, разделяемого коммуницирующими индивидами. Прежде всего необходимо объяснить «транс-идеологическую» коммуникацию.

⁵ О подобных соображениях у Макса Вебера см., например: [20, р. 8–9].

⁶ Эта концепция разработана с отсылкой к лакановскому «субъекту, предположительно знающему», *sujet suppose savoir*. См. также примечания ниже.

⁷ Мы можем проиллюстрировать функцию субъекта, предположительно верящего, примером самоосуществляющейся природы коллективных заблуждений. Если в некоторой нестабильной социальной ситуации возникает слух о «заканчивающихся запасах растительного масла (или сахара...)», то этот слух может и не быть «истинным» на момент начала его распространения (на складах имеется достаточное количество растительного масла для нормального режима его потребления); но когда люди начинают действовать на основании этого (первоначально «ложного») слуха, он может стать истинным. Мы можем объяснить это в духе теории «рационального выбора» и показать, что «рациональное» действие зависит в своей рациональности от фоновых верований, т.е. от идеологии, которая в определенной ситуации (вроде рассматриваемой) может даже сделать «знание» (т.е. позитивную информацию) нерелевантным. Предположим, я свободен от предрассудков и суеверий в достаточной степени для того, чтобы не поверить таким слухам. Я могу даже точно знать, что они не соответствуют действительности. Но, несмотря на свой скептицизм и/или знания, я буду рассуждать следующим образом: «Я знаю, что этот слух ложен, но другие люди могут ему поверить; действуя в соответствии с их (ложным) верованием, они поспешат пополнить свои запасы, и масло, скорее всего, действ-

вительно закончится. Так что я, пожалуй, сам поспешу в магазин и возьму немного масла». Даже если предположить, что *каждый* рассуждает подобным образом, безоговорочное единодушие относительно ложности предсказания не позволит предотвратить того, что оно, в конечном счете, сбудется; общее признание, что поверить слуху *возможно*, т.е. выполнение общего условия коммуникации, приводит к самоосуществлению предсказания. В таком типе ситуаций каждый представляет для других субъекта, предположительно верящего. Классическую формулировку данной проблемы см: [10].

⁸ Введение релевантного фона верований, на основе которого может интерпретироваться высказывание, является функцией ПИ. Он располагает высказывание внутри речевой ситуации, которую определяет или, по крайней мере, очерчивает. ПИ не имеет никакого отношения к авторству высказывания: информация «Пу И сказал (1)» для многих может и не дать никакого ПИ; однако, будучи преобразованным в ко-референциальную определенную дескрипцию «Последний император Китая сказал (1)», оно точно указывает, где искать ПИ, побуждая интерпретатора запрашивать дополнительную информацию: потому что в разные периоды своей жизни Пу И мог цитировать Мао (например, когда находился в тюрьме на перевоспитании) или мог вносить предложение (1) в виде садоводческой концепции (когда посвятил себя садоводству после выхода из тюрьмы). Дюмарсе в *Traite des tropes* (1730) (трактат «О тропах». — Прим. перев.) дает великолепные примеры «знаменитых цитат» из классической литературы, которые с годами кардинально поменяли смысл, потому что были спроецированы на другую систему верований, в корне отличную от той, что составляла фон исходных текстов (см. Chapitre troisieme, X — Du sens adapte, «Remarques sur quelques passages adaptes a contresens» — Глава третья, часть X — Изменения смысла, «Заметки о некоторых цитатах, которые приобрели противоположный смысл». — Прим. переводчика)

⁹ См. [3].

¹⁰ Ср. с метапсихологическими трудами Фрейда; для конкретного примера см. его анализ случая *Человека-волка*. Расширенную дискуссию об использовании концепции Фрейда о фантазме в нашей теории см. примечание 1.

¹¹ Упоминание о том, что фантазм — это жесткая цепочка означающих, способная порождать различные «значения» (которые зависят от «стадии» в либидинальной экономике, реализуемой субъектом), см. эссе Фрейда «Ein Kind wird geschlagen» — «Ребенка бьют» [5].

¹² Мы представляем процесс интерпелляции, переворачивая схему аналитического процесса Лакана (см. [7]). Согласно схеме Лакана сообщение субъекта

возвращается к нему в преобразованной форме, потому что вектор (сознательного) запроса «огихает» точку переноса (субъект, предположительно знающий) и возвращается к субъекту как его (бессознательное) желание. Процесс интерпелляции протекает в противоположном направлении: (сознательное) требование субъектом смысла или скользит по линии идентификации, достигает субъекта, предположительно верящего, затем возвращается от этого субъекта, «Субъекта идеологии» по Альтюссеру, к индивиду как интерпелляция этого Субъекта; или, в отдельных случаях (обсуждаемых *ниже*) требование попадает в точку фантазма, где переводит себя в (бессознательное) желание, которое поддерживает идентификацию с СПВ (Субъектом идеологии), и возвращается к индивиду как интерпелляция этого Субъекта.

¹³ Это будет вполне соответствовать лакановской ортодоксии, где Я (*le Moi*) конституируется именно как аккумуляция, «*bric-a-brac*», последовательных идентификаций Я (*identifications moiques*).

¹⁴ Тем не менее, наше введение фантазма не должно рассматриваться как уход в область психологии: мы установили достаточно строгие условия для возможного, но не обязательно необходимого, соединения между процессом идентификации и механизмом субъективации. Две области также не являются гетерогенными: мы предприняли некоторые усилия, чтобы продемонстрировать «социальную» природу идентификации; и фантазм сам по себе не является психологической инстанцией в смысле чего-то «внутрипсихического»: трудности, с которыми сталкивается Фрейд, когда наивно пытается определить его «онтологический статус», сами являются доказательством обратного. В дополнение к уже процитированным текстам мы должны помнить, что в случае с *Человеком-волком* Фрейд колеблется, считать ли первосцену подлинным событием, потому что все невротики разделяют одну и ту же форму первосцены (*coitus a tergo*). Он объясняет это «семиотическим» принуждением: это, по-видимому, такая позиция, где наблюдателю проще всего обнаружить отсутствие у женщины пениса.

¹⁵ Проблема вкратце такова: может ли группа своекорыстных индивидов, действующих рационально, объединиться для достижения блага, которое является общим (выгодным для каждого члена группы) и общественным (ни один член группы не может быть исключен из нее: если благо доступно какому-либо члену группы, в нем не может быть отказано любому другому члену), если благо может быть достигнуто только таким способом, при котором индивидуальные члены группы жертвуют частью собственной выгоды, незначительной в пропорциональном отношении к прибыли каждого индивида в случае

достижения общего блага. Классический ответ — «нет». Каждый индивид предпочтет определенную личную выгоду неопределенному общему благу. Суть проблемы — в «трансцендентальном условии» коллективного действия: чтобы коллективное действие произошло, недостаточно, чтобы оно было выгодно группе, и все или большинство ее членов были бы готовы его выполнить; необходимо также, чтобы все или большинство ее членов имели «рациональный интерес» действовать подобным образом. Это условие не может быть выполнено. Перед каждым индивидом стоит дилемма: либо я преследую свой корыстный интерес и достигаю определенной, хотя и относительно скромной, собственной выгоды; либо я жертвую частью своей личной выгоды, чтобы достичь общего блага, которое хоть и больше того, что я получу, действуя частным образом, но все-таки неопределенно, потому что зависит от всех (или большинства) других членов группы, действующих таким же (коллективным) образом. Если они действительно поступают таким образом, то я получу общее благо бесплатно, как «безбилетник», если нет — никто не получит общего блага, в то время как я сам еще и потеряю часть своей личной выгоды, которую я вложил в провалившееся общее предприятие. Альтернатива, таким образом, заключается в выборе между определенной частной выгодой с возможностью участвовать в общественном благе в роли «безбилетника» и, с другой стороны, конкретной личной потерей выгоды с туманной вероятностью наслаждаться общим благом. В своей классической формулировке (см. [15]) теория демонстрирует, что при данных условиях индивид отдает предпочтение «определенной личной выгоде с шансом оказаться безбилетником», а не «определенной личной потере выгоды наряду с шансом оказаться простаком», и также то, что группа не выполнит коллективного действия. Симптоматично, что решения, предложенные М. Олсоном, соединяют «дюркгеймовский» взгляд на то, как устроено общество (индивиды вовлекаются в сотрудничество), и «веберовский» взгляд (индивидам сотрудничество навязывается): «В большой группе... несомненно, коллективное благо не будет обеспечено до тех пор, пока не будет осуществлено принуждение или какое-либо внешнее побуждение, заставляющее членов группы действовать в их общих интересах» [17, р. 44]. Исходные индивидуалистические послышки в конечном счете не позволяют автору разработать интегрированную теорию, основания которой можно почерпнуть у Маркса, где индивидуализм сам объясняется в терминах исторической социальной формации, а не наоборот. Невозможность коллективного действия может быть продемонстрирована соответствующими матрицами теории игр, но значения, приписанные их различным позициям, являются «идео-

логически связанными», даже (и прежде всего) если они кажутся продиктованными «объективной» оценкой в денежном выражении. Более того, идея и даже сама возможность выражения различных исходов игры в числовых значениях зависит от очень специфических социально-исторических, отсюда — идеологических, условий (всеобщий товарообмен, существование всеобщего эквивалента...). «Рациональный интерес» индивида едва ли может быть принят как основной *terminus a quo* социальной теории. Некоторые аспекты проблемы, но не сама дискуссия, были не так давно возобновлены восточно-европейской академической *номенклатурой*, прославлявшей падение своих бывших хозяев и стремящейся польстить новой верхушке.

¹⁶ Предположение о том, что люди полагаются на игровые матрицы при выработке линии поведения, кажется крайностью. Подобные комментарии приводились в контексте международной политики: «Равновесные решения, предлагаемые теоретиками формальных игр, могут обеспечивать конвергентные ожидания математиков, но если равновесие может быть также достигнуто “альтернативными и менее сложными способами”, подобные решения могут иметь лишь незначительное влияние на международные отношения» [17, р. 2]. Возможно, наше описание ближе к реальности.

¹⁷ Контур СПВ социально-исторически детерминирован и может принимать различные формы. Октав Маннони (см. [9]) приводит пример Мадагаскара, где вера в маски, которая признавалась информантами предрассудком, приписывалась жителям другой деревни; обычно «подлинное» верование приписывается предыдущим поколениям, силлептически определяемым как «наши деды», «старики». Дополнительный пример, когда верование не приписывается другому, а легитимизируется путем обращения к личному опыту, — это шаман, «который не верил» (см. [8]). Он был убежден, что все остальные шаманы — обманщики, однако говорил, что однажды встретил шамана, который, возможно, был настоящим. Это похоже на пример такой ситуации, когда скептицизм относительно каждого отдельного шамана поддерживает веру в магию «вообще»; в соответствии с точкой зрения Эванса-Притчарда (см. [4]), это общая структура магических верований (см. также [6] о теории необходимости письменной культуры для возникновения всеобщего скептицизма). Мы сможем лучше понять структуру, где идентификация с СПВ основывается либо на делегировании веры «привилегированному другому», либо на отсылке к подходящему случаю, если задумаемся о нашем собственном представлении об «искусстве» и особенно о литературе: здесь и всеобщая вера в автономию эстетического феномена, вера «в» искусство, красоту и прочее, и

критический скептицизм относительно каждого конкретного произведения искусства диалектически поддерживают друг друга. Отсюда и истории об актере, который настолько вжился в роль Гамлета, что действительно заколол Полония (что можно соотнести с «настоящим шаманом» у Леви-Строса в рамках идеологии театрального представления в духе Станиславского), или о зрителе, который предупреждает Юлия Цезаря: «Осторожно, они вооружены!» (идеальный представитель публики, если иметь в виду функцию СПВ). Отметим, что подобные истории имеют в нашей культуре подлинно мифологический статус: не имеет значения, являются ли они «истинными или ложными», имеет значение только то, что они *возможны*. Вспомните также о дифференциальном признаке, отличающем «легкое» и «тяжелое», жесткое порно, и всеобщем убеждении, что «тяжелое» порно является более «реальным».

¹⁸ Это может быть ответом на вопрос «Как выживают скрытые группы?» (см. [2]).

¹⁹ Следует заметить, что СПВ действует на *формальном* уровне, а не на уровне «содержания». Когда в конце семидесятых годов в словенских начальных и средних школах были закрыты классы, в которых преподавали латынь, аргументация была следующей: «Классы с изучением латыни являются элитными. В основном в них набирают детей из элитных семей. Поэтому такие классы воспроизводят социальное неравенство. Мы должны закрыть их, тогда то, что классы с изучением латыни воспроизводят социальное неравенство, не будет больше верным». Подобная аргументация ошибочна, потому что не обеспечивает устранения социального неравенства (как могло бы быть сделано, если бы эти классы стали доступными для детей пролетариата, например, или если бы изучение латыни было лишено снобистской символической ценности), просто неравенство становится менее заметным. Аргумент имеет такую же структуру паралогизма, как и якобы исходящий из концепции Маркса отказ от института прав человека (или «формальной демократии»): «Права человека — всего лишь абстрактное утверждение человеческой сущности; если мы не будем их чтить, то и не будем “утверждать человеческую сущность лишь абстрактно”». Оба эти рассуждения нашли выражение в шутке, имевшей широкое хождение в восьмидесятые: «В нашей деревне больше нет людоедов, вчера мы съели последнего из них».

Список литературы

1. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 183–198.
2. Douglas M. *How Institutions Think*. London:

- Routledge & Kegan Paul, 1987. 146 p.
3. Ducrot O. *Le dire et le dit*. Paris: Minuit, 1984. 237 p.
4. Evans-Pritchard E. *Magic, Witchcraft and Oracles among the Azande*. Oxford: Oxford University Press, 1937. 558 p.
5. Freud S. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (24 vols.). The Institute of Psycho-Analysis. London: Hogarth Press, 1953–1974.
6. Goody J. *The Interface between the Written and the Oral*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 331 p.
7. Lacan J. *Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*. Seminaire XI. Paris: Seuil, 1973. 255 p.
8. Levi-Strauss C. *Le sorcier et sa magie* // *Anthropologie structurale I*. Paris: Plon, 1958. P. 205–226.
9. Mannoni O. *Clefs pour l’imaginaire*. Paris: Seuil, 1969. 321 p.
10. Merton R.K. *The Self-Fulfilling Prophecy* // *Social Theory and Social Structure*. New York; London: Free Press, 1968. P. 421–436.
11. Močnik R. *Der 18. Brumaire des östlichen Frühlings* // *Krieg in Europa*. Gaisbacher, Kaser, Promitzer, Sax, Schogler, hg. Graz: DIPA-sandkorn, 1992.
12. Močnik R. *Die Machtmechanismen des ubergangs* // A. Bremer. *Jugoslawische (Sch)Erben*. Osnabruck; Munster: Fibre, 1993.
13. Močnik R. *From Historical Marxisms to Historical Materialism: Toward the Theory of Ideology* // *Graduate Faculty Philosophy Journal*. 1991. Vol. 14, № 1. P. 117–137.
14. Močnik R. *Ideology and Fantasy* // *The Althusserian Legacy*. E.A. Kaplan and M. Sprinker, eds. London; New York: Verso, 1993. P. 139–156.
15. Močnik R. *Marcel Mauss — klasik humanistike* // M. Mauss. *Esej o daruin drugi spici*. Ljubljana: Studia humanitatis, 1996. S. 267–303.
16. Močnik R. *Penser, aujourd’hui* // *Lignes*. 1993. № 21, Septembre.
17. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 186 p.
18. Quine W.V.O. *Word and Object*. Cambridge: Massachusetts: MIT Press, 1960. 294 p.
19. Rosenthal J. *What is Life?: A Habermas Critique* // *Social Science Information*. 1992. Vol. 31, № 1. P. 5–42.
20. Weber M. *Economy and Society*. Berkele: University of California Press, 1978. Vol. 1. 1469 p.

SUBJECT SUPPOSED TO BELIEVE AND NATION AS A ZERO INSTITUTION

Rastko J. Mochnik

Faculty of Arts, University of Ljubljana; 2, Askerceva str., Ljubljana, 1000, Slovenia

In the following text, we try to systemise the results of different theoretical elaborations which become the part of vividly changing historical conjunctures of the past decades, were led, by the intertwining logics of theoretical work and historical practices, to articulate themselves around Althusser's concept of ideological interpellation. Whatever theoretical effects our efforts may have hopefully produced, they have been attempted from within a rather heterogeneous set of practices, and were trying to think, that is, to «organise» in the intellectual and in the political sense, our historical commitments and struggles of the past decades upon a theoretical background where the powerful theoretical apparatus legated by Althusser's re-interpretation of historical materialism had a prominent place. While, during the brilliant marches of the eighties, when, at each step, the historical process seemed to overtake the sparkling phrase, we might have been lulled into self-blinding complacency, we have now been cruelly crushed back onto the earth, wondering why the eighteenth Brumaire so obstinately follows different Springs.

Key words: Neo-Marxism; ideology; ideological interpellation; subject; nation; compulsion.

УДК 1.316

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ**(глобализация: сущность, содержание, форма и антропологические основания)***Окончание. Начало в предыдущем выпуске***Мусаелян Лева Асканазович***доктор философских наук, профессор кафедры философии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: lmusaelyan@yandex.ru*

В статье продолжено исследование соотношения исторического процесса и глобализации [11]. В связи со сложностью феномена глобализации и наличием в литературе множества различных подходов к пониманию его природы и сущности даётся определение глобализации, раскрывается её связь с одним из фундаментальных законов развития человечества — ростом основательности исторического процесса, выявляются антропологические основания глобализации. Анализируется содержание этого феномена, показывается его связь с интернационализацией и интеграцией общественной жизни человечества. Автор исследует неравномерный противоречивый характер исторического процесса, раскрывает механизм возникновения и смены форм глобализации в ходе истории. В статье рассматриваются различные формы глобализации, которые давали о себе знать в XX в. В заключительной части анализируется место России в историческом процессе в прошлом столетии.

Ключевые слова: исторический процесс; глобализация; закон роста основательности истории; интернационализация; интеграция; развитие человеческой сущности; формы глобализации; вестернизация; Советский Союз.

В заключительной части первой статьи было дано определение сущности глобализации. Напомним, глобализация, на наш взгляд, есть процесс усиления экономической, финансовой, технологической, политической, культурной взаимосвязанности, взаимозависимости государств (народов), регионов, обуславливающий рост целостности мира и ускорения темпов его развития. Это определение представляет собой теоретический конструкт, который схватывает лишь наиболее важные с точки зрения целей данного исследования тенденции развития человечества. Однако реальный процесс глобализации является более сложным и противоречивым феноменом, о чем пойдет речь ниже.

Как представляется, превращение исторического процесса во всемирно-исторический и глобализация общественной жизни цивилизации есть форма проявления уже упомянутого в первой статье закона роста основательности истории. Можно условно выделить три «среза» проявления этого закона в развитии человечества. При предельно широком философском осмыслении бытия социальной формы материи он, как было уже показано, проявляется в фундаментализации исторического процесса и универсализации природы человека. При философско-историческом подходе рост основательности истории проявляется в воз-

растании богатства содержания социальной субстанции как результата аккумулятивного развития общества, о чём шла речь в самом начале первой статьи. Помимо этого вертикального (временного) среза исторического процесса упомянутый закон обнаруживает себя при социально-философском срезе, т.е. горизонтальном (пространственном) осмыслении истории, в возрастании числа народов и стран, вовлекаемых в международное разделение труда и, соответственно, во всемирно-исторический процесс. Глобализация, как показал Маркс, непосредственно связана с превращением истории во всемирно-исторический процесс. Субстанциональной (сущностной) основой названных феноменов является развитие, развёртывание универсальной природы человека, способствующей возрастанию его деятельной и коммуникативной активности. Содержательным компонентом формирования всемирно-исторического процесса и глобализации является интернационализация сфер общественной жизни различных народов. Но, имея общие основания, эти социально-исторические феномены выражают различные тенденции в развитии человечества. Превращение исторического процесса во всемирно-исторический свидетельствует о росте социально-экономической и, как правило,

исторической активности различных народов вследствие их участия в международном разделении труда. Благодаря интернационализации общественного производства всё большее число стран оказываются втянуты в жизнедеятельность современной цивилизации, т.е. в мировой исторический процесс. Словом, превращение исторического процесса во всемирно-исторический означает усложнение коллективного субъекта исторического процесса, возрастание роли отдельных государств в определении судьбы не только собственного народа, но и человечества в целом. Названная тенденция является необходимым условием глобализации, но не достаточным. Глобализация, на наш взгляд, не сводится к предельному усложнению коллективного субъекта исторического процесса. Участие на постоянной основе в международном разделении труда отдельных стран и регионов порождает и развивает интеграционные связи между ними. Поэтому нельзя не согласиться с И.А. Гобозовым в том, что все «интеграционные процессы, охватывающие в прошлом экономические, политические, государственные, культурные и другие сферы общественной жизни, можно обозначить термином “интернационализация”» [5, с. 6]. Интернационализация, по мнению учёного, есть объективный естественно-исторический процесс [6, с. 12]. Очевидно, что интернационализация общественной жизни, сопровождаемая возникновением интеграционных связей между увеличивающимся количеством стран, способствует формированию единого, целостного глобального мира. Глобализация есть естественно-исторический результат интернационализации общественной жизни растущего множества государств, находящихся в разных регионах земного шара. В этой связи представляется спорной точка зрения И.А. Гобозова, который резко противопоставляет интернационализацию глобализации. По его мнению, в эпоху интернационализации, несмотря на растущие интеграционные связи между народами, последние сохраняли свои особенности, свою идентичность, ибо все государства признавали принципы национального суверенитета. Поэтому «мир представлял единство в многообразии и многообразие в единстве» [5, с. 8]. «В отличие от интернационализма, — пишет учёный, — глобализация разрушает единство и многообразие мировой истории. Она унифицирует, стандартизирует и примитивизирует социальный мир. Глобализация не есть объективный процесс, она искусственно и порой насильственно насаждается США и их союзниками с целью защиты своих национальных и геополитических интересов» [6, с. 13]. Соглашаясь со справедливой критикой известным российским

философом политики США насильственного распространения по миру неолиберальной социальной модели, представляется необходимым отметить следующее. Действительно, с возникновением монополярного мира сторонники универсализации неолиберальной демократии предпринимали активные попытки элиминации принципа национального суверенитета из международного права. Параллельно со стороны инструменталистов была осуществлена «атака» на понятие «нация» и «этнос» [12]. Однако этот исторический факт едва ли может служить основанием для того, чтобы выделять особую историческую эпоху «интернационализма», где национальный суверенитет признавался государством, и противопоставлять её глобализации, где этот принцип нарушался. Во-первых, насколько нам известно, ни одно государство в мире, в том числе и США, открыто не отрицали принципы национального суверенитета. Подобное отрицание давало бы формальное право любому другому государству вмешиваться в его внутренние дела. Во-вторых, хотя и после Вестфальского мира (1648 г.) суверенитет стал считаться одним из важнейших признаков независимости государства, это вовсе не означает, что он не нарушался. Формальное признание равенства государств никогда не гарантировало и не гарантирует их реального равенства в интернационализации общественной жизни и определения вектора исторического движения регионов и тем более человечества. Не было такого равенства и в XIX в., когда происходили процессы интернационализации общественного производства и формирования всемирно-исторического процесса, хорошо описанные Марксом. Возникновение Интернационала — массовой международной организации рабочих, основывающейся на принципе равенства, равноправия и солидарности народов, — было реакцией на существовавшие тогда политические реалии. Не всегда соблюдался принцип национального суверенитета и в XX в., в эпоху биполярного мира, которую И.А. Гобозов определяет как период «интернационализма». Согласно автору, в эту эпоху Советский Союз всегда выступал в защиту тех, кто отстаивал свой национальный суверенитет. С этим мнением российского философа вряд ли согласятся граждане Венгрии, бывшей Чехословакии, Афганистана и некоторых других стран. Для всех региональных и тем более мировых держав определяющим мотивом внешнеполитической деятельности, даже в отношениях с союзниками, была и остаётся защита собственных геополитических интересов.

Вернёмся, однако, к глобализации. Интернационализация общественного производства, сфер общественной жизни разных стран и регионов

способствует возрастанию интеграционных связей между ними и формированию единого, целостного, взаимосвязанного и взаимозависимого глобального мира. И если интернационализация общественной жизни цивилизации — объективный, естественно-исторический процесс, то представляется нелогичным отказываться в объективности глобализации. Исторический процесс способствует возрастанию взаимосвязанности, взаимозависимости, целостности современного мира и ускорению темпов его развития, обусловленного аккумулятивным характером этого процесса и синергетическим эффектом интернационализации и интеграции общественного производства. Сущность исторического процесса — развитие человека. Поэтому в конечном счёте *онтологическим (антропологическим) основанием глобализации является неодолимая тенденция развития человека в соответствии с его универсальной родовой сущностью*. В этой связи, как представляется, далеко не случайно то, что глобализация получила своё рельефное выражение в постиндустриальную эпоху, когда стал формироваться научный («всеобщий» — Маркс) труд, требующий для своего выполнения универсально развитых индивидов. Но интернационализация, интеграция сфер общественной жизни стран и регионов, формирование взаимосвязанного целостного мира не есть результат равного взаимовлияния народов и государств. Развитие человечества имеет неравномерный, противоречивый характер. Поэтому в каждую историческую эпоху социальный мир представляет жёстко иерархизированную систему государств, включающую передовые по уровню социально-экономического развития страны и отсталые («супериорные» и «инфериорные», по Ю.И. Семёнову) [14, 15]. Первые находятся в «сердцевине» («ядре») мир-истории, вторые — на периферии или полупериферии (по И. Валлерстайну) [3]. Их роль в интернационализации, интеграции, глобализации далеко не одинакова. Супериоры, вырвавшиеся вперёд, выступают в качестве основных акторов исторического процесса, интернационализации общественного производства, формирования региональных и глобальных интеграционных связей. Роль супериоров в указанных тенденциях резко возрастает, если они входят в число великих держав, т.е. являются крупными государствами, обладающими большим экономическим и военно-политическим потенциалом, позволяющим им оказывать определяющее влияние на систему международных отношений. Статус великой державы является политико-правовым отражением реальной роли этого государства в международной жизни и не противоречит принципу суверенного равенства

государств. Пытаясь укрепить своё международное положение, супериоры стремятся включить в сферу своего влияния страны периферии и полупериферии, чтобы использовать их потенциал развития (природные и людские ресурсы) в собственных интересах. Расширяя своё геополитическое пространство, супериорная держава выступает в качестве центра политической, экономической, культурной интеграции стран и регионов, оказавшихся в сфере её влияния. Понятно, что такая политика вызывает острую конкуренцию со стороны других развитых стран, где появляются свои победители и побеждённые. Держава, преуспевшая в такой конкуренции, становится не только основным актором исторического процесса, но и центром интернационализации и интеграции сфер общественной жизни разных народов. В последние четырёх десятилетия на Западе эстафета ведущей державы переходила от одного государства к другому — Португалия, Испания, Франция. В XIX в. эту роль лидера выполняла Великобритания, затем Германия, а в начале XX в. их стали вытеснять США. Чем ближе к современности, тем больше история превращается во всемирную историю, тем более выраженной становится ведущая роль исторического лидера в интернационализации и интеграции общественной жизни народов, вовлечённых в единый мировой исторический процесс. Последствия включения стран периферии и полупериферии в сферу влияния великих держав может быть разными. Чаще всего это оборачивается ограблением потенциала развития этих стран, что приводит к их деградации и лишению исторической перспективы. Но при определённом благоприятном стечении обстоятельств, включая и помощь ведущих держав в экономическом и культурном прогрессе народам периферии (разумеется, мотивом такой помощи оказываются не филантропические побуждения, а исключительно собственные экономические и геополитические соображения) [7], отдельные страны из группы инфериоров могут не только дотянуться до уровня передовых, но и перешагнуть в другую историческую эпоху и войти в общество новых супериоров. В то же время некоторые государства из сердцевины мир-истории могут быть вытеснены на полупериферию или даже периферию исторического процесса. Поскольку переход человечества от одной формации к другой не всегда происходит внутри одного и того же социального организма, а в масштабах всего человечества, центр мир-истории и периферия могут перемещаться [7]. Это означает, что центр интернационализации и интеграции общественной жизни, т.е. глобализации, меняется в ходе истории и далеко не всегда в пределах одной

цивилизации. Ведущая держава, преобразуя мир «по своему образу и подобию» (Маркс), определяет не только содержание, но и форму глобализации. Безусловно, прав Ю.Д. Гранин, который отмечает, что глобализация не может редуцироваться к одной из своих сторон, а должна «рассматриваться как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий своё содержание и формы» [7, с. 54].

Среди исследователей получила признание точка зрения Вл. Иноземцева, который выделяет две формы глобализации — вестернизацию и американизацию [8]. Первая началась с середины XV в. экспансией европейских держав и перестройкой мира в соответствии с «западной» моделью общества. Завершается вестернизация в 60-х гг. XX в. Вторая форма глобализации возникает в середине прошлого столетия, но рельефно проявляется в конце XX и начале XXI в. Учитывая, каким образом появились государства Нового Света, можно сказать, что американизация как форма глобализации есть разновидность вестернизации. В воззрениях Вл. Иноземцева явно выражен европоцентристский подход к мировой истории, что проявляется и в его чрезмерной идеализации колониальной политики европейских держав. Читая Вл. Иноземцева, невольно возникает ощущение, что европейские колонизаторы завоёвывали обширные территории в различных частях земного шара исключительно ради того, чтобы цивилизовать народы мировой периферии, и немало преуспели в этом [4, с. 66–69]. Однако более существенной ошибкой концепции российского учёного является полное игнорирование им роли нашей страны в мировом историческом процессе и глобализации XX в.

Ещё в XIX в. Маркс и Энгельс часто обращали своё внимание на Восток, на Россию, куда, по их предположению, должен был перемещаться центр мирового исторического процесса. В XX столетии оправдались прогнозы Энгельса относительно того, что революция в России изменит лицо Европы [10, с. 549; 16, с. 123–124]. Заметим, что события в нашей стране оказали влияние не только на историю Европы, но и на судьбы многих народов Азии, Африки, Латинской Америки. Революцию в России нельзя рассматривать вне контекста мировой войны, которая была первым проявлением глобального кризиса капиталистической цивилизации. Принято считать, что Февральская революция в России потерпела поражение не только из-за недостатка политического опыта русской буржуазии. Представляется, что дело не только в этом. В условиях глобального кризиса капитализма буржуазная революция была запоздалым явлением и она не была в состоянии решить на-

копившиеся проблемы страны. Как свидетельствуют революции в России, Германии, Венгрии, человечество судорожно искало новые пути развития, новые радикальные методы разрешения поразивших общество противоречий. По мнению И. Валлерстайна, русская (октябрьская) революция была революцией в полупериферийной стране, которая с конца XIX в. устойчиво скатывалась на периферию мирового исторического процесса. Существовала реальная угроза не просто распада империи, но и потери российской государственности. В результате революции, как отмечает И. Валлерстайн, к власти пришли государственные управленцы, которые сумели обратить вспять эту негативную тенденцию, так что через пятьдесят лет страна оказалась в центре мирового исторического процесса [3, с. 51]. Такова же оценка и Д. Белла, который считал, что в конце 60-х — начале 70-х гг. СССР и США были двумя разновидностями постиндустриального общества [1]. Большевики предложили другую парадигму исторического процесса, основанную на ином социальном идеале, ориентированном на народ, на защиту интересов простого человека, что и вызвало массовую поддержку власти. Можно сказать, что советская власть, опираясь на революционную энергию и деятельный энтузиазм масс, действовала в соответствии с законом роста основательности истории.

После окончания Второй мировой войны человечество вступило в эпоху «холодной войны» с двумя центрами военно-политического и идеологического противостояния: на Западе — США, на Востоке — СССР. Каждая из сторон пыталась расширить зону своего влияния и преобразовать мир по своему образу и подобию. Так что к середине XX в. наряду с существовавшей глобальной системой капитализма появляется мировая система социализма, в сфере влияния которой в 60-е гг. оказалась группа стран третьего мира, избравших некапиталистический путь развития. Таким образом, влияние этих двух систем выходило за рамки географической зоны Запада и Востока и обрело глобальный характер. Можно сказать, что сформировавшийся в середине XX в. биполярный мир характеризовался существованием двух центров интернационализации и интеграции, двух противоборствующих глобализационных тенденций, в основе которых лежали разные представления социального идеала, сущности человека, смысложизненных ценностей, перспектив развития человечества. Фактически существовали две разные противостоящие друг другу формы глобализации. Обе модели не имели конкретной цивилизационной, конфессиональной, культурной привязки и потому в равной степени претендова-

ли на универсальность. Периодически происходящие в ту пору обострения международной напряжённости в мире, возникновение очагов кризиса в разных регионах земного шара (Европа, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка, Центральная Азия) были чаще всего обусловлены тем, что одна из сторон пыталась изменить сложившиеся геополитические зоны влияния. Рискую навлечь на себя гнев отечественных либералов, смею утверждать, что активной стороной в этих эксцессах чаще всего выступал Запад, реализуя в годы «холодной войны» в разных вариантах доктрины «сдерживания коммунизма» (Трумэн, Кеннан) и «отбрасывания коммунизма» (Даллес, Эйзенхауэр). Откровения на этот счёт можно обнаружить у многих американских политиков [2]. Изложенное даёт основание сделать вывод, что сущностью «холодной войны» было противоборство двух глобализационных процессов, которые и определяли динамику мировой истории во второй половине XX в. Они не только сосуществовали, но и зависели и влияли друг на друга. Глобализация мира происходила через глобализацию двух мировых систем, каждая из которых, как уже отмечалось, претендовала на универсальность. Претензии одной опирались на трёхсотлетнюю историю, благодаря которой капитализм стал глобальным, на представление о неизменной сущности человека, на его неизменные жизненные мотивы: индивидуализм, жадность, корысть и т.д. Претензии другой обосновывались «железной» логикой исторического процесса, признанием развития человеческой сущности в ходе истории, социальной обусловленности жизненных мотивов человека. Первая видела в глобализации способ превращения настоящего в будущее всего человечества, не допуская в будущем альтернативы настоящему. Вторая, напротив, основывалась на убеждении в существовании альтернативы капиталистическому настоящему, рассчитывала содействовать ходу истории и таким образом воплотить будущее в настоящее. Существование двух различных интеграционных центров *не* даёт основания определять форму глобализации во второй половине XX в. как исключительно вестернизацию или американизацию, ибо «цивилизаторская» политика СССР в зоне своего влияния не сводилась ни к вестернизации, ни тем более к американизации. «Россия, — отмечает В.Б. Пастухов, — уникальный, особый мир культуры, отличающийся от Запада и Востока. Она имеет смешанную природу, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала» [13, с. 106]. История России — это история столкновения этих двух начал, обуславливающая в конечном счёте раскол на

«западников» и «славянофилов», не преодоленный до сих пор. Советский коммунизм представлял собой аномальное явление («случайная страница в мировой истории» — Р. Рейган) лишь с точки зрения людей, сформировавшихся на почве западной культуры и её смысложизненных ценностей. В действительности он опирался не только на глубокие исторические традиции России, но и на фундаментальные теоретические разработки крупнейших европейских мыслителей. Представляя новый тип российской культуры, русский коммунизм воплощал в себе единство «европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности» [13, с. 114]. Эта новая культура должна была окончательно сформироваться в результате построения общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [9, с. 447]. Успешная реализация этого социально проекта способствовала бы решению двух задач. Во-первых, преодолевался многовековой раскол российского общества. Во-вторых, на территории уникального евразийского государства возникала универсальная модель общества, являющегося основой альтернативной капитализму формы интернационализации и глобализации. В этой связи устранение СССР означало не только ликвидацию опасного политического конкурента США (и в целом Запада) в процессах глобализации, но и разрушение тех социально-политических и мировоззренческих скрепов, удерживающих громадную евразийскую империю от распада. В этом контексте развал СССР был действительно невиданной геополитической катастрофой. Не вдаваясь в сложную проблему о причинах этой катастрофы, представляется необходимым отметить следующее. Развал Советского Союза в немалой степени был обусловлен нарушением властями базового принципа социального проекта Маркса («свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»). В условиях «холодной войны» и жёсткого противостояния с Западом советское руководство вынуждено было основное внимание уделять обеспечению государственной безопасности (защите коллективного интереса), основные силы и средства тратить на защиту геополитических интересов страны в соревновании двух форм глобализации. Интересы отдельного человека уходили на второй план или вовсе оказывались вне поля зрения политических субъектов. Это не могло не привести к разочарованию масс, отчуждению народа от власти и в конечном счёте восстановлению былого раскола общества, что в немалой степени способствовало развалу страны.

Список литературы

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Асаademia, 2004. 788 с.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические ориентиры) / пер. О.Ю. Уральской. М.: Междунар. отношения, 1998. 216 с.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
4. *Глобализация: учебник* / под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2008. 543 с.
5. *Гобозов И.А.* Глобализация и примитивизация общества // *Философия и общество*. 2009. № 2. С. 5–19.
6. *Гобозов И.А.* Несостоявшийся мультикультурализм // *Философия и общество*. 2011. № 3. С. 5–20.
7. *Гранин Ю.Д.* «Глобализация» или «вестернизация» // *Свободная мысль*. 2013. № 1. С. 51–64.
8. *Иноземцев Вл.* Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // *Вопросы философии*. 2004. № 4. С. 58–69.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 4. С. 419–459.
10. *Маркс К.* Письмо Лауре и Полю Лафарг от 5 марта 1870 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 32. С. 545–550.
11. *Мусаелян Л.А.* Исторический процесс и глобализация (Законы истории, демократия, «цветные революции», глобализация) // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. Вып. 4(16). С. 5–12.
12. *Мусаелян Л.А.* Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. Вып. 4(10). С. 32–48.
13. *Пастухов В.Б.* Государство раскольников. Карма российской власти // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 105–117.
14. *Семёнов Ю.И.* Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // *Философия и общество*. 1997. № 1. С. 156–217.
15. *Семёнов Ю.И.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // *Философия и общество*. 1998. № 3. С. 190–233.
16. *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 19. С. 122–124.

**HISTORICAL PROCESS AND GLOBALIZATION METHODOLOGIAL
(globalization: essence, content, form and anthropological bases)**

Lyeva A. Musayelyan

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The research of relation between historical process and globalization is continued in the article [11]. Phenomenon of globalization is very complexity one. So, there are many different approaches to the understanding of globalization essence in the literature. The definition of globalization provides and relationship of globalization with one of the fundamental laws of mankind development – increasing solidity of the historical process reveals in the article. Also, anthropological bases of globalization is researched. The contents of globalization phenomenon is analyzed. The connection of globalization with the internationalization and integration of the social life of mankind is found out. Uneven and contradictory nature of historical process is researched. The mechanism of globalization and changing of its forms in history are explored. The various forms of globalization in the twentieth century are discussed in the article. The Russia's place in the historical process in the last century is analyzed in the final part of the paper.

Key words: historical process; globalization; law of increasing solidity in history; internationalization; integration; development of human essence; forms of globalization; westernization; the Soviet Union.

УДК 101.1:316.4

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УТОПИЧЕСКОГО И РЕАЛИСТИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Логиновских Татьяна Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

e-mail: docent-lta@mail.ru

Основная идея статьи заключается в том, чтобы представить общество как целостную систему, в которой можно обнаружить диалектику утопических и реалистических тенденций. Используя философско-методологический инструментарий, автор выстраивает систему категорий, которые и раскрывают сущность проблемы. Социальный процесс как движение, развитие, изменение общества всегда сопровождается формированием новых представлений, идей, взглядов, которые адекватно отражают социальную действительность. Это реалистическая тенденция в социальных процессах. Утопическая тенденция в социальных процессах имеет место в случае неадекватного отражения социальной реальности. При исследовании обеих тенденций выявлена необходимость определения сущности социальных иллюзий. В социальный процесс включены как субъект-объектные, так и субъект-субъектные отношения, которые определяют специфику познания общества. Задача философии заключается в выявлении сущностных оснований реалистической и утопической тенденций в обществе.

Ключевые слова: социальный процесс; социальное познание; утопическое; реалистическое; общественный идеал; социальные иллюзии; социальный эксперимент; субъект-исследователь; инновации; субъект-субъектные отношения; субъект-объектные отношения.

В социальной философии предметом исследования является общество как системное целое, социальные процессы в единстве их структурных элементов, сфер, направлений. Основания для рассмотрения общества как целостности у каждого исследователя имеются свои, существует и собственный критерий, который определяет различные формы, типы государства и общества. Обратимся к Платону. Модель его идеального государства создавалась на конкретном основании, а именно на идее блага. В механизме реализации этой идеи главную роль Платон отводил душе, состоящей из трех частей: разумной, вожделеющей, аффективной. Модель платоновского идеального государства широко известна. Мы хотим подчеркнуть, что в этой модели есть как утопические, так и реалистические аспекты, характеризующие общество в целом. Например, сама идея всеобщего блага утопична, но идея преобразования общества с целью совершенствования и улучшения жизни граждан полиса вполне реалистична.

«Новая Атлантида» Ф. Бэкона — это модель идеального государства новой формации и новой эпохи. Общество представлено здесь как системное образование двух противоположных тенден-

ций: утопической и реалистической. «Новая Атлантида» — это, с одной стороны, воображаемое, иллюзорное построение, с другой стороны, в ней отражены реальные процессы и явления, имеющие место быть в период творческой деятельности и жизнедеятельности Ф. Бэкона.

К. Маркс во введении «К критике политической экономии» обозначил модель общественного развития как систему взаимодействия общественного бытия (экономический базис) и общественного сознания (духовная сфера общества). Маркс убедительно показал тенденции развития капиталистического общества, которые неизбежно ведут к его кризису. Вместе с тем проект великого немецкого мыслителя нередко рассматривается его последователями как «линейный», исключающий возможные альтернативы исторического процесса — и уже потому утопичный. Однако при внимательном прочтении работ основоположников марксизма становится ясно, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс учитывали альтернативность истории, объективное существование случайностей, многовариантности путей развития общества. Эта альтернативность тем более очевидна с позиций сегодняшнего дня.

В истории философской мысли помимо названных существует множество теоретико-философских концепций, представляющих общество как систему взаимодействующих и взаимосвязанных утопических и реалистических элементов, начиная с Античности до наших дней. Итак, общество можно представить как систему диалектически взаимосвязанных и взаимодействующих реалистических и утопических форм сознания и практик.

Для раскрытия содержания данной идеи необходимо обозначить систему категорий, представляющую сущностную характеристику всей концептуальной системы, в которой одно из главных понятий — социальный процесс.

Социальный процесс — философская категория, обозначающая общество в целом как систему функционирования, развития, взаимосвязи всех сфер общества (экономической, политической, социальной, духовной, экологической и других), как движение, изменение, преобразование внутренних и внешних общественных структур. Социальный процесс — это прежде всего изменение состояний социального субъекта и социального объекта на каждом этапе общественного развития, последовательное движение и преобразование социокультурного пространства, в котором социальный субъект создает свой собственный жизненный мир и мир социальный. Социальному субъекту как творчески деятельной личности принадлежит основная роль в социальных процессах в смене состояний общественного бытия, формировании духовного опыта народа, религиозных верований, научных парадигм, философско-мировоззренческих взглядов, идей, концепций.

Социальный процесс можно представить как смену бессознательной эволюции природы сознательным развитием социального субъекта. Происходит постепенное самоосвобождение людей от природной стихии на долгом, противоречивом пути к свободе и самосовершенству, гармонии духа и природы [3, с. 6].

Следующий этап развития социального субъекта связан с формированием субъектности как высшей формы субъективности. Субъектные качества социального субъекта — это способность к самоопределению, самостоятельности, самоуправлению, нормотворчеству в реализации социально значимых интересов и целей.

Важно подчеркнуть роль понятийного мышления субъекта как инструмента «созревания» логико-абстрактного мышления, способного к критическому осмыслению социального объекта. Соци-

альный объект как один из структурных элементов социального процесса всегда находится в состоянии вариативности, изменения и развития. По-другому быть не может. Рефлексивность мышления как когнитивная основа развития социума по существу является источником смены состояний социальной реальности, сфер общества, социокультурного пространства. Кроме того, критическое осмысление социального порядка, в котором находится человек, приводит людей к самообновлению путем обновления ими предметного мира богатства, форм деятельности, мышления, социальных связей и отношений.

Необходимость перемен в обществе для социального субъекта выражается в создании мыслительных проектов будущего общества, идеальной модели как единства утопических и реалистических идей, принципов, форм воображения, иллюзий, реальных и исторических практик.

Логика развития основной мысли статьи приводит нас к необходимости раскрытия содержания категории «утопия». «Утопия» как философско-социальный термин давно известна в литературе. Существующие дефиниции «утопии», широкий разброс мнений по содержанию, функциям и роли в историческом процессе подтверждают неоднозначность и сложность данного феномена. Как подчеркивает В. Чаликова, «власть утопии — это власть символа над человеческой жизнью, вторичная реальность, соединяющая несоединимое: науку и легенду» [9, с. 5].

Наша задача — не исследование утопии вообще, а стремление ограничиться ее дефиницией, рассмотрев утопию, точнее, утопическое как феномен в структуре социального процесса. Сущностью утопии, по-видимому, являются желаемые, но мало реализуемые идеальные образы будущего идеального общества. Это идеальное общество есть как бы идеальный образ, существующий в сознании людей. Предметный аналог данного образа существует в действительности, но в образе он представлен частично, другая часть (или части) конструируется в воображении как вымысел, как нечто желанное, должное. Эта часть образа (как элемент больше психологический, а не реальный, рациональный) становится общеструктурным, становится целым в конструировании структурных элементов общества — утопическое идеала [1, с. 5].

Э.Я. Баталов считает, что сущность утопического идеала следует искать в способе его продуцирования. Идеал как образец, высшая социальная цель, в соответствии с которыми человек

строит свою деятельность, может полагаться (продуцироваться) разными способами — обстоятельство, имеющее первостепенное значение для понимания специфики утопии как феномена сознания и культуры [1, с. 16].

Идеал может полагаться субъектом в соответствии с объективными законами социального движения, т.е. выводиться из действительных тенденций развития конкретного общественного организма, реализация которых становится осознанной потребностью определенной части общества. В этом случае идеал выступает как образ необходимого (совпадающего с желанным) состояния общества, возникающего в результате разрешения существующих противоречий. Этот идеал рождается из свободного, ничем как будто не ограниченного воображения. Утопическое сознание стремится освободиться от «тирании» необходимости, подняться над временем и над историей. По мнению В.И. Мильдона, «утопия считает возможным обрести потерянный рай, навсегда искоренить зло — в этом заключается спасение человечества» [8, с. 21].

Можно определить утопию как произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы. Это могут быть проекты отдельных идеальных конструкций во всех сферах общества, имеющих мысленно-абстрактную природу, иногда не связанную с социальной практикой и опытом.

Мировоззренческой основой утопии могут быть такие философские направления, как скептицизм, критицизм, рационализм, агностицизм. В современной теории социального познания отмечают следующие особенности утопии: плюралистичность как отражение различных моделей утопических идеалов в рамках одного общества, усиление критического начала. Кроме того, современная утопия делает акцент на критике настоящего, прошлого, ориентируется на внешние ценности, отрицает позитивные аспекты собственной истории и культуры, видит в ней только негативные стороны явлений и событий. Например, эпоха социализма в нашей стране подверглась тотальной, зачастую необоснованной критике. Некоторые авторы считают, что происходит психологизация утопии, акцентируется внимание на анализе внутреннего мира человека. Современная утопия расширяет объект критики и идеала. Происходит вытеснение утопии из социально-политической сферы в социокультурную [5].

Реалистический аспект невозможно понять без анализа понятия «реальность». Приводить суще-

ствующие в философской литературе точки зрения на данное понятие вряд ли целесообразно. Нам представляется, что одно из убедительных определений «реальности» дает Г. Гегель в «Энциклопедии философских наук»: «...качество как сущая определенность в противопоставлении содержащемуся в нем, но отличному от него отрицанию есть реальность». И далее: «Если мы рассматриваем наличное бытие как сущую определенность, то мы тогда имеем в нем то, что понимают под реальностью. Так, например, говорят о реальности некоторого плана или некоторого намерения и понимают под этим то, что план, или намерение, уже есть нечто внутреннее, субъективное, а получил наличное бытие. В том же смысле можно так же назвать тело реальностью души и право — реальностью свободы или всю Вселенную вообще — реальностью божественного понятия» [2, с. 229].

На наш взгляд, реалистическое есть действительное, конкретно-значимое «наличное бытие», жизненный сплав сущности (идеи) и явления.

Мы полагаем, что социально-исторический процесс в философско-мировоззренческом измерении представляет единство и противостояние двух противоположных тенденций в обществе: реалистических и утопических, отражающих сложную, противоречивую социальную действительность во взаимосвязи и взаимодействии всех сфер общественного процесса. Одним из источников формирования данных тенденций является творчески-преобразовательная деятельность социальных субъектов, детерминированная специфическими сторонами как самого социального субъекта, так и спецификой социального объекта. Способность социального субъекта к критическому осмыслению социальной действительности порождает как утопические идеи и принципы, так и вполне реалистические идеи и принципы, основанные на реальном, не воображаемом, жизненно-практическом опыте. Единство того и другого (реалистического и утопического) создает целостную картину социальной жизни, отражает сложную взаимозависимость и взаимодействие общественного бытия и духовной жизни общества, полифонию социальных связей и отношений. В результате целеполагающей и креативно-творческой деятельности мышления социального субъекта формируется когнитивное знание о социуме, содержанием которого являются разноплановые идеи, понятия, принципы.

Мыслитель, создающий модель идеального утопического общества (Платон, Т. Мор,

Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, К. Маркс), выступает не только в роли философа, писателя, но и осуществляет главную свою ролевую функцию — субъекта социального познания. И в этом качестве философ создает новое социальное знание, содержащее компоненты как реалистического, так и идеально-утопического характера. Утопическое сознание — это сознание креативное, проективно-творческое, следовательно, воображение, иллюзии, вымысел составляют важную часть утопии.

Утопия — теоретический проект идеального социума как системы или отдельных ее составляющих сфер, явлений, форм, состояний, содержащий компоненты воображения и иллюзий. Мы полагаем необходимым рассмотреть такие категории, как воображение, иллюзии, креативность сознания в рамках обозначенной проблемы, чтобы показать новые аспекты утопического сознания, ранее не рассматриваемые в социально-философских науках.

Понятия «утопическое сознание» и «иллюзорное сознание» взаимосвязаны. Понятие «иллюзия» в переводе с латинского языка означает обман, поверхностное представление, чистая фантазия, самообман, вместо трезвого взгляда на жизнь. К генетически исходным основаниям в появлении иллюзий (впрочем, как и в утопии) прежде всего мы бы отнесли воображение как сущностный элемент ментального, обладающего творческой природой. В немецкой классической философии ведущее место в осмыслении творческого воображения, как известно, принадлежит И. Канту.

Кант обозначил синтез многообразного в воображении как трансцендентальное, если он априори направлен на связь многообразного и это есть чистая форма всякого возможного познания. Воображение — деятельная способность синтеза этого многообразного, но для схватывания этого многообразного, которое сводится в один образ, необходимо субъективное основание для того, «чтобы душа, переходя от одного восприятия к другому, вызывала вновь предыдущее восприятие, связанное с последующим, и таким образом создала целые ряды представлений» [6, с. 649]. Воображение, утверждает Кант, есть способность априорного синтеза, поэтому мы называем его творческим воображением. Чувственность и разум необходимо должны быть связаны между собой при посредстве трансцендентальной функции воображения.

Профессор С.З. Гончаров замечает, что априорность синтеза продуктивного воображения состоит в том, что эмпирический предмет помеща-

ется в поле однородного пространства и времени, сбрасывает свои чувственные модальности, единичные эмпирические черты и выступает исходным материалом для продуктивного воображения. Продуктивное воображение перерабатывает этот материал таким образом, что порождает способ духовного производства предмета. Этот способ закрепляется в форме правил последовательных действий конструирования идеального предмета [4, с. 40].

По нашему мнению, можно дать следующее определение: социальные иллюзии — это образы бытия, возникающие в процессе практического опыта, деятельности, познания человеком мира, в содержании которых находятся неадекватные представления о мире, обществе, человеке, о себе самом. Неадекватные представления — это представления, не согласующиеся, не соответствующие, не соразмерные вещам, объектам, реальным фактам и событиям. В основе неадекватных представлений находятся заблуждения как мысль или ход мыслей, относительно которых хотя и существует уверенность, что они правильны, тем не менее они не соответствуют истине, фактическим обстоятельствам, предметам. Это можно назвать материальной ошибкой. Существует еще и формальная ошибка, когда представление или мысль не соответствует или противоречит логическим законам.

Социальный субъект как субъект социального познания является носителем проективного сознания, важнейшим компонентом которого является воображение. Именно воображение в силу своей творчески-креативной природы дает основание для полета мысли, выхода за пределы предметности и эмпирии в область трансцендентного, создавать идеальные модели социально-политических, художественных, научных, экономических конструкций. Следует заметить, что субъект-мыслитель действует в рамках теоретического социального познания, продуцирует новое социальное знание. В его концепции соединены как компоненты реалистического познания, так и компоненты утопии. По-другому быть не может: креативность сознания является условием и генетическим основанием как творческой природы мышления, так и иллюзорно-утопического видения мира. Сущностное понимание категории креативности рассматривает В.А. Яковлев в своей статье «Метафизика креативности» [11, с. 47]. Мы разделяем позицию автора, который определяет креативность как априорную (трансцендентальную), т.е. первичную, ни от чего не завися-

щую функцию, которая порождает все структуры. Трансцендентальная функция креативности обнаруживает всю глубину и сложность когнитивного подхода к проблеме взаимодействия реалистического и утопического.

На наш взгляд, необходимо рассматривать соотношение утопического и реалистического в рамках форм и уровней общественного сознания. Мы полагаем, что формирование утопических проектов и идей происходит только на теоретическом уровне общественного сознания. Уровень обыденно-повседневный трансформирует идеи утопических проектов в нечто доступное для индивида, находящегося в пространстве жизненного опыта и деятельности. Тем самым индивид создает мир иллюзий, в котором ему комфортно, в который ему хочется верить и максимально приблизить его к себе. Но не следует забывать, что мир повседневной реальности вступает в противоречие с миром иллюзорных образов, вследствие чего возникают конфликты разного порядка, уровня, глубины. По нашему глубокому убеждению, в обществе на различных уровнях социального бытия, общественного сознания, духовной жизни общества, во всех сферах коллективной и индивидуальной жизни мы можем обнаружить диалектику утопического и реалистического. В качестве примера можно рассмотреть такой социальный феномен, как реклама. Являясь социальным продуктом современности, реклама демонстрирует единство утопического и реалистического. Как социально значимый проект, реклама представляет собой систему идей и принципов, обоснованных научными достижениями и практикой. Это наиболее важная часть рекламы, отражающая реалистический аспект теоретического проекта. Но вместе с тем в любой рекламе есть и момент утопического аспекта, отражающего элемент желаемого, воображаемого, не связанного с непосредственной социальной реальностью. Например: «От всех болезней спасет таблетка панангина!». Конечно, от некоторых болезней может и спасет, но не от всех.

Единство реалистического и утопического аспектов в научном познании демонстрирует и другой пример из истории науки. Великий русский ученый К. Циолковский, как известно, сформулировал гипотезу об освоении космического пространства, которая вызвала скептическое к ней отношение. Самого Циолковского называли мечтателем и утопистом. В научно-теоретических исследованиях К. Циолковский выступает как субъект-мыслитель, деятельность которого была на-

правлена на объект малоизученный и очень сложный. Это одна из причин появления утопического элемента в структуре научно-познавательной деятельности. Вместе с тем, опираясь на уже достигнутые реальные результаты в сфере научного знания, опыта, практических достижений в науке, К. Циолковский сформулировал гипотезу об освоении космического пространства с помощью космических кораблей. Очевидно, что его проект в своей структуре содержит как элементы реальных научных исследований, так и компоненты иллюзорно-утопического сознания.

Феномен диалектики реалистического и утопического имеет и праксиологический аспект. Социально-философский смысл данного феномена мы можем обнаружить в понятии «социальный эксперимент». Социальный эксперимент как форма преобразования общественных отношений в контексте соотношения реалистического и утопического выступает как вид инновационных практик, как форма инноваций во всех сферах общества. Однако, следует понимать, что когнитивной проработки, даже при формальном соблюдении всех инновационных требований, любая социальная технология при всех своих позитивных целях способна ухудшить ситуацию [8, с. 96].

Познание общества осуществляется многими средствами и способами с целью более глубокого изучения закономерностей развития общества, его свойств и отношений. В конечном итоге целью социального познания является получение знания, использование этого знания для научного и философского анализа перспектив общественного развития. Определенная роль в стратегии поиска истинного социального знания принадлежит социальному эксперименту как специфическому методу познания и освоения социальной действительности с целью решения исследовательских задач по совершенствованию условий, сторон реальной жизни общества или поиска альтернативных форм жизнедеятельности людей. Метод социального эксперимента может рассматриваться как важное средство измерения истинности и практической применимости теорий общественного переустройства. При внимательном анализе в каждом осуществившемся социальном эксперименте обнаруживаются моменты как утопии, так и реальности, хотя и в разных пропорциях.

Специфику социального эксперимента можно правильно понять только при рассмотрении его в системе детерминации общественной практикой и познанием. Будучи средством познания и проверки социальных теорий путем предметно-

практического преобразования действительности, социальный эксперимент оказывается обусловленным типом общественного строя, спецификой социальных объектов, методологий и методикой их изучения и преобразования [10, с. 81].

Развитие общественно-исторической практики и мировой культуры показывает, что в истории человечества было проведено множество социальных экспериментов. В основе их, с одной стороны, лежали идеи утопистов, трансформируемые в сознании людей как идеальный образ будущего общества. С другой стороны, это было конструирование принципиально новой социальной реальности.

В основе реальных социальных экспериментов в философско-гносеологическом плане лежат образы будущей социальной реальности, представленной в различных формах конструктивных связей и отношений. На любой из стадий становления и реализации эксперимента присутствует идеал будущей реальности, этим идеалом может быть новый образ жизнедеятельности субъекта, новая модель экономических отношений и т.д. Общественный идеал многовариантен, различные его формы представлены как в коммуникативных, так и в реалистических социальных экспериментах. В одних случаях он представлен в утопически-иллюзорных образах, предметный мир в них отражается через призму иррационального, неземного, недоступно-желанного. В основе своего социального эксперимент, как было уже сказано, проектирует образ будущей социальной реальности. Но в проектировании новых социальных связей участвует не только логическое мышление, но и весь спектр чувственно-психологических образов.

На наш взгляд, критерием разграничения двух классов экспериментов является способ построения и освоения действительности. Реалистические социальные эксперименты строятся на иной теоретической и практической основе. Имеется в виду та система предположений, которую необходимо апробировать на практике.

Реалистические социальные эксперименты — та группа социальных экспериментов, которые проводятся в различных областях социальной жизни, цель которых исследование инновационных процессов на практике. Особенностью таких социальных экспериментов является максимальное приближение к реальной жизни, адекватное отражение тех социальных связей и отношений, явлений действительности, которые необходимо исследовать и преобразовать в ходе эксперимента. Другой особенностью таких экспериментов является локальность, ограниченность во времени

и пространстве. Другими словами, реалистический социальный эксперимент — это часть общественно-исторической практики, но не вся практика.

Утопические социальные эксперименты — группа экспериментов, цель которых — утверждение социальной реальности, модель которой слабо связана с реальной жизнью. Особенностью такой группы социальных экспериментов является в большей степени иррациональность утопического сознания, оторванность от реальной жизни, внеисторичность. Критерием различия двух классов экспериментов может служить принципиально различное соотношение в них иррационального и рационального компонентов. Итак, исходя из общего принципа разделения социальных экспериментов на два больших класса, существует необходимость разобраться в том круговороте событий сегодняшнего дня, который поставил перед всем миром вопрос: чего же было в истории нашего общества больше: утопических экспериментов или фундированных социальной реальностью исторических событий. Подведем итог нашим рассуждениям:

1. Социальный процесс следует понимать как систему функционирования, развития, взаимосвязи всех сфер общества (экономической, политической, социальной, духовной, экологической и других), как движение, изменение, преобразование внутренних и внешних общественных структур. Социальный процесс — это и модель общества, в которой мы можем обнаружить утопические и реалистические элементы.

2. В работе дано определение утопического и реалистического исходя из современных философско-методологических принципов и оснований.

3. Современное общество в своем развитии представляет единство и различие утопической (иллюзорной) и реалистической форм сознания и социальных практик.

4. Формой инновационных общественных практик выступает социальный эксперимент, который представлен в виде двух классов: утопических и реалистических экспериментов.

5. Утопии и иллюзии неизбежны и вечны, так как существует творческое воображение в структуре познавательной деятельности человека. Отсюда такие свойства сознания, как творчество и креативность. Без этого человек не сможет, да и не захочет жить.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: монография. М.: Политиздат, 1989. 315 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия духа: монография. М.: Мысль, 1977. 480 с.
3. Гончаров С.З. Рабочая программа дисциплины «Философия образования» (ГОС 2000). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2007. 10 с.
4. Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца / Рос. филос. об-во. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 512 с.
5. Захарова К.Н. Современная утопия: основные особенности // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Рос. филос. конгресса (Нижегород, 27–30 июня 2012 г.): в 3 т. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2012. Т. 1. С. 375.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006. 736 с.
7. Кудашов В.И. Роль когнитивных технологий в обществе знания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 92–97.
8. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24.
9. Чаликова В.А. Настоящее и будущее сквозь призму утопий // Современные буржуазные теории общественного развития: сб. ст. / под ред. В.А. Чаликовой. М.: Мысль, 1984. 213 с.
10. Хагуров А.А. Гносеологическая роль социального эксперимента в системе практической деятельности // Философские и социологические проблемы человеческой деятельности: сб. ст. / под ред. А.А. Хагурова. Краснодар; Изд-во Кубан. ун-та, 1984. 168 с.
11. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44–54.

ABOUT RELATIONSHIP OF UTOPIAN AND REALISTIC IN THE SOCIAL PROCESSES

Tatyana A. Loginovskih

Russian State Vocational Pedagogical University; 11, Mashinostroiteley, Ekaterinburg, 620012, Russia

The author represents the society as a whole system, which has dialectic utopian and realistic tendencies. With the help of philosophical and methodological tools, the author constructs a system of categories, which reveal the essence of the problem. The social process as a movement, development, alteration society is always accompanied by the formation of new concepts, ideas, visions, which are either adequately reflect the social reality. Utopian tendency of social processes takes its place as the result of inadequate reflection of social reality. The research of those and other trends, demonstrates the necessity to determine the essence of social illusions. Subject-object and subject-subject relations, which determine the specificity of the knowledge society are included in the social process. The main aim goal of philosophy is to identify the essential foundations of realistic and utopian trends of the society.

Key words: social process; social cognition; utopian; realistic; social ideal; social illusion; a social experiment; the subject-researcher; innovation subject-subject relations; the subject-object relationship.

УДК 14

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМАХ

Окончание. Начало в предыдущем выпуске

Сулейманов Тимур Фуатович

кандидат философских наук,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин

Уфимский филиал Московской государственной академии водного транспорта

450017, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ахметова, 275

e-mail: suleimanov1957@mail.ru

Автор обращается к проблеме творчества как форме самореализации личности и в соответствии с поставленной проблематикой рассматривает историко-философский аспект темы. В статье рассматривается философия творчества Н.А. Бердяева. Показано, что продолжение творения силами человека (теургия) у Бердяева рассматривается в контексте свободы, которая понимается как основа бытия. Всякий творческий акт, по Бердяеву, есть акт конца мира и начала нового преображенного мира одновременно. *Ключевые слова:* личность; деятельность; творчество; самореализация; преобразование природы человека; духовный потенциал.

В социально-философской мысли проблема творчества также нашла должное внимание в работах отечественных мыслителей, прежде всего в трудах великого русского мыслителя Н.А. Бердяева.

В первом томе своей «Истории русской философии», характеризуя русскую философию, В.В. Зеньковский на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий: «...она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [7, с. 18].

В центре творчества Н.А. Бердяева (1874–1948), одного из видных религиозных философов XX в., стоит проблема человека, человеческого, многие аспекты человеческой бытийственности. «Трудно отыскать в истории философии мыслителя, который так напряженно и с такой остротой переживал бы последние, предельные вопросы человеческого существования», — отмечает современный исследователь его творчества [6, с. 3]. «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека — это значит в то же время поставить проблему свободы, творчества, личности, духа и истории», — писал религиозный мыслитель [1, с. 19].

Данные темы, а вместе и ними и вся социальная проблематика освещаются Бердяевым с позиций разработанной им оригинальной философ-

ской концепции христианского персонализма. Отмечая экзистенциалистический и эсхатологический характер своей философии, Бердяев писал: «Я верю лишь в метод экзистенциально-антропоцентрический и духовно-религиозный» [5, с. 5].

Крупный историк философии, профессор Лондонского университета Фредерик Чарльз Коплстон в своей «Истории философии. XX век» отмечал: «...следует упомянуть русского философа Николая Бердяева, который считает себя истинным экзистенциалистом, провозглашая не только, что “дух есть свобода”, но также и то, что “вне христианства нет свободы и царит детерминизм”. Для Бердяева свобода не является естественной для человека, она есть нечто, чего нужно добиться, и добиться ее можно, только вступив в порядок бытия, высший по отношению к естественно-му порядку» [8, с. 143].

С этих позиций во всей социальной философии Бердяева звучит и тема творчества. Необходимо еще раз подчеркнуть, что эта тема освещается им с точки зрения «христианского персонализма (от лат. *persona* — личность), теистического направления современной философии, признающего личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности — бога» [11, с. 472–473].

Взгляды Бердяева в течение жизни претерпели значительную эволюцию. В молодые годы он находился под влиянием марксизма и за пропаганду социализма был сослан в Вологодскую губернию. Затем он переходит на религиозные позиции и вместе с Д.С. Мережковским, В.В. Розановым и др. становится одним из активных участников русского общественно-религиозного движения начала XX в. Но и после отхода от марксизма Бердяев продолжал признавать «правду социализма» в своей христианско-персоналистической интерпретации. Этих позиций он придерживался и в эмиграции после высылки из страны в 1922 г. вместе с большой группой деятелей русской культуры по указанию главы большевистского правительства В.И. Ленина. До 1924 г. Бердяев жил в Берлине, затем переехал в Париж, где прожил до конца своих дней.

Отмечая в себе противоречивое сочетание «аристократического понимания личности, свободы и творчества и социалистического требования утверждения достоинства каждого человека», Бердяев писал: «Мне одинаково близки Ницше и Лев Толстой. Я очень ценю К. Маркса, но также Ж. де Местра и К. Леонтьева, мне близок и мною любим Я. Беме, но также близок Кант» [3, с. 5].

К 1912 г. ориентация Бердяева на православную церковь исчерпывает себя, и он обращается к средневековой германской мистике (Мейстер Эккхарт, Ангелус Силезиус, Якоб Беме), в которой находит основание для своего учения об «антроподицее» в творчестве и через творчество. В феврале 1914 г. Бердяев закончил книгу «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», обозначившую переломный этап в его философской биографии. Именно в ней Бердяев впервые заявил себя как оригинальном мыслителе. Оригинальность мыслителя чувствуется и в стиле его изложения: «В литературной манере Бердяева есть некоторые трудности, часто читателю трудно уловить, отчего данная фраза следует за предыдущей: порой кажется, что отдельные фразы можно было бы легко передвигать с места на место, настолько неясной остается связь двух рядом стоящих фраз» [7, с. 343].

Оригинальность философии Бердяева обусловлена отказом от «теодицеи» как традиционной проблемы христианского сознания, отказом признать завершенность творения и откровения. Человек решительно поставлен Бердяевым в центр бытия, первичность которого, описываемая в категориях статичной трансцендентной онтологии, была радикально оспорена.

Центральным положением «смысла творчества» стала идея откровения человека в ходе совме-

стного с Богом продолжаемого творения (теургии). Здесь безусловна переключка с учением о «Богочеловечестве» Вл. Соловьева и темой «активного апокалипсиса» Н.Ф. Федорова [10, с. 56]. Но своеобразие Бердяева выражается в том, что его «теургия» включает аспект «свободы», оставленный без внимания его предшественниками.

Творчество, по Бердяеву, есть способ позитивного самоопределения «свободы» не как выбора и самоопределения личности в мире, а как «безосновной основы бытия», над которой не властен Бог-творец.

Современное понимание творчества как высшей формы активности и ключевой деятельности человека, создающей новые материальные и духовные ценности, расширяющей и преобразующей среду его обитания; способности к созданию новых реальностей и одновременно к самосозданию имело у Бердяева иной смысл. Наиболее полно природу творчества, и именно с позиций своей христианско-персоналистической философии, он представил в сочинении — «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», которая «имеет уже задачи систематические» [7, с. 342]. «В жизненном источнике этой книги и этой религиозной философии заложено совершенно исключительное, царственное чувствование *человека*, религиозное осознание Антропоса как Божественного Лика... Много писали оправданий Бога, теодицей. Но наступает пора писать *оправдание человека — антроподицею*» [4, с. 24].

Отмечая персоналистский поход Бердяева к сущности творчества, С.Н. Малявин отмечает: «Философ пишет о персонализме, как о качестве, противоположном индивидуализму, который естественен и банален. Реализуясь в обществе, индивидуализм наделяет своим содержанием большинство людей, делая их эффективными производителями. Однако как принцип он лишен творчества и заботится только о воспроизводстве. Индивиды лишь воспроизводят себе подобных и редуцируют общественные отношения, тогда как личности творят и персонифицируют. Все приведенные факты восхождения мировой истории связаны непосредственно с персонализмом и личностями, утверждает Бердяев. Главное отличие личности от индивида в творческом акте первого. Творчество присуще творцу, впервые оно явилось в акте Творения. Личность продолжает творческий акт, руководствуясь исключительно божественным прецедентом, для нее не существует трафарета, всякое действие для нее ново» [9, с. 98–99].

Уже во «Введении» он приступает к анализу творчества с точки зрения рассмотрения духа че-

ловеческого. «Дух человеческий — в плену, — пишет мыслитель. — Плен этот я называю “миром”, мировой данностью, необходимостью» [4, с. 17]. «Мир» этот — не космос, это некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живого. И истинный путь — это путь духовного освобождения от «мира», освобождение духа человеческого из плена необходимости. Это движение в духе, а не в «миру». Упадочному раздвоению мыслей и расслабленному равнодушию к добру и злу нужно решительно противопоставить мужественное освобождение духа и творческий почин. «Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены *творчеством* (курсив наш. — Т.С.)» [4, с. 18], — отмечает Бердяев. Творчество по существу есть выход, исход, победа. Путь творческий — жертвенный и страдательный, но он всегда есть освобождение от подавленности. Бердяев называл себя «сыном свободы», в другой книге подчеркивал: «Я основал свое дело на свободе» [5, с. 254].

По мысли Бердяева, творческая активность человека не имеет своего священного писания, пути ее не открыты свыше человеку. В деле творчества человек как бы предоставлен самому себе, оставлен с собой, не имеет прямой помощи свыше. И в этом, по его мнению, сказалась великая премудрость Божья. «Мы чувствуем *священный авторитет умолчания Евангелия о творчестве*, — отмечает Бердяев. — Божественно-премудро это абсолютное молчание священного писания о творчестве человека. И разгадка премудрого смысла этого молчания есть разгадка тайны о человеке, есть акт высшего самосознания человека. Лишь не достигший высшего самосознания человек ищет оправданий творчества в священном писании и священных указаний о путях творчества, т.е. хочет подчинить творчество закону и искуплению» [4, с. 89–90].

Антропологический смысл творчества раскрывается Бердяевым в следующем суждении. Если бы пути творчества были оправданы и указаны в Священном писании, то творчество было бы послушанием, т.е. не было бы творчеством. Понимать творчество как послушание последствиям греха, как исполнение закона или как искупление зла, т.е. как откровение ветхозаветное или откровение новозаветное, значит отвергать тайну творчества, значит не знать смысла творчества. То, что тайна творчества и пути его сокрыты в Священном писании, в этом — премудрый эзотеризм христианства. Тайна творчества по существу своему эзотерична, она не откровенна, она — сокровенна. Открываться свыше могут лишь закон и искупление, творчество — сокрывается. Открове-

ние творчества идет не сверху, а снизу, это — откровение антропологическое, не теологическое. «*И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества*, — подчеркивает мыслитель, — *сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества*» [4, с. 90].

По мнению Бердяева, само творческое призвание человека не открывается принудительно ни в Ветхом, ни в Новом Завете. Творчество есть дело богоподобной свободы человека, раскрытие в нем образа Творца. «Творчество не в Отце и не в Сыне, — продолжает Бердяев, — а в Духе, и потому выходит из границ Ветхого и Нового завета. Где Дух, там и свобода, там и творчество. Творчество не связано со священством и не подчинено ему. Творчество — в духе пророческом... В духе раскрывается тайна творчества, в духе осознается природа человека, без письмен, без наставлений и указаний свыше. «*В творчестве снизу раскрывается божественное в человеке*, — отмечает он, — *от свободного почина самого человека, а не сверху*» [4, с. 91]. В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве, заложена в человеке, как печать его богоподобия, как знак образа Творца. «*Принудительное откровение творчества, как закона, как наставления в пути, противоречило бы Божьей идее о свободе творца, отображающего Его божественную природу*» [4, с. 90–91], — пишет мыслитель.

Далее Бердяев более категоричен, утверждая, что если бы было откровение свыше о творчестве, откровение, запечатленное в священном писании, то не нужен и невозможен был бы свободный творческий подвиг человека.

Исходя из своего понимания свободы человека Бердяев подчеркивает: «*Человекоподобие Бога в единородном сыне и есть уже вечная основа самобытно-свободной природы человека, способной к творческому откровению*» [4, с. 92]. Бог не открыл свыше, что он хочет свободного дерзновения в творчестве. Если бы Бог это открыл и запечатлел в священных письменах, то свободное дерзновение было бы уже не нужно и невозможно. Истина о свободном дерзновении в творчестве может быть открыта лишь самим человеком, лишь свободным актом дерзновения человека. В этом сокрыта великая тайна о человеке. Творческая тайна сокрывается человеку и открывается человеком. Это — внутренний процесс в Боге.

«Творчество — не допускается и не оправдывается религией, творчество — само религия» [4, с. 100], — отмечает Бердяев. Творческий опыт — особый религиозный опыт и путь, творческий экстаз — потрясение всего существа человека, выход в иной мир. Творческий опыт также религиозен. Как и молитва. Как и аскеза. Творческий опыт — самобытен, у него свои бездонно глубокие корни, он не произведен.

«Мы стоим перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдать свое творчество» [4, с. 101], — отмечает далее Бердяев. В творческом акте должно быть внутреннее самооправдание, и всякое внешнее его оправдание бессильно и унижительно. Человек оправдывает себя перед творцом не только искуплением, но и творчеством. В тайне творчества открывается бесконечная природа самого человека и осуществляется его высшее назначение.

«Человеческая природа, — подчеркивает Бердяев, — творческая, потому что она есть образ и подобие Бога–Творца... Человеческая природа, сознающая свою самость, свое самостоятельное и свободное бытие, должна вечно существовать лишь как творческая. Творящая человеческая природа окончательно оправдывается перед творцом не своим угашением, а творческим своим выражением. Человек должен абсолютно *быть*» [4, с. 102].

Последнее суждение Бердяева органически переплетается с представлениями современного мыслителя — Эриха Фромма, немецкого социолога, философа, социального психолога, психоаналитика, представителя франкфуртской школы, одного из основателей неопрейдизма и фрейдомарксизма: «Человек не может жить без веры. Решающим для нашего и следующего поколений является вопрос о том, будет ли это иррациональная вера в вождей, машины, успех, — или рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности» [13]. В своей работе «Иметь или быть» он также указывает: «Важнейшей предпосылкой для возникновения у человека ориентации на “бытие” (модуса бытия) является *свобода и независимость*, а также наличие критического разума. Главным признаком такого состояния *духа* является активность не в смысле деятельности, в смысле внутренней готовности к *продуктивному использованию человеческих потенций*. “Быть” означает давать выражение всем *задаткам, талантам и дарованиям*, которыми (в большей или меньшей степени) наделен каждый из нас» [12, с. 138].

По мнению Бердяева, человеческая природа, искупленная и спасенная от зла, имеет положи-

тельное человеческое содержание и положительную человеческую задачу. Таким содержанием и задачей может быть лишь творчество. Очищенный, просветленный, творческий экстаз осуществляет назначение человека. Таким образом, антроподицею, т.е. оправдание человека, Бердяев выводит через его творческую деятельность.

Обращаясь к творчеству Н.А. Бердяева, Зеньковский отмечает в нескольких местах своей работы: «...его интересы простирались во все стороны, хотя в основе его очень богатого и разностороннего творчества всегда лежала *моральная* тема... Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист... Романтизм Бердяева окрашен прежде всего моралистически» [9, с. 343–345]. Соотношение творчества и морали предстает у Бердяева в упомянутой книге «Смысл творчества» и в более поздней работе — «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947).

Бердяев в своих размышлениях отрешивается от традиционной христианской морали, считая, что христианская мораль смирения и послушания недостаточна, в ней не все ценности жизни раскрываются. Духовная работа смирения и послушания — лишь моменты пути. Цель, которую должен ставить перед собой человек и все человечество в целом, — творчество новой жизни, потому что христианство, как религия искупления, не выполнило и не выполняет своей миссии — оно не раскрыло и не может раскрыть морального творчества.

«Творчество жизни оправдывают христианской моралью лишь путем безграничного насилия над Евангелием, — пишет Бердяев. — В моральном сознании нового человечества есть творческие ценности, которые не были раскрыты в христианской морали. Эти творческие ценности говорят о восхождении человека, и от них труднее отказаться, чем от опустившегося рационализма, мешающего принять догматы и таинства — от этих ценностей не должно отказываться» [4, с. 226].

Новую творческую мораль нельзя основать на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного — в ней открывается серафическая (высшая ангельская. — Т.С.) природа человека. Поэтому путь христианской морали — через жертву к творчеству, через отречение от мира сего и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни.

В настоящее время человечество, по мысли Бердяева, переживает моральный кризис, который имеет в своей основе положительную тенденцию — в нем прорывается жажда морального

творчества, морали как творчества. «Кризис морализма, — поясняет он, — бунт против закона морального послушания есть также предварение новой мировой эпохи, эпохи творческой. В жизни моральной, как и в жизни познавательной, художественной, половой, новый человек жаждет творить новую жизнь, а не только нести послушание последствиям греха, не только приспособляться к условиям этого мира» [4, с. 230]. Прежняя мораль, подобно всякому закону, скорей изобличала зло, чем творила высшую правду жизни. Ныне мораль перерастает уже закон послушания, изобличающий зло и приспособляющийся к его условиям. Мораль хочет быть творчеством высшей правды жизни и высшего бытия.

В чем сущность морального кризиса? — задается вопросом мыслитель. Кризис в моральной природе проявляется в противоречии общественной морали, которая следует навязанным стереотипам поведения через следование закону и морали индивидуальной, призванной ставить высшие цели. «Сущность эта (морального кризиса. — Т.С.), — указывает Бердяев, — прежде всего в революционном переходе, от сознания, для которого мораль есть послушание срединно-общему закону, к сознанию, для которого мораль есть творческая задача индивидуальности... Но высшая задача человека — творчество новой жизни. Творчество есть проходит через тайну индивидуальности. Творческая мораль не есть исполнение закона, она есть откровение человека. И это откровение человека в моральном творчестве — всегда индивидуально-качественное, а не срединно-общее...» [4, с. 231–232].

Новая творческая мораль должна быть построена на мужественности и на заботе о творческом восхождении. Вечное трусливое дрожание за свою душу, присущее природе религиозного человека прежних времен, унижает его и уничтожает образ Божий в человеке. От ужаса человек готов отказаться от всех творческих ценностей, лишь бы не погибнуть. Как и две морали, Бердяев противопоставляет массовое, нивелированное общинно-общественное творчество неповторимому автономному индивидуальному творчеству. «Всякое понижение ценности, качества, индивидуальности, творчества, — отмечает он, — во имя средне-общинного, количественного, во имя благополучия, устройства и распределения есть грех перед Богом и перед божественным в человеке... И по истине, грядущая в мире творческая мораль, знаменующая великую моральную революцию, — не демократическая, а аристократическая мораль, ибо творчество все в качестве, а не в количестве, в ценности, а не благополучии, в индивидуальном, а

не в средне-общем, в восхождении, а не в распределении, в организме, а не в механизме. Аристократизм — морально-революционен, демократизм — морально-консервативен» [4, с. 233–234].

Дальнейшие рассуждения Бердяева о связи творчества и морали можно свести к следующим положениям:

- бесконечная ценность индивидуальности соединяется с моральным космизмом и универсализмом;

- творческая мораль индивидуальна и космична, в ней творческая энергия индивидуальности переливается в космос, и космос наполняет индивидуальность;

- в творческой морали личное переживается как мировое и мировое как личное;

- творчество — космично, а не хаотично;

- мораль переживает кризис;

- есть два пути выхода из кризиса: устройство «мира» и восхождение из «мира».

Прежняя мораль — мораль послушания выполнила свою миссию, она должна быть преодолена, поскольку в человеке должно совершиться творческое откровение космоса. «Рыцарь свободного духа» (как называли Бердяева друзья и недоброжелатели) указывает, что жизнь в творчестве возможна лишь в Духе: «Только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, освободит от тяжести исключительно отрицательного самосознания. В этике творчества будет вдохновение новой, не бывшей еще жизни. Это — жизнь в Духе. А не в мире, жизнь, духовно свободная от реакций на мир и мирское. Из этики творчества вытекает и новая оценка общественности. Новая творческая жизнь не может двигаться ни вправо, ни влево по линии “мира”, а лишь ввысь и вглубь по линии Духа» [4, с. 239].

Творчество, по Бердяеву, есть создание нового космоса. Творческий акт человеческого духа устремлен к бесконечности, к трансцендентному, которое парадоксально должно быть признано имманентным. Творчество не есть отражение платоновского мира идей в этом чувственном мире, а есть активность свободного духа.

Творчество предполагает материал мира, но оно возвышается над реальностью предметного мира, т.е. из свободы иного «мира». Самое главное идет не от «мира», а от духа. Парадокс творчества состоит в том, что, будучи ноуменальным по своему первоисточнику, оно обнаруживает себя в мире феноменальном. В продуктах творчества просвечивает вечное.

Конкретным механизмом творчества является воображение. Образы художественных творений

ведут реальное существование. «Воображение предоставляет реальный выход из непереносимой реальности». Но ложное воображение, как и сознание, может свергнуть в кошмар.

Творческий экстаз раскрывает мир последней, сокровенной реальности. Прозревается прорывающееся из иного плана мира, то, чего нет в «мире сем», в природной действительности. Творчество человека творит самую жизнь, иной мир. «Природа должна быть очеловечена, освобождена, оживлена и одухотворена человеком. Только человек может расколдовать и оживить природу, так как он сковал и омертвил ее» [4, с. 68].

В творчестве Бог и человек объединяются. Мир есть Богочеловеческое дело. Теургическое творчество приводит к более реальному миру, чем природная действительность. Познавательное отношение в философии всегда считалось приоритетным. Познание — акт дерзновения. Человек меряется своими силами со Вселенной и в акте познания хочет возвыситься над ограниченностью и массивностью мира [4, с. 58].

По Бердяеву, человек познавательльно живет в двух мирах: в мире первичном, экзистенциальном, и в мире объективированном, вторичном.

Для философии творчества, отмечает Бердяев, основным является сознание, что человек не находится в законченной и стабилизированной системе бытия, и только потому возможен и понятен творческий акт человека. Другое основное положение заключается в том, что творческий акт человека не есть перегруппировка и перераспределение материи мира и не есть только эманация, истечение первоматерии мира, не есть также лишь оформление материи в смысле налагания на нее идеальных форм. В творческий акт человека привносится новое, небывшее, не заключенное в данном мире, в его составе, прорывающееся из иного плана мира, не из вечно данных идеальных форм, а из свободы, не из темной свободы, а из просветительной свободы.

Творчество человека свидетельствует о принадлежности человека к двум мирам, о призванности человека к царственному положению в мире. Но и самое существование «я» есть уже творческое усилие, творческий синтезирующий акт. Человек творит свою личность и в творчестве выражает свою личность. В самосозидании «я», личности человеческий дух совершает творческий акт синтеза. Нужно творческое усилие духа, чтобы не допустить разложения «я», раздвоения и распада на части личности. Человек не только призван к творчеству как к действию в мире и на мир, но он сам есть творчество и без творчества не имеет лица. Человек есть микрокосм и микро-

теос. Образ человека есть творческое единство. «Человек есть существо, — пишет Бердяев, — преодолевающее себя и преодолевающее мир, в этом его достоинство. Но это преодоление есть творчество. Тайна творчества есть тайна преодоления данной действительности, детерминированности мира, замкнутости его круга. В этом смысле творчество есть трансцендирование... Творчество не есть только придание более совершенной формы этому миру, оно есть также освобождение от тяжести и рабства этого мира. Творчество не может быть лишь творчеством из ничего, оно предполагает материал мира. Но в творчестве есть элемент из “ничего”, т.е. из свободы иного мира. Это значит, что самое главное и самое таинственное, самое творчески новое идет не от “мира”, а от духа» [2, с. 507].

Бердяев представляет человека сотворцом всего сущего наряду с Всевышним. Мир, пишет он, творится не только Богом, но и человеком, он есть Богочеловеческое дело. Творческий акт по природе своей экстатичен, в нем есть выход за пределы, есть трансензус. Творчество не мирится с данным состоянием мира, оно хочет иного. Творческий акт всегда вызывает образ иного, воображает в себе высшее, лучшее, более прекрасное, чем это, чем данное. Это возникновение образа иного, лучшего, более прекрасного есть таинственная сила в человеке и оно не объяснимо воздействием мировой среды. Творческая фантазия, возникновение образов лучшего имеют основоположное значение в человеческой жизни.

Бердяев подчеркивает экстатический характер творчества, его таинственный смысл. «Творческий экстаз есть выход из времени этого мира, времени исторического и времени космического, он происходит во времени экзистенциальном... Творчество всегда носит индивидуально-личный характер, но в нем человек не один. Человеческое творчество не только человеческое, оно — богочеловеческое. В этом таинственность творчества. В нем происходит трансензус, в нем разрывается замкнутость человеческого существования. Творческий акт есть акт, совершаемый человеком, и в нем человек чувствует превышающую его силу» [2, с. 509].

В своих философских интуициях Бердяев указывает на неразрывную и, сказать более, взаимодействующую связь свободы и творчества. «Творческий дар благодатный, — пишет философ, — творческая свобода просветленная... Противоречивость и парадоксальность творческого состояния заключается в том, что человек в момент творческого подъема чувствует себя как бы одержимым высшей силой, демоном, и вместе с тем чувствует необыкновенную свободу, воль-

ность. В творчестве, и особенно в искусстве, в поэзии, есть что-то от воспоминания об утерянном рае» [2, с. 510–511].

Творческий акт, по Бердяеву, эсхатологичен, в нем сказывается невозможность довольствоваться этим миром. В нем кончается этот мир и начинается иной мир. Таково всякое творческое состояние человека, хотя бы в нем не создавалось никаких продуктов. Значение творческого состояния для внутренней жизни человека в том, что оно означает преодоление подавленности, приниженности, вызванных тяжестью этого мира, и достижение подъема. Поэтому творчество говорит о преодолении этого мира, преодолении этого бытия, о возможности расковыпания его, освобождения и преображения.

Бердяев проводит связь — параллели и различия — творческого художественного процесса с продуктивным воображением в сновидении. «В сновидении возникают образы, — пишет он, — которые не вызываются непосредственно впечатлениями внешнего эмпирического мира, но связаны с тем, что хранилось в глубине подсознательного. Сновидческое состояние не зависит от восприятий и образов чувственного мира в данный момент, но это состояние не активное, а пассивное. Состояние подавлено и почти парализовано. Человек в сновидении может быть совершенно раздавлен прошлым. В творчестве же возникают образы, которые не определяются творческим миром или определяются им через творческое преображение. Но они приносят с собой освобождение от подавленности прошлого, от накопившихся в подсознательном впечатлений и травм, от ранений прошлого... В творчестве всегда действует не только подсознательное, но и сверхсознательное, движение вверх» [2, с. 511–512]. В своих рассуждениях о связи творчества и сновидения Бердяев предвосхищает многое из того, что изучается и предстоит изучить психологам, социологам, философам — всем тем, кому интересны тайны сокровенного человеческого бытия.

По мнению Бердяева, творчество осуществляется по линии восходящей и по линии нисходящей. Восходящая линия — это творческий акт на взлете вверх, к иному миру. Но он встречает затруднение, сопротивление в материи этого мира, в ее «бесформенности, массивности, тяжести, в дурной бесконечности», окружающей со всех сторон творца. Человек как творящий субъект поставлен перед миром объективации (объективным миром), и результаты творческого акта должны войти в этот мир объективации. В этом трагедия творчества, в том, что человек связан условностями этого мира, его стереотипами, навязанными обстоятельствами. В этих рассуждениях Бердяев — полнейший экзи-

стенциалист. Истинное (первичное, как указывает мыслитель) творчество происходит вне объективированного мира, во времени экзистенциальном, в мгновении настоящего, не знает прошлого и будущего. «Творческий акт есть нуменальный, но он создает продукт, принадлежащий феноменальному миру» [2, с. 513].

Дальнейшие рассуждения Бердяева о смысле творчества и его проявлениях можно свести к следующим положениям:

- творящий субъект не может остаться в себе, он должен выйти из себя; этот выход из себя обычно называют воплощением;

- творческий акт устремлен к бесконечному;

- творческий акт есть творческий экстаз, взлет, первичная интуиция, видение иного, открытие, чудесное вызывание образов, великий замысел, великая любовь, притяжение высоты, восхождение в гору, творческий огонь;

- творящий стоит перед Богом, перед тайной, перед первоисточником всякой жизни;

- творчество в то же время есть также обращение к людям, к обществу, к этому миру;

- творчество предполагает влитие в человека Духа, что и называется вдохновением.

- есть две перспективы творческого акта:

- 1) конец этого мира, начало нового мира, и
- 2) усовершенствование укрепление этого мира, перспектива революционно-эсхатологическая и перспектива эволюционно-строительская.

Из всего этого Бердяев делает главный вывод: всякий творческий акт есть акт наступления конца мира, он должен готовить конец этого мира, начало мира иного, преображенного мира — царства Божьего.

В заключение, отмечая сущность философии Бердяева, укажем, что она — человеческая. Мудрость всегда человеческая. Но Бердяев источает особое тепло, умеет возбудить интеллектуальное волнение, сопереживание своим интуициям о судьбе личности, экзистенциальной, бытийственной стороне жизни человека.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к тому, что деятельность человека всегда предполагает не только усвоение социального опыта, накопленного предшествующими поколениями, но и привнесение нового с учетом изменившихся социально-исторических условий, которые предъявляют человеку нестандартные решения сложнейших жизненных задач, что, несомненно, требует творческого подхода, и особенно это важно в настоящее время, когда востребована новая модель экономической деятельности — создание наукоемких технологий и переход к инновационной экономике.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Мое философское мирозерцание // Бердяев Н. О русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. Т. 2, ч. 2. 345 с.
2. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 381–566.
3. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 375 с.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. 676 с.
5. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. *Блюменкранц М.А.* Романтик духа // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО–Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 624 с.
7. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
8. *Коплтон Ф.* История философии XX век / пер. с англ. П.А. Сафронова. М.: Центрополиграф, 2002. 269 с.
9. *Малявин С.Н.* История русской социально-философской мысли: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
10. *Русская философия: Малый энциклопедический словарь.* М.: Наука, 1995. 624 с.
11. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
12. *Фромм Э.* Иметь или быть: пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Астрель, 2010. 314 с.
13. *Эрих Фромм.* Биография. URL: <http://fromm.hpsy.ru/biography/> (дата обращения: 23.09.2013).

ONTOLOGICAL BASIS OF CREATIVITY
IN DIFFERENT PHILOSOPHICAL SYSTEMS
Timur F. Suleimanov

*Ufa branch of Moscow State Academy of Water Transport;
275, Akhmetov str., 450017, Republic of Bashkortostan, Russia*

This article is devoted to the problem of creativity. The authors consider it as a form of the person self-realization and in conformity with these problems they investigate a historical and philosophical aspects of the theme First of all, philosophy of creativity of N.A. Berdyaev is considered in the article. The author suggests, that theurgy in the philosophy is explored in context of human freedom, which is basis of being in Berdyaev's philosophy. Any act of creativity, according to Berdyaev, is the act of the end of the world — and the act of the beginning of new world at the same time.

Key words: person; activity; creativity; self-realization; transformation of the human nature; inner potential.

УДК 130.1-058.237

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ**Климова Александра Валериановна**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права
Днепродзержинский государственный технический университет
Украина, 51918, Днепродзержинск, ул. Днепростроевская, 2
e-mail: klim_aleks@ukr.net

Цель статьи — показать, что интеллигенция, будучи общностью дифференцированной и в разной степени отвечая свойствам интеллигентности, включает в себя и интеллектуалов. Интеллектуалы не являются абсолютно чуждыми гуманистической направленности, нравственности, гражданственности, патриотизму, стремлению к справедливости и т.д. Между интеллигенцией и интеллектуалами нет непроходимой пропасти. Их сближают и объединяют в одну общность знания и гуманистический потенциал, который, по мере усложнения общественной жизни, должен возрастать и делать все более востребованными именно свойства, воплотившиеся в идеале интеллигентности. Только интеллигенция, исторически развившаяся до уровня современных потребностей общества, способна в каждый период аккумулировать определенное содержание культуры, выделить в ней в снятом виде все самое ценное из предшествующей истории и наметить перспективы развития духовной культуры. Понятие интеллигенции рассматривается как исторически развивающееся.

Ключевые слова: интеллигенция; интеллектуалы; интеллигентность; гуманистическая направленность; знания; идеал.

В наше время часто можно слышать и читать, что интеллигенция себя изживает, а на смену ей приходят интеллектуалы, что на Западе именно интеллектуалы являются специалистами-профессионалами, способными к сложной деятельности, требующей научных знаний. В условиях современной либеральной демократии часть интеллигенции, обслуживающей влиятельные социальные группы общества или будучи вынужденной идеологически обосновывать социальное и политическое положение тех, от кого она зависит, во многом утрачивает свои гуманистические возможности. В таком случае для нее оказывается благозвучнее называться интеллектуальной элитой, чем неинтеллигентной интеллигенцией. Так как новые условия зачастую не позволяют интеллигенции оставаться интеллигентной, есть искушение переименовать ее также по западному образцу в интеллектуалов.

В первом приближении можно отметить, что восприятие интеллигенции в современном обществе весьма противоречиво: с одной стороны, усилилась прагматическая направленность во всех сферах общественной жизни, с другой — это часто становится препятствием в выполнении интеллигенцией ее гуманистической функции. Да и сама гуманистическая сторона жизни общества в наше время часто представляется роскошью, ос-

тается за рамками повседневных устремлений людей. Отсюда и прохладное отношение общества к интеллигенции вообще, и мнение, что она должна уступить свое место интеллектуалам. Но возможны ли интеллектуалы в чистом виде, возможно ли, чтобы специалист был настолько узок (полностью ушел в свою профессию), что не интересовался бы проблемами общества? Например, у любой деятельности должен быть мотив, стимул, связанный с ее местом в системе экономики, человеческих отношений и т.д. Может ли человек, многого достигший в своей профессии, совсем не интересоваться мировой культурой, ее историей и конкретными проявлениями в наше время? Такое трудно представить. Во всяком случае, если человек не связывает свою деятельность с тем, какое значение она имеет или будет иметь в жизни общества, вряд ли он многого достигнет. Если профессионалов называть интеллектуалами, то это отразит лишь одну сторону их личности (интеллектуальную), но оставит в стороне, в тени ее нравственную, социальную, гуманистическую составляющие. Такая составляющая в той или иной степени есть в структуре любой личности. И если на Западе сложилась традиция называть профессионалов преимущественно интеллектуалами, то это и там не исключает их интеллигентности, как она понимается в российской и укра-

инской традиции. То, что и в западных философских и социологических источниках [1, 6, 10], а также в некоторых международных правовых документах термин «интеллигенция» тоже используется, только доказывает, что это не случайно, что представление об интеллигенции им тоже понятно и не чуждо. Например, в «Декларации и программе действий в области культуры мира», принятой на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 г., в ст. 8 в частности, говорится: «Ключевая роль в распространении культуры мира принадлежит родителям, педагогам, педагогическим деятелям, журналистам, религиозным организациям и группам, представителям интеллигенции...» [12].

В результате изменения общественных отношений происходит размывание интеллигенции, переход многих из тех, кто прежде относился к интеллигенции как социальной общности, в другие социальные слои. Это привело, по крайней мере, к двум противопоставлениям: 1) интеллигенции и интеллектуалов; 2) интеллигенции и интеллигентов.

Понятие «интеллектуалы» в научной литературе сейчас используется, может быть, чаще, чем понятия «интеллигенция», но это не говорит в пользу того, что она себя изжила. Наоборот, в условиях переломных трансформаций и ускоряющегося развития как никогда нужно вдумчивое отношение ко всему этому с всеобъемлющим охватом всего, что происходит. Это под силу только интеллигенции. Ее роль в обществе на самом деле стремительно возрастает. Без выполнения этой ее роли общество ждет несомненный тупик. И если мы утратим общность интеллигенции, не будем заботиться о ее будущем, т.е. потеряем преемственность и в будущем ей будет взяться почти неоткуда. Отличие интеллигенции и интеллектуалов обычно трактуется так: «Интеллигенция — необходимая составная часть всякого интеллектуального слоя, допускающего свободное этическое самоопределение своих членов; другая его часть — интеллектуалы, образованные и креативные люди, вообще этически непросвещенные или с эгоистически извращенной этикой» [13, с. 66–67]. А.В. Соколов считает, что «количественное соотношение интеллигентов и интеллектуалов может варьироваться, но вытеснение одних другими невозможно, поскольку это сделало бы общество нежизнеспособным» [13, с. 67]. Может быть, это действительно невозможно, но если учесть, что интеллигент не лишен интеллектуальности, то было бы неплохо и отнюдь не нежизне-

способно, если бы духовную жизнь общества осуществляла и приумножала интеллигенция, а не безучастные к общественным проблемам интеллектуалы.

Понятие «интеллигенция» противопоставляется понятию «интеллигентность», когда говорят, что это не одно и то же, что не все, кто принадлежит к интеллигенции, являются интеллигентными. В советской литературе и журналистике часто обсуждались вопросы, связанные с интеллигентностью людей, не принадлежащих к слою интеллигенции, например рабочих [см.: 5]. Интеллигенция характеризуется не только нравственными и гражданскими качествами, традиционно приписываемыми ей (этими качествами, действительно, могут обладать и часто обладают люди, не принадлежащие к интеллигенции), но и такими (знания, творчество), которые преимущественно доступны только интеллигенции и, увы, не всей интеллигенции. При определенных общественных условиях эти качества могут появляться и закрепляться у отдельных людей в других социальных слоях, например, при постепенном преодолении противоречий между умственным и физическим трудом, когда последний становится все более интеллектуально насыщенным и требует от рабочих более высокой квалификации, а значит, и образования, развивающего ум. В то же время при определенных социальных условиях интеллигенция в значительной своей массе может утрачивать интеллигентность и, наоборот, приобретать способность питаться иллюзиями и обладать повышенной внушаемостью. Некоторые современные исследователи, отмечая склонность интеллигенции в наше время к мифотворчеству, пытаются одновременно оправдать ее тем, что безапелляционно приписывают интеллигенции это качество во все времена. Е.С. Элбакян объясняет это как «саморазорванность, противоречивость интеллигентского бытия», которая и «рождает “расколотое интеллигентское сознание”, когда “ожидание чуда сопряжено с неверием в него”» [18, с. 93]. На самом деле, противоречиво не интеллигентское, а общественное бытие, и это первично по отношению к противоречиям, возникающим в среде интеллигенции.

Традиция смешения интеллигенции с другими социальными слоями, отражавшая отсутствие строгой дифференциации в классификации социальных слоев в дореволюционной России без учета специфики интеллигенции как особого социального слоя, в какой-то мере продолжалась и в советское время. Это создавало путанное и про-

тиворечивое общественное мнение об интеллигенции. Социальный слой отделялся от его качеств, а качества — от социального слоя. Нередко в людях, принадлежавших к интеллигенции, не находили тех качеств, которые традиционно связывались с понятием «интеллигенция», и, наоборот, эти качества находили у людей, принадлежавших к другим социальным слоям или классам. Но в советское время это явление имело уже иные причины. Тогда же появилось представление о формировании пограничных социальных слоев [см.: 5, с. 4]. Отчасти действительно происходило стирание граней между интеллигенцией и другими классовыми и внутриклассовыми группами. Всеобщее и специальное среднее образование закладывало интерес и способность к самообразованию и творчеству, часто развивавшимся до высокого уровня. В условиях провозглашения воспитания нового человека у людей формировались такие нравственные качества, которые соответствовали идеалам всестороннего развития личности. Стремление к идеалам нового общества теперь преобладало не только в среде интеллигенции, но и в большой мере было присуще всем другим социальным группам. В таких условиях требования общественного мнения непосредственно к интеллигенции должны были возрастать. А так как не все те, кто принадлежал к интеллигенции, соответствовали создавшимся в новых социальных условиях представлениям о ней, то на долю этих людей могло выпадать и нелицеприятное отношение со стороны других социальных групп или их представителей и вопросы, подобные названию статьи Н.В. Карлова: «Интеллигентна ли интеллигенция...?» [8].

Не следует упускать из виду, что в социалистическом обществе сложились особые условия для развития как интеллигенции, так и интеллигентности. Была поставлена и решена задача подготовки новых кадров интеллигенции из рабочих и крестьян, повысились требования к профессиональной квалификации интеллектуального труда. Обязательность и общедоступность образования уничтожили прежние связанные с ним привилегии. Можно согласиться с В.Р. Лейкиной-Свирской, считающей «методологически правильным, что определение социалистической интеллигенции построено вне нормативных морально-психологических критериев и лишено элитарных акцентов. Социологическое определение этим не обедняется и не противопоставляется понятию интеллигентности. Представляется, что интеллигентность — это производное от уровня

умственной, нравственной и эстетической культуры людей, которое не может быть абстрагировано как общее качество профессиональной интеллигенции» [9, с. 53]. Понятие интеллигентности закономерно перестает быть «привилегией» интеллигенции и в то же время распространяется лишь на часть ее. Интеллигентность в условиях всеобщей доступности культуры общество вправе ожидать от любого своего представителя. Данное положение не является лишь теоретическим. Оно успело прочно войти в общественное сознание советских людей. Именно в советском обществе интеллигенция впервые образовала определенную социальную общность. Б.В. Новиков пишет: «Тот пласт нынешнего общества, который называют интеллигенцией, — продукт советской эпохи. Она создавалась и воспитывалась в исторически новом обществе, которое совершило качественный прорыв в социальном творчестве... Отсюда характерные особенности этой поистине народной интеллигенции: сочетание высокого уровня образованности с практической интеллектуальной деятельностью, лежащей в русле перспективных гуманистических идей. ... Именно степень осуществляемого словом, чувствами и практическим делом гуманизма как раз и определяет, какой ты интеллигент, меру соответствия этому высокому понятию» [11, с. 178]. Возможно, поэтому в наше время не всеми принимается понятие элитарности в отношении интеллигенции.

Современный российский исследователь А.А. Труфанов выделяет в общественном сознании второй половины XIX – начала XX в. три самостоятельных значения слова «интеллигентность»: грамматическое значение, значение формальной образованности и этическое значение. По его мнению, об интеллигентности «трудно мыслить понятийно, а дать ее однозначное определение вообще невозможно: "...Интеллигентность" относится к неясным и неточным именам: неясность характеризует имя "интеллигентность" с точки зрения его содержания... Неточность характеризует имя "интеллигентность" с точки зрения его объема» [15, с. 22]. Интеллигентность — это не просто свойство каких-то ее носителей, а «свойство интеллигенции в конкретно-историческом ее понимании» [15, с. 27]. А.А. Труфанов выделяет два типа интеллигенции, которые можно найти в России и с которыми связаны представления об особой роли интеллигенции в обществе. Это интеллигенция освободительная и интеллигенция как подлинная элита общества. По А.А. Труфанову, качества интеллигентности представляют собой определенную сис-

тему. К ним относятся: 1) обостренное чувство социальной справедливости, 2) больная совесть, 3) нравственный идеализм, 4) сострадание, 5) антимещанство, 6) гражданственность. Кризис гражданственности в России А.А. Труфанов связывает с утратой чувства реальности, одним из проявлений которой «явился буржуазный оптимизм». К необходимым и достаточным качествам интеллигентности А.А. Труфанов добавляет необходимые, но недостаточные: а) способность к критическому мышлению; б) личная тактичность и порядочность; в) идейная принципиальность; г) терпимость к инакомыслию; д) приобщенность к богатствам мировой культуры. В интеллигентности первостепенна универсальная моральная ответственность, а уж затем индивидуальная мораль, а «если интеллигентность в означенном понимании неосуществима сейчас, то это свидетельство не ущербности теории, а ущербности современной жизни» [15, с. 262].

А.В. Соколов ввел понятие «поколение интеллигенции», означающее «историческую общность, характеризующуюся типичными для нее мировоззрением, методологией, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом» [13, с. 64]. Это определение отражает такую целостность поколения интеллигенции, которая если и имела место в истории общества, то именно в советский период, хотя и в это время можно говорить о разных интеллигентских субкультурах. И тем не менее ни в одном другом историческом ареале не найти большей общности в мировоззрении, методологии, ценностных ориентациях и социально-психологическом складе. К другим же культурно-историческим эпохам больше подходит выведенная А.В. Соколовым формула интеллигентности как «интегральное качество личности, включающее на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, индивидуальное или субкультурное этическое самоопределение» [13, с. 64].

Понятия интеллигенции и интеллигентности во многом ассоциируют с личностью А.П. Чехова. Не только в творчестве и эпистолярном наследии А.П. Чехова прослеживается постоянное обращение к интеллигенции, но и сам он предстает во всех последующих поколениях своих читателей и почитателей именно как истинно интеллигентный человек, как один из лучших представителей русской интеллигенции. Несмотря на то что А.П. Чехов формулирует основные черты интеллигентности, на протяжении всего его творчества можно видеть, насколько противоре-

чиво его отношение к интеллигенции. Люди по-разному воспитаны и поэтому, оказавшись в «интеллигентской среде», по-разному могут себя в ней чувствовать. А.П. Чехов пишет своему брату, что нужно быть определенным образом воспитанным, «чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентской среде», что означает удовлетворение следующим условиям [17, с. 223–224]: 1) уважать человеческую личность; 2) быть сострадательным, болеть душой «и от того, чего не увидишь простым глазом»; 3) уважать чужую собственность, а потому и платить долги; 4) быть чистосердечным и бояться лжи; 5) «они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними...»; 6) «они не суетны»; 7) «если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...»; 8) «они воспитывают в себе эстетику». И далее: «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут до рога каждый час...» [17, с. 225].

Многие исследователи уделяли внимание понятию русской интеллигенции. Г.П. Федотов писал: «Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только “русская”, но и вообще “интеллигенция”... В нашем случае мы имеем дело с понятием историческим... В этой жизни полны определенного и трагического смысла нелепые на Западе антитезы: “интеллигенция и народ”, “интеллигенция и власть”... Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная — на десять лет — новую эру. Можно сказать, что столетие самосознания интеллигенции является ее непрерывным саморазрушением...» [16, с. 404–405]. В приведенных словах слышится и определенная гордость, и сожаление о том, что в жизни русской интеллигенции все время что-то утрачивается. Действительно, она всегда занимает активную жизненную позицию. Социальные изменения осмысливаются, переживаются, что-то разочаровывает, но тут же возникают новые проекты достижения цели и их приверженцы. Г.П. Федотов видит в интеллигенции «живую, историческую личность. Во всех “историях” русской интеллигенции мы встречаем одни и те же имена. Несогласные в определении понятия, канонические авторы согласны в его объеме. Из объема мы и должны исходить. Для исторического понятия объем не произволен, а дан» [16,

с. 405–406]. И далее, приближаясь к понятию: «Есть в истории русской интеллигенции основное русло — от Белинского, через народников к революционерам наших дней... Вдумаемся, что объединяет все эти имена: Чаадаева, Белинского, Герцена, Писарева, Короленко, — и мы получим ключ к определению русской интеллигенции. У всех этих людей есть идеал...» [16, с. 407–408].

Первая русская революция оказалась первым крупным испытанием тех ценностей и духовных начал, которые вынашивала и по поводу которых вела дискуссии русская интеллигенция на протяжении XIX – начала XX в. Авторы сборника «Вехи», появившегося в 1909 г., высказали свое отношение к интеллигенции, как бы делая выводы из собственных исканий. Они дали толчок к особому отношению к этой теме на все последующее время. Авторы «Вех» рассматривают понятие «интеллигенция» каждый по-своему, больше связывают ее с поисками справедливости, правды и революционностью. Не едины и не всегда последовательны они в вопросе, кого относить к интеллигенции, ее корни могут «угадываться» по характерным признакам нравственного характера. Н.А. Бердяев настолько тесно связывает интеллигенцию с революционными настроениями, что ее интеллектуальная деятельность оказывается на втором плане, или интеллектуалов он даже может не относить к интеллигенции. Для неинтеллектуальной интеллигенции Н. Бердяев использует слово «интеллигентщина», обвиняя ее прежде всего в малокультурном отношении к философии и другим культурным ценностям, а также в том, что ей присуще «давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение “народу”, его пользе и интересам, духовная подавленность политическим деспотизмом» [3, с. 12]. Бердяев говорит об интеллигенции не как о социальном слое, а как о явлении, черты которого находит, например, у декабристов, но самих их к интеллигенции не относит [см.: 2, с. 89].

Стремление к целостному миросозерцанию Н.А. Бердяев называет тоталитарным мышлением, через которое интеллигенция искала «совершенной жизни, а не только совершенных произведений философии, науки, искусства» [2, с. 93]. И это еще одна черта, которую он рассматривает как отличительную для отнесения тех или иных творческих людей к интеллигенции. По Бердяеву получается, что к интеллигенции относятся те, кто имеет революционные настроения или является революционером, что ее интерес и отношение к философии «исчерпывался потребностью в

философской санкции ее общественных настроений и стремлений» [3, с. 16]. Отсюда и неправильная трактовка нравственных принципов революционной идеологии, критика, например, признания как нравственного того, что приносит пользу народу, борьбе за его освобождение. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о специфическом подходе Бердяева к интеллигенции, а не пытаться «проверять» уже сложившееся в наше время содержание понятия «интеллигенция» представлениями о ней Бердяева или других его современников. В то же время их представления помогают разобраться в сложной предыстории современной интеллигенции. Понятия проходят этапы становления. И из этого и стоит исходить, обращаясь к взглядам того или иного мыслителя на то или иное понятие и на понятие «интеллигенция» в том числе.

Из этого же следует исходить, когда мы сталкиваемся с приданием интеллигенции религиозных черт религиозными мыслителями. Так, стремление к целостности («тоталитарности») миросозерцания Бердяев объясняет «религиозным складом русского народа» [2, с. 93]. Приверженность религиозной идее приводит Бердяева к тому, что левую интеллигенцию он объявляет схожей с монашеским орденом [2, с. 91]. Его видение расходится с тем, что на самом деле революционная интеллигенция, начиная с разночинной, не варилась в собственном соку, а реализовывала свои идеи и силы, идя в народ, создавая яркую революционную, освободительную публицистику, создавая сначала философские, а потом революционные кружки и партии. При этом она не только думала о народе, но и вовлекала его в свою деятельность, рассчитывала на победу вместе с ним. Понятно, что у религиозного философа свои аналогии. Но интеллигенция шла в народ, а не в монастырь, и ее жертва — не борьба с плотью за возвышение духа, а возможность расправы с ней со стороны полицейского государства. И цель ее — не просто спастись, но достичь победы ради лучшей жизни общества. Жертвенность, но ради людей, народа, а не ради спасения души, не ради бога. Эти цели коренным образом отличаются друг от друга. И только религиозное сознание может отождествить их, затемнив и исказив сущность. Не жертва Иисуса вдохновляла революционеров, а революционные цели. И не случаен их атеизм. Он отражает земное происхождение их целей, обнажает эти цели, делает их более ясными и открытыми.

С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» подводит итоги первой русской революции и в связи с этим обращается к интеллигенции, так как революцию эту считает интеллигентской. Он выделяет два фактора, под влиянием которых складывался характер русской интеллигенции — внешний и внутренний. «Первым было непрерывное и беспощадное давление полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу, и то, что она сохранила жизнь и энергию и под этим давлением, свидетельствует... о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности...» [4, с. 34]. Второй фактор Булгаков связывает с особым мировоззрением и духовным складом интеллигенции, с «самой основной особенностью» «в ее отношении к религии». Булгаков пытается приписать революционной интеллигенции своего рода религиозность, несмотря на ее атеизм, к которой он приравнивает любое преданное отношение к делу, к народу, вплоть до приписывания ей «самообожения» [4, с. 42–43]. Он с иронией характеризует сущность ее мировоззрения словом «героизм», «притом героизм самообожения».

Ответ на подобные взгляды дал советский философ А.И. Титаренко в социально-этическом анализе антиидей XX в., где он отмечает, что «недаром противниками коммунизма, да и всеми сторонниками антиреволюционного мировоззрения... атака ведется на *идейность*, на нравственную *убежденность*, как нечто противоположное доброте, с ней *несовместимое*... Эта мысль не нова. Еще Ф. Достоевского... заботила тревога о том, чтобы преданность идее не превращалась в душевную черствость, в моральный фанатизм, приводящий к отрицанию ценности отдельной личности» [14, с. 282]. «...Высшая идея, когда она располагается в моральной сфере, представляет собой идеал. Именно в следовании идеалу Ф.М. Достоевский видел наивысшую цель, заданность жизни личности, самое трудное и самое благородное ее предназначение: “Будьте мужественны, формируйте ваш идеал”» [14, с. 302]. А.И. Титаренко обосновывает, что «в убежденности вера вытекает из правоты, правды, а не правота из веры. В известном смысле это уже совсем не вера... Скорее это явление можно назвать стойкой нравственной ориентацией, вобравшей в себя все элементы психической жизни субъекта: его сознательные оценки, цели, мотивы и устремленность чувств, его волю, жизненный опыт...» [14, с. 306]. Приписываемому революционной интеллигенции С.Н. Булгаковым «глухому к голосу

жизни» фанатизму противостоит то, что «перестройство обстоятельств всегда включает в себя, пусть стихийно, самопеределку» [14, с. 309]. Сознательное же следование какому-либо идеалу означает самоотверженность. Именно она понимается С.Н. Булгаковым искаженно как жертвенность.

Сборник «Вехи» отразил специфическое самочувствие интеллигенции после первой русской революции. Оно было различным, как и видение политических событий. Это нашло выражение в возникновении разных политических партий, руководство и основной состав которых был из интеллигенции. Так же по-разному интеллигенция откликнулась и на события 1917 г. и последующие события.

Становление интеллигенции как образованного социального слоя, обладающего определенными нравственными и гражданскими качествами, имеет значение становления традиции сосредоточения духовной культуры в определенном носителе и проводнике, способном влиять на все остальные слои общества. Интеллигенция способна к концентрации всех сторон духовной жизни и распространению всех ее элементов через систему образования, учреждений культуры (музеи, библиотеки и т.п.), творческие институты (наука, театр и т.п.). История интеллигенции связана с изменениями в формах отбора и передачи культурных традиций, в преемственности в культуре.

Итак, интеллигенцию характеризовали и характеризуют по-разному: как социальный слой, группу, явление, духовно-социальное образование, историческую общность, интеллектуальный слой и т.п. Не претендуя на окончательное определение интеллигенции, считаем целесообразным использовать для этого понятие «социальная общность», рассматриваемое в социологии как одна из ключевых категорий социальной организации. Дадим следующее рабочее определение. Интеллигенция — это образованная, гуманистически ориентированная, творческая, сущностно связанная с культурной традицией дифференцированная социальная общность, которая институализируется благодаря особенностям ее интеллектуально-созидательной, образовательной и воспитательной деятельности в соответствующих творческих, научно-исследовательских, образовательных и производственных структурах (от учебных и научно-исследовательских учреждений, творческих союзов и организаций и т.д. до предприятий, связанных с материальным производством). Ее представители могут принадлежать

к разным социальным институтам (науке, образованию и т.д.). Особо отметим, что этико-культурные представления о нравственных и профессиональных качествах, воплотившихся в слове «интеллигентность», можно отнести к культурной традиции, имеющей исторические корни и выражающие идеал интеллигента. Эта традиция может в разной степени влиять на формирование конкретных представителей интеллигенции. Интеллигенция в целом или в какой-то ее части может в разной степени приближаться или отдаляться от этого идеала, но при этом оставаться определенной социальной общностью — интеллигенцией. В то же время, будучи неоднородной, интеллигенция может различаться по социальному положению, мировоззрению, социальным функциям, социальным ролям.

С возрастом от эпохи к эпохе ее эмпирических и теоретических материалов, с возрастом информации часто имеют место сомнения в возможностях плодотворного освоения современной культуры. В каждый период аккумулируется определенное содержание культуры, в снятом виде содержащее все самое ценное из предшествующей истории. Кто же способен это адекватно оценить, еще и еще раз проверить, заглянуть в будущее и наметить перспективы развития духовной культуры? Если это кому-то под силу, то только интеллигенции, исторически развившейся до уровня современных потребностей общества.

В наше время глобальных перемен происходит много шараханий в понимании сущности человека, его познавательных возможностей, общественных процессов. С развитием ситуации плюралистического постмодернистского сознания становится все более ясно, что оно не способно к целостности познания. Целостность — это, прежде всего, определенность. Любая определенность чужда плюрализму. Он годится только для того, чтобы отрицать, а не утверждать. Ему присущи нигилизм и отсутствие ответственности. Глобальные же проблемы требуют нравственной ответственности тех, кто их решает. При плюралистическом подходе отрицается возможность однозначного решения вопросов о сущности чего-либо и тем более такого важного вопроса, как о критериях социального прогресса. Если нельзя определить критериев, значит, нельзя решить и вопрос о сущности и направлении развития, вообще ни о чем нельзя говорить определенно. Не дает определенности и религиозный подход. Религиозные апологеты идут от этих проблем, но не возвращаются к их земному решению, а значит,

уходят от них: «Есть тенденции, естественные для переломного периода: в поисках исторической опоры обращаются к архаическим структурам, например, к воссозданию сословий, к религии. Как социологи, мы можем это объяснить, но вместе с тем можем и усомниться в потенциальных способностях таких структур содействовать развитию общества в длительной временной перспективе», — пишет В.А. Ядов [19, с. 29].

Плюрализм в идеологии не позволяет хоть сколько-нибудь определенно оценить то, что происходит в обществе. Идеология плюрализма пришла к нам с Запада. «Ее части невозможно объединить в единое логическое целое... Идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще». Но «идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение» [7, с. 205].

Какой выход? Просвещать? Но и просвещение может быть более или менее прогрессивным. И чтобы принять даже эту идею, нужно быть сторонником идеи прогресса. Этой идеи нет в религии (там есть идея эсхатологии), ее нет в синергетике, объявляющей идею прогресса линейной, обвиняющей диалектику в линейности, игнорируя при этом признание диалектикой не только развития, но и периодов движения вспять, и периодов застоя. Наиболее адекватно идею прогресса, а значит, и свободы можно понять только с позиций диалектики. Ведь для чего нужна свобода? Для свободного развития, а развитие всегда предполагает прогресс. Главным смыслом социального прогресса является возрастание свободы в обществе для плодотворного развития как всех сторон его жизни, так и для всестороннего личностного развития все большего количества людей в обществе. Как известно, социальный прогресс может быть антагонистическим и неантагонистическим. Только последний может во все большей мере осуществлять свои достойные цели. На капиталистической стадии развития общества многие явления имеют превращенную форму, что нуждается в постоянном критическом переосмыслении.

Создается впечатление, что человечество заблудилось в многообразии культуры, которую создавало на протяжении всей истории. В условиях многомерного отчуждения многие имевшиеся уже ранее проблемы, которые, казалось, были близки к разрешению, не разрешились, а усилились, вылившись в поток абсурда на фоне грандиозного

уровня достигнутого человечеством в целом. Ведь достижениями общества не могут пользоваться все его представители. Массы людей, причастных к созданным ими и их предшественниками богатствам материальной и духовной культуры, отчуждены от них. Далеко не все они влачат жалкое существование, далеко не все осознают свою подлинную несвободу, что их кажущаяся свобода во многом призрачна. Возможности влияния на массы в современном обществе столь велики, что люди массы субъективно не ощущают несоответствия своих личных устремлений уровню развития общества, культуры. Их почти устраивает положение отстраненности от достижений культуры, потому что они его не осознают. Общество стало массовым. Как никогда, возрастает необходимость в людях, способных к творческому осмыслению происходящего, к реальной оценке сущностных изменений в обществе, осознанию его глобализации и необходимости поиска общих решений глобальных проблем современности и преодоления глобального кризиса. Тем более что с развитием информационно-коммуникативных технологий общество все более превращается в информационное.

Идея информационного общества стала ведущей идеей будущего в конце XX в. и не утратила своей силы и привлекательности и в начале нового века. Информационное, постиндустриальное общество связывают с перераспределением прежнего характера занятости от преимущественно материального производства к духовной и управленческой деятельности. Возрастает роль информации и коммуникации во все ускоряющейся жизни общества. Вместе с тем возрастает и роль тех, кто добывают информацию посредством познания, перерабатывают в знания, в соответствии с практическими потребностями, и используют с учетом всего, что соответствует критериям прогресса в обществе. И здесь речь должна идти, прежде всего, об интеллигенции, о ее роли в связи с приходом в мир новых информационных реалий. Но знакомство с зарубежными источниками свидетельствует, что представления об интеллектуальном обществе содержат иные критерии, в которые не входят ни богатство личности, ни гуманистические цели, ни нравственные ценности, ни положение самих интеллектуалов, вернее, их человеческое, личностное, нравственное состояние. А если все-таки и входят, то подспудно, специально в этом контексте их не касаются. Как правило, речь идет об увеличении информации и знаний, о сохранении окружающей среды и т.п. Но чтобы информация стала предметом культуры, ее ценность должна опреде-

ляться связью с подлинно гуманной культурной традицией. Это должно вести к возрастанию роли интеллигенции, ее ответственности и культурной компетентности. Не будет преувеличением определить роль интеллигенции как субъекта информационного общества таким образом, что она является как бы генетическим уровнем информационного общества. Подобно тому, как без генетической информации не может существовать живая материя, так и общество не может нормально развиваться без своей интеллигенции. Человек должен стоять в центре всех проблем информационного общества. Тем более что, как предсказывают теоретики информационного общества, социальные противоречия в нем приобретут такой характер, что пока трудно предположить, как они могут быть разрешены.

Общество не может существовать, не развивая своих производительных сил, производственных отношений, духовности. В условиях же обострения глобальных проблем современности у него нет другого выбора, чем развиваться прогрессивно, чтобы выжить и достичь новых духовных и материальных высот. Многое здесь зависит от интеллигенции, ответственной за отбор, сохранение, развитие и трансляцию духовного опыта человечества, от сущностной связи интеллигенции с культурной традицией, которая проявляется, с одной стороны, в том, что интеллигенция не может полноценно выполнять свои функции без постоянного осмысления и развития культурной традиции; с другой стороны, в том, что без творческой деятельности интеллигенции культурная традиция не сможет сохраняться и развиваться дальше, утратит прогрессивный потенциал.

Информационное общество нуждается во всестороннем осмыслении и надежных, научно обоснованных планах всестороннего развития, что доступно только интеллигенции, занятой во всех сферах общественной жизни и лучше других слоев общества знакомой с культурной традицией. Возрастание роли интеллигенции в информационном обществе связано также с перераспределением прежнего характера занятости от преимущественно материального производства к духовной и управленческой деятельности. Эти процессы, а также рост значимости информации и коммуникации во все ускоряющейся жизни общества вызывают необходимость ответственного отношения к ним и культурной компетентности. Поэтому необходимость в интеллигенции и ее интеллигентности не исчерпывается, а, наоборот, возрастает.

Выводы

1. В современном обществе понятие интеллигенции размывается, по крайней мере, двумя противопоставлениями. Одно из них в отличии интеллигенции и интеллектуалов Другое противопоставление — когда речь идет не об интеллигенции, а об интеллигентах.
2. Отдельные представители интеллигенции и интеллектуалов могут быть ближе или дальше от идеала интеллигентности, оставаясь при этом в социальной общности интеллигенции.
3. По мере развития духовной и материальной жизни общества роль интеллигенции должна возрастать, благодаря своему интеллектуальному, нравственному и гуманистическому потенциалу.

Список литературы

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Akademia, 1999. 956 с.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 77–144.
3. *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
4. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 31–72.
5. *Гелюта А.М., Староверов В.И.* Социальный облик рабочего-интеллигента. М.: Мысль, 1977. 183 с.
6. *Грамини А.* Возникновение интеллигенции / пер. с итал. Т.З. Клебановой // Искусство и политика: в 2 т. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 168–184.
7. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М.: Астель, 2008. 606 с.
8. *Карлов Н.В.* Интеллигентна ли интеллигенция... // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 3–17.
9. *Лейкина-Свирская В.Р.* Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема (Историографический обзор) // Социальная структура общества в XIX в. (страны Центральной и Юго-Восточной Европы). М.: Наука, 1982. С. 44–54.
10. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры / пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон, А.В. Дронова. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
11. *Новиков А.И.* Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.
12. *Резолюция 53/243* Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация и программа действий в области культуры мира» (принята 13.09.1999 на 107-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1052&page=2> (дата обращения: 09.12.2013).
13. *Соколов А.В.* Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 57–67.
14. *Титаренко А.И.* Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. М.: Политиздат, 1976. 399 с.
15. *Труфанов А.А.* Основы теории интеллигентности. Казань: Новое знание, 2002. 272 с.
16. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 403–443.
17. *Чехов А.П.* Н.П. Чехову // ПСС и писем. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 221–225.
18. *Элбакян Е.С.* Российская интеллигенция как социальный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 82–96.
19. *Ядов В.А.* Россия в мировом пространстве // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 27–30.

INTELLIGENCE AND INTELLIGENTSIA

Alexandra V. Klimova

*Dneprodzerzhynsk State Technical University;
2, Dnepropetrovskaya str., Dneprodzerzhynsk, 51918, Ukraine*

The author explores the intelligentsia as a differentiated community. It includes intellectuals though its reference to features of intelligence varies a lot. Intellectuals are not absolutely alien to the humanistic orientation, morality, civilization, patriotism, aspiration for justice, etc. There is hardly an impassable abyss between the intelligentsia and intellectuals. They are brought together and united into one community by knowledge and humanistic potential. The latter is to increase as far as the growing complexity of social life is concerned. It should also make more and more popular qualities embodied in the ideal of intelligence. Only the intelligentsia, historically evolved to the level of society's modern needs, in each period can accumulate a certain content of culture, highlight the most precious things of all previous history in it and outline the prospects for the development of culture. The notion of the intelligentsia is regarded as a historically evolving one.

Key words: intelligentsia; intellectuals; intelligence; the humanistic orientation; knowledge; ideal.

УДК 17.021.3

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ (ДИАЛЕКТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Родюков Алексей Федорович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций

им. проф. М.А.Бонч-Бруевича

191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 61

e-mail: a.rodukov@yandex.ru

По мнению автора, решение проблемы соотношения индивида и общества лежит в русле представлений об их взаимном изменении, что позволяет преодолеть дуализм, отделяющий создаваемое от создателя. Когда условия жизни и события индивидуальной жизни рассматриваются в контексте их происхождения (генезиса), условия жизни оказываются первичными по отношению к индивидам. Но когда данное соотношение рассматривается не в контексте их происхождения, а в контексте их реализации, то в этом непосредственном плане первичными становятся обстоятельства индивидуальной жизни людей. На место неизбежного определения понятия общества как совокупности людей предложена его трёхчастная модель, включающая в себя как актуально живущих, так и умерших и ещё не родившихся. По мнению автора, в эволюции самоорганизации общества наступает макросдвиг, когда уже индивид, а не поколение становится «единицей» процессов социальной дифференциации и интеграции.

Ключевые слова: первичное; вторичное; бифуркация; флуктуация; самоорганизация; дифференциация; интеграция; поколение; трёхчастная модель общества; руководящий образ.

Я в мире, который во мне.

Поль Валери

Современная диалектика и синергетика предлагают философии новый поворот «от Парменида — к Гераклиту» и от аристотелевской логики с её законом тождества — к моделям неравновесных флуктуационных динамических процессов в любых самоорганизующихся системах, включая человеческое общество. Необходимость такого поворота непосредственно связана с переходом к более высоким уровням сложности для описания динамики эволюционных процессов. Односторонне-детерминированные схемы развития систем, проходящих через причинно-следственные отношения, где изначально отсутствует выбор, заменяются более сложными моделями. Центральное место в рассуждениях занимает тезис о взаимосвязанности. Его невозможно постичь в статике, он возникает в динамике самоорганизации общества на многих уровнях его исторического бытия. Тогда отображение социальной динамики строится на основе анализа процессов интеграции и дифференциации, носящих спонтанный, непрерывный и взаимообусловленный характер. Новые идеи соответствуют совре-

менному состоянию научной диалектики и синергетики, требующему перехода «от абстрактно-всеобщей диалектики к диалектике конкретно-всеобщей», в рамках которой выявляются новые закономерности развития, определяющие ход мирового процесса [3, с. 7; 4, с. 13].

Такой переход необходим, в частности, когда речь идёт о социокультурной динамике общества. Так, невозможно согласиться с ошибочной, на наш взгляд, интерпретацией идеи К. Маркса, согласно которой условия общественной жизни полностью определяют обстоятельства и события индивидуальной жизни членов общества [5, с. 195]. Когда условия жизни и события индивидуальной жизни рассматриваются в контексте их происхождения (генезиса), условия жизни оказываются первичными по отношению к индивидам. Но когда данное соотношение рассматривается не в контексте их происхождения, а в контексте их реализации, то первичными становятся обстоятельства индивидуальной жизни людей. Жизнь любого индивида начинается в условиях общественной жизни, которые складываются до его рождения и которые он в одиночку изменить не может. Однако данный тезис можно перевернуть: деятельность индивидов становится первичной по отношению к совместным условиям их жизни,

поскольку нет иной силы, способной осуществить их изменения. Подобные инверсии или перемены местами противоположностей обнаруживаются в самых разных сферах человеческой деятельности.

Нечто, имеющее основание, в ходе эволюции обретает такое новое качество, которое уже не сводимо полностью к сохраняющемуся базису (объективным условиям жизни). Сознание людей всё более активно воздействует на окружающий мир, включая сюда объективные условия жизни самих индивидов: «сознание не только отражает объективный мир, но и творит его» [10, с. 194]. Уже никто не отрицает, что наши желания и мысли изменяют мир. С другой стороны, изменённая человеком среда, как социальная, так и (отчасти) природная, вызывает обратное воздействие на человека, изменяя его самого. В этом едином процессе изменяются, развиваются и прогрессируют как люди, так общество, как общие условия их жизни, так и сам человек. «...Как само общество производит человека, как человека, так и он производит общество», — писал Маркс [7, с. 589]. Взаимодействие этих процессов подчиняется диалектическим законам современного, ориентированного на процессы, мышления. На теоретическом уровне учёт данной динамики может быть связан с преодолением дуализма, отделяющего создаваемое в обществе от его создателей.

Люди не являются беспомощными объектами человеческой истории, эволюции человечества; они и есть эта история и эволюция [13, р. 254]. Мы становимся сознательными агентами «точки бифуркации» нашего общества, хозяевами нашей обновлённой судьбы.

Когда-то начальные условия самоорганизации общества были ограничены сравнительно узкими пределами выживания и размножения. Но коль скоро эти условия стали иметь место, эти условия сами становятся объектами эволюции. Эволюция дифференцирует природные и групповые (социальные) системы посредством коэволюции. То, что социальные системы являются всего лишь подсистемами природных систем, как и то, что природные системы предстают перед людьми в виде окружающей среды для человеческих сообществ, происходит от статического понимания, которое стремится представить мир в дуалистических терминах. Однако сама жизнь создаёт природные условия для своей дальнейшей эволюции, а, с другой стороны, биосфера создаёт свою собственную социальную жизнь, которая имеет место и у стайных животных в природе. Природа (окружающая среда) и общество являются аспектами одной и той же единой и объединяющей эволюции. Жизнь представляется теперь не просто разворачивающейся в природе — сама

природа становится всё более живой, не механической [11, с. 67]. Человечество не только пользуется «окружающей средой», но всё более активно воздействует на её эволюцию, которая преобразуется им в меру эволюции самого человечества.

С позиций развивающейся диалектики и синергетики дуалистический раскол «условий общественной жизни» и «событий индивидуальной жизни» может теперь оказаться преодолённым. Новые подходы, ориентированные главным образом на модели жизни, а не на механические образы, приводят к построению более динамичных теорий развития, самоорганизации и самообновления общества. Условия общественной жизни и события индивидуальной жизни взаимосвязаны и поэтому вопрос о «первичности» одной из них не имеет смысла. Как не имеет смысла, отмечает проф. В.П. Бранский, представление о «первичности» существования человека по отношению к его сущности в философии экзистенциализма [8, с. 180] или социальной интеграции и дифференциации. К тому же отмеченное решение проблемы носит явно имперсоналистский, а следовательно, заведомо односторонний характер.

Обобщая известное высказывание классика, можно утверждать, что за пределами основного гносеологического вопроса о том, что признавать первичным, а что вторичным, материю или сознание, относительность любого противоположения является несомненной [9, с. 131]. Так, в последнее время в рамках синергетического подхода «наметилось преодоление разрыва между необходимостью и случайностью, а в социальном плане — между свободой и необходимостью, свободой и ответственностью» [2, с. 33]. Это стало возможным, поскольку в синергетике исследуются нелинейные системы, к которым, безусловно, принадлежит социум с его процессами самоорганизации. А последние «преодолевают» *de facto* теоретические недочёты отмеченных ранее дуальных решений.

Люди — не животные, жизнь которых совпадает с их жизнедеятельностью, равной уровню их же неизменной специализации. Поднявшись выше отмеренного для животных уровня развития, человек создал нечто иное, чего не было до него, — производство и воспроизводство самого себя в модусе уже не природы, но цивилизации и культуры и стал равным этому своему новому качеству. Внутри природное единообразие видов животных сменилось яркой индивидуальностью и личностным началом в человеке. Одному человеку не осилить строительство египетской пирамиды — это правда, но и миллион людей не осуществят подобный «проект» без автора проекта и его идеи. Так, в христианской концепции без Христа

не было бы ни апостолов, ни христианства. Поэтому теория должна включать в себя не только онтологический уровень, но также гносеологический, культурологический и аксиологический аспекты самоорганизации общества.

Не просто люди составляют общество, но общество живёт людьми, личностями, а личности живут всеми другими людьми. Общество «живёт» людьми, а люди «живут» обществом. Не просто общество «состоит» из людей, а последние изменяют условия своей жизни. Общество «потребляет» людей во всём возможном объёме их природно-социальной и культурной сущности, и люди во всём возможном для них объёме «потребляют» общество. Как отмечает Дорис Лессинг, «люди не растут, приобретая несвязные привычки изолированных кусков знания, подобно выбору вещей на прилавке: “да, я возьму это” или “нет, я не хочу это!”». Напротив, они «развивают знания о хорошем или плохом, потребляя всех других людей, потребляя контекст культуры, события и места» [13, р. 254]. В такое «потребление всех других людей» входит и «потребление» людей уже усопших, имея в виду опосредованное влияние прежних людей на живых («свет угасшей звезды»). Тем самым на место понятия о «составе людей» идёт представление о непрерывном, континуальном характере «преходящего» множества людей. Но тогда в процессах самоорганизации общества следует учесть также и «настрой» актуально живущих людей на воспитание ещё не родившихся, но планируемых детей, планирование их будущей жизни в соответствии с собственными ожиданиями, стереотипами поведения и идеалами.

Таким образом, в приведённых выше определениях акцент делается на понятие о множестве людей, притом актуально сущих, живущих в настоящем времени. Однако подобно тому, как «настоящее» не существует без прошлого и будущего, так и в понятие общества следует включить не только ныне живущих его членов, но также и уже умерших и ещё не родившихся. При этом, как и в случае с диалектикой «стрелы времени» у Августина, и те и другие мыслятся с точки зрения актуально живущих людей. Умершие поколения осуществляют, как это ни парадоксально, «надзор» за актуально живущими людьми, их нравственными и ценностными ориентациями, деятельностью общественных институтов и организаций. То же самое можно утверждать относительно «надзора» за государством.

Рассмотрение общества лишь как совокупности людей, даже изменяющих свои условия жизни, обнаруживает позитивистский подход. А забвение ушедших людей, как и отсутствие исторической ответственности перед будущим (напри-

мер, в форме отказа от деторождения), порождает идеологию инфантилизма и эгоизма. Как говорил Цицерон, не зная, что было до того, как ты родился, значит навсегда остаться неразвитым ребёнком. На такой основе невозможно возрождение и воспитание патриотизма. Напротив, социальная синергетика как фундаментальная эссенциология (а не только феноменология) самоорганизации придаёт важнейшее значение анализу идеалов и нормативов тех или иных социальных, этнических, культурных и религиозных стереотипов [1, с. 12–49], т.е. идеологическим (от слова «идеал») основам обществ. Идеалы являются «руководящими образами» для всех людей, вне зависимости от того, говорим ли мы о прошлом, настоящем или будущем.

В определённом смысле даже в отношении актуально живущих людей можно сказать, что одни из них, фигурально, «умирают», либо переставая быть востребованными или же радикально изменяя свой статус, а другие индивиды, напротив, «рождаются» для той или иной роли, будучи уже актуально сущими. «Троичная» структура общества, включающая в себя один актуальный и два виртуальных аспекта, задаёт динамизм всему процессу самоорганизации. Она представляется весьма актуальной в свете мнения о ормировании в современном обществе новой, весьма специфической формы общественной реальности — виртуальной [12]. Виртуальное включение в состав общества как живого организма памяти о предках может представлять собой важнейший элемент самоидентификации общества, в том числе и общества российского.

Данная диалектическая троичность не случайна, она является результатом развития самого общества. Поэтому одним из важнейших результатов общественной самоорганизации и развития следует признать усиливающуюся автопоэтическую жизнь в настоящем посредством включения в него идеологического опыта прошлого и ожиданий будущего. Такое освобождение нашего внутреннего мира от реальности внешней делает наши представления о будущем, наши планы действительным элементом настоящего. Социум всё более концентрируется в автономии систем и в индивиде, а индивид всё более несёт ответственность за общество, в котором он живёт. Вместе с этим, согласно Эриху Янчу, усиливается холистическая память общества, открывающая перед системой возможность установления обратной связи с её истоками и тем самым — «с полным опытом своей эволюции» [13, р. 16].

Жизнь людей в обществе невозможно свести к удовлетворению ими объективных потребностей и отстаиванию тех или социальных интересов. С

таких позиций невозможно понять самоопределение, самоорганизацию и самообновление человека и социума. При этом теряются такие фундаментальные характеристики человеческого сознания, как его ментальность, историчность, наличие в нём архетипов и др. Учёт данного единства необходим именно потому, что речь идет о человеке. Человек же такое существо, которое направлено на явления, выходящие за пределы конечных целей, на надчеловеческое и надличностное, на идеалы как прошлого, так и будущего, а не только настоящего. Человек — существо уникальное, идеологическое. Он способен думать о том, чем сам не является и чем не может быть в принципе. Человек ориентирован на высший (в том числе и внутри самого себя) порядок и стремится знать о нём. То есть знать то, что не имеет никакого отношения к последствиям для человеческого существования и интересов, несоизмеримо с ними и ничем из них не может быть ограничено. Сюда, бесспорно, необходимо отнести память о прошлом и надежду на будущее. Знание открывает гармонию и порядок в мире, в котором человек живёт, но большем, чем он сам, открывает сцепление и образ явлений целого, стоящие вне человеческих надежд, упований, желаний, использований, интересов, ценностей. Но человек, тем не менее, стремится их знать, выходя за пределы явлений, обладающих конечной размерностью [6, с. 123–124] (включая сюда ценности и идеалы), постольку, поскольку его объективное познание связано с культивированием холистического восприятия мира в его целостности, единстве и осмысленности.

Жизнь общества, его история понимаются и как «смена поколений». Таким понятием удобно пользоваться, однако насколько оно продуктивно и, главное, адекватно для выражения небывалого ранее динамизма современного общества? Представление о поколениях членит общество на большие группы живших или живущих (по двадцать пять лет) людей. Затем их сменяют следующие поколения и т.д. Живой органический процесс дробится на отдельные дискретности. Создаётся впечатление, что эти дискретные образования целиком сменяют по истечении определённого времени другие дискретности. Понятие «поколение» отличается от понятия «личность» не только объёмом, но и отсутствием своей качественной определённости. А потому оно безлико и не способно раскрыть феномен общественного обновления как перехода от одного качественного состояния общества к другому.

Также невозможно согласиться с тем, что новое поколение, входя в жизнь, сначала адаптируется к нему и только затем обретает возможность

изменить его. На деле не существует человеческих поколений как чего-то абсолютно целого в самом себе и качественно определённого по отношению к другим поколениям как в свою очередь чего-то единого и качественно однородного в самом себе. Так, «поколение шестидесятников» не было монолитным: кто-то ориентировался на гуманистические идеалы раннего Маркса, другие — мечтали о возвращении к ленинским нормам партийной и общественной жизни, а третьи видели перспективу в полном отказе от наследия Советского Союза.

Для понимания процессов социальной самоорганизации в современной России перестают быть значимыми и такие понятия, как, например, «народные массы» или «морально-политическое единство народа», хотя ещё совсем недавно они имели не только формально-лозунговый, идеологический, но и содержательный, общезначимый смысл управляющего идеала.

Думается, что более адекватной моделью самоорганизации общества является не образ «смены поколений», а непрерывный динамический процесс ухода (а то и вытеснения или перемещения) отдельных индивидов и их «прихода» в жизнь общества. Конечно, так было и раньше, но процесс охватывал главным образом большие группы людей, социальные слои и классы. В условиях новой России этот процесс ускоряется в зависимости от темпов и степени социальной дифференциации общества. Он подчиняется тому же закону дифференциации и интеграции, но уже на основе диффузии форм собственности, демократического выбора и плюрализма. Закон охватывает все три отмеченные выше сферы самоорганизации общества.

Понятие «поколение» указывает на интеграцию множества людей, на нечто сходное между ними, как единое. Однако в истории самоорганизации общества наступает период, когда уже индивид, а не поколение становится «единицей» процессов социальной интеграции и дифференциации. Нечто сходное можно обнаружить в развитии научного знания, исходя из понятий классической и современной рациональности. Тогда предстают две реконструкции истории наук. В одном случае мы имеем дело с последовательной сменой эпох, в другом случае — с непрерывным возобновлением событий знания. Длительные периоды развития науки в рамках тех или иных парадигм (Т. Кун) сменяются периодом её непрерывного развития методом выдвижения и опровержения научных гипотез. При этом, естественно, идентичность любого научного «теперь» обретает себя в контексте непрерывной изменчивости, не образуя непреодолимого противоречия. Процессы развития ускоря-

ются в сфере как научного знания, так и социума. Подобным же образом представление о последовательной смене поколений не входит в противоречие с непрерывным возобновлением общества на индивидуальном уровне. Здесь взаимодействие прежних поколений людей, ныне живущих и будущих, разворачивается в динамическую непрерывность бытия человечества. При этом ориентация на прежние поколения включает в себя момент сожаления и желание идентичности, определенности актуально живущих. А ожидание грядущих событий предстаёт как дерзание к непредсказуемому будущему.

В частности, это находит подтверждение в изменении состава почитаемых предков, который пересматривается в сторону его расширения или сужения. Так, в современной плюралистической России данный состав значительно шире, чем во времена Советской Союза. Раньше в него входили вольнодумцы, руководители крестьянских восстаний, мыслители-материалисты, атеисты, революционные демократы, народовольцы, анархисты, большевики и советские военачальники. Теперь в такой «список» вошли цари и великие князья, аристократы и дворяне, купцы и чиновники, контрреволюционеры и царские генералы, служители церкви и святые, мистики и реформаторы, лидеры различных партий пр. То есть все те, кто ранее был негоден. В императорской России такой список был меньше, чем при Советах, но больше, чем в допетровской России. В свою очередь во времена Московской царской Руси он был больше, чем во времена феодальной раздробленности. Не трудно заметить, что одни списки почитаемых предков (и современников) характерны для «идеологического общества», а другие списки — для «потребительского общества». Но и там, и здесь главное отличие состоит в соотношении и степени социальной интеграции и дифференциации людей. Постепенно на передний план выходят не межгрупповые и межличностные отношения.

Таким образом, происходит процесс отбора, выбора и суперотбора почитаемых предков. Они являются персонифицированными образами общезначимых идеалов своего времени, проходя неизбежно процедуры идеализации. В результате отобранные персоналии обретают характеристики знаковых образов, а затем и общезначимых идеалов или управляющих образов для целых общностей людей, а то и эпох. В этом качестве они являют себя не только «итогами» своей эпохи, но и зачинателями новообразований своего времени. При этом, быть может, не менее важен и уход — возврат (прежде всего лидеров) по формуле «нет пророка в своём отечестве».

Как отмечает Эрих Янч, трудности, с которыми столкнулась теория флуктуаций, когда ее применили к человеческому обществу, прежде всего связана с нашим неадекватным пониманием межличностных коммуникаций. Такое событие, как появление новой цивилизации, которая обычно появляется через быстрое разрушение старого в течение десятков лет, кажется, может быть хорошо описано через самоусиление внутренних флуктуаций. Поразительно между тем, что такие структуры также возникали в исторических ситуациях, характеризующихся медленностью коммуникаций в течение длительных периодов. Основатель христианства, который согласно легенде умер в возрасте 33 лет, не был в состоянии распространять свое учение непосредственно (лицом к лицу). Скорее всего можно предположить резонанс в сознании, который, возможно, усилился через социальную ситуацию, созданную римским империализмом в средиземноморском регионе и на Ближнем Востоке. Во многих случаях человеческое ядро, из которого родилась христианская цивилизация, была организована в относительно маленьких племенах из нескольких сотен или тысяч членов, которые жили единым духом. Кумранские свитки, найденные в пещерах около Мертвого моря, дают картину такого типа организации. Похожие подходы видны в структурировании контркультуры в 1960-х гг. на Западе. Как и в диссипативных структурах, там, возможно, существует критический размер для такого набора самоорганизационной динамики. С другой стороны, соответствие структуры и функции здесь также предохраняют группу от разрастания в чрезмерно большую. Процесс роста такой цивилизации на ее ранней стадии, возможно, происходит через преумножение таких единиц скорее, чем через их рост [13, р. 254].

Сама степень участия людей в изменении общих условий жизни и изменения в самих людях не одинаковы. В современном российском обществе увеличилось количество малых флуктуаций, степеней выбора и свободы. В свою очередь процессы социальной дифференциации ведут к увеличению числа бифуркационных развилки в самых разных сферах общественной жизни. Другими словами — к возможности появления нового в этих разнообразных явлениях и процессах, ведущих через их реализацию к трудно прогнозируемым и неоднозначным явлениям в морали, искусстве, науке, образовании, информатике, технике и технологии и т.д.

Масштабные преобразования социальной и культурной организации прежде объяснялись посредством постой схемы чётко выраженных квантовых скачков. На современном уровне, вклю-

чающем в себя способность к саморефлексии и предвидению, эта схема модифицировалась. Монолитная идея культуры начала растворяться в культурном плюрализме, который может открыть возможность для более мягких, или «скользящих», переходов. Предпосылкой такого рода не-деструктивных переходов явилось бы усиление автономии подсистем. Однако, по мере того как связи между подсистемами вследствие прогресса технологии коммуникации и транспорта становятся всё более гибкими, усиливается метастабильность политических, социальных и экономических систем. Но именно это увеличивает возможность того, что флуктуации будут всё более возрастать и могут достичь опасного уровня. Отсюда возрастает актуальность поиска единства внутри разнообразия современной России для обеспечения её подлинной устойчивости, к которой стремится согласно синергетике любая саморазвивающаяся система. В процессах самоорганизации общества происходит действие системы на саму себя. Это достигается через контрпроцессы, через выработку новых «управляющих образов», или «общезначимых идеалов», с которыми все согласны, несмотря на свои социальные, экономические, политические, культурологические и прочие различия.

Список литературы

1. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургской акмеологической академии, 2000. 106 с.
2. Бусов С.В. Проблематика свободы и выбора в истории философии и социальной практики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2. С. 31–40.
3. Внутских А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории / Пермский гос. ун-т. Пермь, 2006. 335 с.
4. Внутских А.Ю. Парадокс отбора и его возможное решение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 3. С. 11–17.
5. Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. СПб.: Изд-во ДНК, 2001. 536 с.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 700 с.
8. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009. 314 с.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС. Т. 18. 525 с.
10. Ленин В.И. Философские тетради. ПСС. Т. 29. 752 с.
11. Ласло Эрвин. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен / предисл. Артура Ч. Кларка; пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Тайдекс Ко, 2004. 208 с.
12. Орлов С.В. Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 82–87.
13. Jantsch E. The Self-Organizing Universe. New York; Oxford: Pergamon Press, 1980. 269 p.

TO THE CHARACTERISTICS OF SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS (DIALECTICAL AND SYNERGETIC ASPECTS)

Alexei F. Rodyukov

*Petersburg State University of Telecommunications;
61, Moika river emb., Saint Petersburg, 191186, Russia*

Principle of relative changes of individual and society allow to overcome dualism, which separates creature from the creator. When the conditions of social life and the events of individual life are discussed in the context of their origin (genesis), the conditions are primary in relation to the individuals. When relationship of individual and society are discussed in the context of their realization, the individual circumstances of people's lives become primary. Three-part model of society is suggested. It includes the actual living, the dead and the unborn persons. The individual, not the generation, becomes a «unit» of the social differentiation and integration at the stage of macro-scale change of self-organization process in society.

Key words: primary, secondary; bifurcation; fluctuation; self-organization; differentiation; integration; generation; three-part model of society; guiding image.

УДК 008.001

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ТРАДИЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ

Вострова Наталья Андреевна

аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики

Южный федеральный университет

344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

e-mail: Natalialobko@mail.ru

Рассматривается проблема взаимодействия традиционной и современной гендерной культуры. Особое внимание уделяется средствам массовой информации, на примере которых явно прослеживается процесс переосмысления традиционных гендерных воззрений. В настоящее время этот процесс все более усугубляется. Возникает потребность в образовании новых моделей и норм поведения. Искажение стереотипных воззрений, приобретающих все чаще статус предрассудков, приводит к возникновению своеобразных конфликтов. Речь идет прежде всего о гендерном дисбалансе, который выражен межполовой асимметрией, а также смещением ролей, традиционно предписанных мужчинам и женщинам. Пересмотр гендерной традиции необходим для разработки новой гармонично сложенной культурной парадигмы. А также это необходимо для приемлемого урегулирования взаимоотношений между полами в различных областях социокультурной действительности.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; переоценка ценностей; мировоззренческие ориентиры; межполовой конфликт.

В настоящее время в традиционной культуре происходят качественные изменения, касающиеся стереотипных гендерных представлений. Мы вступили в новое столетие, в котором культура приобрела кризисный характер, выраженный в частичном отказе от многовекового опыта, вызванного массовым импортом чуждых нам западноевропейских ценностных образцов поведения. Создавшаяся ситуация повлекла за собой переоценку всех традиционных ценностей, что в свою очередь привело к устареванию большинства прежних стереотипных, в основном патриархальных воззрений на идеалы мужественности и женственности, на их поведение и взаимоотношение. Проблема заключается в том, что в пространстве современной культуры этот трансформационный процесс продолжает все более усугубляться, порождая потребность в формировании новых гендерных моделей поведения. Иначе начинают трактоваться образы, роли мужчин и женщин в окружающем их мире. Новые приоритеты предполагают иной психологический портрет женщины, включающий черты, традиционно приписываемые мужчине, и наоборот [5]. Но, несмотря на это, влияние гендерной патриархальной традиции по-прежнему остается весомым. Она настолько прочно укоренилась в массовом сознании, что не-

известно, сколько по времени займет процесс ее переосмысления и приведет ли он к искоренению господствующих в ней убеждений.

Все чаще в полоролевой социокультурной сфере возникают своеобразные конфликтные ситуации, в основе которых лежит гендерное неравенство, порожденное в результате столкновения прежних традиционных и современных воззрений.

Проблема гендерного равенства не является продуктом современности. Она существовала в историко-культурном контексте еще на ранних этапах становления традиционной парадигмы. В явной или скрытой форме она всегда присутствовала в массовом сознании, обретая с течением времени новые оттенки, но сохраняя при этом суть. Таким образом, это явление социокультурного масштаба, обусловленное тем, что в культурной среде взаимодействуют две группы индивидов, несущие в себе определенные различия и, следовательно, обладающие неравными возможностями.

Существует несколько подходов к осмыслению проблемы межполового неравенства. Согласно утверждениям Е.А. Здравомысловой, первый подход — полоролевой, основывающийся на представлении о функционально ограниченном различии, точнее — о различии мужской и жен-

ской ролей в культуре. Следующий представлен социокультурным конструктивизмом, обращенным к категории «гендер» и понимающим его как социально сконструированное отношение неравенства по половому признаку [7]. При исследовании обозначенной проблемы эффективной представляется попытка объединения указанных подходов. Исследователи Н.И. Ажгихина, С.Г. Айвазова, О.Ю. Маркова подчеркивают, что при изучении вопроса о гендерном дисбалансе необходимо вспомнить о назначении гендера [1, 2, 10]. Он представляет собой категорию, заключающую в себе и биологические, и социокультурные характеристики, определяющие полоролевую принадлежность и диктующий модели межполового поведения. Согласно современной гендерной теории все перечисленные выше характеристики, безусловно, существуют, но все дело в том, что сами по себе они не играют существенной роли в осмыслении неравенства. Наиболее значимы не биологические различия, а и их социокультурная интерпретация. Немаловажную роль в процессе выработки социокультурной оценки играют гендерные стереотипы, на основе которых путем длительного обобщения возникают многовековые оценочные интерпретации идеального образа мужчины и женщины в социокультурном пространстве.

Процесс принятия гендерной идентичности, навязывания стереотипов всегда предполагает осознание и усвоение предлагаемых семьей, затем обществом определенных гендерных норм и правил поведения. Среди элементов, участвующих в процессе усвоения гендерных стереотипов, особенно с развитием в настоящее время информационных и компьютерных технологий, необходимо назвать и средства массовой информации.

СМИ для современного информационного общества являются одним из основных механизмов трансляции, это орудие, с помощью которого происходит воздействие на подсознание социальных индивидов. С помощью специальных методов подсознательного воздействия средства массовой информации диктуют готовые, но скрытые в разнообразном потоке новостей схемы осмысления социокультурного и гендерного поведения. Человек автоматически воспринимает их и неосознанно им следует. Он просто не способен устоять перед подобным воздействием, так как от природы подвержен влиянию, внушению и не может контролировать направленное на него внешнее воздействие. Все это приводит к выработке стереотипных представлений.

Для более эффективного восприятия информация, содержащаяся в сообщении, подгоняется под тот или иной стереотип, связанный с жизнедеятельностью социокультурных субъектов. Таким образом, СМИ не только навязывают определенные стереотипы, но и заставляют людей мыслить ими. Стандартизируя, упрощая сообщения, они понижают уровень интеллектуального мышления, не развивая его. Наиболее ярко этот процесс просматривается в рекламе. Она занимает лидирующее место в процессе формирования и усвоения стереотипов, так как учитывает половые особенности целевой аудитории, на которую направлена. Обратимся к И.В. Грошеву, который в статье «Рекламные технологии гендера» отмечает: «...реклама передает не только информацию о товарах, услугах, но и об общественных, политических и других типах отношений в обществе, в том числе и межличностных взаимоотношениях мужчин и женщин» [4, с. 171]. Таким образом, реклама создает «мозаичное панно, которое наполнено глубоким социокультурным смыслом и голограммой нашей быстрой жизни» [8, с. 117].

Гендер с точки зрения гуманитарных наук — биологическая, социокультурная характеристика, позволяющая определить социальные категории «мужчина», «женщина». Реклама постоянно воспроизводит в общественном сознании эти стереотипные характеристики, на основе которых создаются идеальные образы мужчин и женщин. Следовательно, реклама нам не просто предлагает приобрести товар, а навязывает картину социокультурного, гендерного пространства взаимоотношений. Словом, реклама демонстрирует, как следует поступать, чего от нас ждут окружающие в той или иной ситуации [6].

Гендерные традиции в СМИ неотделимы от идеального мужского и женского образов, от идеи их предназначения в культуре. Согласно А.А. Дударевой, И.В. Грошеву, И.А. Гусейновой, М.В. Томской, они создаются на основе мифологизации действительности. Использование такого рода образов позволяет активно воздействовать на целевую аудиторию, побудить к приобретению рекламируемого объекта и почувствовать себя в качестве рекламных персонажей. Помимо этого, заставляет зрителя имитировать поведение персонажа из рекламного ролика в реальном пространстве. Так, гендерные образы, транслируемые социуму, конструируют социокультурные отношения и помогают в полной мере отразить действительность, существующие в социальной среде дифференциации и приоритеты [4, 5, 6].

В советский период господствовали социалистические идеи, основанные на том, что все граждане имеют равные права, являются членами единой семьи. Женщина стала исполнять роль матери и работницы, устроительницы социализма. С 20-х по 80-е гг. XX в. в число традиционных образов входил образ советской труженицы/труженика, матери-работницы, матери-героини, воина-защитника, образ партийной работницы/работника, комсомольца/комсомолки и т.д.

В результате перестройки социум вернулся к идеологии «естественного» предназначения женщины. Тем самым возродилась традиционная роль женщины — создавать домашний уют и хранить домашний очаг. Социально-экономическая обстановка 90-х гг. — (период формирования рыночной экономики) вывела на авансцену традиционные образы домохозяйки, мужа-отца, матери-домохозяйки, бабушки, свекрови, соседки. К этим образам присоединился модный образ бизнесмена, секс-символа, звезды, а также появились следующие маргинальные образы — домохозяин, деловая женщина.

В настоящее время, когда произошел кризис гендерной идентичности, когда смешались полоролевые сферы деятельности, изменилось мировосприятие, произошла переоценка традиционных ценностей, образы обрели новые гендерные статусы и роли. Несмотря на то что в современном обществе становится приемлемым маскулинизированная модель поведения как среди мужчин, так и среди женщин, в рекламной среде в отношении роли и внешнего вида мужчин и женщин преобладают традиционные воззрения.

Гендерные отношения в рекламе имеют довольно узкий аспект. Согласно И.В. Грошеву, они по преимуществу склоняются к «технике заигрывания» [4, с. 174], демонстрируя сущностные отношения между полами. Залогом успешной рекламы является присущее ей соблазнительное содержание. А его могут обеспечить лишь гендерные образы, которые не только рекламируют, продают товары и услуги, но и сами в какой-то степени являются этим товаром.

Женский образ наиболее распространен и желаем. Именно женщине под силу привлечь внимание, соблазнить, побудить к приобретению рекламируемого объекта. Женщина в роли соблазнительницы заигрывает, искушает, привлекает посредством своего тела, словом, оказывает сильное влияние на психику зрителя, который, используя воображение, самостоятельно может

додумать рекламное действие. Зритель словно втягивается в определенное действие с участием рекламируемого объекта.

Успех рекламы зависит от обращенности к устоявшимся гендерным конструктам и стереотипам, к неосознанным на рациональном уровне шаблонам нашего восприятия межполовых отношений мужчины и женщины [4, с. 185]. В рекламе женщина представляется и в более стереотипной, традиционной для нее и окружающих роли. Удел женщины — домашнее хозяйство и воспитание детей, плюс ко всему этому забота о мужчине. Она репрезентируется, как мы отметили, в роли сексуального объекта и к тому же обременена домашними хлопотами и заботами. Она «подается либо как деталь кухонного интерьера, спальни, либо с бесчисленными стиральными порошками и средствами для чистки, либо как соблазнительница» [9, с. 108]. Реклама транслирует, какой должна быть и как обязана вести себя женщина в идеале, демонстрирует то, к чему она должна стремиться. А именно: хорошо готовить, управляться с домашними делами, следить за собой и угождать мужчине. Типичные стереотипный женский образ, изображаемый в рекламе, обладает рядом черт, связанных с социальными и коммуникационными умениями, с излишней эмоциональностью, с нацеленностью на удовлетворение потребностей как мужчины, так и семьи в целом. Реальные жизненные проблемы женщин социально-политического и экономического плана отражения в рекламе не находят.

Мужской образ представлен также вариативно, как и женский, составляет ему серьезную конкуренцию в репрезентации рекламной продукции. Мужчина, в отличие от женщины, обремененной домашними делами, воспитанием детей, вынужденной занимать низкооплачиваемые должности, более свободное, словом, социально неограниченное существо. Ему в рекламном ролике приписывают характеристики, присущие идеальному мужчине, — стабильность, профессионализм, престиж, активность, авторитетность, независимость. Соответственно, для мужчин и женщин реклама, используя «клишированные образы», порожденные маскулинно ориентированным типом сознания, задает установку на определенный стереотип поведения, определяет их место и распределяет между ними обязанности в обществе [4, с. 180]. Все это указывает на естественность присутствующих в социуме гендерных отношений.

Стоит заметить, что идеальные образы как мужчины, так и женщины предстают в достаточ-

но стереотипной форме. Это позволяет отметить, что гендерные стереотипы, закрепленные за ними в обществе, прочно укрепились и в рекламной практике. Они свидетельствуют, что идеальная женщина должна быть семейной, домашней, заботливой, параллельно с этим она должна быть симпатичной, нежной, доброй. Вдобавок ко всему женщина должна быть трудолюбивой и умной, но не умней мужчины. Мужчина отмечен в рекламе и в массовом сознании как сильный, независимый, выносливый. Таким образом, мы видим, что идеальный образ мужчины и женщины, господствующий в общественном мировоззрении, полностью совпадает с их рекламными прототипами. Следовательно, стереотипизированные образы, репрезентируемые в рекламе, влияют на формирование идеальных образов и отношений у представителей современного социума.

Реклама и средства массовой информации в целом представляют огромное пространство для осуществления репрезентаций не только продаваемых товаров и услуг, но и определенного образа жизни. Эффективность этих репрезентаций зависит от устоявшихся стереотипных конструкций, под которые подгоняются информационные сообщения и посредством которых мы воспринимаем межполовые отношения. Таким образом, роль СМИ, рекламы в создании и навязывании гендерных стереотипов и ролей неоспорима. Информационное давление, оказываемое СМИ, подталкивает индивидов подражать, соответствовать социокультурным и гендерным ожиданиям, признанным в культуре. Они воспринимаются как данность, поэтому большинство людей перестает опираться на собственный опыт и безоговорочно следует им. Чтобы ослабить такое воздействие, СМИ должны, сохраняя эти стереотипы, не укреплять их, а способствовать хоть в некоторой степени их изменению.

Стереотипные представления, касающиеся идеальных образов мужчины и женщины, способствуют распространению гендерного неравенства. Доминирующее положение отдано мужчине, а женщине — наоборот, подчиненное. Почему проблемы гендерного неравенства, равноправия приобрели особую значимость для российского общества именно на рубеже XX–XXI вв.? В этот период Россия встала на путь становления новой российской государственности, что происходило в процессе радикальной социально-экономической трансформации и модернизации. Новая волна реформ не отразилась благоприятно на развитии страны: построение рыночной экономики и демо-

кратического государства привели в 90-е гг. к финансово-экономическому кризису. Началось разрушение не только экономической системы, но и системы социального обеспечения. Таким образом, власть, взяв курс на демократию и рыночную экономику, оказалась не способной создать качественную социально ориентированную экономическую политику. Естественно, все это отразилось и на социокультурных отношениях между индивидами, между государством и индивидами. Государство перестало обеспечивать поддержку, уменьшило свой контроль над жизнью граждан в некоторых сферах. Социальные индивиды оказались в ситуации неопределенности, теперь все зависело от них самих, от их личного выбора.

В условиях социально-экономического кризиса не защищенная государством работающая женщина оказалась по сравнению с мужчиной в затруднительном положении. С развитием рыночной экономики она постепенно стала «выпадать» из сферы общественного производства. Дело в том, что развитие рынка привело к отделению от государственного сектора экономики сферы частного предпринимательства, наиболее высокооплачиваемой. Естественно, к работе в данной сфере потянулась большая часть женского населения. Таким образом, женщина составила конкуренцию мужчине на рынке труда. Но частный сектор экономики, на который государство перенесло обязанность по обеспечению льгот, воспринял женщину как невыгодную рабочую силу. Она «стала невыгодным товаром на рынке труда — слишком дорогостоящим и менее надежным работником» [2, с. 121]. Женщине при ее способности к воспроизводству необходимо гарантировать определенные льготы. Словом, в частный сектор экономики путь был открыт только мужской части населения. Все это привело к тому, что женщина осталась трудиться в традиционной сфере занятости, низкооплачиваемой, в качестве социального обслуживающего персонала.

В итоге разграничение экономики на традиционный и частный секторы привело, во-первых, к разделению профессиональной сферы деятельности на «мужскую» и «женскую», а во-вторых, к неравному уровню оплаты труда. Это позволяет нам наблюдать так называемую гендерную сегрегацию, т.е. ограничение в правах, разделение сфер труда на основании половой принадлежности, которое приводит к явной дискриминации женщин в сфере занятости. Такая нестабильность негативно сказывается на социально-экономическом положении индивидов и ведет к распространению

безработицы, в основном среди женской части населения.

Что касается сферы власти, то в годы реформ здесь тоже наблюдается явное неравенство. Здесь преобладают мужчины. Женщины постепенно начинают вытесняться из этой области. Все это связано с появлением в общественной идеологии идеи о естественном, природном предназначении женщины, ее опять возвращают в сферу семьи и быта. Обязанности жены, матери, хозяйки и обеспечение семьи — все это ложится на женские плечи, а мужчина, в какой-то степени отстраненный от семьи, выполняет лишь свой долг по ее материальному обеспечению.

Получается, несмотря на то что в наше время многое изменилось, мы продолжаем жить в изначально патриархальном мире, в котором по преимуществу все подчинено мужчине. Согласно О.Ю. Марковой, «мы живем в мужском мире, созданном мужчинами по своим меркам» [10, с. 224]. Здесь все наполнено мужскими качествами — рациональностью, конкуренцией, хладнокровием. Женское второстепенно, оно представлено через интересы мужчины. Словом, это мир, где все построено на доминировании одного пола над другим.

Вместе с тем в современном обществе поведение мужчин и женщин, определяемое полоролевыми стереотипами, в связи с их переосмыслением всё же изменилось. В результате эмансипации в наше время уже нельзя говорить о явной дискриминации и неравенстве. Скорее всего следует употребить иной термин — «гендерная асимметрия». Под ней понимается «непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов в различных сферах жизни» [1]. Таким образом, половая асимметрия связана с изменением социальных и культурных позиций, занимаемых сегодня мужчинами и женщинами. То есть речь идет о некотором смещении и смещении ролей.

Возьмем, например, институт семьи. В современном обществе семья перестала быть сферой государственного влияния, она приобрела автономный статус. Между мужчиной и женщиной начали формироваться партнерские отношения. Установки патриархального мира с его подчинением и угнетением перестали соответствовать современной действительности. Отношения потеряли в некотором смысле свою иерархичность. В сфере семьи мужчина и женщина стали равны. Исчезло жесткое подчинение. Нет ни формального признания авторитета отца, ни полного кон-

троля над жизнью семьи со стороны матери [2, с. 129]. Отношения построены на взаимных обязанностях и правах.

Правда, хотя равенство и лежит в основе современной семьи, все равно среди большинства представителей преобладают традиционные убеждения, относительного того, что должны делать женщина и мужчина. Поэтому уделом женщины все равно остается домашний труд. Хорошо если речь идет о женщине-домохозяйке, основная сфера работы которой — семья. Но если иметь в виду работающую женщину, то домашние обязанности гораздо в большей степени ложатся на ее плечи, чем на ее трудящегося мужа. Поэтому большинство мужчин сегодня, хотя и время от времени, но принимают участие в домашних делах.

Необходимо отметить, что все эти обстоятельства, проблемы, вызванные дестабилизацией социально-экономической системы, приводят семью к отказу от прежних стереотипных представлений об иерархии отношений и полоролевом взаимодействии. Для современной семьи характерно совмещение, взаимный обмен ролями и обязанностями. Семья стала самой значимой ценностной сферой жизни для современного человека. Именно здесь он пытается отдохнуть от внешнего хаоса, для этого в семейных отношениях должны быть сбалансированность и гармония, чего можно достичь только на основе уважения прав и интересов членов своей семьи. Проведенный выше краткий анализ позволяет отметить, что в сфере семьи гендерные отношения претерпели качественные изменения и вышли на новый уровень развития.

Но если в сфере семьи мы наблюдаем относительно сбалансированную полоролевою ситуацию, то в сфере занятости, где до сих пор присутствует разделение труда, где убеждения, связанные с различием между мужчинами и женщинами, играют немаловажную роль, где характерны меньшая власть и более низкий статус женщины, гендерная асимметрия и дисбаланс проявляются наиболее ярко.

Несмотря на то что женщины сегодня проявляют значительную активность, они по-прежнему редко допускаются в дела крупных фирм, связанных с финансовой и промышленной деятельностью. Это свидетельствует о том, что в сфере трудовой деятельности равноправие как таковое не достигнуто. Оно формально. Снова все зависит от бытующих в общественном сознании представлений о естественном предназначении мужского и

женского начала, навязывающих каждому из них определенные роли и сферу деятельности.

В современных трудовых организациях в скрытой или в явной форме проводится гендерная политика, с помощью которой по половому признаку формируется кадровый состав, властные структуры, распределяются сферы деятельности. Вопрос в том, какой идеологии придерживается проводимая гендерная политика — равенства или неравенства. Основана ли она на стереотипных убеждениях о естественном от природы неравенстве, которое сложно преодолеть, либо она исходит из представлений о культурном неравенстве, которое можно нормализовать при разработке определенных социальных механизмов. Таким образом, здесь положение и статус индивида того или иного пола определяются самой организацией. Но все равно, какая бы гендерная политика не проводилась трудовыми организациями, культура носила и продолжает носить мужской характер.

Итак, в современном мире мы можем наблюдать преобладание мужчины в сфере труда и неявную дискриминацию женщины. Согласно результатам проведенных Е. Вовком исследований, женщине в современном мире жить труднее, чем мужчине, ей труднее реализовать себя. Да, несомненно, это так, но давайте посмотрим с другой стороны. Мужской мир не спешит открыть перед женщиной двери, и она сама решает, довольствоваться малым, оставаясь в роли матери, жены, домохозяйки, и занимать при этом среднеоплачиваемую должность или пытаться самореализовать себя в иных сферах деятельности [3].

Но в наше время мы все чаще начинаем встречать женщину в мужской сфере деятельности. Появляется феномен деловой женщины, женщины-руководителя, в полной мере реализовавшей себя. Женщина, которая везде и всюду стремится успеть, достичь и карьерного роста, и обзавестись семьей. Женщина, которая принимает общие правила поведения, рассчитанные в основном на мужчин. Это позволяет говорить о ее маскулинизации. Она становится наиболее рациональной, стойкой, конкурентоспособной, независимой. Но «деловая женщина должна доказывать, что ее образ жизни нормален, не только мужчинам, но и женщинам», ведь «общественное сознание с большей готовностью принимает образы домохозяйек, офицерских жен, содержанок, и с меньшей — самостоятельных, деловых женщин», которые вышли за рамки стереотипных представлений [10, с. 238].

На основе проведенного исследования можно предположить, что современный мужчина в трудовой сфере деятельности до сих пор обладает большим количеством возможностей для реализации своих способностей, ему ничего не мешает и ничего его не дискредитирует. Что касается женщин, то большинство из них, пытаясь сделать карьеру, часто разочаровывается в своих возможностях. И лишь меньший процент из них добивается задуманного. Это свидетельствует о том, что в данной сфере шансы женщины для продвижения по карьерной лестнице невелики.

Сфера власти в современной России имеет тоже по преимуществу «мужское лицо». Да, мы часто встречаем женщин-депутатов, но это лишь малый процент населения. Несмотря на присутствие женщин в сфере власти, этот мир отдается в распоряжение мужчин. Дискриминация, присутствующая во властных структурах, преодолевается с помощью квот, представляющих собой равные доли налога для мужчин и женщин, которые помогают последним хоть и в своем меньшинстве укрепить свои позиции в данной сфере культуры.

Сегодня вопрос по преодолению гендерного неравенства остается открытым. Но для решения гендерного конфликта, порожденного, на наш взгляд, влиянием гендерной традиции на современное взаимодействие полов, не следует стремиться к равенству везде и во всем. Женщине не к чему и не за кем будет стремиться вперед, а у мужчины — приверженца традиций исчезнет уверенность в себе. И снова все повторится и возникнут те же проблемы. Возможно, необходимо выработать уважение и терпимость полов по отношению друг другу, что поможет преодолеть гендерный дисбаланс в современной российской культуре.

Список литературы

1. *Ажгихина Н.И.* Гендерная асимметрия // Словарь гендерных терминов. М.: Информация – XXI век, 2002. 256 с.
2. *Айвазова С.Г.* Гендерная асимметрия российской повседневности // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. С. 120–130.
3. *Вовк Е.* Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 61–73.
4. *Грошев И.В.* Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 171–186.

5. *Гусейнова И.А.*, Томская М.В. Гендерный аспект в текстах современной рекламы // *Философские науки*. 2000. № 3. С. 81–92.
  6. *Дударева А.А.* Рекламный образ. Мужчина и женщина. М.: РИП-Ходинг, 2003. 222 с.
  7. *Здравомыслова Е.А.*, Темкина А.А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // *Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации* / под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН. 2003. С. 140–150.
  8. *Кравченко Е.И.* Мужчина и женщина: взгляд
сквозь рекламу (Социология мозаики Э. Гофмана) // *Социологические исследования*. 1993. № 2. С. 117–131.
  9. *Лемтюгова Е.Б.* Гендерные особенности восприятия рекламы // *Студенческий научный журнал*. 2010. Т. 1. С. 106–108.
  10. *Маркова О.Ю.* Гендерные измерения современного общества // *Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. ст.* СПб.: Петрополис, 2001. Вып. 1. С. 223–239.
-

INFLUENCE OF GENDER TRADITION ON MODERN RUSSIAN CULTURE

Natalya A. Vostrova

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

The problem of interaction between traditional and modern gender culture is considered in the paper. Process of reconsideration of traditional gender views in mass media area is analyzed. The author suggests that need for formation of new models and standards of gender behavior arise. Stereotypic views are distorting, getting the status of prejudices; these prejudices lead to specific conflicts and gender disbalance. It is expressed by inter-sexual asymmetry and a mixture of the traditionally male and female roles. Revision of gender tradition is necessary for elaboration of the new harmonious cultural paradigm. Also it is necessary for implementation of acceptable relationship between sexes in different areas of social-cultural reality.

Key words: gender; gender stereotypes; revaluation of values; worldview orienting points; intersexual conflict.

УДК 115

ВОЗМОЖНОСТЬ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АТЕМПОРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

Годарев Максим Григорьевич

(псевдоним М.Г. Годарев-Лозовский)

председатель Санкт-Петербургского философского клуба

Российского философского общества

198259, Санкт-Петербург, ул. Тамбасова, д. 25, корп. 6, кв. 57

e-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru.

Теория детерминированной бесконечности вневременной телепортацией микрообъекта, по мнению автора, разрешает известные апории Зенона, связанные с парадоксальностью перемещения через бесконечную последовательность отрезков пути. На элементарное атемпоральное микроскопическое перемещение квантовых объектов указывает невозможность описать его микроскопическим уравнением Ньютона и уравнением Шредингера. Принцип неопределенности Гейзенберга показывает наличие неопределенных в сколь угодно близком будущем координат микрообъекта. Известно также, что в микромире реализуется вневременная телепортация состояний. Все перечисленное приводит к принципу атемпоральности: некоторые параметры квантового микрообъекта (например, координаты в пространстве или направление поляризации) изменяются атемпорально.

Ключевые слова: бесконечность; атемпоральность; синхроничность; детерминизм; причинность.

Основные положения теории детерминированной бесконечности (ТДБ)

В 1936 г. Дж. фон Нейман и Г. Биргкоф с целью объяснения двухщелевого эксперимента создают математический формализм в терминах гильбертова бесконечномерного пространства. В итоге для описания движения микрообъектов отказались и от фундаментальной роли физического трёхмерного пространства, и от классической логики. Результат этих шагов очень точно оценил в наше время академик РАН Е.Б. Александров: «По существу мы не знаем, что за логика лежит за законами квантовой механики! Но при этом *мы знаем эти законы!* Можно пытаться найти гносеологическую базу квантовой механики. Но ясно, что это ничего не изменит в её аппарате, который *работает уже сто лет без единого сбоя*» [6]. По нашему мнению, ТДБ может рассматриваться как гносеологическая база квантовой механики.

Основные положения ТДБ

- Поскольку природа не терпит абсолютной пустоты как внепричинной среды, то ТДБ исходит из непрерывности, потенциальной бесконечной делимости, безначальности и бес-

конечности как физического трёхмерного пространства, так и физического времени.

- Элементарные, т.е. неделимые, перемещения квантового микрообъекта в непрерывном пространстве осуществляются атемпорально по дискретной, без сплошностей траектории, что позволяет избежать парадоксальности перемещения через бесконечную последовательность отрезков пути. **Скрытые параметры перемещения микрообъекта по сплошной траектории отсутствуют.**
- Перемещение квантового микрообъекта в непрерывном времени реализуется скачком, о чём свидетельствует существование кванта действия.
- Квантовая неопределённость координаты и времени объясняется бесконечным разнообразием взаимодействий объектов микромира. Открытие новых частиц — это выявление скрытых параметров взаимодействий [14, с. 22].
- Бесконечные множества функционально связанных микрообъектов перемещаются синхронно, устанавливая меру, творят разнообразие [4].

В работе [3] сделано предположение, что в природе реализуется специфическая связь явлений в пространстве, которая атемпоральна и син-

хронистична, в т.ч. атемпорально элементарное бестракторное перемещение квантового микрообъекта и синхронизировано с перемещением множества функционально связанных с ним объектов.

По-видимому, эта связь проявляет себя в природе двояким образом:

- Функционально связанные квантовые объекты *вне зависимости от взаимных перемещений в пространстве* мгновенно реагируют на физические состояния друг друга (двухщелевые эксперименты, эксперименты А. Аспека, запутанные состояния).
- П.П. Гайденок отмечает, что, по мнению Р. Декарта, в мире, где нет пустоты, где непрерывная материя заполняет беспредельное пространство, невозможно ни одной частице двинуться со своего места иначе, как передвинувшись на место другой, которая, в свою очередь, становится на место третьей и т.д. [2, с. 131].

С учетом атемпоральности подобные цепи взаимных перемещений в микромире, вероятно, бесконечны как «вширь» так и «вглубь» материи. Не исключено, что известный эксперимент Н.А. Козырева, в результате которого был получен мгновенный сигнал от звезды о ее действительном положении в пространстве, можно объяснить «цепной реакцией» перемещений множества фотонов между астрономическими телами [7].

Интересно, что ТДБ полностью согласуется с подходом В.И. Фалько к фундаментальным типам реальности [16].

Метаболическое движение макротел

Будем исходить из того, что макротело, которое состоит из микрообъектов, реально перемещается в пространстве и во времени. Но «движение происходит не путём “раздвигания” элементов субстанции, а путём их замены в системе, т.е. “вхождения” в систему одних “точек” метаболического пространства и “выхода” других» [10].

Метаболическое движение, по А.П. Левичу, согласовывает атемпоральный принцип перемещения в микромире с классическими представлениями о движении, рассматривая вторые как предел или частный случай первого. При этом необходимо сознавать, что микромир фундаментален по отношению к макромиру, ибо первый теоретически может существовать независимо от второго.

Экспериментальное подтверждение квантовой атемпоральности

В соответствии с принимаемой нами онтологией *единое сущее включает в себя только то, что имеет различие* [8]. Не вызывает сомнений движение макротел во времени. Но ведь должно существовать и отличное от него движение вне времени. В. Янчилин описывает движение в двух изолированных друг от друга комнатах, внутри которых хаотически движется только *один электрон*. И если мы начнём отодвигать друг от друга эти комнаты, то электрон будет продолжать двигаться хаотически, находясь по-прежнему в обеих комнатах. Расстояние между комнатами можно сделать сколь угодно большим — электрон будет продолжать двигаться одновременно в двух комнатах. Примером такого дискретного движения в двух изолированных друг от друга областях может служить движение электрона в атоме (см. рис. 1).

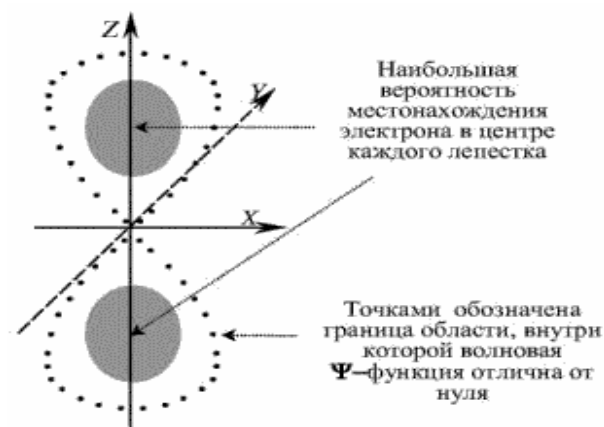

Рис. 1. Схематичное изображение распределения плотности вероятности местонахождения электрона в атоме для 2p-состояния

На рисунке изображён разрез в плоскости XZ. Распределение плотности вероятности симметрично относительно оси Z, поэтому точно такой же график распределения будет и в плоскости YZ. Наибольшая вероятность местонахождения электрона — в центре каждого «лепестка», а в плоскости XY она равна нулю. С точки зрения классического (непрерывного) движения невозможно объяснить, каким образом электрон может находиться в обоих лепестках, не пересекая при этом плоскость XY.

Таким образом, если волновой пакет (виртуальное облако), в котором электрон совершает движение, имеет возможность расщепиться на две

половины, то он, расцепившись на два волновых пакета, может двигаться в различных направлениях. Электрон, совершая хаотическое движение в этих пакетах, также будет двигаться одновременно в различных направлениях. Например, он сможет пройти через два отверстия одновременно. Если при дальнейшем движении эти волновые пакеты соединятся на детекторе, то произойдет их интерференция. Хотя электрон при этом только один. Движение любого другого квантового объекта (например фотона) будет аналогичным. Подробнее о концепции В. Янчилина см. [19, с. 26–40].

В квантовой информатике рассматривается система, которая состоит из двух ионов (А и В) с зарядом $+e$ каждый и электрона, имеющего заряд $-e$. У этой системы два «базисных» состояния: в состоянии А электрон расположен вблизи иона А, образуя вместе с ним нейтральный атом, тогда как в состоянии В электрон расположен вблизи иона В.

Следует отметить, что между областями А и В существует промежуточная область, вероятность обнаружения электрона в которой равна нулю, а объём частицы несопоставимо меньший, чем объём каждой из этих областей (см. рис. 2).

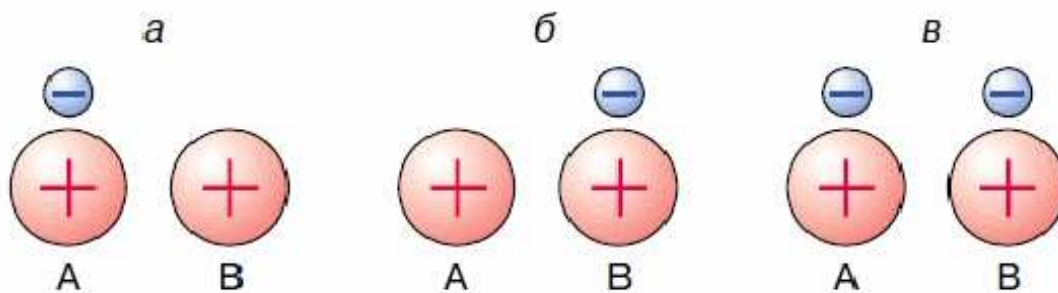

Рис. 2. Возможные состояния системы из двух положительных ионов и одного электрона:

- а) «классическое» состояние $|A\rangle$ — электрон вблизи иона А;
- б) «классическое» состояние $|B\rangle$ — электрон вблизи иона В;
- в) квантовое состояние — суперпозиция состояний $|A\rangle$ и $|B\rangle$ (электрон одновременно находится вблизи обоих ионов; заряд электрона поровну распределен между двумя ионами, но при измерении мы всегда обнаруживаем не половинки электрона, а целый электрон — либо вблизи иона А, либо вблизи иона В, с вероятностью 1/2)

К вышеизложенному добавим, что Серж Арош и Дэвид Уайнленд провели прямое наблюдение индивидуальных квантовых систем без нарушения их целостности. В частности, ион бериллия был помещён между основным (самым низким) и первым возбуждённым уровнями, так что вероятность нахождения иона в обоих состояниях одинакова. В этом случае суперпозиции состояний квантовая функция схлопывается к двум возможным состояниям, аналогично рассматриваемым нами экспериментальным системам (рис. 1, 2). Таким образом, Нобелевская премия 2012 г. по физике была присуждена за то, что оказалось допустимым исследовать индивидуальные системы, что ранее считалось невозможным. Состояние исследуемой системы сводится к суперпозиции двух равновероятных базисных состояний, а само

наблюдение не нарушает его. В работе [12] справедливо обосновывается, что **в квантовой механике измерение проявляет, а не изменяет состояние индивидуальной квантовой системы, которое существует независимо от того, измеряется оно или нет.** Однако, задав себе вопрос, где находится микрочастица в некоторый интервал времени, мы вынуждены ограничиться утверждением, что нам известна лишь вероятность ее нахождения в некоторой области пространства.

Но вернёмся к рис. 1, 2 и проведём логический анализ физической ситуации, запечатлённой на них. Представляется, что эта ситуация весьма характерна для микромира. Поэтому предлагаемые варианты решения в некоторых случаях свяжем с той или иной философской интерпретацией квантовой механики. Из анализа изначально предлага-

ется исключить ансамблевое объяснение, т.к. оно налагает запрет на рассмотрение индивидуальных микрообъектов [13, с. 81–101]. Предлагается не анализировать также инструменталистское объяснение, которое исходит из тезиса: «Считай и не задавай вопросов». При этом необратимость времени и протяженность трехмерного физического пространства, которое фундаментально представляются аксиомами.

Рассмотрим несколько различных интерпретаций (рис. 1, 2), полагая разумным то, что во всякий временной интервал электрон имеет с равной вероятностью актуальное и потенциальное положения в двух относительно удалённых областях пространства.

Многомировое объяснение (в духе Эверетта). Электрон «размазан» в математическом пространстве, и каждому из вероятных положений электрона соответствует свой особый мир [13, с. 101–109].

Классическое объяснение. Электрон перемещается между двумя областями с конечной скоростью.

Предельный случай классического объяснения (в духе В. Янчилина). Это объяснение по существу подразумевает, что электрон перемещается между двумя областями с бесконечной скоростью [19, с. 26–40].

Копенгагенское объяснение (в духе Н. Бора). Электрон имеет одновременно множество возможных пространственных положений в областях, соответствующих двум различным волновым пакетам, а в момент измерения координаты происходит редукция (схлопывание пакетов) к одному из вероятных положений электрона [13, с. 72–80].

Регенеративное объяснение (в духе Я. Френкеля). Электрон исчезает в одной области и через сколь угодно малое время возникает (регенерирует) в другой области [18].

Нереалистическое объяснение [15, с. 68–82]. Электрон актуально не существует между наблюдениями и соответственно нельзя говорить о перемещении электрона в пространстве. Это объяснение разделяет в настоящее время большинство учёных. В соответствии с ним нельзя спрашивать о состоянии квантовой реальности в интервале между измерениями, а сама частица имеет лишь вероятность координаты, но не саму координату. Следует отметить, что нереалистическое объяснение, подменяя причинное описание вероятностным, постулирует ненаглядность процессов в микромире.

Атемпоральное объяснение (в духе ТДБ). Допустим, что перемещения электрона между областями А и В действительно не имеют траектории, т.е. являются элементарными. В этом случае электрон вне времени телепортирует из одной области в другую и обратно (см. рис. 3).

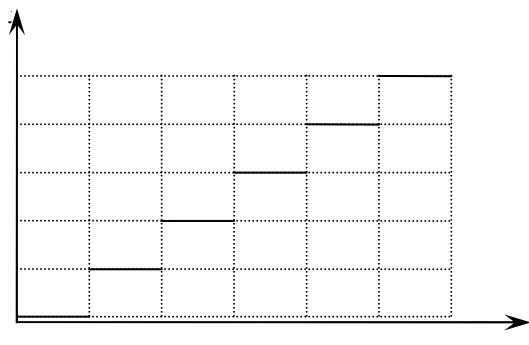

Рис. 3. Графическая схема движения квантовой частицы

Критически проанализируем обозначенные выше объяснения по порядку их следования, попутно ответив на риторический вопрос А. Эйнштейна: «Играет ли Бог в кости?».

Представим игральную кость в виде кубика, на каждой из шести плоскостей которого нанесено соответственно от 1 до 6 точек. После броска кубика вероятность обнаружения его на ребре стремится к нулю. В случае аналогии с движением микрообъекта эта ситуация может соответствовать скрытым параметрам его перемещения по сплошной траектории. Вероятность выпадения после броска кубика двух значений одновременно (например, 1 и 2) строго равна нулю. Эта ситуация соответствует элиминированию закона исключенного третьего применительно к положению в пространстве индивидуальной квантовой микрочастицы. В случае такого объяснения частица реально, непоследовательно находится в двух различных областях пространства. Выпадение числа 7 абсолютно исключено в силу несоответствия этого события самому понятию «игральная кость». Аналогичное утверждают, полагая, что микрообъект актуально не существует в состоянии суперпозиции. И только атемпоральное объяснение элементарного перемещения индивидуальной частицы соответствует конечной вероятности выпадения в результате броска кости одного из значений от 1 до 6, а также сохранению незыблемой классической логики с законом исключенного третьего. А на вопрос, поставленный Эйнштейном, кратко и емко ответил В. Сорокин:

«Бог не играет в кости, но Он *ничего* не делает дважды».

Объяснение *первое* (многомировое).

Противоречит тому, что допустимо в реальном трёхмерном физическом пространстве.

Объяснение *второе* (классическое).

Соответствует скрытым параметрам перемещения и противоречит эксперименту, ведь в рассматриваемом нами случае не существует вероятности обнаружения электрона в промежуточной области вне обозначенных двух.

Объяснение *третье* (пределный случай классического).

Требует участия бесконечной энергии и абсолютно пустого пространства. Оба допущения весьма сомнительны с физической точки зрения.

Объяснение *четвёртое* (копенгагенское).

Классическая логика требует, чтобы одна частица *только последовательно* занимала два положения в пространстве. Это последнее замечание чрезвычайно важно: непонимание квантовой механики не должно нарушать закон исключенного третьего.

Объяснение *пятое* (регенеративное).

Не согласуется с законом сохранения энергии, ибо в этом случае микробиъект на мгновение должен исчезать в пространстве, что совершенно недопустимо.

В остатке мы имеем альтернативу между шестым (нереалистическим) и седьмым (атемпоральным) объяснениями, которая ассоциативно напоминает неравенства Белла и, вероятно, может быть сформулирована на соответствующем этим неравенствам языке [1, с. 311–352].

Словесно эту альтернативу обозначим следующим образом: либо квантовая микрочастица в интервале между измерениями её координаты не существует в пространстве, либо её элементарные перемещения атемпоральны. Но как можно согласиться с нарушающим логику и закон сохранения энергии несуществованием реального физического объекта в трактовке нереализма? С другой стороны, разве допустимо подменять причинное описание статистическим в трактовке вероятностной логики? [1, с. 263–310].

Микробиъект, действительно, последовательно имеет *одно актуальное положение в пространстве при множестве потенциальных, т.е. вероятных*. Но сам этот факт не отвечает на вопрос о причине того или иного актуального положения микробиъекта. Дилемма, которая стояла перед наукой, заключается по существу в следующем.

Либо признается последовательный ряд несмежных координат индивидуального квантового микробиъекта и атемпоральное перемещение его между этими координатами, либо отсутствие у микробиъекта координат и темпоральное перемещение между отсутствующими координатами (см. рис. 4).

Наука, увы, выбрала последнее. И совершенно напрасно, ибо этот выбор заключает в себе серьёзную логическую ошибку. Я. Лукасевич, основатель трехзначной логики, утверждал, что неаристотелева логика есть логика без закона противоречия [5]. Однако отнять у математиков закон исключенного третьего, как полагал Д. Гильберт, — это то же, что забрать у астрономов телескоп или запретить боксерам пользоваться кулаками.

В том случае, если мы принимаем атемпоральность, то наш электрон не преодолевает путь между двумя областями (рис. 1, 2), поэтому вероятно его обнаружение в промежуточной области. Не нарушая закона сохранения энергии, частица, исчезая в одной области, абсолютно одновременно возникает в другой области и наоборот. *Электрон мерцает*. Именно такого рода перемещение в конце XVIII в. представлялось Г. Лейбницу [11, с. 226–265].

Тезис: квантовый микробиъект может находиться в двух и более различных областях пространства относительно одновременно (принцип суперпозиции). *Антитезис*: физический объект может только последовательно находиться в двух и более различных областях пространства (закон исключенного третьего). *Синтез*: физический объект может относительно одновременно находиться в двух и более различных областях пространства только в случае атемпорального перемещения и мгновенного, но последовательного нахождения в каждой из областей (см. рис. 4).

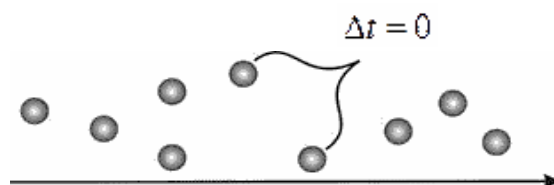

Рис. 4. Дискретная траектория одиночной квантовой частицы, которую составляет последовательность элементарных, бестраекторных, атемпоральных перемещений (стрелкой обозначено направление движения микробиъекта)

Важно осознавать, что физическое пространство, в отличие от математического, обязательно содержит материальные объекты. В истории науки последнего времени, увы, произошло смешение всех трех этих понятий.

В контексте мгновенного переноса состояний можно говорить как о квантовой несепарабельности и запутанных состояниях, так и о статической силе Кулона. Последняя зависит только от расстояния и соответственно это *взаимодействие передается* от одного заряда к другому так же, как и гравитационное от одной массы к другой *без затрат времени на любые астрономические расстояния*.

Поскольку *атемпоральность согласуется с требованиями классической логики*, то неприятие атемпоральности современным научным сообществом связано исключительно с историческими и социально-психологическими причинами.

Выбор, отвергающий принятие атемпоральности и уход от классической логики и реализма, — большая ошибка современной науки.

Однако эту ошибку можно исправить. Для этого необходимо признать следующее *условие экспериментального доказательства атемпоральности*.

Если эксперимент показывает, что вероятность обнаружения микрообъекта строго ограничена двумя различными областями пространства, то атемпоральное перемещение частицы можно считать доказанным.

Но почему науке необходим термин «атемпоральность»?

А) Потому что термин «квантовая нелокальность» означает возможность мгновенных корреляций, а не временной параметр перемещений объектов.

Б) Потому что термин «синхронистичность» означает вневременную связь явлений, а не только синхронные процессы перемещения объектов в пространстве.

В) Потому что термин «квантовая телепортация» в настоящее время в науке означает мгновенный перенос состояния, но не перемещение физического объекта в пространстве.

Г) Только термин «атемпоральность» отражает вневременной характер перемещения (телепортации) физических объектов в пространстве [3].

Выводы

На основании всего вышеизложенного можно утверждать, что ненаглядно и противоречиво всякое объяснение элементарного перемещения квантовой частицы в пространстве в пределах темпоральной парадигмы и траекторного движения.

В основании квантовой механики лежит свободный от овремененных высказываний фундаментальный логический закон исключенного третьего, который преломляется в следующий конкретный тип последовательного актуального существования квантового микрообъекта в состоянии суперпозиции: индивидуальный квантовый микрообъект актуально существует в пространстве, а его положения и состояния логически последовательны. Невозможно в пространстве: а) актуальное несуществование, полное исчезновение; б) прерывание последовательности несмежных положений, длительная полная фиксация; в) смешивание последовательных физических состояний индивидуального квантового микрообъекта. В итоге можно сформулировать принцип квантовой атемпоральности: **некоторые параметры квантового микрообъекта (например, координаты в пространстве или направление поляризации) изменяются атемпорально**. Предложенный принцип отличается от принципа атемпоральности О. Фейгина содержанием и независимостью от релятивистских космологических построений [17], соответствуя при этом известному нарушению неравенств Белла [9].

В самом общем виде смысл этой работы в следующем. Единое сущее включает в себя только то, что логически непротиворечиво, но при этом имеет различие, а значит, существует как временная, так и вневременная реальность. При этом эксперимент показывает существование обоих обозначенных типов реальности, а **логическая последовательность может реализовываться в пространстве независимо от временной последовательности**.

Атемпоральная интерпретация квантовой механики (тезисы)

Предложенная философская интерпретация квантовой механики наглядна, эвристична, не противоречит ни классической логике, ни фундаментальным физическим законам и принципам.

1. Реальное физическое пространство трехмерно и обязательно содержит материальные объекты.

2. Индивидуальная частица, которая находится вне наблюдения, актуально и непрерывно суще-

ствуется в физическом пространстве (основание: закон сохранения энергии).

3. В состоянии суперпозиции находится не материальный объект, а его волновая функция (аксиома).

4. Определенные координаты частицы в пространстве в настоящий момент времени дополняет неопределенность пространственных координат в следующий сколь угодно близкий момент времени (основание: соотношение неопределенности Гейзенберга).

5. Элементарное, микроскопическое перемещение микрочастицы бестраекторно (основание: неприемлемость микроскопического уравнения Ньютона для описания движения квантовой частицы).

6. Микроскопическая динамика необратима во времени (основание: условие микропричинности).

7. Существует неограниченное разнообразие особенностей взаимодействий квантового микрообъекта (основание: принцип различия П.М. Кольчева).

8. Редукцию волновой функции нельзя понимать как превращение волны вероятности в реальную частицу (аксиома).

9. В состоянии суперпозиции реализуется как логическая, так и временная последовательности состояний волновой функции. Даже в бесконечно малый отрезок времени t_1 существует конечная вероятность пребывания частицы в некотором объеме dv , а в следующий за ним бесконечно малый отрезок времени t_2 существует конечная вероятность отсутствия частицы в этом объеме (основание: уравнение Шредингера).

Все перечисленные позиции прямо или косвенно указывают на справедливость следующего положения.

Принцип атемпоральности

Некоторые параметры квантового микрообъекта (например, координаты в пространстве или направление поляризации) изменяются атемпорально.

Список литературы

1. Аккарди Л. Диалоги о квантовой механике: Гейзенберг, Фейман, Академус, Кандидо и хамелеон на ветке / пер. с итал. А.Я. Арефьевой; под ред. А.А. Баранова, И.В. Воловича. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004. 448 с.
2. Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Кн. дом «Либриком», 2011. 373 с.
3. Годарев-Лозовский М.Г. Атемпоральная парадигма движения // Вестник Пермского универ-

ситета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3. С. 25–32.

4. Годарев-Лозовский М.Г. Теория детерминированной бесконечности и ее научно-философские основания // Фундаментальные проблемы естествознания и техники: Труды международного конгресса – 2012. СПб., 2012. С. 191–206.
5. Карпенко А.С. Аристотель и Лукасевич о законе противоречия: contra et pro // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 154–165.
6. Квантовая механика напоминает... богословие. Из переписки гл. ред. с академиком РАН Е.Б. Александровым // Светский гуманист. URL: <http://humanism.su/ru/articles.phtml?num=000446> (дата обращения: 18.09.2013).
7. Козырев Н.А. Насонов В.В. О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 9: Проявление космических факторов на Земле и звездах. М.; Л., 1980. С. 76–84.
8. Кольчев П.М. Релятивная онтология и релятивная квантовая физика // Философия физики: актуальные проблемы: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 июня 2010 г. М.: Ленанд, 2010. С. 302–305.
9. Куракин П.В. Скрытые параметры и скрытое время в квантовой теории / ИПМ им. М.В. Келдыша. М.: РАН, 2004. URL: http://www.keldysh.ru/papers/2004/prep33/prep2004_33.html (дата обращения: 10.03.2013).
10. Левич А.П. Моделирование времени как методологическая задача физики // Философия физики: актуальные проблемы: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 июня 2010 г. М.: Ленанд, 2010. С. 80–83.
11. Лейбниц Г. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
12. Липкин А.И. Квантовая механика как раздел теоретической физики. Формулировка системы исходных понятий и постулатов // Актуальные вопросы современного естествознания. М., 2005. Вып. 3. С. 37–43.
13. Марков М.А. О трех интерпретациях квантовой механики: Об образовании понятия объективной реальности в человеческой практике. М.: Кн. дом «Либриком», 2010. 112 с.
14. Поппер К. Квантовая теория и раскол в физике: пер. с англ.. М.: Логос, 1998. 192 с.
15. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: Кн. дом «Либриком», 192 с.
16. Фалько В.И. Типы философских онтологий физики // Философия физики: актуальные проблемы: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 июня 2010 г. М.: Ленанд, 2010. С. 161–163.

17. Фейгин О.О. Квантовый Мультиверсум // Квантовая магия. 2005. Т. 2, вып. 1. URL: <http://quantmagic.narod.ru/volumes/VOL212005/cont21.html> (дата обращения: 10.03.2013).
18. Френкель Я.И. Понятие движения в релятивистской квантовой теории // Доклады АН СССР. 1949. Т. LXIV, № 4. С. 507–509.
19. Янчилин В.Л. Квантовая нелокальность. М.: URSS, 2010. 142 с.
-

THE POSSIBILITY AND ONTOLOGICAL BASIS
FOR ATEMPORAL INTERPRETATION OF QUANTUM MECHANICS
Maxim G. Godarev-Lozovsky

25/6–57, Tambasova str., Saint-Petersburg, 198259, Russia

The theory of determined infinity resolves through extra-temporal teleportation of a micro-object the well-known Zenon's papyri, related to paradoxicality of transportation via infinite sequence of sections of the path. The impossibility to give its description with the help of the microscopic Newton's equation and Schrodinger's equation points at an elementary atemporal microscopic transportation. The Heisenberg's uncertainty principle shows the presence of a micro-object's coordinates which are indefinite in the arbitrarily near future. It is also known that extra-temporal teleportation of states is realized in the micro-world. All mentioned factors give rise to the principle of atemporality: certain parameters of a quantum micro-object (for example, its coordinates in space or direction of polarization) change atemporally.

Key words: infinity; atemporality; synchronicity; determinism; causality.

УДК 124.2:167/168

СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРАДИГМ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рупташ Ольга Васильевна

кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича

Украина, 58012, Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

e-mail: o_ruptash@ukr.net.

Проанализированы предпосылки и выделены основные характеристики трансформации парадигмы научного познания на современном этапе развития науки. Исходным пунктом исследования служит типология рациональности: классическая — неклассическая — постнеклассическая, разработанная В.С. Стёпиным. Рассмотрены особые постнеклассические тенденции развития ведущих методологических стратегий для разных типов наук (естествознания, социогуманитарных и технических). Акцентируется внимание на интегрирующей роли понятия «смысл» в разработке концепции рациональности. Обозначены идеи, принципы и методологические возможности синергетики для формирования концептуальной основы постнеклассической науки. Выделены смысловые векторы постнеклассической науки, основанные на таких ориентациях, как методологическое сомнение, синергетическое миропонимание, междисциплинарный синтез, принцип равнозначности целого и его частей, принцип дополнительности, идеализация нелинейной среды, принцип человекомерности изучаемых систем, введение ценностно-смысловых координат познания. Определены их значение и ведущая роль в формировании современного образа науки.

Ключевые слова: методология, научная рациональность, парадигма, постнеклассическая наука, синергетика.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время наука подвергается критике сразу по нескольким направлениям. Наука оказалась неспособной, *во-первых*, обеспечить оптимальное экологическое равновесие на нашей планете, защитить безопасную среду жизни человека; *во-вторых*, выработать и обосновать оптимальную модель организации общества; *в-третьих*, преодолеть системный экономический кризис; *в-четвертых*, достичь поставленных (ещё на заре Нового времени) целей образования, здравоохранения и т.д. Переосмысливается практическая эффективность научного знания, поскольку его применение в разных сферах жизни общества приводит к негативным последствиям, вследствие которых человечество столкнулось с глобальными проблемами. Стремительный научно-технический прогресс не только не устраняет накопленных проблем, но и в некоторых аспектах усугубляет надвигающийся кризис. Это, в свою очередь, усиливает недоверие к науке в целом и гуманитарным наукам в частности. Более того, не успев утвердить свой научный статус, гуманитарные науки оказались

под перекрестным огнем критики как в методологическом, так и социально-культурном плане. Недоверие к научному способу познания и его результатам возрастает на фоне релятивизации критериев истинности знания.

Наиболее известные работы, в которых содержатся критические замечания в адрес науки, её методов и результатов познания, принадлежат перу А. Бергсона, В. Гейзенберга, Ж. Делёза, Ф. Капры, Ф. Лиотара, Ж. Лакана, П. Фейерабенда, М. Фуко, М. Шеллера. В среде философов, историков, социологов, изучающих феномен науки, научное творчество и методологию, обосновывается и популяризуется идея о несостоятельности науки как средства познания и преобразования мира, общества и самого человека. Главным аргументом этой идеи является значительное количество проблем, стоящих перед наукой, которые наиболее пессимистически настроенные авторы провозгласили принципиально неразрешимыми. Книга Джона Хоргана «Конец науки» [13] обозначила название современной стадии развития науки (несмотря на

то, что «конец» многими исследователями рассматривается только как начало нового периода).

Но конструктивной критика может стать лишь тогда, когда одновременно с отрицанием старого, общепринятого на определенном этапе развития, намечается тенденция роста нового, указывается путь преодоления критикуемого явления. В. Чуйко подчеркивает, что истинно научное отрицание должно быть конструктивным, т.е. указывать на причину, которая обуславливает неприменимость старого принципа, приводит к потере его нормативного значения в истории науки [14, с. 64]. В целом, и критики, и защитники научного познания и научно-технического прогресса соглашаются с тем, что современная наука нуждается во взвешенном, объективном анализе и оценке не только проблем, но и научных достижений, а также в переосмыслении предыдущих стадий развития науки и определении её перспектив. Особенную роль в этом процессе должны сыграть исследования методологии научного познания, направленные на анализ смысловых трансформаций научных парадигм на этапе перехода от классической к постнеклассической науке.

Актуальность темы исследования обусловлена, в частности, временным дистанцированием от изучаемого процесса, что дает возможность проанализировать как предпосылки, так и следствия названного перехода. Особенно целесообразно определить характерные черты и специфику методологии каждого периода, выраженные в научных парадигмах. При этом, с одной стороны, можно говорить о замене классической методологии постнеклассической, с другой — о методологическом кризисе, проявляющемся в отказе от научной методологии как обязательного атрибута научного познания, суммирующего нормативные процедуры познания, проверки и оценки научных результатов. Одним из проявлений такого кризиса является принцип «вседозволенности» в методологии, провозглашенный П. Фейерабендом.

В зависимости от приверженности к той или иной позиции философов, занимающихся вопросами методологии науки и теории познания, можно разделить на две группы — сторонников и противников методологического мышления. Первые — рассматривают методологический кризис как необходимый момент парадигмальных изменений в науке, или парадигмальный сдвиг. Вторые — считают методологические проблемы продуктом философских дискуссий, не имеющими оснований в реальной практике научной деятельности. Последнее заключение отражает переориентацию научного познания преимущественно на прикладную сферу, воплощение знания в технике

и технологии, а не на фундаментальные исследования (что также является одним из признаков «конца науки»). Таким образом, деформируется понимание смысла и назначения научной деятельности: из средства познания она всё больше становится средством преобразования мира и человека. И социогуманитарное знание в этом плане приобретает не меньшую значимость, чем естественно-научное, объективируясь в разнообразных технологиях в сфере политики, экономики, рекламы, социального управления, педагогики, психологии и т.д. Социальные и гуманитарные науки выявляют значительную эффективность, которую можно оценить не только качественно, но и количественно измерить, например в финансово-экономических отчётах.

Необходимость анализа смысловых трансформаций парадигм возрастает на фоне проблем переопределения общекультурных программ и установок, проявляющихся в наполнении идеалов и норм научного познания как в гуманитарной, так и естественно-научной сфере новым смыслом. Как известно, В.С. Стёпин различает в истории науки современного образца три типа рациональности, согласуя их со степенью включенности природы субъекта познания в научную методологию. Ключевым признаком этой типологии, по словам автора, выступает коррелятивная связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект [11]. Классическая наука рассматривала любую систему, разлагая её на простые составляющие — элементы (методология редукционизма), постнеклассическая наука исследует сложные системы, исходя из предпосылки, что система — это не просто сумма элементов, которые определяют её характеристики. Поскольку для саморазвивающихся систем операции деятельности предстают как «процесс-компонет», включенный в развитие, то постнеклассическая методология рассматривает деятельность субъекта познания как непосредственно включенную в процесс познания. Идеализированный познающий субъект в постнеклассической науке дополняется широким набором дополнительных признаков, в частности, он должен «осуществлять рефлекссию над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе» [11, с. 15]. В постнеклассической науке признается социокультурная обусловленность не только задач исследования, но и методологии, и самого субъекта познания.

Данная типология рациональности исходит из некоей общенаучной методологии, в то же время некоторые авторы [5] предполагают разные типы

ведущих методологических стратегий для разных типов наук и присущих им онтологий: для естествознания — дескриптивный, для социогуманитарных наук — нормативный, для технических наук — конструктивный. Для каждого из этих основных типов научного знания характерны особые постнеклассические тенденции развития. В естествознании проявляются тенденции к субъективизации и конструктивизации, в социогуманитарном знании — напротив, объективизация и телеологизация, в технических науках — натурализация и гуманитаризация. Таким образом, мы видим, что каждая из сфер научного познания на постнеклассической стадии развития дополняется недостающими ей на предыдущих стадиях (даже противоположными) характеристиками. При составлении общей картины, описывающей науку как целое, мы получаем взаимодополнительные характеристики научного знания: объективность и субъективность, натуральность и техничность, конструктивность и телеологичность.

Общей тенденцией постнеклассики является интеграция наук, знаний, методов и способов познания на основе принципа дополнительности, постепенный отказ от специфической ориентации каждого из типов наук на определенный познавательный результат: естествознания — на объяснение природы и значения явлений, социогуманитарных наук — на постижение смысла деятельности человека, технических наук — на реализацию конкретно-практических целей. Наука, по нашему мнению, подошла к рубежу, на котором значение, смысл и цели должны быть когерентны друг другу. Назрела необходимость в гармонизации всех типов знания, в результате которой можно создать науку нового типа — целостную, сообразующуюся с целями и ценностями человека и законами мира, в котором он живет. Поэтому конструктивной установкой методологического мышления может стать ориентация на смысловую рациональность, которая дополнит концепции ценностной и целевой рациональности, уже разрабатываемые в современной философии науки. Э.Ю. Калинин и В.Г. Попов обращают внимание на то, что, несмотря на различные трактовки понятия «смысл», оно позволяет объединить разные типы рациональности, поскольку в предельно широком значении рациональное — это осмысленное. Согласно постнеклассическому пониманию рационально упорядоченным является то, что определённым образом осмыслено [5, с. 8]. Смысл выступает в роли некоторого разумного упорядочивающего, и в то же время сам смысл может постигаться только на основе определенного признанного порядка —

категориально-понятийного аппарата (рациональный план) и законов природы (естественный план). Согласно одному из значений понятия парадигмы Кун обосновывает тезис о несоизмеримости теорий (дисциплинарных матриц). Смысл терминов теории задается теорией как целым. При смене парадигм происходит «переключение гештальта», вследствие которого термины приобретают новые значения и смысл, поэтому сторонники разных парадигм не понимают друг друга и споры между ними не имеют смысла.

Концептуальной основой постнеклассической философии и методологии науки является теоретическое описание саморазвивающихся систем — синергетика, которая как согласованная система идей, принципов и мыслеобразов некоторыми авторами признана парадигмой современного научного мышления [1]. Синергетика позволяет изучать сложные системы не только как устойчивые и определенные параметрами порядка, но и как неустойчивые, нестабильные, мультистабильные или даже «метастабильные». Хаос (отсутствие порядка) оказывается равнозначным порядку в процессах самоорганизации сложных систем. В хаосе в свернутом виде заложены все возможные проявления становления, поэтому он приобретает значение универсального творческого принципа, потенци созидания.

Синергетика, как отмечает С.Б. Крымский, создала новую ситуацию в познании и практике XX в., поскольку было выявлено, что порядок в самоорганизующихся системах основан не на устойчивости, а наоборот, устойчивость достигается за счёт изменений, спонтанности и свободы [7, с. 175]. Синергетика оказалась созвучна общим социокультурным установкам демократического общества, можно сказать, что человечество дозрело до уровня науки о хаосе, ведь, по словам Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, «синергетика — это новый подход к познанию кризисов, нестабильности и хаоса, к созданию средств управления ими» [6, с. 8]. При этом внимание акцентируется не на негативном, деструктивном значении хаоса, а на его креативном потенциале за счет скрытой внутренней активности. Порядок и хаос трактуются как равнозначные и равноценные, взаимопредоходящие в процессах самоорганизации.

Синергетика, будучи теорией структурного, а не субстратного моделирования мира, изучает системы как взаимодействие отношений и элементов, а не вещи, в которых оформляется и конкретизируется определённый субстрат [10, с. 149], что позволяет проецировать её принципы на широкую область познания. В.И. Аршинов подчеркивает коммуникативные интерпретационно-диалоговые характе-

ристики синергетического подхода, которые выводят его за рамки традиционной методологической дихотомии различения «редукционизм–антиредукционизм» [2].

Редукционизм в паре с детерминизмом исчерпали свои возможности объяснения мира как целого. Но их преодоление не предполагает простое отрицание. Мир с точки зрения синергетики предстает постоянно эволюционирующей системой, имеющей не менее двух путей развития, что делает невозможным однозначное прогнозирование её будущего. И хотя мир нестабилен, он, по словам И. Пригожина, поддается научному изучению, стоит только отказаться от представлений о мире как о покорном слуге человека и признать, что мы не можем полностью контролировать его [8, с. 51].

Описание развития мира можно сравнить с повествованием, в начале которого на основании известного состояния дел мы не можем однозначно вывести последующие события в развитии сюжета. Переплетение сюжетных линий и взаимодействие героев может привести к неожиданному финалу: будущее однозначно не детерминировано исходными предпосылками, но обусловлено их рамками. Это вполне соответствует современной идее системной эволюции. Будущее состояние сложной самоорганизующейся системы несводимо к предыдущим состояниям, система в целом нередуцируема к сумме её подсистем, она открыта, обменивается информацией или энергией, веществом с окружающей средой. Образ мира, создаваемый современной наукой, не сводится к упрощенным схемам, удерживая сложность как необходимый атрибут самого мира и знания о нём. Чтобы эффективно действовать в сложном и нестабильном мире, Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов рекомендуют принимать во внимание контекст исследуемых явлений и событий — ближайший и достаточно широкий, а также развивать холистическое видение ситуации, лейтмотивом которого может стать призыв думать глобально, а действовать локально [6, с. 305].

Наука, будучи средством не только познания, но и изменения мира, вырабатывает новый подход к управлению процессами изменений, исходя из рамок синергетической парадигмы. Этот подход предполагает согласованность внешнего влияния на процесс и внутренних тенденций его развития. Поскольку незначительные, но топологически правильно организованные усилия приводят к значительным последствиям, то эффективность управления обеспечивается «мягкостью» и «гибкостью»

направляемых усилий, а не их количественными параметрами.

В современной структуре научной деятельности жесткие нормы научного познания замещаются регулятивными ориентациями, которые характеризуются более мягким, рекомендательным влиянием, направляющим процесс исследования познаваемых объектов. Постепенно такие ориентации приобретают методологический статус в постнеклассической науке [3, с. 19]. Эти ориентации не монолитны и характеризуются многовекторной направленностью. Имея равноценный статус, они иерархично не упорядочены, что позволяет отказаться от догматизма в пользу плюрализма в познании. Требование толерантности в научном этосе — это дань, которую, по словам А.Н. Уайтхеда, мы должны принести неисчерпаемости нового в будущем и сложности уже совершённого, превышающего силу нашего понимания [12, с. 444].

Среди основных типов ориентаций и принципов, характерных для постнеклассической науки, можно выделить следующие: методологическое сомнение, синергетическое миропонимание, междисциплинарный синтез, принцип равнозначности целого и его частей, принцип дополнительности, идеализация нелинейной среды, принцип человекомерности изучаемых систем, введение ценностно-смысловых координат познания. Кратко остановимся на каждой из перечисленных ориентаций.

Методологическое сомнение основано на переоценке общекультурных установок и убеждений, традиционной системы смыслов и ценностей, актуализированной, в частности, философией постмодернизма. Провозглашая ценность индивидуального и самобытного, постмодернизм дискредитирует саму идею традиции. Любые иерархии ценностей не могут претендовать на абсолютную ценность, поскольку каждый культурный феномен наделен временной, замкнутой на определенный период самобытной сущностью, смысл которой раскрывается только в контексте «здесь и сейчас» культуры. Определенная заикленность культурного хронотопа приводит к потере первоначального смысла при попытке его трансляции в другой контекст. Поэтому ценность как позитивное или негативное значение с точки зрения постмодернизма не имеет абсолютных, инвариантных параметров. Все культурные феномены равнозначны, лишены статуса авторитета, образца. Постмодерн — время равноценности разнообразного и разнородного. В науке эта ориентация проявляется прежде всего в акцентуации на методологическом антидогматизме и плюрализме.

В основе синергетического миропонимания лежат категории системности, нелинейности, нерав-

новесия, сложности, изменчивости, когерентности и т.п., которые выступают смысловым каркасом для рассмотрения и самой науки как сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, в которой все процессы предстают взаимообусловленными и взаимосогласованными, но при этом не однозначно детерминированными. Научное знание представляется структурно-информационным уровнем этой системы. В.А. Аршинов предлагает рассматривать развитие «методологических принципов синергетики, отпавляясь от субъект-объектно интерпретируемых принципов наблюдаемости, соответствия, дополнительности и переинтерпретируя их как интерсубъективные принципы коммуникации, посредством которой и формируется синергетическая пространственность как человекомерная, телесно освоенная человеческая среда» [2, с. 38].

Междисциплинарный синтез, который приобретает новые возможности при исследовании самоорганизующихся систем, провоцирует попытки выработать общенаучную парадигму как основание взаимодействия специалистов из разных областей научного знания, использования методов различных дисциплин для разрешения конкретных научных проблем и глобальных проблем человечества. Параллельно развивается представление о том, что постнеклассическая наука не может быть выражена в одной довлеющей парадигме — физической, биологической или любой другой, претендующей на статус общенаучной. Некоторые учёные и философы рассматривают разные варианты «метaparadигмы» или «сверхобобщающей парадигмы» [4].

Равнозначность целого и его частей обоснована в современной схеме действительности — многомерной и поливариантной, в которой, как утверждает И.В. Стеклова, часть и целое нераздельные и несоединимые, самостоятельные и суверенные ипостаси, единосущные, нередуцируемые, взаимопроникающие [9, с. 50]. В методологическом плане эта ориентация направляет внимание ученых как на исследования, результатом которых могут стать всеобобщающие теории, так и на детальный анализ отдельных фрагментов действительности, при этом не отдается приоритет ни тем, ни другим, признается их равнозначность и равноценность.

Принцип дополнительности, обоснованный Н. Бором, в постнеклассической науке был перенесён на широкую область исследований, которая охватывает не только внутринаучную сферу, но захватывает и околonaучные, и вненаучные области. Тем самым открываются возможности обогащения научной методологии средствами внена-

учного познания мира и человека, расширения пределов научной рациональности [3, с. 21].

При изучении взаимодействий исследуемой системы с другими системами, а также её подсистемами или, наоборот, системами, в которые она входит как подсистема, применяется метод идеализации нелинейной среды. Экстраполяция этого метода при соблюдении соответствующих ограничений могла бы позволить изучать науку как сложную систему с многоуровневой структурой в её взаимодействии с другими сложными самоорганизующимися системами, например, обществом, культурой.

Человекомерные системы — это системы, непосредственным участником деятельности которых выступает человек. К сожалению, просчитать все аспекты и возможные последствия деятельности такой системы на данном этапе развития науки невозможно, поэтому роль предохранительного ресурса, дополняющего принципы научной рациональности, исполняют моральные принципы. Новое обоснование в методологии постнеклассической науки получила интуитивная уверенность человека в единстве ценностей Истины и Добра, поскольку в ходе изучения человекомерных систем, по словам В.С. Степина, возникает «новый тип интеграции истины и моральности, целерационального и ценностнорационального действия» [11, с. 17]. Этот тип интеграции позволяет актуализировать ценностно-смысловой потенциал общечеловеческих образцов культуры, моральных принципов и общественных идеалов, сущность которых не поддается научному обоснованию и доказательству, но значимость подтверждается многовековым опытом человечества.

Ценностно-смысловые координаты человеческой деятельности подверглись в XX в. изменениям с двух сторон. С одной стороны, в общекультурных настроениях эпохи постмодерна ведущую роль играла критика проекта модерна, стержнем которого выступали идеалы Просвещения и ценности научно-технического прогресса. Наука как средство достижения благосостояния общества и счастья отдельной личности была дискредитирована и потерпела культурный крах. С другой стороны, в отдельных научных дисциплинах были выявлены проблемы, неразрешимость которых подрывала основания наук, в частности математики и физики, что способствовало пессимистически настроенным кругам интеллектуалов ожесточить критику, направленную на науку как источник истинного знания. Постнеклассической науке предстоит ответить на вызовы современного общества и укрепить фундамент научного мировоззрения. Научная рациональность модифицируется, расши-

ря свои границы и приобретая новые черты: коммуникативность, диалогичность, интерсубъективность и др. Главную роль в этой модификации сыграл аксиологический поворот в методологии научного познания XX в., актуализировавший ценностное измерение научного познания. Парадигма постнеклассической науки включает социокультурные и личностные ценности в систему предпосылок научного познания. При этом этика науки выдвигает перед учёными требование контролировать и проблематизировать основы мировосприятия, которые не должны препятствовать открытости науки новому знанию.

Список литературы

1. *Аршинов В.И.*, Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс–Традиция, 2002. С. 67–108.
2. *Аршинов В.И.* Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл (Синергетический опыт языка) / ред. Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. М.: ИФ РАН, 1999. С. 11–38.
3. *Гавриленко С.В.* Постнеклассические ориентации в культуре (Методологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: Изд-во ДГТУ, 2000. 24 с.
4. *Дугин А.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея, 2002. URL: <http://www.arcto.ru/article/11#22> (дата обращения: 15.09.2013).
5. *Калинин Э.Ю.*, Попов В.Г. Разум на пороге III тысячелетия. М.: Изд-во МЭИ, 1998. 32 с.
6. *Князева Е.Н.*, Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
7. *Кримський С.Б.* Запити філософських смислів. Київ: Вид. ПАРАПАН, 2003. 240 с.
8. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 50–57.
9. *Стеклова И.В.* Многообразие науки и современная научная парадигма // Философия, культура и современность: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. Вып. 2. С. 40–53.
10. *Стеклова И.В.* Научная рациональность: грани исследования // Философские науки. 2003. № 3. С. 145–149.
11. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
12. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
13. *Хорган Дж.* Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / пер. с англ. М. Жуковой. СПб.: Амфора, 2001. 479 с.
14. *Чуйко В.* Інтерпретація та реконструкція наукового знання // Філософська думка. 1999. № 5. С. 57–81.

THE NOTIONAL TRANSFORMATION OF PARADIGMS IN THE TRANSITION FROM CLASSICAL TO POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Olga V. Ruptash

Yuri Fedkovych Chernivtsi National University; 2, Kotsjubynsky str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

The paper deals with a background and main characteristics of the paradigms' transformation of scientific cognition at the present stage of scientific development. The starting point of the study is the typology of rationality, classical — nonclassical — post-nonclassical, developed by V. S. Stepin. As well the author considers special post-nonclassical development trends of leading methodological strategies for different types of sciences (natural, social and human, and technical). The integrative role of the notion of sense in the development of the concept of rationality is revised. The ideas, principles and methodological potentialities of synergetics to form a conceptual framework of post-nonclassical science are pointed out. The semantic vectors of post-nonclassical science based on such attitudes as methodological doubt, synergetic outlook, interdisciplinary synthesis, the principle of equivalence of the whole and its parts, the complementarity principle, the idealization of the nonlinear medium, the human scale principle, and an introduction of value-sense coordinates of cognition are discussed. Their role and significance in shaping of the modern image of science is defined.

Key words: methodology; scientific rationality; paradigm; post-nonclassical science; synergetics.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.92

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ПРАОБРАЗА
В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ***Боровицкая Елена Николаевна**

кандидат философских наук, доцент,
докторант лаборатории психологии творчества
Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины
Украина, 01033, Киев, ул. Паньковская, 2
e-mail: bolepar@mail.ru.

В статье понятие «психологической конфигурации» употребляется в сочетании с понятием «праобраз» и рассматривается в качестве потенциальной и устойчивой категории сферы психологии творчества, именуемой «психологическая конфигурация праобраза». В контексте нашей проблематики «праобраз» характеризуется как психическая детерминанта творческого мировосприятия. Понятие «психологической конфигурации» понимается как некоторый первоначальный принцип целостности и устойчивости, определяющий особенности структурно-функциональной организации и регуляции психической активности человека в процессе восприятия. Структурно-функциональные особенности «праобраза» изучаются в рамках феноменологически ориентированного системно-стратегического подхода. Демонстрируется актуальность научной концепции стратегической организации и регуляции процесса творчества, разработанной известным украинским психологом В.А. Моляко.

Ключевые слова: праобраз; психологическая конфигурация; творческое мировосприятие; стратегия; системно-стратегический подход; феноменология.

Введение. Психология, претендующая на участие в исследовании творческого мировосприятия, должна, видимо, включить и понятие «психологической конфигурации праобраза», причём, возможно, даже в качестве своей органической категории. Исходя из определения самого понятия «конфигурация» должны учитываться такие его первоначальные значения, как *наружный вид или внешнее очертание, очерк, форма чего-либо и др.* Изначально конфигурацией какого-либо предмета, объекта считаем их форму, очертание. *Конфигурация (от лат. configuratio — придание формы, взаимное расположение).*

В контексте нашей проблематики, актуальной является характеристика *конфигурации как некоторого первоначального принципа целостности и устойчивости*, определяющего структурно-функциональные особенности организации и регуляции психической активности человека в процессе мировосприятия, детерминируемые не только спецификой структуры его личности или врождёнными параметрами, порождающими его как личность, но и глубинными предпосылками образования самого процесса восприятия как понимания прежде всего. Таким образом, глубинные предпосылки считаем праобразными предпосылками его организации, а также исходными единицами анализа структурно-функциональных особенностей психической активности личности в нём [1]. В нашем контексте *психологическая конфигурация* — это придание внутренней формы спонтанно сконструированному образу как конкретному смысловому порождению. *Конфигурацию* можно считать и попыткой интенциональной

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательской программы лаборатории психологии творчества Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины «Психологические закономерности творческого восприятия реальности в условиях дефицита и избытка актуальной информации».

направленности сознания на конституирование значения образа как смыслового значения его предметной сущности.

Постановка проблемы. Заметим, сегодня отдельные области психологической науки имеют ещё достаточное количество, к сожалению, до сих пор не решённых фундаментальных проблем. Поэтому не случайно говорится, что успешное решение частных задач психологии невозможно прежде всего без решения фундаментальных. Среди них особенно актуальной видится и проблема восприятия мира человеком. Очевидно, теперь совсем неслучайна постановка вопроса поиска именно истоков глубинных предпосылок организации этого процесса, а значит, и методологических принципов его исследования.

В связи с научно-исследовательским переосмыслением проблемы человеческого мировосприятия так или иначе фундамируем поиски глубинных истоков её познания. Как раз востребованность предлагаемой проблематики и попытка оперативного её решения определяются прежде всего научной претензией на изучение истоков глубинных факторов как особых операциональных механизмов активации процесса восприятия как психического феномена. Вот почему исследование его праобразных предпосылок и является таким актуальным.

Обратим внимание на то, что в исследованиях проблемы восприятия термин «конфигурация» употребляется почти наравне с термином «гештальт». Именно в гештальтпсихологии — это образец, состоящий из взаимозависимых элементов, при изучении которого главное внимание обращается на целостную структуру, а не на отдельные составляющие её части. Основной смысл здесь заключается в том, что существенной характеристикой набора элементов является его скоординированность и целостность, а не свойства отдельных элементов, структур и т.д., из которых он состоит. Однако в нашем контексте особое внимание уделяем скорее свойствам элементов, способным к структурированию этого целого, где сочетание слов «конфигурационная тенденция» и используется для обозначения тенденции реагирования на организованное образование именно свойств самих элементов как составляющих некую особую смысловую системную целостность, что особенно актуально в исследовательском контексте процесса творческого восприятия мира.

Заметим, признание существования и понимания самого праобраза как комплексной психической детерминанты, а также его конструирующей

роли в процессе познания особенно важны. Если существует возможность конфигурации смысловых значений образа, значит, существуют и предпосылки порождения этих смыслов как исходных конфигуративных свойств его элементов, изначально образующих некие целостные структурные формы опыта, именуемые *праобразами*, в широком понимании. А ещё неизбежной является и возможность релевантного их употребления и оперирования ими в любом процессе познания, причём независимо от той или иной активирующей в данный момент мыслительной тенденции субъекта.

Каковы же причины трудностей восприятия того или иного содержания нашего понимания? И каковы же возможные пути исследования спонтанного конструирования смыслового значения образа как появления нового смыслового содержания — вот те основные вопросы, которые так или иначе необходимо в дальнейшем разрешить. Но прежде всего необходимо выяснить, что же непосредственно значит само понимание *праобраза*. Именно здесь мы и сталкиваемся с первыми трудностями — со сложностью обнаружения самого *праобраза*, а также проведения границы между буквальными и метафорическими смысловыми параметрами его значений как глубинными предпосылками порождения нового. Такие сложности, безусловно, возникают, правда, не во всех случаях активации *праобраза*. Вполне очевидно, что в одном случае назвать творческий продукт *праобразом* — значит использовать метафорический смысл, в другом — констатировать реальную «конструкцию», обнаружив глубинные предпосылки её спонтанного образования уже как реального и аутентичного образа. Заметим, что здесь особое место занимает система структурирующих элементов самого *праобраза*, среди которых как чувственные, так и чувственно-рациональные его компоненты. Тогда именно в процессе перцептивного конструирования образа и возникает трудность психического переживания, а значит, спонтанно активирующегося ощущения как чувственного элемента *праобраза*. Ведь *праобраз* рассматривается как фигуративный элемент психического, обладающий активирующей функциональной способностью выхода в сознание, в процессе спонтанного конструирования смысла как нового содержания, а значит, и операциональным свойством как глубинным механизмом порождения нового, причём непременно чувственно детерминируемого, благодаря особой внутренней эмоциональности как восприни-

мающего переживаемое, так и переживающего воспринимаемое. Поэтому здесь *праобраз* характеризуется как независимая категория и может смело апеллировать к сфере психологии творчества. Когда мы говорим о субъективности индивидуального мировосприятия, мы таким образом переходим в плоскость творческого восприятия. Заметим, что здесь особенно важно учитывать содержание уникального сознания, воспринимающего переживаемое, и уникального сознания, переживающего воспринимаемое, следовательно, и содержания психических состояний.

XXI век порождает новую методологию изучения процесса творчества и творческого мировосприятия, в которой доминирует *праобраз* как специфический феномен мыслительной практики — практики феноменологических интерпретаций, всё активнее выходящей за рамки традиционных исследований по психологии творчества. Вот почему и совсем неслучайно *праобраз* становится таким востребованным предметом её исследования, представляющим познавательный и методологический интерес, прежде всего как феномен, приобретающий уровень интердисциплинарного значения. Исследование структурно-функциональных особенностей *праобраза* апеллирует к принципам и методам различных дисциплин (*нейропсихологии, нейрофизиологии, нейролингвистики, феноменологической психологии, антропологии и многим другим*), как вспомогательным и дополняющим сферу психологии творчества.

Заметим, что, исследуя процесс понимания как результат спонтанного конструирования образа, прибегаем к принципам системного подхода, разработанными как в общенаучном плане (*Б.В. Бирюков, И.В. Блауберг, Л.С. Выготский, В.А. Лекторский, Е.Г. Юдин*), так и в преломлении к психологии мышления (*М.Г. Алексеев, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, Дж. Брунер, А.В. Брушлинский, Л.М. Веккер, Ю.М. Кулюткин, Б.Ф. Ломов, В.А. Моляко, Ж. Пиаже, К.К. Платонов, Я.А. Пономарёв, М.С. Роговин*).

Следует отметить, что в феноменологии творчества необходимо учитывать установку творца не только на создание продукта, но и на взаимодополняющие обоюдные детерминированные установки на перцептивные ощущения как самого творца, так и потенциального «потребителя» — интерпретатора смысла в процессе его конструирования. Таким образом, неизбежно интерпретационное прочтение смысла как особое его понимание, выражаемое с помощью глубинных, причём детерминированных интенций *Обоих*. Необ-

ходимо учитывать, что в этот момент актуализируются обоюдные и не обоюдные переживания, намерения, желания, детерминированные их особой внутренней эмоциональностью, и направленные на неизбежное интерактивное «столкновение» именно в момент порождения смысла. Ведь, как известно, внутренние переживания создателя, зафиксированные в самом творении, и производят субъективные впечатления на воспринимающего в процессе перцептивного конструирования смыслового содержания, зачастую не совпадающие с его первоначальным значением.

И поскольку в нашем исследовательском контексте учитываем динамику психических состояний в процессе восприятия, достаточно конструктивным видится как раз феноменологически ориентированный системный подход к изучению проблемы субъективного понимания смысла как индивидуально особенного мировосприятия. Психические состояния рассматриваем как актуализированные переживания (особые эмоциональные формы опыта). Именно такой поход даёт возможность видения актуализации психических структур как целостного ментального состояния субъекта, воспринимающего мир с помощью универсальной способности к активации различных форм прошлого опыта как следов, ранее зафиксированных в его памяти, в виде устойчивых паттернов, что особенно важно при изучении перцептивных компонентов образа в конечном варианте их проявления — результате перцептивной деятельности.

Цель статьи — *теоретический анализ проблемы психологической конфигурации праобраза в процессе творческого мировосприятия.*

Относительно проблематизации понимания глубинного познания процесса творческого мировосприятия следует сказать, что сегодня эта проблема предстаёт одной из актуальных в эпистемологической психологии творчества. Изучение структурно-функциональных особенностей перцептивного конструирования образа мира заключается прежде всего в поиске психологических закономерностей актуализации *праобразных* форм психики человека как исходных структурированных форм его прошлого опыта в широком понимании с помощью феноменологически ориентированного системно-стратегического подхода к их исследованию.

Исследуя *проблему психологической конфигурации праобраза в процессе творческого мировосприятия*, обусловленного глубинными факторами психической активности человека, феноменологически ориентированный системно-

стратегический подход может непосредственно и не только лишь сам процесс восприятия трактовать как результат понимания. Он сможет послужить и научным подспорьем в исследовании проблемы поисков истоков прераобразных как глубинных предпосылок его организации, учитывая при этом *психологическую конфигурацию как первоначальный принцип целостности и устойчивости*, определяющий структурно-функциональные особенности человеческой активности в нём.

Феноменологическая психология — это учение об их глубинной смысловой сущности. Образы — это такие же феномены психики. Напомним, основателем феноменологии в том виде, в котором она культивируется в конце XX в., считается именно Эдмунд Гуссерль. Феноменологический метод, по мнению Э. Гуссерля, помогает постичь сущность вещей, а не факты. От Brentano Гуссерль воспринял именно *идею интенциональности*. Согласно Brentano, *интенциональность* позволяет типизировать психологические феномены, *интенциональность* в феноменологии Гуссерля — направленность сознания на предмет, свойство переживать [4, 5, 6]. Благодаря феноменологическому анализу попытаемся прежде всего учитывать, скажем, *интенциональную особенность творческой активности самого творца*: его особое внутреннее эмоциональное состояние как накануне создания продукта, так и в процессе его восприятия — понимания глубинного смысла как фундаментального свойства уже нового содержания как результата творения. Изучить творческий продукт, несомненно, важно, но ещё важнее понять, что является предпосылкой его создания и что способствует выражению чувств в процессе восприятия содержания самого творения, а значит, и понимания этого особого смысла, зафиксированного в нём.

Исходный пункт феноменологии творчества — это изучение возможности обнаружения и описания глубинного структурно-операционного механизма интенциональности как направленности на поиск предпосылок исследования особенностей актуализации творческого состояния как особого психического акта познания. Существенной чертой феноменологического метода в психологии творчества является отказ от любых непрояснённых предпосылок.

Феноменология творческого акта исходит как из идеи структурной неразрывности и единой функциональной непрерывности его протекания как целостного психического процесса, так и из идеи его взаимной несводимости, нередуцируе-

мости как *особого актуализированного психического состояния (индивидуального акта познания) как акта создания, формирования нового смысла (конструирования нового образа), как акта получения конечного результата — продукта творения — субъективного и универсального одновременно*. Заметим, мгновенное схватывание смысловой характеристики будущего образа конструирует и глубинный смысл самих переживаний творца — его внутреннее эмоциональное состояние, несомненно, выраженное в самом творческом акте как психическом состоянии создателя, а затем и в конечном результате — появлении особого смысла уже как нового предметного свойства. В итоге — восприятие конечного результата, понимание его как нового смыслового содержания. Таким образом, спонтанное конструирование образа — это прежде всего глубинное понимание самой его смысловой сущности, что непосредственно и способствует возможности осознания его реальности, а значит, и его предметного свойства, отнюдь не предметности, что и является восприятием именно сущностного, а не понятийного, т.е. никак не предметного смысла.

Основополагающими в структуре сознания, по мнению Гуссерля, что особенно важно учитывать и в нашем контексте, являются чувственные созерцания (*представления, а из них в особенности — восприятия*) — так называемый «нижний слой потока переживаний», которые лежат в основе любых переживаний. Согласно Гуссерлю, нельзя чего-то бояться, желать или оценивать, если оно не представлено [4, 5]. И обязательно добавим: никогда раньше и не было представлено. Само *представление* он понимает как *объективирующий акт* — любой акт, делающий нечто объектом для нас, представляющий, полагающий нечто. Это схватывание вещи в восприятии (воспоминании, ожидании), создающее предметный смысл уже *интенциональных переживаний* [4, 5]. В нашем контексте исследования сущность таких переживаний составляет субъективный опыт воспринимающего, где первоначальное значение придаём *принципу психологической конфигурации как исконному принципу целостности и устойчивости*, определяющему особенности структурно-функциональной организации и регуляции творческой активности человека в процессе восприятия, психической детерминантой которой и будем считать «*праобраз*» как исходную форму опыта, в широком его понимании. *Доминирующий образец конфигурации праобраза* — образец, ин-

тегрирующий и формирующий систему соотношений элементов *праобраза*, как отличающую от других данную их модификацию, определяющую структурно-функциональные особенности их целостного функционирования. Таким образом, взаимное расположение элементов или соотношение отдельных частей сложных элементов *конфигурации праобраза* рассматриваем как целостную систему, составляющую его исходную смысловую модификацию как исконную форму опыта в широком понимании.

Если размышлять непосредственно о сущности *интенциональных переживаний в процессе творческого мировосприятия*, в их основе лежит чувственное восприятие субъекта, зиждущееся на его особой внутренней эмоциональности, в основе которой — чувственное созерцание, опять-таки зиждущееся на особых глубинных переживаниях, аккумулирующих в себе эмоциональный опыт, всегда актуализирующийся через психические состояния субъекта. Таким образом, мы выходим на определение сущностной характеристики чувственного восприятия, в основе которого — эмоциональный опыт, как основополагающий праисконный и универсальный, всегда аккумулирующийся в психических состояниях субъекта. Значит, чувственное восприятие «первозданно», как будто бы из самого источника дающее глубинное видение, основание и обоснование самого процесса творческого мировосприятия, зиждущееся на особой внутренней эмоциональности, в основе которой — *интенциональное переживание как предвестник получения нового знания*. Если чувственное восприятие «первозданно», немодифицировано, тогда воспоминание о чём-либо, воображение чего-либо или знак чего-либо — его модификации, так как должны аккумулировать в себе различные переживания этого чего-либо. Причём, заметим, всегда детерминированные этой особой внутренней эмоциональностью, актуализирующейся посредством различных содержаний психических состояний субъекта.

В нашем контексте речь идёт о *праобразе как исконной форме прошлого опыта в широком его понимании*, где доминируют чувственные созерцания как составляющие как раз «нижнего слоя потока переживаний» — фундаментальной структурно-функциональной основы процесса творческого мировосприятия. Заметим, особое значение здесь приобретает как раз и идея Дильтея о внутреннем мире человека как потоке переживаний.

Таким образом, мы вплотную подошли непосредственно и к самой *категории образа*, что зна-

чимо в нашем контексте. Рассматривая исследовательские подходы относительно понимания образа в психологии, замечаем их разнородность, неоднозначность и противоречивость именно в понятийной трактовке образа как категориальной сущности психологической науки.

Напомним, впервые в психологии *категория образа* появилась в исследованиях структурализма (*Вильгельм Вундт*), где предметом психологии считалась структурная целостность главных элементов процессов сознания, а их методом послужила интроспекция, которая непосредственно и была связана с опытом визуального восприятия респондентом отдельных характеристик реальности [2]. В. Вундт не придаёт значения анализу образов, а выделяет прежде всего такие элементы психики, как ощущения и чувства. Работая над созданием теории психической наследственности, психические образы начинает изучать и Френсис Гальтон, выдвигая гипотезу о наследственной схожести процессов представления. И чтобы доказать это, начинает изучать законы ассоциации идей, основу которых, по его мнению, и составляют психические образы [3]. Позже некоторые принципы изучения образов были использованы Ф. Гальтоном, они становятся фундаментальной методологической основой исследования образной сферы в когнитивном контексте (*метод свободных словесных ассоциаций*). Однако более масштабное научное развитие *категория образа* получает благодаря именно психоаналитическому направлению (*З. Фрейд, К. Юнг*) [10, 11]. Ещё одно из новейших теоретических обоснований *категория образа* приобретает и в контексте размышлений о проблеме сохранения и воспроизведения информации (*Дж. Брунер, Дж. Келли, А. Бандура, Л. Колберг, Ж. Пиаже и др.*). Непременно следует отметить, что особое внимание *категории образа* уделялось именно гештальт-психологами (*М. Вертхеймером, К. Дункером, В. Келером и др.*). Напомним, ключевым положением этой школы считается, что целостный образ — гештальт — возникает не путём синтеза, а сразу как целостный. Сам гештальт обосновывается как функциональный, т.е. как некоторая структура, которой присуща функция, а мышление — как деятельность поочерёдного переструктурирования, длится до обнаружения самого необходимого, касательно ситуации, гештальта (структуры), что и было обозначено «инсайтом» или «прозрением». Собственно теперь понятно, почему такой интерес вызывает сегодня прежде всего проблема бессознательного как одного из

структурно-функциональных уровней психического в организации процесса творческого мировосприятия. Обязательно следует подчеркнуть, что одной из исходных концепций моделирования процесса мировосприятия является и *теория Образа мира А.Н. Леонтьева*, разработанная сквозь призму парадигмы деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов и др.). Исследуя образ в контексте проблемы сознания, А.Н. Леонтьев выделяет такую главную характерную особенность образа, как его активную деятельностную функцию [7].

Обратив внимание на проблему исследования роли бессознательного в организации процесса творческого мировосприятия, замечаем, что существенными являются взаимосвязь и взаимовлияние сознательного и бессознательного как структурно-функциональных уровней психического, а также осознание самим человеком их доминирующей взаимодействующей роли в спонтанном конструировании образа мира. Поэтому и возникает вопрос о востребованности относительно осознания участия глубинных факторов как механизмов активации бессознательного в процессе творческого восприятия действительности. К примеру, исходные формы эмоционального опыта, как структурирующие элементы *праобраза*, имеют предрасположенность непосредственного выстраивания в ассоциативные ряды именно с помощью участия актуализированных переживаний индивида — как детерминирующих, так и детерминируемых в процессе его мыслительной деятельности, — способствуя при этом образованию так называемых ассоциативных полей, а значит, и формированию новых образов уже как целостных смысловых модификаций.

Теперь замечаем, что мы уже вплотную подошли именно к интересующему нас вопросу — вопросу *психологической конфигурации праобраза в процессе творческого мировосприятия*. Таким образом, под «*психологической конфигурацией праобраза*» понимается прежде всего *регулирующий принцип определения закономерностей глубинной организации психической активности человека в процессе мировосприятия, где праобраз рассматривается как психическая детерминанта его перцептивной деятельности, и исходная форма опыта в широком понимании*. Учитывая этимологическое происхождение термина «*конфигурация*» (от лат. *configuratio* — придание формы, взаимное расположение), заметим, что актуально созвучным ему, с нашей точки зрения,

является именно термин «*структура*» (от лат. *structura* — строение, взаиморасположение) — совокупность устойчивых связей между множеством компонентов объекта, обеспечивающих его целостность и тождество самому себе. Представление о структуре предполагает рассмотрение объекта как системы. Конфигурация и характер связей внутри системы является ее системностью, остающейся устойчивой при изменениях даже самой системы, например, при трансформации самого состава её элементов. Конфигурация, как принцип целостности и устойчивости, определяющий структурно-функциональные особенности организации и регуляции психической активности человека в процессе мировосприятия, предполагает спонтанное конструирование особой смысловой модификации, так называемой целостной модели, как нового конфигуратора. С его помощью полифункциональный синтез элементов как раз и актуализируется в процессе спонтанного конструирования смысла и способствует построению этой особой модификации как нового смыслового объекта. Сам конфигуратор может служить идеальным воспроизведением *праобразной структуры*, объяснять и обосновывать целостность и устойчивость связей структурирующих её элементов, показывать, проекциями каких сторон *праобраза* эти связующие элементы являются. Заметим, впервые конфигураторы, как особый класс моделей, ещё выделил В.А. Лефевр. Озадачив себя вопросом, какими же должны быть модели, выполняющие функцию картин мира, сразу же и объяснил, что это должен быть конфигуратор, имеющий три проекции: «*монтажную*», «*функциональную*» и «*рефлексивную*» [8]. Эта идея, безусловно, является актуальной, но не может так скоропалительно, в виде представленной схемы, непременно вписаться в контекст наших размышлений. Здесь необходимо соблюдать и некую тактичность, и строгую осторожность в целесообразности применения этих понятий, тем более, иметь концептуальное представление об определённом контексте их употребления.

Заметим, так называемая *внешняя структура* (песня, картина, мелодия) внутреннего мира творческого субъекта отражается прежде всего посредством именно спонтанного использования чувственных элементов, содержание которых и делает эту структуру «*живой*». Поскольку её глубинное смысловое содержание прямо отражено быть не может, необходимо знание особого языка, который позволил бы в интерпрета-

ционной форме «презентировать» внутренний мир творца и продукта его творения. Феноменологический язык — особый знаковый язык. Предполагается, он может служить средством интерпретационного обозначения и прочтения творения. Таким образом способствовать конструированию его смысла, а значит, и восприятию.

Понятие «конфигурации», или порой говорят «конфигурирования», как будто частично заменяет само понятие «кодирования», что, очевидно, допустимо и в нашем контексте. Таким образом, психологическая конфигурация как будто бы в себе, как и кодирование каких-либо элементов и чего-либо в структуре психического, уже изначально имеют встроенный язык (те же так называемые глубинные предпосылки создания нового как исходные формы прошлого опыта) именно для реализации произвольной установки как целостной единицы, неотъемлемой структурирующей части будущего образа.

Конфигурация — системное приспособление структурирующих элементов для определения направления целостности их функционирования. Конфигурация праобраза — совокупность и взаимное расположение его элементов, а также их составляющих, т.е. составляющих внутри самих элементов, образующих сложные структурно-функциональные группы праобраза, определяющие направление целостности их функционирования. Минимальная система элементов конфигурации, из которой вся конфигурация может быть получена путем инцидентий пар структурирующих элементов праобраза (соотнесения значений этих элементов через их предрасположенность к выполнению определённых функций) с другими парами его элементов, а также их пересечениями, называется системой образующих данной конфигурации праобраза. Праобраз рассматриваем как целостную систему таких элементов и связей между ними, обусловленную их характерными свойствами, пространственная структура которой, т.е. структурирующие её элементы, тоже формируется и функционирует в виде детерминантных групп. Теперь можно говорить и о конфигурации различного множества допустимых элементов как функционально-структурированных групп с их значениями, способствующих формированию пространственной структуры праобраза. Заметим, их особенности зависят как от особенностей самой структуры личности, так и от конфигурации врождённых параметров, порождающих её как личность, а

ещё скорее — глубинных предпосылок образования процесса восприятия мира как его понимания. С нашей точки зрения, эти предпосылки являются исходными «единицами» его организации и регуляции, определяющими особенности личностного мировосприятия как индивидуального субъективного понимания мира.

Однако ещё не до конца выясненными остаются именно вопросы самой сущности праобраза как феномена, образующегося в структуре психического, тем более — вопросы особенностей формирования его составляющих как исходных форм. Предполагаем, что праобраз актуализируется в определенном контексте взаимодействия возможных его элементов как интегрированных глубинных структур психического. Однако сами конфигурации этих элементов как особых мини-структур являются вариантами (копиями) конфигураций элементов как исходных форм первородного образа. А значит, могут актуализироваться по принципу конфигурации того же праобраза, но уже как модифицированные элементы, образующие новую форму. В процессе образования той или иной модификации в её структуру всегда спонтанно добавляются и закрепляются в ней необходимые элементы, способствующие формированию соответствующего варианта как уже нового образования. А переход от одного фиксированного состояния погашения его структурирующих элементов к другому осуществляется именно с помощью мыслительных тенденций. Заметим, что как раз спонтанные изменения соответствующих параметров структурирующих элементов будущей модификации происходят именно за счёт их праобразной детерминации. Если конкретизировать, то переход между различными конфигурациями сводится:

1) к спонтанному мыслительному поиску значений численных параметров элементов будущего образа: зачастую их размера, цветовой гаммы и других, непременно детерминируемых структурирующими элементами самого праобраза;

2) спонтанному мыслительному изменению состояния так называемого погашения структурирующих элементов будущего образа, взаимосвязей этих элементов, различных сопряжений и пр., причём также за счёт их праобразной детерминации.

Такая быстротечная мыслительная работа представлена именно её стратегической организацией в виде мыслительных тенденций, которые и позволяют сосредоточиться на конструировании образа будущего продукта. Принципиально здесь имеет

место системно-стратегический подход к организации процесса творчества, разработанный известным украинским психологом В.А. Моляко [9]. Система КАРУС (аббревиатура наименований стратегий) как классическая методика основана на конкретном изучении процесса конструкторского творчества, его циклов, а также стратегий и тактик, используемых в деятельности конструкторов [9]. Именно согласно таким обнаруженным в процессе исследования конструкторской деятельности главным её стратегиям и получила система название — КАРУС [9].

1. **КОМБИНИРОВАНИЕ** (стратегия, направленная на осуществление комбинаторных действий) организовывается с помощью стратегии аналогизирования, непременно трансформирующей теоретические установки.

2. **АНАЛОГИЗИРОВАНИЕ** (стратегия, направленная на поиск аналогов). Её роль заключается в обнаружении сходства между структурами, функциями каких-либо двух различных объектов (образов). На основании определения их схожести переносим данную структуру, функцию в новое решение. Заметим, стратегия поиска аналогов может дополняться и другими стратегиями (комбинированием, реконструированием и др.).

3. **РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ** (стратегия реконструирующих действий) осуществляется также на основе аналогизирования и непременно с помощью трансформации теоретических установок.

4. **УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОД** (равномерное гармоничное сочетание вицеуказанных действий). Универсальная стратегия основывается на одномоментном или же поочерёдном использовании всех трех предыдущих стратегий — аналогизирования, комбинирования, реконструирования.

5. **СТРАТЕГИЯ СЛУЧАЙНЫХ ПОДСТАНОВКА** (или стратегия «проб» и «ошибок»). Поиск выхода из так называемого «тупика» путём «мозгового штурма». Фиксируются и используются все возможные воображаемые варианты случайных образов в процессе решения задачи. (Для детального ознакомления с тренинговой методикой КАРУС см. работу В.А. Моляко [9].)

Актуальными видятся все пять стратегий. Учитываем перспективность и необходимость этой методологии, отмечая целесообразность её использования при исследовании психологической конфигурации проработки в процессе творческого мировосприятия.

Конфигурация проработки — это фундаментальное понятие сферы психологии творчества. Психологическая конфигурация является скорее принци-

пом образования целостной глубинной установки в структуре психики, направленной на творческую работу в определенной области. Как раз проработка и представляет собой эту исходную установку как структурированную форму истинного опыта в широком его понимании. А сама форма является относительно устойчивой конфигурацией. Психологическое строение проработки представляет собой некую конфигурацию составляющих его элементов как глубинных свойств психики человека. Без учёта принципа психологической конфигурации структурирующих элементов проработки психики является всего лишь так называемым набором потенциальных возможностей сознания. В процессе актуализации как психологической конфигурации элементов проработки в творчестве сам творец и задействует эти возможности, пытаясь создать таким образом свой индивидуальный продукт. Идентифицировать проработку в творчестве — значит определить его предпосылки как границы структурно-функциональной фундаментальной единицы организации творчества как индивидуально-ценностного процесса. И прежде всего определить взаимозависимую структурно-функциональную связь именно свойств элементов проработки как целостной предпосылки процесса и зачастую как предпосылки организации определённого вида творческой деятельности как сродной деятельности творца. Как раз психологическая конфигурация использует актуализированные структурно-функциональные возможности определённого вида элементов (чувственных или чувственно-рациональных), образующих некую смысловую целостность как системную модель. Заметим, что тот набор функций, которые активируются в том или ином элементе или группе элементов как структурирующих эту проработочную целостность, и определяется как раз принципом их конфигурации. Поскольку учёт особенностей функционирования самих элементов, которые могут использоваться как структурно-функциональные возможности в различных модификациях как своего рода особых конфигурациях — смысловых актуализациях прошлого опыта как глубинных предпосылок формирования нового, — и необходим для работы этого принципа.

Заключение. Осуществление конфигурации требует особой мыслительной работы, а также её организации, которая осознавалась бы как принципиально методологическая. Конфигурация приводит к такому преобразованию элементов проработки, что их синтезирование становится не только возможным, но и неизбежным. После синтеза эле-

ментов так называемый *праобразный конфигура-тор* как будто бы элиминируется, имплицитно способствуя при этом формированию особой смысловой модификации, которая зачастую может претендовать и на фундаментальную модель, даже сохраняясь в её качестве, а значит, и послужить конструктивной основой создания нового.

Принцип психологической конфигурации как исконный принцип целостности и устойчивости психической активности человека, определяющий особенности структурно-функциональной организации и регуляции процесса творческого его мировосприятия, видится методологической перспективой исследования образной сферы в стратегияльно-феноменологическом контексте решения актуальных проблем психологии творчества.

Список литературы

1. *Боровицька О.М.* Праобразні передумови стратегіального світосприймання // Актуальні проблеми психології: Зб. наук. праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України: у 12 т. / за ред. В.О. Моляко. Київ, 2013. Т. XII. Психологія творчості. Вип. 17. С. 34–46.
2. *Вундт В.* Введение в психологию. М.: КомКнига, 2001. 168 с.
3. *Гальтон Ф.* Наследственность таланта, её законы и последствия. М.: Мысль, 1996. 270 с.
4. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
5. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
6. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 3(1): Логические исследования. М., 2001. Т. II(1). 529 с.
7. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
8. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 158 с.
9. *Моляко В.А.* Творческая конструктология (пролегомены). Киев: Освита України, 2007. 388 с.
10. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2007. 400 с.
11. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2002. 352 с.

PSYCHOLOGICAL CONFIGURATION OF THE PRE-IMAGE IN THE PROCESS OF CREATIVE PERCEPTION OF THE WORLD *Olena M. Borovytska*

*Institute of Psychology named after G.S. Kostyuk of NAPS of Ukraine;
2, Pankovskaya str., Kiev, 01033, Ukraine*

In the article the concept of «*psychological configuration*» is used in combination with the concept of «*pre-image*» and is seen as the potential and sustainable category of psychology of creativity called «*psychological configuration of pre-image*». In the context of our perspectives, «*pre-image*» is characterized as the psychical determinant of the creative perception of the world. The notion of «*psychological configuration*» is understood as some initial principle of integrity and sustainability, defining features of the structural and functional organization and regulation of human psyche activity in the process of perception. The structural and functional features of «*pre-image*» are studied within the phenomenologically oriented system and strategical approach. The actuality of the scientific concept of strategical organization and regulation of the process of creativity, developed by the famous Ukrainian psychologist V.O. Molyako is demonstrated.

Key words: pre-image; psychological configuration; creative perception of the world; strategy; system and strategical approach; phenomenology.

УДК 159.92

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА ВЗРОСЛОГО В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ С ПОМОЩЬЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Зорина Виктория Ивановна

аспирант

Университет менеджмента образования

Украина, 04053, Киев, ул. Артема, 52-А

e-mail: psytata@ukr.net.

Статья посвящена проблеме влияния идеального образа взрослого на личностное развитие подростка. Представлены план её исследования и, частично, результаты. Описан процесс построения семантической факторной модели идеального образа взрослого и результаты её верификации. Подтверждено, что образ «идеального взрослого» служит ориентиром для развития подростка в направлении больших волевых проявлений, открытости, уверенности и доброжелательности. Из четырёх факторов эмпирически полученной модели один отражает волевые свойства, один — типичное эмоциональное состояние и два — социальные отношения. Делаются выводы об особенностях ментальной репрезентации образов себя, реального и идеального взрослых и эмоциональных переживаний на их основе.

Ключевые слова: идеальный образ; личностное развитие подростков; факторная модель; семантическое пространство.

Постановка проблемы. Формирование разнообразных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в основном детерминировано социально-экономическими условиями её жизнедеятельности. Когда трансформируется общество, ценностные ориентиры личности закономерно изменяются. Это приводит к появлению новых социальных норм и ценностей, правил и примеров поведения, идеалов для подражания. Именно идеальные образы, на наш взгляд, являются весьма показательными «узловыми точками», позволяющими изучать реформирование системы ценностей.

Теоретическая основа исследования. В представляемом исследовании понятие развития определяется с системных позиций как усложнение структуры, т.е. рост количества элементов и связей между ними при сохранении определенного уровня организованности. Ещё один аспект развития — повышение дифференцированности элементов. Она минимальна, если все элементы одинаковы, а развитие заключается в росте количества категорий, с помощью которых можно описать эти элементы. Третий аспект развития — рост интегрированности, т.е. возможности приспособлять внутреннюю структуру к внешним условиям. Она проявляется в адекватном гибком управле-

нии, центр которого находится в самой системе. На уровне поведения в психологии это принято называть саморегуляцией. Отсюда следует четвертый критерий — преобладание внутреннего аспекта саморегуляции над внешним. Ведь даже на уровне здравого смысла и из человеческой практики понятно, что внутреннее управление более эффективно. Обобщить все эти структурные критерии развития можно критерием функциональным — в развивающейся системе постоянно появляются новообразования, т.е. функционирование такой системы является творческим.

Таким образом, изменчивость внешних условий требует приспособления системы (организма, личности и т.д.) в направлении усложнения взаимодействия субъекта адаптации и внешней среды. Это обеспечивается структурным усложнением системы и ее функционированием на все более высоком уровне. С психологической стороны это связано с объемом параметров внешней среды, которые отображает психика. С.Д. Максименко отмечает, что любая система имеет лишь две альтернативы в приспособлении: развитие или деградацию, отдельным вариантом которой является «остановка» [6].

В психодинамическом подходе (З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм,

А. Адлер и др.) развитие личности трактуется как преодоление личностью внутренних конфликтов, возникающих при взаимодействии с социумом. При этом главной объяснительной категорией является психическая энергия в форме, прежде всего, иррациональных импульсов и потребностей и рассматривается перетекание этой энергии между частями психики, которые Фрейд определил как Ид, Эго и Супер-Эго. То есть основная структура в психодинамическом подходе задана изначально, а новообразования имеют лишь функциональный характер [11].

В бихевиорально-когнитивном подходе (Ж. Пиаже, Дж. Мид, Т. Кун, А. Бандура и др.) развитие личности — это рост эффективности функционирования. Учитывая, что главной категорией этого подхода является поведение и его внутренние детерминанты, развитие более конкретно определяется как расширение репертуара форм поведения. То есть предметом изучения является прежде первый из общих критериев развития, которые определены выше [2].

Гуманистически-экзистенциальный подход (К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл, Г. Олпорт, Ш. Бюлер, Э. Шостром и др.) использует как главную категорию самоактуализацию — развертывание наружу внутреннего потенциала. То есть делает акцент на четвертом из общих критериев [11].

Эти три подхода разрабатываются преимущественно в западной психологии. В отечественной можно выделить следующие направления.

Акмеологический подход (Б.Г. Ананьев, А.А. Реан, А.А. Бодалев, А.Н. Ткаченко, А.Л. Журавлев и др.) близок к гуманистическому и использует как центральное понятие акме — усложняющейся и адаптивной формы самоопределения своего места в среде и самоутверждения себя в нем как активной личности. То есть понимание личностного развития в акмеологическом подходе больше соответствует функциональному общему критерию активного творчества [2].

Сторонники субъективного подхода (С.Л. Рубинштейн, В.А. Татенко, К.А. Альбуханова-Славская, Л.Е. Орбан-Лембрик, Н.В. Чепелева, А.В. Брушлинский, Б.С. Братусь и др.) определяют как повышение субъектности, т.е. преобладание внутреннего над внешним в саморегуляции. Развитый субъект действует преимущественно на основе внутренних условий, при этом действия достаточно согласованы с условиями внешними, что также является функцией субъекта [2].

На наш взгляд, все эти подходы отражают важные аспекты проблемы развития, и каждый из них что-то дает для создания рабочего понятия развития в нашей работе. Но как основные, в наибольшей степени отвечающие всем общим критериям, мы выделяем культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского и его последователей и генетическую психологию С.Д. Максименко. На наш взгляд, они имеют гораздо больше общего, чем различного, хотя и не тождественны друг другу. С диалектической точки зрения любое противоречие снимается на более высоком уровне обобщения. Как такой уровень мы выделяем категорию деятельности — своеобразный мостик между двумя концепциями. Поясним этот тезис.

В генетическо-моделирующем подходе (Г.С. Костюк, П.Р. Чамата, С.Д. Максименко) личность понимается как система, источником активности которой является биосоциальная нужда. Самое важное то, что личность определяется как целостная система в процессе становления. Иначе говоря, без становления личности просто не существует. Формой же существования-становления является деятельность — активный процесс удовлетворения потребности (нужды) в постоянно изменяющейся внешней среде, при этом неизбежно трансформируется сам субъект [6].

С точки зрения культурно-исторической концепции в процессе своего развития человек усваивает содержание культурного опыта, приемы и формы культурного поведения, культурные способы мышления. При этом в развитии следует различать две основные линии. Одна — это линия естественного (биологического) развития, проявляется в процессах общего органического роста. Другая — линия культурного совершенствования психологических функций, выработки новых способов мышления, овладения культурными средствами поведения. Именно в деятельности обе линии приобретают диалектическую связь. Наиболее ярким примером, на наш взгляд, являются высшие психические функции человека, функционально близкие к познавательным процессам у животных, но несравненно более сложные структурно [3].

Таким образом, теоретическая основа данного исследования — это сочетание культурно-исторической концепции и генетически-моделирующего подхода на базе категории деятельности.

Обзор исследований идеального образа в подростковом возрасте

Современные психологи — М.И. Конюхов, Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко, В.Е. Давидович и др. — рассматривают идеал как образ, воплощающий совершенство; эталон; наивысшую цель стремления человека [4]. В подростковом возрасте усиливается стремление к осознанию своего бытия, поиск смысла и интереса в жизни, что воплощается и конкретизируется в идеалах. То есть проблема идеала для подростков является весьма актуальной, а её исследование может дать особенно ценные результаты — как для науки, так и для практики.

Кроме вышеупомянутых авторов понятие идеала и идеального образа освещали в своих работах Б.С. Гершунский, В.П. Зинченко, Т.М. Титаренко, В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский [1], К.С. Холл, Г. Линдсей; понятие идеала как проблему морали и изменения системы ценностей подростка — Г.В. Крайг, Д.Б. Эльконин, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн, Л.С. Выготский; проблему выбора идеала через призму идентичности — Э. Эриксон.

В возрастной и педагогической психологии изучением мотивационно-ценностной сферы личности подростка занимались М.И. Боришевский, И.В. Дубровина, О.О. Реан, Л.О. Регуш; социально-психологические особенности личностного развития подростков исследовали О.Ф. Бондаренко, З.С. Карпенко, С.Д. Максименко, В.О. Татенко, Т.М. Титаренко, В.А. Семиченко, Т.С. Яценко, И.С. Булах; проблема современного подростка в социуме обсуждалась В.В. Абраменковой; динамику ценностных ориентаций молодежи в быстроменяющихся социально-экономических условиях исследовала О.М. Журавлева; особенности детерминантного влияния молодежной субкультуры на социализацию учащейся молодежи — Л.М. Завацкая; теорию развития личности учащегося в учебной деятельности разрабатывал О.К. Дусавицкий, самоутверждение личности старшеклассника — предмет изучения Н. Сытниковой; формирование жизненных перспектив в ранней юности — Г.В. Рудь; психологические тенденции развития моральных ценностей в подростковом возрасте изучала Т.Л. Ткачук [1].

Подробнее опишем близкое нашему исследованию И.А. Сапоговой [8]. По её мнению, для современной педагогической психологии общепризнанными являются представления об ученике

как субъекте познавательной, учебной, трудовой деятельности и общения. То есть предполагается способность субъекта совершать сознательные действия и поступки, осуществлять самостоятельный выбор, планировать свою деятельность. В реальной же педагогической практике встречаются трудности реализации учащимися субъектной позиции. И.А. Сапогова предлагает объяснять их двумя группами причин: внешние, опосредованные процессом воспроизводства социальной структуры, и внутренние, продиктованные парадоксами взросления молодых людей.

Один из них — внутреннее восприятие и переживание образа взрослого человека, с которым идентифицирует себя ученик. Образ взрослого представляет собой сложное интегративное образование, отражающее содержание ценностно-смысловой сферы личности. Он включает представления о самом себе в настоящем и будущем, идеальный образ взрослого в контексте общественной и профессиональной деятельности и образ реального взрослого, который в той или иной степени соответствует идеальному образу.

И.А. Сапогова на основании своего исследования указывает, что большинство подростков испытывают острую потребность в нерегламентированном общении со взрослыми, которые составляют их ближайшее окружение. Идентификация с учителем характерна для подросткового и юношеского возраста, но носит разный характер на различных этапах развития. В частности, в среднем подростковом возрасте идентификация осуществляется с помощью механизма подражания и «заражения» учебным предметом. Соответственно образ взрослого в значительной мере идеализирован, а ведущими становятся инструментальные компоненты профессиональной деятельности. Это выражается, например, в том, что подростки «выбирают» ту же профессию, что и их кумир. В старшем подростковом возрасте происходит дифференциация представлений о себе и восприятие значимого взрослого становится более реалистичным. Подражание уступает место диспозиционным и атрибутивным смысловым механизмам. Для старшеклассников становится важным овладение атрибутами взрослого человека: способы разрешения жизненных и профессиональных проблем, стиль деятельности. Значимый взрослый для них становится компетентным не вообще, как в раннем и среднем подростковом возрасте, а в определённом контексте. Полное переживание чувства взрослости невозможно без принятия во взрослую среду, именно поэтому

юноши и девушки стремятся установить неформальные доверительные отношения со значимыми взрослыми [8].

Исследование И.А. Сапоговой показало также, что наиболее значимыми компонентами структуры образа «Я» старшеклассников являются Я-идеальное, Я-реальное, типичный учитель, идеальный взрослый, родители (мать/отец), идеальный ровесник. Уже само количество этих компонентов-ролей указывает на сложность процесса формирования образа «Я». Кроме того, ею обнаружено, что образ «типичного учителя» в семантическом пространстве для старшеклассников близок к образу «идеального взрослого» по таким параметрам, как креативность, способность помочь, «достойное место в системе общественных отношений». Те подростки, для которых эти образы близки, обнаруживают способность к социальным и профессиональным выборам, уверенно смотрят в будущее, достаточно адекватно оценивают свои возможности и соотносят их со своими интересами. То есть идеальный образ взрослого является для них ресурсом в самоопределении.

Подростки, в сознании которых образ идеального взрослого носит противоречивый характер, как правило, сталкиваются с трудностями реального профессионального выбора.

Результатами исследования И.А. Сапоговой мы воспользовались, в частности, для определения списка объектов, которые предлагали оценивать своим испытуемым.

Общий дизайн исследования. Изучение образа идеального взрослого было комплексным и основывалось на теоретической модели, созданной на основе генетическо-моделирующего подхода. Основная идея данного подхода заключается в трактовке личности как целостной структуры, существующей лишь в становлении. Таким образом, исследование должно быть многоаспектным и рассматривать динамику становления.

В соответствии с этими положениями исследование носило квазилонгитюдный характер — использовался метод срезов. Было протестировано более 270 киевских и донецких школьников-подростков, примерно равное количество по каждой из пяти возрастных градаций, от седьмого до одиннадцатого классов. Предполагалось, что сопоставление подростков на разных этапах становления позволит проследить динамику как личностного роста, так и содержания, структуры образа идеального взрослого как фактора и направления личностного развития, конкретнее — социализации подростков. Анализ связей количественных и

содержательных параметров образа идеального взрослого с остальными параметрами личностного развития даст возможность определить его роль. Параметры личностного развития выявлялись с помощью следующей «батареи» методик.

Известный тест «Диагностика межличностных отношений» был адаптирован к нашим задачам. Подросткам предлагалось с помощью одного и того же набора из 128 характеристик описать образы «Я-реальный», «Я-идеальный», «Реальный взрослый [человек своего пола]», «Идеальный взрослый».

Для диагностики субъективной близости к главным фигурам социального окружения использован субтест «Идентификация» из графической методики SSST (The Self Social Symbols Tasks). Фигуры были следующие: Учитель, Одноклассники, Мать, Отец, Идеальный взрослый.

Кроме того, испытуемым было предложено написать мини-сочинение о своей будущей взрослой жизни, структурированное следующей инструкцией: *«Пожалуйста, на этом листе опишите в форме мини-сочинения образ Идеального взрослого, каким (какой) бы Вы хотели бы быть через 15–20 лет: где тогда будете жить? Чем заниматься? Будете ли состоять в браке? Будут ли дети, сколько и какого возраста? К чему будете стремиться? Опишите то, что сами считаете важным».*

Контент-анализ этого сочинения производился по критериям, вытекающим из теоретической модели и основных положений психолингвистики. В частности, мы опирались на работы А.А. Леонтьева [5] и Д.Г. Трунова [10]. Количество слов и предложений и их соотношение — «средняя длина фразы» — считались показателем речевого развития. Другим показателем речевого развития была *«Грамотность-понятность»* по пяти градациям, от сочинения с орфографическими ошибками и невнятно выраженной мыслью до максимально чёткого изложения, полного ответа на вопросы инструкции, без орфографических и пунктуационных ошибок. *«Ограниченность/выход за пределы инструкции»* отражал один из важнейших показателей развития — стремление выйти за актуальные ограничения. Здесь тоже было пять градаций, от ответа на меньшую часть вопросов из инструкции до обозначения жизненной позиции. Следующий содержательный параметр — *«Обоснованность картины будущего»* указывал на адекватность притязаний, варьируя от нереальных претензий (жизнь в США, Париже, на Гавайях, муж олигарх, миллионы и т.п.) до высоких и обоснованных пре-

тензий. «Ведущий уровень ценностей» категоризировался следующим образом: 1 уровень — материальный: жильё, деньги; 2 — социальный: социальный статус обозначен (психолог, министр, модель, олигарх, жена олигарха), есть ответ на вопрос о браке и детях; 3 — духовный эгоцентрический: творчество, саморазвитие; 4 — духовный альтруистический: спасти мир, всех вылечить, убить всех уроков и т.п.; 5 — все четыре уровня.

В данной статье представляется базовый аспект нашего исследования — эмпирическая верификация теоретической модели личности подростка в контексте образа идеального взрослого. Для этого использовались методы семантического дифференциала и построения семантических пространств, в психологии предложенные В.Ф. Петренко [7].

Испытуемым предлагалось с помощью личностного семантического дифференциала, предложенного В.П. Серкиным [9], в котором по семибалльной шкале предлагалось оценить 21 биполярную характеристику таких образов, как «Я», «Реальный [знакомый симпатичный] взрослый» и «Идеальный взрослый». При этом подчёркивалось, что описывать надо взрослого своего пола, а в бланках соблюдались родовые окончания.

Кратко напомним, что факторный анализ при большом количестве переменных позволяет выявить множественные связи между ними, объединяя в факторы, наиболее тесно связанные. Внутри фактора это целостное взаимное влияние определяется конкретнее, содержанием входящих в него критериев. Проще говоря, факторный анализ позволяет структурировать целостность. Опыт таких исследователей, как В.Ф. Петренко [7], А.Г. Шмелев [12], В.П. Серкин [9] и других свидетельствует, что получаемые таким способом модели сознания обычно оказываются весьма адекватными.

Описание факторизации (процесса построения модели)

Использовался факторный анализ по методу главных компонент в соответствующем модуле программы Statistica 5.5. Количество факторов в анализе не ограничивалось. Оптимальное их число после построения первоначальной факторной модели определялось по графику «каменистой осыпи», наглядно показывающему, после какого предела увеличение количества факторов уже не приводит к повышению качества модели.

Путём перебора вариантов выбиралась такая факторная модель, которая бы обеспечивала наи-

большой процент объясняемой дисперсии. Таким оказался способ «поворота» Varimax normalized. Этот вариант, кроме того, даёт наибольшую возможную равномерность распределения переменных по факторам.

Далее выделялись шкалы семантического дифференциала, которые с одинаково высокими нагрузками входили в два и более фактора. Они исключались, и анализ повторялся заново, так как изменялась вся модель. В конечном счёте остались те шкалы (критерии), которые на основании доминирования нагрузок по одному из факторов можно было чётко к ним отнести. Выбранный нами метод анализа главных компонент предполагает, что все факторы по отношению друг к другу ортогональны, или, другими словами, независимы, их корреляция друг с другом нулевая и они содержательно независимы.

В ходе построения модели было отброшено шесть шкал семантического дифференциала. Остальные пятнадцать чётко объединились в четыре фактора, вместе описывающие 51 процент дисперсии. Такой показатель является приемлемым, хотя и не слишком высоким. Очевидно, он свидетельствует об определённой противоречивости представлений подростков. Во всяком случае при дальнейшем отбросе шкал процент объясняемой дисперсии уменьшался. Перебор всех вариантов вращения позволяет утверждать, что полученная модель является лучшей из возможных. Для достижения целей нашей работы это означает, что следует особое внимание уделить верификации факторной модели путём её сопоставления с данными, полученными другими способами. Тем не менее, факторная модель является основой всего дальнейшего анализа, придавая ему структурированность.

Описание факторной модели

Следует отметить, что для удобства представления результатов мы поменяли полярность тех шкал, что вошли в фактор с отрицательными нагрузками. Поэтому в дальнейшем описании факторов мы будем приводить названия правых полюсов шкал семантического дифференциала и соответствующие им положительные нагрузки в скобках — они дают представление о силе вклада каждой из переменных в фактор и позволяют определить его обобщённое содержание.

В первый фактор вошли шесть шкал семантического дифференциала, которые вместе описывают 15 процентов общей дисперсии: *решительный* (0,67), *независимый* (0,62), *деятельный* (0,54),

уверенный (0,54), самостоятельный (0,54), справедливый (0,52). Как можно заметить, соответствующие свойства личности в психологии традиционно относят к волевым. Мы назвали этот фактор словом из подросткового сленга «Крутизна».

Второй фактор объясняет 10 процентов общей дисперсии и содержит три шкалы: *расслабленный* (0,70), *спокойный* (0,68), *невозмутимый* (0,60). На наш взгляд, адекватным названием для данного фактора будет «Уверенность», проявлениями которой является вышеприведённые эпитеты.

Третий фактор, который объясняет 14 процентов общей дисперсии, также содержит три переменных: *молчаливый* (0,70), *нелюдимый* (0,69), *замкнутый* (0,68). То, что всего три переменных объясняют почти такой же процент дисперсии, как и первый фактор из шести переменных, указывает на значимость этих характеристик для подростков. Это позволяет сделать предварительный вывод об актуальности для них взаимодействия/невзаимодействия с миром (социумом) и опираться на это в дальнейшем анализе. Поскольку факторные нагрузки всех характеристик близки, для названия фактора подошло бы название любой из них, мы выбрали «Замкнутость» как наиболее отражающее сущность фактора.

Четвёртый фактор, 12 процентов общей дисперсии, составили такие шкалы, как *отзывчивый* (0,65), *уступчивый* (0,67), *дружелюбный* (0,65). На первый взгляд может показаться, что они противоположны характеристикам первого фактора, но напомним, что в факторных моделях на основе метода главных компонент все факторы независимы (ортогональны) по отношению друг к другу. Чтобы подчеркнуть это, мы назвали четвёртый фактор «Добродушие».

С целью верификации факторной модели был выполнен корреляционный анализ факторных оценок со шкалами (октантами) опросника ДМО. При этом обнаружено, что в оценке Я-реального фактор «Крутизна» достоверно положительно связан с первым ($r = 0,24$; $p < 0,001$) и вторым ($r = 0,18$; $p = 0,006$) октантами ДМО (Я-реальное), отрицательно — с пятым ($r = -0,19$; $p = 0,002$) и почти достоверно — с шестым ($r = -0,12$; $p = 0,058$). То есть чем большие факторные оценки испытуемых по шкалам семантического дифференциала, входящим в фактор «Крутизна», тем выше они оценивают себя в ДМО как авторитарных, независимых и меньше — как подчиняемых и зависимых.

Фактор «Замкнутость» достоверно отрицательно связан с первым октантом ДМО ($r = -0,26$;

$p < 0,001$), положительно — с четвёртым ($r = 0,14$; $p = 0,028$) и пятым ($r = 0,17$; $p = 0,007$), почти достоверно и отрицательно — с седьмым ($r = -0,11$; $p = 0,098$). То есть чем выше оценки по шкалам «молчаливый», «нелюдимый», «замкнутый» семантического дифференциала, тем в большей степени испытуемые оценивают себя по ДМО как подозрительных, скептических и недоверчивых, подчиняемых и застенчивых и в меньшей мере — как авторитарных и дружелюбных. Действительно, ДМО измеряет и авторитарность, и дружелюбие как проявленную в отношениях черту (утверждения этих октантов касаются преимущественно поведения). Естественно, что стремление избегать социального взаимодействия связано с ними отрицательно.

Шесть из восьми октантов ДМО достоверно связаны с фактором «Добродушие», отрицательно — первый ($r = -0,16$; $p = 0,013$) и второй ($r = -0,26$; $p < 0,001$), положительно — с пятым ($r = 0,29$; $p < 0,001$), шестым ($r = 0,26$; $p < 0,001$), седьмым ($r = 0,26$; $p < 0,001$) и восьмым ($r = 0,27$; $p < 0,001$). То есть чем ближе оценки себя в семантическом дифференциале к полюсам «отзывчивый», «уступчивый» и «дружелюбный», тем в большей степени по утверждениям ДМО они оценивают себя как подчиняемых, зависимых, конвенциальных и альтруистичных и меньше — как авторитарных и эгоистических.

На наш взгляд, этих результатов достаточно, чтобы подтвердить её адекватность. Рассмотренные параметры ментальной репрезентации образа себя, измеренные разными способами, совпадают и соответствуют нормативной интерпретации ДМО.

Однако в достоверных корреляционных связях ДМО и фактора «Уверенность» обнаружен необычный факт. Он достоверно отрицательно коррелирует со всеми октантами ДМО Я-реальное, уровни значимости от $p = 0,039$ до $p < 0,001$.

Опросник «Диагностика межличностных отношений» — «Интерперсональный тест» Т. Лири в адаптации Л. Собчик — в течение последних почти тридцати лет один из самых используемых в практике и в исследованиях. Давно установлено, что между всеми октантами ДМО существуют содержательные различия. Это подтверждается и нашими результатами корреляционного анализа. Остаётся констатировать, что чем больше подростки оценивают себя в семантическом дифференциале как «расслабленных», «спокойных» и «невозмутимых», тем меньшее количество утверждений в ДМО они относят к себе, независимо от

их содержания. Интерпретации этого факта могут быть самыми разными. В контексте остальных наших результатов мы предполагаем, что высокие оценки по фактору «Уверенность» имеют те испытуемые, для которых рефлексия собственного образа является не слишком актуальной. Представляется, что здесь проявилась известная закономерность — к самопознанию человека толкает дискомфорт. Видимо, в подростковом возрасте и в отношении себя это проявляется особенно явно — кроме описанных, обнаружена только одна достоверная корреляция «Уверенности» с первым октантом («Авторитарность») ДМО ($r = -0,14$; $p = 0,032$) при оценке образа реального взрослого. Коэффициенты корреляции «Уверенности» с тремя октантами ДМО в образе идеального взрослого, почти достигающие критических значений, положительны. То есть фактор «Уверенность», по крайней мере, у подростков и по отношению к себе имеет ещё и своеобразное «антирефлексивное» содержание.

Ментальная репрезентация образов в семантическом пространстве

Объём данной статьи не позволяет привести данные о гендерных различиях, поэтому здесь мы представляем ту часть результатов, в которых они не проявляются существенно. Описываемые ниже закономерности являются общими для юношей и девушек. Это подтверждается относительной близостью представляемых здесь общевыборочных факторных координат с дифференцированными по возрасту и полу.

Далее результаты мы представим в виде так называемых семантических пространств. Для каждого из испытуемых была подсчитана его оценка по каждому из четырёх факторов. Здесь следует подчеркнуть, что факторные оценки являются условными единицами, уместными только для данной модели и не сопоставимые напрямую с линейными шкалами. Тем не менее, графически можно достаточно чётко показать, насколько отличаются среднегрупповые оценки друг от друга по полученным факторам — это выражается в их удалённости или близости друг от друга на факторных диаграммах.

Здесь мы рассмотрим среднегрупповые по всей выборке оценки. Они дают представление об общей для всех испытуемых подростков структуре представлений образа идеального взрослого в сопоставлении с другими образами — «Я» и «Реальный взрослый», причём дифференцированно по полу.

На следующей диаграмме представлены средневывборочные оценки по факторам 1 и 3 (рис. 1), их содержание раскрывается в названиях шкал семантического дифференциала.

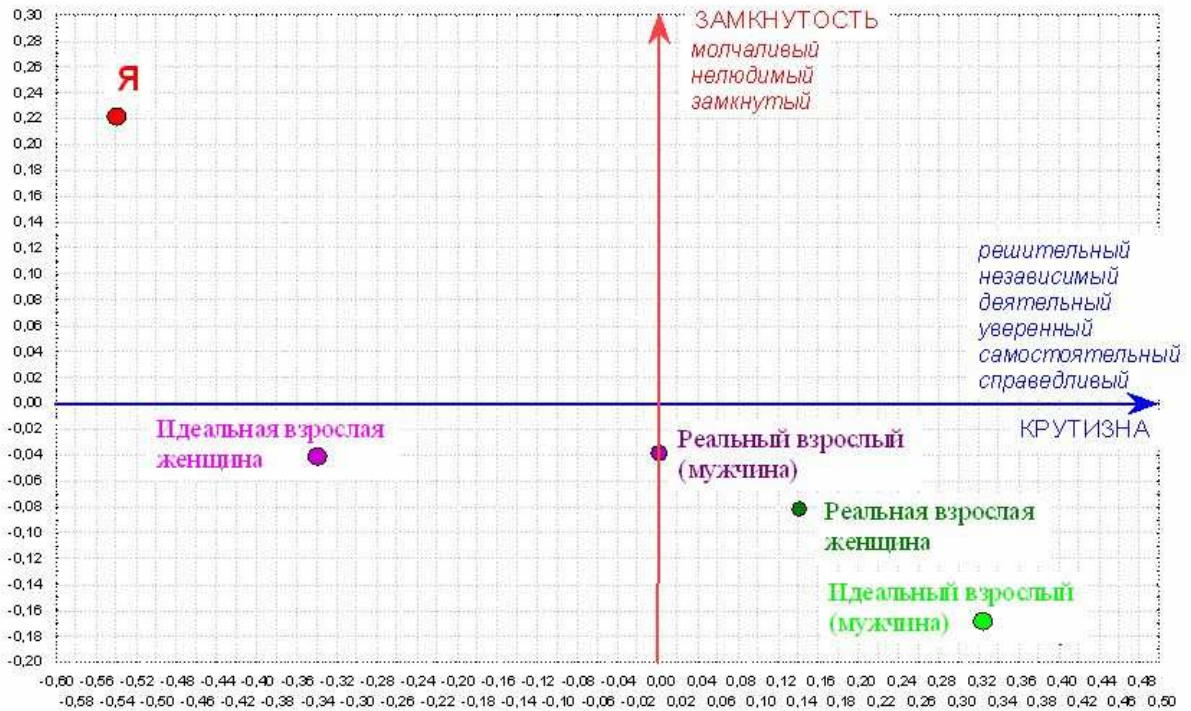
На ней чётко видно, что по обоим факторам образ «Я» противоположен «Идеальному взрослому». То есть испытуемые давали противоположные оценки этим образам во время тестирования. Можно заметить, что между ними практически на одной линии располагаются «Реальная взрослая женщина» и «Реальный взрослый мужчина». Пространственно последние два ближе к «Идеальному взрослому». Несколько в стороне от этой воображаемой линии образ «Идеальной взрослой женщины». Его пространственное положение характеризует «Идеальную женщину» как слабую и более склонную к открытости, чем к замкнутости.

Образ «Я», судя по своему расположению в семантическом пространстве, характеризуется низкой «крутизной» и высокой замкнутостью. Соответственно, образы как реальных, так и идеальных взрослых являются ориентиром их развития в направлении сочетания одновременно «крутизны» и «открытости». Это обобщение в целом соответствует описанным в психологии особенностям подросткового возраста (неустойчивость самооценки, затруднённая социальная коммуникация, робость-наглость и др.) и подтверждает их в контексте нашей темы.

На следующей диаграмме (рис. 2) представлено семантическое пространство, образованное другой парой факторов.

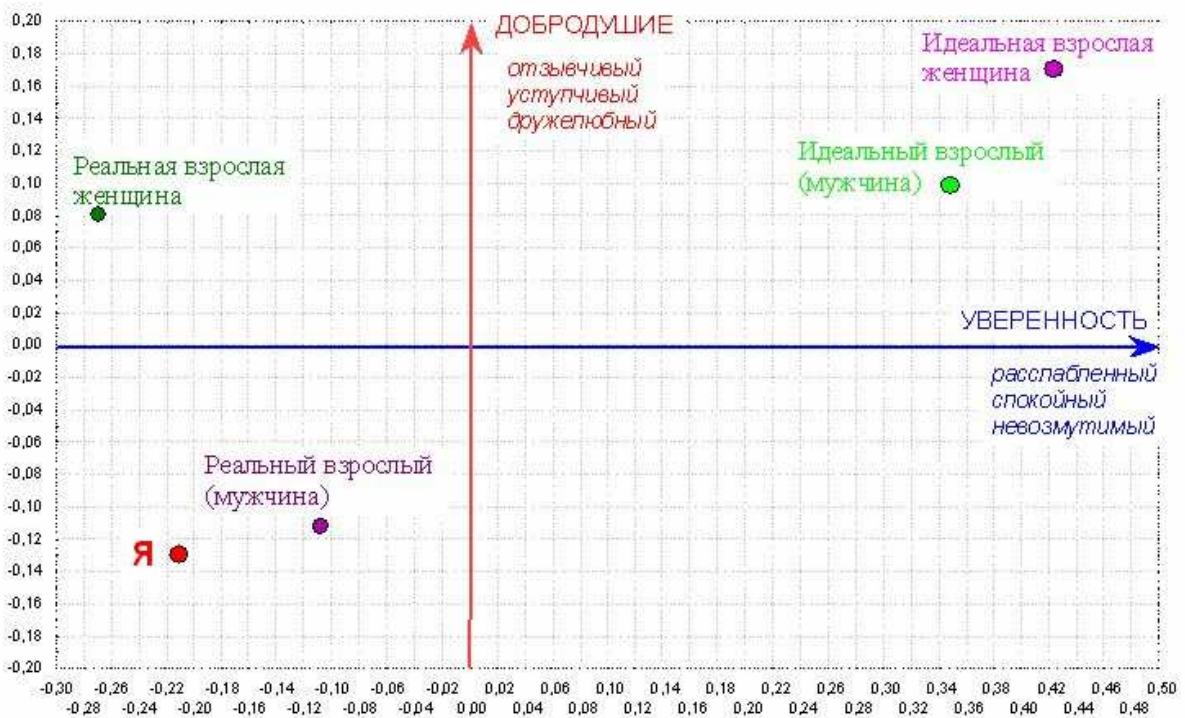
На ней тоже прежде всего привлекает внимание противопоставление на этот раз пар образов. «Я» и «Реальный взрослый мужчина» представляются мало уверенными в себе и скорее склонными к враждебности, чем к добродушию. Образы же идеальных взрослых мужчины и женщины, наоборот, уверены в себе и добродушны. Интересно, что «Реальная взрослая женщина», которой испытуемые симпатизируют, обладает сочетанием таких характеристик, как низкая уверенность и тенденция к высокому добродушию. При этом с образом «Я» она сходна по низкой уверенности и противоположна по добродушию. Подростки относят себя и реального взрослого скорее к враждебным, чем добродушным.

Итак, можно сделать выводы по представляемой части нашего исследования.

Семантическое пространство факторов 1 и 3 в общей выборке

Рис. 1. Среднегрупповые факторные оценки по образам

Семантическое пространство факторов 2 и 4 в общей выборке

Рис. 2. Среднегрупповые факторные оценки по образам

Выводы

1. Представленная факторная модель для изучения образов себя, реального и идеального взрослого подтвердила свою адекватность на основе совпадения с имеющимися теоретическими представлениями и эмпирической верификации.

2. Из четырёх установленных факторов, составляющих модель, один явно выражает волевые свойства, один — типичное эмоциональное состояние, два носят социальный характер, отражая закрытость от социального взаимодействия и его направленность (добродушие). Содержание этих факторов отражает, видимо, структуру представлений, которыми подростки пользуются, оценивая и переживая себя в социальном взаимодействии.

3. Образ «Идеального взрослого» действительно служит ориентиром направления развития подростка. Это направление можно обозначить как движение к большим волевым проявлениям, открытости, уверенности и доброжелательности.

4. Подростки в целом воспринимают себя как противоположность идеальному образу взрослого по всем выделенным факторам. Образы реального взрослого, который симпатичен или эмоционально значим для испытуемых, занимает промежуточное положение, варьируя по отдельным параметрам в зависимости от пола и возраста испытуемых.

Список литературы

1. *Абраменкова В.В.* Подростковая субкультура как пространство самореализации // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 157–189.
2. *Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2004. 421 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
4. *Давидович В.Е.* Теория идеала. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 157 с.
5. *Леонтьев А.А.* Основы теории речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 20–36.
6. *Максименко С.Д.* Генетическая психология. М.: Рефл-бук, 2000. 320 с.
7. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
8. *Сапогова И.А.* Роль взрослого в личностной и профессиональной идентичности подростков // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всерос. съезда психологов: в 8 т.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. Т. 7. С. 50–53.
9. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
10. *Трунов Д.Г.* Уровни вербализации эмоционального опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 1(13). 2013. С. 102–107.
11. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применения). СПб.: Питер Ком, 1998. 608 с.
12. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 156 с.

RESEARCH EXPERIENCE ADULT PERFECT IMAGE IN ADOLESCENCE BY SEMANTIC SPACES

Viktoria I. Zorina

University of Educational Management; 2, Artyema str., Kiev, 04053, Ukraine

The article deals with the influence of the ideal image of adult on personal development of teenager. Research plan and results are presented. The constructing of semantic factor model of the ideal image of adult and its verification is described. The image of the «Perfect adult» is a benchmark for the development of volitional manifestations, openness, confidence and goodwill of teenagers. The first factor of empirical model reflects volitional properties. The second factor reflects typical emotional state. The third and fourth factors reflect social relationship. Features of mental representation of the image of oneself, image of real adult and image of ideal adult and emotional experiences based on them are presented.

Key words: perfect image; personal development of adolescents; factor model; semantic space.

УДК 159.9

О СХЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕТСТВЕ В ИСТОРИИ

Чечулин Виктор Львович

*старший преподаватель кафедры механики сплошных сред и вычислительных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: chechulinvl@mail.ru*

На основании общегносеологической закономерности отражения действительности в сознании человека, имеющей 6-уровневую структуру усложнения понятий (уровней абстракции, обобщения понятий), проявляющейся в истории науки в виде определённых однородных периодов её развития, с учётом того, что переход от уровня к уровню отражения связан с определённым изменением самоосознания человека, описано наблюдение за постепенным усложнением представлений о структуре психологических возрастов (представлений о детстве и взрослении) в евроцентристской линии исторического развития науки и культуры, с указанием на современное описание инвариантной 6-уровневой психосоциальной структуре возрастов самоосознания. Кроме того, указано, что аналогичные подструктуры самоосознания описывались и ранее: в виде 2-уровневого представления о развитии человека (Аристотель, 2-й период развития науки); и в виде 4-уровневого представления о взрослении (Гегель, 4-й период развития науки).

Ключевые слова: психологический возраст; представления о душе; уровень (стадия) самоосознания; отражение действительности в сознании человека; периоды развития науки.

Предисловие

Представления о детстве, о последовательности взросления в разные исторические эпохи разнятся, усложнение представлений о структуре сознания личности упорядочиваемо в 1-м приближении, соответственно последовательность типов мышления, соотносимых с той или иной исторической формацией, структура уровней самоосознания (психологических возрастов), соотносимых с уровнями исторических формаций, схематично уже была представлена в нашей работе [22]. В данной статье для описания исторических изменений самоосознания личности мы ограничились евроцентричной линией исторического развития и некоторым количеством содержательных примеров, используя ранее выполненные масштабные исследовательские, обобщающие труды (в т.ч. работы Л.С. Выготского [4] и др. [3]).

Историческое усложнение представлений

Рассмотрим исторически однородные периоды развития представлений человека об этапах взросления и структуре души (для исторически древних периодов), определяющих уровень достигнутого самоосознания.

1. Так же, как в развитии отдельной личности, самоосознание развивается от осознания чувст-

венно воспринимаемых, обозначаемых словом образов к именованию первоначально самого себя как чувственно воспринимаемого объекта и далее к осознанию собственной субъектности, осознанию отличия себя от чувственно воспринимаемого. Так и в обозреваемой истории философии и культуры первоначальные литературно-философские образы преимущественно чувственно воспринимаемы. Например, у Гомера (ок. XII в. до н.э.) «везде мы находим примат общего над индивидуальным и в этом индивидуальном раньше, чем раскроется его внутренняя сторона, уже фиксируются его внешние <подчинённые автору> стороны, особенно те, которые бросаются в глаза и способны удовлетворить любопытный взор юного человеческого сознания. Поэтому все черты наружности человека и сама эта наружность являются любимейшим предметом наблюдений эпического художника» [12, с. 208]. «Психологические характеристики. Эпическое изображение жизни как чего-то более или менее внешнего не допускает подробного рассмотрения психологии эпических героев». Описание ограничено только чувственно воспринимаемыми образами [см. также: 11, 13].

Даже в философских системах древности основы мыслились производными от чувственного восприятия. Например, у Демокрита атомистская

эстетика «возникает на единстве противоположностей разума и чувственного восприятия <...>. Ведь само мышление, проповедуемое у Демокрита, насквозь пронизано чувственностью, как бы он ни разделял эти сферы теоретически» [12, с. 487–488]. Атомы у Демокрита — это чувственно воспринимаемые образы, ощущения. «Обычное наименование атомов у Демокрита как раз и есть “фигуры” (shemata), или “видики” (eidola). <...> Это маленькие, далее уже неделимые “видики”, статуэтки, картинки, портретики бытия» [12, с. 499–500]. Это самосознание первой стадии (Я_{об}).

2. Постепенно происходит изменение в самосознании древних (греков) — до степени явного различия субъекта (целостного «Я» человека) и чувственно воспринимаемых образов. Таковы рассуждения Аристотеля (IV в. до н.э.) [1, т. 1, с. 429]. Он чётко обозначает отличие собственного самосознания от самосознания древних, в т.ч. Гомера («О душе», 427a18, гл. 3): «... может показаться, будто и мышление и разумение своего рода ощущения. Ведь посредством того и другого душа различает и познаёт существующее. И древние Демокрит¹, Эмпедокл, Парменид, Анаксагор и Гомер утверждают, что разуметь и ощущать — это одно и то же... Эмпедокл сказал: “Мудрость у них возрастает, лишь вещи пред ними предстанут” (О природе фрагм., 106). Такой же смысл имеют и слова Гомера: “Таков же и ум” (“Одиссея”, XVII, 136). Ведь все они полагают, что мышление телесно так же, как ощущение... Итак, ясно, что ощущение и разумение не одно и то же».

Более подробно обобщение чувственных восприятий в понятия (описанное также и в возрастной детской психологии [см. 17, с. 136 и след.]) дано Аристотелем в гл. 19 2 «Аналитики» [1], с указанием двух уровней познания (уровней самосознания): 1) чувственно воспринимаемого (именование) и 2) уровень первых общих понятий (рассуждений в памяти).

Такое самосознание целостного субъекта наблюдается на протяжении нескольких столетий в эллинистическом обществе (примерно до начала н.э.): «Мы знаем, что ранний эллинизм характеризуется крайним развитием индивидуализма. Он живёт субъективной ощутимостью бытия и

стремлением превратить его в нечто субъективно-имманентное» [10, с. 10]. Это самосознание 2-й стадии, второго психологического возраста (Я_{суб}).

3. В дальнейшем историческом развитии, примерно с I, II вв. н.э., появляются новообразования. В римской эстетике² — авторитет над массой целостных субъектов (начало феодализма), с содержательным наполнением уровня — ориентация на иерархически (трёхуровнево) упорядочивающий уровень самоосознания авторитет³. Таковы представления о душе и взрослении третьей стадии самоосознания (Я-Они)_{об}.

4. Начиная с конца XVI в., эстетике и философии кроме подчинения субъекта нравственному авторитету происходит осознание собственной особенности личности (индивидуализма). Если античное учение о воспитании выделяло два возраста, то учения о воспитании XVI–XVIII вв. выделяют 4 возраста, в меру достигнутого уровня и в меру собственного уровня рефлексии (самоосознания) [2]⁴, те же возрасты прослеживаются и

² Если в Античности (2-й уровень, Я_{суб}) целостному субъекту открывался не только чувственно воспринимаемый мир (1-й уровень), но и мир таких же, как он, равных ему субъектов, которым он мог целостно сопереживать [10, с. 11], то в римской эстетике, на 3-м уровне самосознания (Я-Они)_{об}, субъекты осознаются связанными между собою иерархическими отношениями подчинения «дисциплины, формального повиновения, юридического определения» [10, с. 18]; 3-й уровень самосознания психологически в развитии отдельной личности — уровень начала овладения формально-логическими операциями [17, с. 136].

³ Так, Плотину этот авторитет мыслился авторитетом начинающего рефлексировать на 3-м уровне самосознания, разума: «Плотин применяет свою теорию трёх уровней к ... проблеме человека. Поскольку средний (2-й) уровень Я подвижен, он может совпадать с самым низшим Я, с эмпирическим индивидом <чувственно воспринимающим, Я_{об}>, так и с высшим истинным (как думал Плотин, 3-м уровнем, Я_{суб}) Я. ... Эти три..., соответствующие трём уровням Я, являются <по Плотину> причиной существования трех (исторически упорядоченных) систем философии: 1. Я_{об} — эпикурейства, 2. Я_{суб} — стоицизма и 3. (Я-Они)_{суб} неоплатонизма» [9, с. 31].

⁴ Во втором метафизическом размышлении Декарта (XVII в.) прослеживаемы эти 4 уровня самоосознания (без включения субъекта в социальное окружение). 1-й уровень — осознание себя материальной, чувственно воспринимаемой субстанцией (Я_{об}): «нашёл в себе твёрдое убеждение, что я — нечто» [6, с. 345]; 2-й уровень — осознание отличия своего Я от вещей (Я_{суб}): «знание о моём <его Декарта> существовании ... не зависит от вещей...» [6,

¹ «Обычное наименование атомов у Демокрита как раз и есть “фигуры” (shemata), или “видики” (eidola)» [12, с. 468], т.е. атомы — это неделимые элементы, образы чувственного восприятия, «может быть атом размером с весь мир», «атом NA отличается от атома AN порядком» [14].

Гегелем⁵, более того, Гегель осознаёт четырёх-стадийность исторического развития философско-эстетических теорий: «Эта последовательность различных состояний есть ряд возрастов» [5, с. 90 и след.]. Возрасты, выделяемые Гегелем: 1-й возраст ребёнка (овладение чувственным восприятием), 2-й — начало обучения, 3-й — ориентация на авторитет, 4-й — осознание правилосообразного идеала деятельности и вступление юноши во взрослую жизнь. Содержательно эти же 4 стадии исторического развития культуры выделяются Гегелем в его «Философии истории» (см. также его «Философию права»). Таковы представления четвёртой стадии (Я-Они)_{суб.}

5. На следующем, 5-м, этапе развития к выделенным уже четырём психологическим возрастам добавляется пятый, называемый социализацией личности, зачастую исследуемый в науке того времени как самостоятельное и относительно постоянное свойство человеческой личности. Последовательность психологических возрастов, свойственная этому периоду осознания взросления, неоднократно описана в советско-русской школе психологии (Выготский, Эльконин, Поливанова, Божович, Богданович) и в данной статье подробно не описывается. (Последовательность исторического развития на этом уровне осознаётся уже соответственно как известная 5-уровневая схема смены исторических формаций.)

В середине XX в. западная психологическая школа, так же, как и советская, пытаясь свести

с. 345], «...это какая-то часть меня самого, недоступная представлению <в виде чувственно-воспринимаемых вещей>» [6, с. 346]. Далее осознаётся сумма внутренних представлений (предрефлексия) самого субъекта, наличие разума, представляющего внешний предмет (воск); 3-й уровень (Я-Они)_{об.}: «я <он, Декарт> не могу постичь представляем, что такое кусок воска и что только мой (его, Декарта) разум постигает это» [6, с. 348]. Далее на 4-м уровне (Я-Они)_{суб.} осознаётся отличие временных представлений разумом разных состояний предмета (твёрдого и расплавленного воска) от самого разума (интеллекта): «неужели я <он, Декарт>, познавший, по-видимому, так ясно и отчётливо этот кусок воска, не знаю самого себя не только с большей правильностью и достоверностью, но и с большей ясностью и отчётливостью» [6, с. 350].

Самоосознание Декарта несколько экстравертивно, направлено вне субъекта на внешний мир; более нормальная рефлексия 4 уровней наблюдаема в работах Гегеля.

⁵ Возрасты по Гегелю.

психологическое к социальному (стадия самоосознания (Я-(Они+Я))_{об.}), с удивлением замечала невозможность такой редукции [33]. И ныне замечается, что самоосознание личности достаточно свободно от наличного социального окружения, не полностью им обусловлено [см., напр., 21], что свидетельствует о наличии ещё одного уровня развития.

6. Итоговая, инвариантная относительно исторического процесса и даже относительно организации информационных промышленно-экономических систем [27, 28, 29] структура самоосознания — 6-уровневая⁶. Итоговая схема целостной структуры психологических возрастов личности с возможными отклонениями развития приведена на рисунке. Описанная структура уровней самоосознания свойственна не только самоосознанию личности, но и проецируется личностью вовне при создании сложных организационных структур, прежде всего структур промышленных и структур образования (а также иных экономических единиц [конкретные примеры см.: 30, 34]⁷). (Стадия самоосознания (Я-(Они+Я))_{суб.})

Связь со структурой отражения действительности

На наш взгляд, факты свидетельствуют, что эта 6-уровневая структура развития связана с наличием определённой последовательности отражения действительности в сознании человека.

Этот процесс отражает и самого отражающего субъекта, и само описание действительности, находящееся в сознании субъекта.

⁶ Описание это получено независимо в советской и в американской (Эриксон, Кольберг) научной школе [32].

Причём из 8 уровней развития, по Эриксону, первый (00) составляет внутриутробное развитие безусловно-рефлекторной сферы, завершаемое с достаточностью к жизнеобеспечению к моменту рождения; второй (0) — условно-рефлекторное овладение мышечной и артикуляционно-речевой деятельностью, предваряющее овладение даром речи в полном объёме; уровни (1–6) — уровни самоосознания. Уровни самосознания в содержательном отношении совпадают с уровнями морального развития, описанными Кольбергом.

⁷ В современных математических теориях также прослеживается 6-уровневое конструирование математических объектов, описывающих числа и бесконечные упорядоченные структуры, [см.: 19, 20].

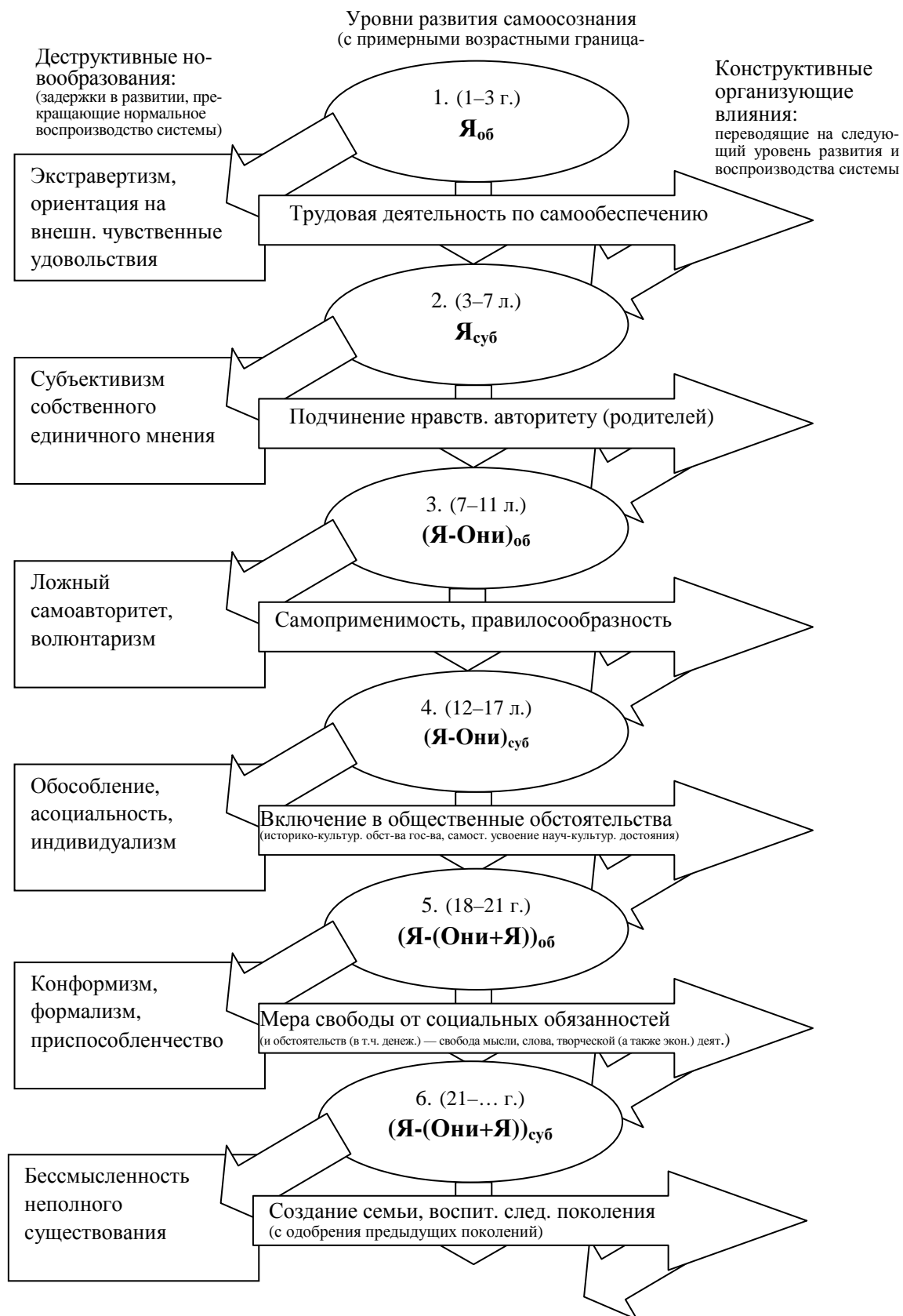

Схема поуровневого нормативного развития личности и отклонений от него [26]

Последовательность стадий отражения конечна, завершается 6-й стадией — самописание субъекта в описании действительности. Отклонения от нормативного развития представляют собой неразрешённые кризисы развития и связаны с ориентацией личности не на внутренне осознаваемые цели, а на нечто внешнее, как это явствует из изучения психологических оснований философии права и психологических состояний при отклоняющемся поведении [7, 8, 24, 25, 26]. При этом при учёте структуры отражения действительности в сознании человека кажущиеся парадоксы субъектности [15; 16, с. 41–42] являются разрешёнными содержательно, а не с формально-логической стороны.

Психологические структуры личности, связанные с самосознанием, естественно связаны и с нейрофизиологическими структурами, как это отмечено в работе [18], поэтому в случае отклоняющегося поведения профилактика гораздо более эффективна, нежели последующее исправление некорректно сформировавшейся структуры.

Творческое же конструирование представляет собой обратное по отношению к отражению при познании отображение [31]. Более подробно конкретные реализации этой психологической структуры, имеющие отношение и к возрастным особенностям формирования понятийного аппарата, описаны отдельно [23, 26].

Заключение

Таким образом, на конкретных примерах прослежено, как в историческом масштабе времени усложнялись представления о взрослении (о последовательности психологических возрастов и соответствующей ей структуре души в древности). В истории постепенно увеличивалось количество осознаваемых уровней в структуре души, увеличивалось и количество осознаваемых психологических возрастов — до современных представлений об этой последовательности.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976–1984.
2. *Баткин Л.М.* Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.
3. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: дис. ... канд. психол. наук. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 170 с.
4. *Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии // Выготский Л.С. Психология. М.: Апрель-пресс: Эксмо-пресс, 2002. 1008 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Ч. 3: Философия духа // Соч.: пер. с нем. Б.А.Фохт / АН СССР, Ин-т философии. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 33. 372 с.
6. *Декарт Р.* Метафизические размышления // Декарт Р. Избр. произведения: пер. с франц. и лат.; ред. В.В. Соколов. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
7. *Зайцев А.Г., Зайцев Г.К., Дмитриев М.Г., Белов В.Г.* Стереотипы функционирования психики и тенденции личностного развития воспитанников колонии для несовершеннолетних // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 117–125.
8. *Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г.* Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 6. С. 113–117.
9. *Лега В.П.* Плотин, патристика и современность, апологетические очерки. М.: Изд-во Правосл. Свт. Тихон. ин-та, 2002. 124 с.
10. *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика, I–II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979. 416 с.
11. *Лосев А.Ф.* История античной философии, в конспективном изложении, М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
12. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа, 1963. 584 с.
13. *Лосев А.Ф.* Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
14. *Маковельский О.* Досократики. Минск: Харвест, 1999. 786 с.
15. *Митькин А.А.* Субъектность человека: грани и границы. Ч. 1 // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 6–7.
16. *Митькин А.А.* Субъектность человека: грани и границы. Ч. 2 // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 27–43.
17. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. М.: Питер, 2003. 192 с.
18. *Семёнова О.А.* Формирование произвольной регуляции деятельности и её мозговых механизмов в онтогенезе // Физиология человека. 2007. Т.33. С. 115–127.
19. *Чечулин В.Л.* Об упорядоченных структурах в множествах с самопринадлежностью // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2008. Вып. 6. С. 37–45.
20. *Чечулин В.Л.* Теория множеств с самопринадлежностью (основания и некоторые приложения): моногр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 100 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15267103> (дата обращения: 16.01.2013).
21. *Чечулин В.Л.* О непредикативном определении понятия личности в психологии // Социально-

- экон. ситуация разв. региона: материалы регион. конф. при Березниковском филиале Пермского гос. ун-та. Березники, 2006. С. 108–112.
22. Чечулин В.Л. К описанию исторического формирования психосоциальной структуры (тезисы) // Ментальность, общество, экономика: проблемы развития России: материалы Междунар. конф. при ОрГТУ. Орёл, 2007. С. 198–202.
  23. Чечулин В.Л., Загородских Н.В. О психолого-гносеологических ограничениях преподавания курса программирования // Рождественские чтения: материалы Всерос. конф. при Перм. гос. ун-те. Пермь, 2008. С. 102–104.
  24. Чечулин В.Л. Основные составляющие философии права // Развитие и реформирование Государственной и муниципальной службы в России на современном этапе: материалы регион. науч.-практ. конф. при Пермском филиале Уральской академии госслужбы. Пермь, 2008. С. 165–167.
  25. Чечулин В.Л. Об основаниях системы кризисов развития личности и структурировании отклоняющегося поведения // Университетские исследования. 2010 (разд. Психология). URL: http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/189_87481.doc (дата обращения: 23.01.2013).
  26. Чечулин В.Л. О гносеолого-психологических основаниях философии права // Философия права. 2010. № 1. С. 101–106.
  27. Чечулин В.Л. К системному анализу структуры промышленной информационно-технологической системы // Инфоком–2: сб. тр. междунар. конф. при Сев-КавГТУ. Кисловодск, 2006. С. 177–181.
  28. Чечулин В.Л. Внутренняя психосоциальная 6-уровневая структура экономической деятельности // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: тр. III междунар. науч. интернет-конф. Омск, 2009. С. 156–166.
  29. Чечулин В.Л. Модели безынфляционного состояния экономики и их приложения: монография / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. 112 с.
  30. Чечулин В.Л. Структурирование системы образования // Университет в системе непрерывного образования: материалы Междунар. конф. при Перм. гос. ун-те. Пермь, 2008. С. 59–60.
  31. Чечулин В.Л. О гносеологических основаниях 6-стадийного научно-инновационного цикла // Инновации РАН – 2008: материалы науч.-практ. конф. РАН. Н. Новгород, 2008. С. 51–52.
  32. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2001. 608 с.
  33. Шубутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 531 с.
  34. Chechulin V.L., Ardavichus V.G., Kolbasina O.V. Informatization of the process of producing formalin // Russian Journal of Applied Chemistry / MAIK Nauka/Interperiodica. 2008. Vol. 81, № 6. P. 1112–1116.

ON THE SCHEME OF CHANGING PERCEPTIONS OF CHILDHOOD IN HISTORY
Viktor L. Chechulin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Based on epistemological laws of reflection of reality in the human mind, which has 6-levels structure complexity concepts (levels of abstraction, generalization of concepts), which is manifested in the history of science in the form of certain homogeneous periods of its development, given the fact that the transition from one level to another is associated with reflection certain change of self-consciousness of man, described watching the gradual complication of ideas about the structure of psychological age (representations of childhood and adulthood) in line Eurocentric historical development of science and culture, with an indication of the modern description of the invariant 6-tier structure psychosocial ages realization. Also indicated that similar substructures consciousness expressed earlier: a 2-level ideas about human development (Aristotle, 2nd period of the development of science), and a 4-level representation of growing up (Hegel, the 4th period of the development of science).

Key words: psychological age; perceptions of the soul level (stage) of self-consciousness; reflection of reality in the human mind; the periods of the development of science.

УДК 159.92

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Паламарчук Ольга Николаевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии

Винницкий государственный педагогический университет им. Михаила Коцюбинского

Украина, 21100, Винница, ул. Острожского, 32

e-mail: Palamarchuk_42@mail.ru

Статья посвящена изучению содержания личностно-профессионального становления субъектов экономической деятельности. Представлены результаты теоретического анализа проблемы социализации субъектов экономики. Объясняется, что подразумевается под профессиональной социализацией предпринимателей. Особое внимание акцентировано на роли экологического сознания в профессиональном становлении субъектов экономической деятельности. Обсуждаются основные факторы, формирующие экологическое сознание субъектов предпринимательства. Автор останавливается на модели профессионального эколого-экономического поведения. Анализируются уровни профессиональной экологической зрелости. Раскрываются методы достижения эффективных результатов профессиональной социализации субъектов экономики. Отмечается, что активная профессиональная социализация начинается с осознания предпринимателем собственного «я» в системе эколого-экономических отношений, с овладения навыками применения своих эколого-экономических знаний на практике. Делается вывод о важности индивидуализации в профессиональной социализации субъектов экономической деятельности.

Ключевые слова: социализация; личностно-профессиональное становление; экологическое сознание; профессиональная деятельность; субъекты предпринимательской деятельности.

Проблема профессиональной социализации и личностно-профессионального становления субъектов экономической деятельности в последнее время привлекает внимание многих исследователей и требует системности в рассмотрении. Следует отметить, что с разворачиванием экологического кризиса, который угрожает перерасти в глобальную экологическую катастрофу, компетентная личностно-профессиональная предпринимательская деятельность невозможна без эффективного процесса профессиональной социализации субъектов предпринимательства.

Исследования личностно-профессионального становления субъектов экономической деятельности дает возможность основательнее и полнее раскрыть механизмы социализации людей, которые имеют непосредственное отношение к природопользованию. Актуальной перспективой профессионального формирования личности субъектов экономической деятельности является обязательное включение в процесс их социализации экологической составляющей. Профессиональная социализация специалистов в экономической сфере должна объединять их успехи на ра-

боте с этапами личностного эколого-экономического развития, включая все сферы общественной жизни [5, с. 43–72]. Социализацию субъектов экономической деятельности необходимо связывать с такими аспектами, как профессиональный жизненный путь, профессиональная экологическая деятельность и профессиональное эколого-экономическое самоопределение.

Изучение процесса социализации субъектов экономики требует рассмотрения динамики экологического развития личности и ее поведенческих проявлений, которые связаны с опытом и активностью в сфере эколого-экономического труда [1, с. 112–123]. Прошлый жизненный опыт личности формирует определенную систему экологических ценностей, социальных установок по отношению к проблемам экологии и предпринимательства вообще. Поэтому в профессиональном плане субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и социально обусловленных стимулов к эколого-экономической деятельности. Эколого-экономические ориентации возникают в процессе

социализации в результате накопления экологического опыта, они устойчивы и могут оставаться стабильными в течение длительного времени. Эколого-экономические ориентации в системе конкурентоспособности специалиста представляют собой сложный объект научного анализа, который является комплексной, междисциплинарной категорией и требует использования различных подходов, особенно социально-психологического. Многогранность темы исследования требует прежде всего анализа концепций отечественных и зарубежных ученых по проблемам психологической социализации личности.

Теория социализации личности освещается в трудах Т. Парсонса, Ж. Пиаже, Н. Смелзера и др. Достаточно интенсивно проводятся исследования по определению сущности данного процесса, источников и подвижных сил психологической социализации в профессиональной эколого-экономической деятельности. Вопросы профессионального развития рассматриваются в публикациях таких психологов и социологов, как Н. Дряхлов, Г. Кричевский, В. Мальцев, А. Макарова и А. Пригожин. В них анализируются особенности социальных интересов в сфере экономической деятельности и формирования современного субъекта различных уровней экономических структур.

Теория социализации исходит из того, что человек как активный субъект общества является одним из факторов, создающих условия и обстоятельства для собственной и общественной жизни в целом. Его действия органично вплетены в механизм функционирования различных социальных систем (предприятие, населенный пункт и т.п.). Личность — объект и субъект социального взаимодействия. Взаимодействие социальной системы и личности осуществляется с помощью определенных механизмов влияния как на социальные качества индивида со стороны социальных систем, так и наоборот. Первая группа трактуется как механизм социализации индивида, вторая — как механизм изменения социальной системы. З. Фрейд выделил такие механизмы социализации:

- имитация — осознанные попытки копировать и подражать поведению социальных субъектов;
- идентификация — усвоение поведения социальных субъектов, социальных ценностей и норм как собственных;
- чувство стыда и вины — негативные механизмы социализации, что запрещают и пресекают некоторые модели поведения.

Т. Парсонс утверждает:

- имитация — это процесс усвоения элементов культуры путем простого подражания;
- идентификация — проявление отношения к социальной среде и ее составляющим, принятие ценностей определенных социальных групп и обществ, способ осознания своей принадлежности к ним.

На процессе интеграции личности в социальную роль субъекта экономической деятельности существенно сказываются «ожидания» и «требования» ее окружения. В систему личности включаются специально произведенные средства поведения, которые соответствуют требованиям социальной системы и формируют социальный характер личности. Влияние социальной системы, преломляясь сквозь внутреннее «Я» человека, изменяет его поведение. Оно начинается с нарушения равновесия, затем переходит в стадию адаптации к особенностям данной системы и завершается стабилизацией, но уже на новом уровне. Механизмы динамики социальной системы проявляются в появлении или исчезновении определенных элементов, в изменении внутренних и внешних связей между ними. Факторами социальных изменений являются объективные предпосылки (прежде всего экономические), индивидуальные особенности личности, специфика ее взаимодействия с природной средой [7].

Изучение работ указанных ранее авторов показало, что в теории социализации есть еще много неисследованных проблем. Это относится также и к выявлению механизмов и динамики развития профессиональной эколого-экономической деятельности в структуре конкурентоспособности субъектов экономической деятельности. Достаточно важным фактором развития личности в структуре конкурентоспособности специалиста является профессиональная экологическая мотивация. В профессиональной экологической мотивации важны установление связи между потребностями, мотивами, эмоциями, с одной стороны, и постановка экологических целей, экологической саморегуляцией — с другой. Модель профессионального эколого-экономического поведения должна сочетать мотивацию и волю, предполагая неразрывность процессов выбора, реализации намерения и проявления воли и мотивации при осуществлении экономической деятельности.

Важной детерминантой эколого-профессиональной социализации субъектов предпринимательства является наличие в них надлежащего уровня экологического сознания. Эколо-

гическое сознание субъектов экономики представляет собой сложное социально-духовное образование личности, что включает рефлексию предпринимателя относительно его места и роли в системе взаимодействия «предприниматель – природная среда», а также саморегуляцию данного отражения. Экологическое сознание как часть общечеловеческого сознания должно способствовать социально-духовной реализации личности предпринимателя и поэтому его необходимо направить на построение социально значимой системы взаимоотношений в структуре «предприниматель – окружающая среда».

Экологическая сознательность предпринимателей должна формироваться, храниться и воспроизводиться в общественном сознании и быть связанной с процессом предоставления субъектами экономической деятельности социально-ценностного значения объектам окружающей среды. Поэтому экологическое сознание субъектов предпринимательства должно включать необходимые эколого-экономические знания, совокупность навыков по их применению, а также готовность к разработке и внедрению новых технологий. Экологическая сознательность предпринимателей как специфически человеческий феномен их адаптации в биосфере одновременно должна быть главным средством регуляции отношений в системе «предприниматель – биосфера», все более мощным фактором самоорганизации и развития личности предпринимателя. Экологическое сознание субъектов предпринимательства, как и любой другой вид их сознания, не появится стихийно. Его необходимо сформировать. Оно должна опираться на исторические традиции института предпринимательства, приобретенный предпринимателями опыт в системе взаимодействия «предприниматель – окружающая среда» и исходить из имеющегося континуума природных условий.

Носителем экологического сознания является не просто предприниматель как индивид или представитель определенной социальной группы, а такой социальный субъект, который непосредственно реализует конкретный вид экономической деятельности. Субъектами экологического сознания могут быть все без исключения предпринимательские организации, занимающиеся экономической деятельностью. Субъектом может быть и частный предприниматель, который работает в конкретной предпринимательской организации, и в процессе своей деятельности формирует определенные представления, понятия, знания

о специфике в системе взаимоотношений «окружающая среда – предпринимательство».

Важным для понимания экологического сознания субъектов предпринимательской деятельности является определение его объекта. Таким объектом является не просто окружающая среда или предприниматель как часть природы. Объект экологической сознательности предпринимателей — система «предпринимательство – окружающая среда». Отдельные составляющие этой системы рассматриваются как объекты отдельных отраслей предпринимательской деятельности. При этом необходимо отметить, что сам субъект (предпринимательские организации или отдельный предприниматель) становится объектом рассмотрения, поскольку в процессе собственного воздействия на окружающую среду он влияет и на себя, и, исследуя природу данного влияния, он исследует вместе и себя. Экологическое сознание субъектов экономической деятельности — это мера их моральной зрелости и, будучи глубоко укорененным в структуре личности, внешне проявляется как наличие или отсутствие здравого смысла у отдельного предпринимателя или представителей конкретной предпринимательской организации в системе взаимодействия «предприниматель – окружающая среда». Проявления экологического сознания могут наблюдаться в различных сферах жизнедеятельности предпринимателя и общества. Необходимо отметить, что на современном этапе развития общества имеет место осознание важности высокого уровня экологического сознания субъектов предпринимательства для здоровья и жизни нации. Подавляющее большинство субъектов экономической деятельности осознают важность решения эколого-экономических проблем, однако каждый почему-то считает, что конкретно его это не касается, что он может избежать опасности, что именно его она минует. Все это приводит к тому, что каждый отдельно взятый субъект экономики вроде экологически сознательный, но общество живет и действует по принципу самоубийства. Такова модель индивидуального и коллективного сознания субъектов предпринимательской деятельности.

Имеет место парадоксальная ситуация, когда формирование поведенческого релятивизма, а точнее релятивного коллективного сознания, в значительной степени зависит именно от опыта становления экологического сознания в современных предпринимательских организациях. Экологическое сознание субъектов предпринимательской деятельности должно быть сформиро-

ванной системой знаний, стереотипов мышления, поведения, чувств, практической деятельности, этических представлений, а также предметов, средств и механизмов, связанных с взаимодействием субъекта предпринимательства и природы, которые передаются из поколения в поколение [3]. Итак, экологическое сознание представителей института предпринимательства должно включать необходимые эколого-экономические знания, совокупность навыков по их применению, а также готовность к разработке и внедрению новых технологий.

Экологическое сознание субъектов предпринимательства должно стать функциональной основой для их профессиональной деятельности в сфере экономики, что обеспечит возможность целесообразного и эффективного природопользования. Оно обязательно должно создаваться, сохраняться и воспроизводиться в интеллектуально-духовной сфере. Благодаря этому можно будет обеспечить его непрерывность, преемственность и развитие.

Формирование экологического сознания — это скоординированная долговременная работа, которая открывает личности предпринимателя возможности его позитивного взаимодействия с миром природы и становится фактором общего развития и формирования субъектов экономической деятельности.

Формирующими факторами экологического сознания субъектов предпринимательства являются:

- профессиональное экологическое образование и воспитание;
- социализация личности субъекта экономической деятельности.

Роль экологического образования и воспитания в формировании экологического сознания человечества широко представлена в отечественной и зарубежной научной и научно-методической литературе. Мы же остановимся на социализации личности субъекта экономической деятельности как факторе формирования общей экологической сознательности. Социализация — это процесс усвоения субъектами экономической деятельности системы ценностей, норм и образцов поведения, обязательных в определенном обществе, а также навыков, которые дают им возможность войти в мир общественных организаций. Социализация происходит под влиянием среды, конкретных представителей общества и воспитательных учреждений и достигается следующими методами: формированием коммуникативной культуры лич-

ности; созданием условий для эффективного осознания субъектами экономической деятельности сущности современных проблем экологии и их актуальности для общества, членами которого они являются; формированием и развитием чувства личной ответственности за состояние окружающей среды на местном, а в дальнейшем на национальном и глобальном уровнях; выработкой умений принимать собственные ответственные решения по охране окружающей среды и действовать в соответствии с ними в процессе практической деятельности.

Коммуникативная культура субъекта экономической деятельности представляет собой свойство личности, интегрирующее коммуникативные знания, ценности, опыт, реализация которых позволяет достигать взаимопонимания в системе «субъект экономической деятельности – окружающая среда» и выделяет следующие компоненты: культуру экологических чувств, культуру экологического мышления, культуру речи и культуру здоровья. Наиболее общими параметрами коммуникативной культуры субъектов экономики являются: аналитическое мышление, четкость в выражении собственных взглядов на экологические проблемы, продуманность эколого-экономических действий, последовательность переходов от одного этапа к другому; креативность, дивергентность экологического мышления, независимость в экологических суждениях, мотивация самоактуализации; экологическое воображение; саморегуляция в экономических действиях, спокойное обдумывание своих эколого-экономических действий, умение прогнозировать экологические последствия; эмоциональность, чувствительность к окружающей среде; преобразования информации с помощью умозаключений.

Важный показатель сформированности коммуникативной культуры субъектов экономической деятельности — уверенность относительно собственной жизненной эколого-экономической позиции. Целостная система социально-психологических способов формирования коммуникативных умений способствует определению профессиональной идентичности, смысло-жизненных ориентировок, психологической готовности к профессиональной деятельности, а также развитию ценностного отношения к собственной профессии, людей и мира.

На коррекцию современного образа жизни субъектов экономической деятельности, в частности, на развитие их отношений с окружающей средой влияет создание условий для эффективно-

го осознание сущности современных проблем экологии [2]. Решение экологических проблем невозможно без исследования и изменения господствующего ныне общечеловеческого экологического сознания, в частности, экологического сознания субъектов экономической деятельности. В.А. Скребец считает, что экологическое сознание — это уровень психического воспроизводства природной и искусственной среды, своего внутреннего мира, саморефлексия в отношении места и роли человека в биологическом, физическом и химическом мире, а также саморегулирование и наполнение этого воспроизведения экологическим содержанием. М.М. Киселев, В.Л. Деркач и А.В. Толстоухов указывают на то, что экологическое сознание — это устойчивая и осознанная система представлений о состоянии окружающей природной среды, способность (индивидуальная или коллективная) к адекватному пониманию органической связи между человеком и природой, использование экологических знаний и убеждений во всех без исключения сферах практической деятельности [4; 6, с. 236–237]. По мнению А.М. Левочкиной, экологическое сознание — это высший уровень психического отражения природной, искусственной, социальной среды и своего внутреннего мира; рефлексия места и роли человека в экологическом мире, а также саморегуляция этого отражения.

Формирование и развитие чувства личной ответственности за состояние окружающей среды предполагает наличие в структуре ответственности идейно-нравственного, эмоционально-волевого и деятельностно-практического компонентов. Относительно места социально-экологической ответственности в структуре социальной ответственности существует две позиции. Одни исследователи считают, что сегодня нет достаточных оснований для рассмотрения социально-экологической ответственности как самостоятельного вида (Н.А. Минкина и др.). Другие ученые (И. Карпенко, Д.Я. Кучма, А.П. Ожогов и др.) обосновывают возможность и необходимость выделения социально-экологической ответственности как одного из видов ответственности. Этой позиции придерживаемся и мы.

Выработка умений принимать собственные ответственные решения по охране окружающей среды и действовать в соответствии с ними в процессе практической деятельности по решению проблем окружающей среды должна опираться на результаты экологических опросов, анкетирования, исследований, определяющих влияние раз-

личных факторов на экологию. Новая концепция деятельности субъектов экономики должна базироваться на трех «китах»: экономике, экологии и социальной сфере. Невозможно достичь высоких результатов в системе взаимодействия «предприниматель – окружающая среда» без взаимодействия и скоординированности действий в этих трех направлениях.

Просветительская деятельность предусматривает развитие субъектов экономической деятельности с помощью средств экологического воспитания и обучения. Известные ученые Д.Р. Хикмон и М.А. Силва, на наш взгляд, уместно в связи с этим сравнивают современные экономические организации с большими семьями, которые должны опекать и воспитывать своих членов. Важное место в этом занимает система переподготовки и повышения квалификации. Профессиональная деятельность должна рассматриваться как сочетание социально-экономического и экологического взаимодействия. Желание постоянного экологического обучения, независимо от возраста, опыта и должности, должно быть у каждого субъекта экономической деятельности. При этом необходимо учитывать, что успеха можно достичь только постоянной и вдохновенной экологической работой, добросовестным экологическим отношением к порученному делу.

Наиболее тяжелым периодом профессиональной социализации субъектов экономической деятельности является ранний период личностной зрелости. В период ранней профессиональной зрелости, связанной с периодом личностной зрелости, происходит становление профессионального экологического сознания. Можно выделить традиционные уровни профессиональной экологической зрелости: ранний — связан с анализом существующих эколого-экономических проблем; средний — с профессиональной эколого-экономической деятельностью и формированием профессионального экологического сознания; поздний уровень характеризуется более высокими эколого-экономическими достижениями, творческой зрелостью субъекта экономической деятельности.

Активная профессиональная социализация начинается с осознания субъектом экономической деятельности собственного «я» в системе эколого-экономических отношений, своего места в социуме, с овладения навыками применения своих эколого-экономических знаний на практике. Важным структурным элементом профессиональной социализации является формирование

чувства ответственности. Осознание необходимости ответственности за собственные поступки перед обществом имеет предупредительное значение, предостерегает личность от необдуманных экономических действий. Чувство ответственности активизирует профессиональное сознание субъекта экономической деятельности, направляет его на сознательное решение экологических проблем, которые возникают в практической экономической деятельности. Профессиональная социализация субъекта экономической деятельности — это сложный и многогранный процесс. Он зависит от многих субъективных и объективных факторов. На социализацию субъекта экономической деятельности влияют условия его жизнедеятельности, трудовой путь, характер экономической деятельности, семейное положение, атмосфера в семье, место жительства, пребывание в социальных группах и др.

Итак, профессиональная социализация субъектов экономической деятельности является специфической формой присвоения ими тех общественных отношений, которые существуют в сфере их профессиональной деятельности. Основой профессиональной социализации является освоение индивидом экологического мышления, форм рационального природопользования, восприятие индивидом норм, ценностей, традиций, обычаев, образцов эколого-экономической деятельности. Индивид социализируется, включаясь в разнообразные формы социальной деятельности, усваивая характерные социальные роли. Поэтому профессиональную социализацию субъектов экономической деятельности можно рассматривать как восхождение от индивидуального к социальному. В то же время профессиональная социализация предполагает индивидуализацию, поскольку субъект экономической деятельности усваивает существующие ценности выборочно, через свои интересы, мировоззрение, формируя собственные потребности, ценности.

Благодаря профессиональной социализации человек привлекается к социальной жизни, получает и изменяет свой социальный статус и социальную роль. Профессиональная социализация — длительный и многоактный процесс. Ведь общество постоянно развивается, меняются его структура, цель и задачи, ценности и нормы. В течение жизни многократно меняется и человек — возраст, взгляды, вкусы, привычки, правила поведения, статусы и роли. Благодаря профессиональной социализации субъекты экономической деятельности реализуют свои потребности, возмож-

ности и талант, налаживают отношения с другими членами общества, их группами, социальными институтами и организациями, с обществом в целом. Все это позволяет им чувствовать себя в обществе и социальной жизни уверенно. В то же время профессиональная социализация — важнейший фактор стабильности общества, его нормального функционирования, преемственности его развития. Таким образом, исследуя профессиональную социализацию субъектов экономической деятельности, анализируя источники научной литературы по проблеме личностно-профессиональной деятельности индивида, можно установить, что роль экологического сознания личности в рамках психологии профессиональной деятельности еще недостаточно изучена. Понятие «экологическое сознание» в процессе профессиональной социализации субъектов предпринимательской деятельности стало использоваться сравнительно недавно. Еще не выработано единого подхода к месту и роли экологического сознания в процессе социализации субъектов экономической деятельности. Исследования в этом направлении могут способствовать созданию необходимой методической базы для изучения экологического сознания как необходимой составляющей профессиональной социализации субъектов экономической деятельности.

Список литературы

1. *Белорус О.Г.*, Лукьяненко Д.Г. Глобальные трансформации и стратегии развития. Киев: Ориане, 2000. 242 с.
2. *Гардашук Т.В.* Современный экологизм: теоретические основы и практические импликации // Практическая философия. 2001. № 1. С. 146–157.
3. *Дробноход М.И.*, Вольвач В.Ф., Иваненко С.Г. Концептуальные основы формирования экологического мышления и способностей человека строить гармоничные отношения с природой. Киев: МАУП, 2000. 76 с.
4. *Киселев М.М.*, Деркач В.Л., Толстоухов А.В. Концептуальные измерения экологического сознания: монография. Киев: Парапан, 2003. 312 с.
5. *Панов В.И.* Экологическая психология. Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 196 с.
6. *Толстоухов А.В.*, Хилько М.И. Экобезопасное развитие: поиски стратегий. Киев: Знания, 2001. 333 с.
7. *Швалб Ю.М.* К определению понятий среды и пространства в жизнедеятельности человека // Актуальные проблемы психологии. Киев: Милениум, 2004. Т. 7, вып. 2. 200 с.

THE PECULIARITIES OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION SUBJECTS
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Olga N. Palamarchuk

*Vinnitsa State Pedagogical University named after Mykhailo Kotsiubynsky;
32, Ostrozskiy str., Vinnitsa, 21100, Ukraine*

Article examines the contents of personal-professional development of economic subjects. The results of theoretical analysis of the problem of socialization of economic subjects are identified. Explains what is meant by professional socialization entrepreneurs. Particular attention is focused on a role of environmental awareness in the professional formation of economic subjects. The main factors shaping the ecological consciousness of businesses are discussed. The author dwells on the model of professional environmental and economic behaviour. The levels of professional environmental maturity are analysed. Disclosed are methods of achieving effective results of professional socialization of economic subjects. Noted that the active professional socialization begins with awareness entrepreneur of his own «I» in the system of ecological and economic relations, with their mastery of skills to use ecological and economic knowledge in practice. The conclusion about the importance of individualization in the professional socialization of economic actors is made.

Key words: socialization, personal and professional development, environmental awareness, professional activities, business entities.

УДК 159.9.072

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО БАНКОВСКИХ РАБОТНИКОВ И ПЕДАГОГОВ

Пузырева Любава Олеговна

магистрант философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: puzireva.l@gmail.com

Проводилось исследование рефлексивности как профессионально важного качества банковских работников и педагогов на разных этапах профессионального становления личности. Рефлексия рассматривалась как один из наиболее важных компонентов профессиональной деятельности. Получены данные о том, что уровень рефлексивности меняется в процессе профессионализации личности и различается в зависимости от типа профессии («Человек–Человек», «Человек–Знак»). Для проверки конструктивной валидности определялись связи рефлексивности и уровень субъективного контроля.

Ключевые слова: рефлексивность; профессиональное качество; уровень субъективного контроля.

Совершенствование практики подбора и расстановки кадров, стимулирования труда, продвижения работников, повышения квалификации связано с объективной, построенной на научной основе, деловой оценкой работников. Работник должен иметь определенные профессионально важные качества, необходимые в конкретной области деятельности.

Профессиональная рефлексия — это свойство личности, мышления и условие, необходимое для творческой самореализации индивида и достижения высокого уровня профессионального мастерства. Рефлексивность является важным показателем зрелости личности при овладении ключевыми компетенциями.

Рефлексия является содержанием почти всех форм деятельности человека. Таким образом, рефлексия можно назвать одним из наиболее важных компонентов профессиональной деятельности, вследствие того что она направляет деятельность человека, являясь системообразующим компонентом для мобилизации личностных ресурсов в деятельности, профессиональной реализации и становлении человека как профессионала.

Целью настоящей работы является эмпирическое изучение рефлексии как профессионально важного качества банковских работников и педагогов на разных этапах профессионального становления.

Новизна нашей работы заключается в том, что в научной литературе, посвященной проблемам рефлексии, недостаточно обосновано положение

о ведущей роли рефлексии в структуре профессиональной деятельности, недостаточно сведений об изменении уровня сформированности такого профессионального качества на разных этапах становления профессиональной деятельности.

Объектом исследования выступает рефлексия как значимый компонент профессиональной деятельности.

Предмет исследования — уровень сформированности рефлексивности как профессионально важного качества банковских работников и педагогов на разных этапах профессионального становления.

Гипотезы исследования:

1. Уровень рефлексивности у человека на разных этапах профессиональной деятельности будет различаться — на начальных этапах становления человека как профессионала уровень рефлексивности будет ниже, чем на последующих.

2. Уровень субъективного контроля будет положительно коррелировать с уровнем рефлексивности и также будет различаться на разных этапах профессиональной деятельности.

3. Уровень сформированности и развитости способности к рефлексивности у работников гуманитарной сферы и профессий типа «Человек–Человек» будет выше, чем у работников сферы естественных наук и профессий типа «Человек–Знак».

В качестве особого свойства индивидуума измеримость рефлексивности дает возможность

рассматривать ее как новую количественно представляемую независимую переменную в психологических исследованиях. Тем самым данное свойство становится реальным и полноценным объектом конкретно-научного — психологического исследования [2].

Рефлексивность наряду с другими профессиональными качествами личности влияет на профессиональное становление и успешность человека как профессионала. На сегодняшний день существует множество научных работ, посвященных теме становления личности в профессиональном плане, профессионально важных качеств и черт личности. Различные ученые при рассмотрении данных проблем называют в качестве основных профессиональных черт разные характеристики личности, такие как уровень коммуникативных способностей, способность к творчеству, уровень теоретических знаний, развитость практических навыков и т.д. Выделение ведущего профессионально важного качества личности зависит и от сферы профессионализации, вида работы, профессии человека.

Было выбрано 6 групп испытуемых: работники Центра сопровождения клиентских операций «Парма» ОАО ЗУБ Сбербанка России, студенты 5-го курса экономического факультета (специальность «Менеджмент») ПГНИУ, педагоги начального образования из 6 школ г. Перми, студенты 5-го курса факультета педагогики и методики начального образования ПГГПУ, педагоги физической культуры из 12 школ г. Перми, студенты 5-го курса факультета физической культуры ПГГПУ. Всего 240 человек.

Центр сопровождения клиентских операций Западно-Уральского банка Сбербанка России занимается обработкой, обслуживанием и сопровождением банковских операций. Сотрудники Центра специализируются на выполнении операций валютного контроля, работе со счетами (открытие банковского счета, заморозка, приостановление деятельности, зачисление и снятие средств со счета, возобновление деятельности и т.д.), администрировании кредитных операций, выпуске и работе с банковскими картами и т.д. Группа сотрудников отдела, где было проведено исследование, занималась именно работой с просроченной задолженностью на ранней стадии, т.е. работой со счетами клиентов, непосредственного контакта с клиентами не имела. По системе Климова данный тип профессий относится к типу «Человек–Знак».

В ходе мониторинга занятости выпускников экономического факультета специальности «Ме-

неджмент» удалось выяснить, что многие специалисты данного направления получают должности в сфере банковского дела. Опрос работников ЗУБ «Сбербанка России» показал, что наиболее часто встречающаяся выпускная специальность банковских работников — это «Менеджмент».

У учащихся начальных классов обычно один учитель. Именно он играет главную роль в преодолении детьми первых и очень трудных шагов в школьной жизни. Учитель, способствуя социализации детей, старается развить в них жизненно полезные качества, такие как любознательность, привычку преодолевать трудности и т.д. Учащиеся в начальных классах не только получают знания, но и благодаря успешной работе педагога учатся учиться. Труд педагога предполагает интенсивное общение с учащимися. Педагог начальной школы направлен на работу с людьми, т.е. по системе Климова данная профессия преимущественно относится к типу «Человек–Человек», наряду с типом «Человек–Художественный образ».

Основное содержание деятельности педагога физической культуры включает выполнение трех функций — обучающую, воспитывающую и организующую. Педагог проводит спортивно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу, занятия по физической культуре с учащимися образовательных учреждений в группах общей физической подготовки, спортивных секциях. По системе Климова эта профессия полностью относится к системе «Человек–Человек».

Эта выборка дает возможность проследить развитие рефлексивности на разных этапах профессионального становления, а также установить значимые различия в уровне субъективного контроля в зависимости от профессионализации. При обработке и интерпретации результатов планируется выявить значимые различия меры рефлексивности в указанных группах и проследить различия в уровне субъективного контроля в группах опрашиваемых.

Для исследования рефлексивности у групп испытуемых была выбрана «Методика диагностики меры выраженности свойства рефлексивности» А.В. Карпова. В целях подтверждения результатов исследования с помощью методики А.В. Карпова использовалась методика измерения уровня субъективного контроля (УСК). Авторами методики диагностики уровня субъективного контроля являются Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд. Конструктивная валидность проверялась путем определения связи результатов мето-

дики диагностики рефлексивности и результатов методики диагностики уровня субъективного контроля.

В соответствии с задачами исследования были выбраны следующие методы математической обработки данных:

- Описательная статистика.
- Однофакторный дисперсионный анализ для несвязных выборок в программе STATISTICA 7 (One-way ANOVA).

- Корреляционный анализ Пирсона.

Гипотезы были подтверждены. Обнаружены следующие статистически достоверные факты:

- уровень рефлексивности у студентов экономического факультета ПГНИУ ниже, чем у работников банка;
- уровень рефлексивности у студентов факультета педагогики и методики начального образования ниже, чем у педагогов начальной;
- уровень рефлексивности у студентов факультета физической культуры ниже, чем у педагогов физической культуры;
- уровень рефлексивности у работников банка ниже, чем у педагогов;
- по показателям рефлексивности между группами студентов различий не обнаружено;
- по показателям рефлексивности между педагогами начальной школы и педагогами физической культуры различий не обнаружено;

- выявлена положительная взаимосвязь рефлексивности с уровнем субъективного контроля.

Использование процедуры дисперсионного анализа дало нам возможность получить статистически достоверные различия между группами испытуемых. По результатам исследования получены данные, подтверждающие положения о том, что уровень рефлексивности меняется в ходе профессиональной деятельности индивидов. Так, уровень рефлексивности у банковских работников значительно выше, чем у студентов 5-го курса экономического факультета ПГНИУ. Аналогичным образом различаются данные между группами педагогов начальной школы и студентами факультета методики начального образования ПГПУ и между группами педагогов физической культуры и студентами факультета физической культуры ПГПУ.

Это можно объяснить тем, что в ходе непосредственной трудовой деятельности развивается способность видеть проблемы собственной профессиональной деятельности, модифицировать ее за счет своих внутренних ресурсов, самостоятельно осуществлять выбор, принимать ответственность за свои решения, т.е. развивается способность к рефлексии. Рефлексия является системообразующим компонентом для мобилизации всех личностных ресурсов при решении жизненных задач, в том числе профессиональных.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа по выборке в целом

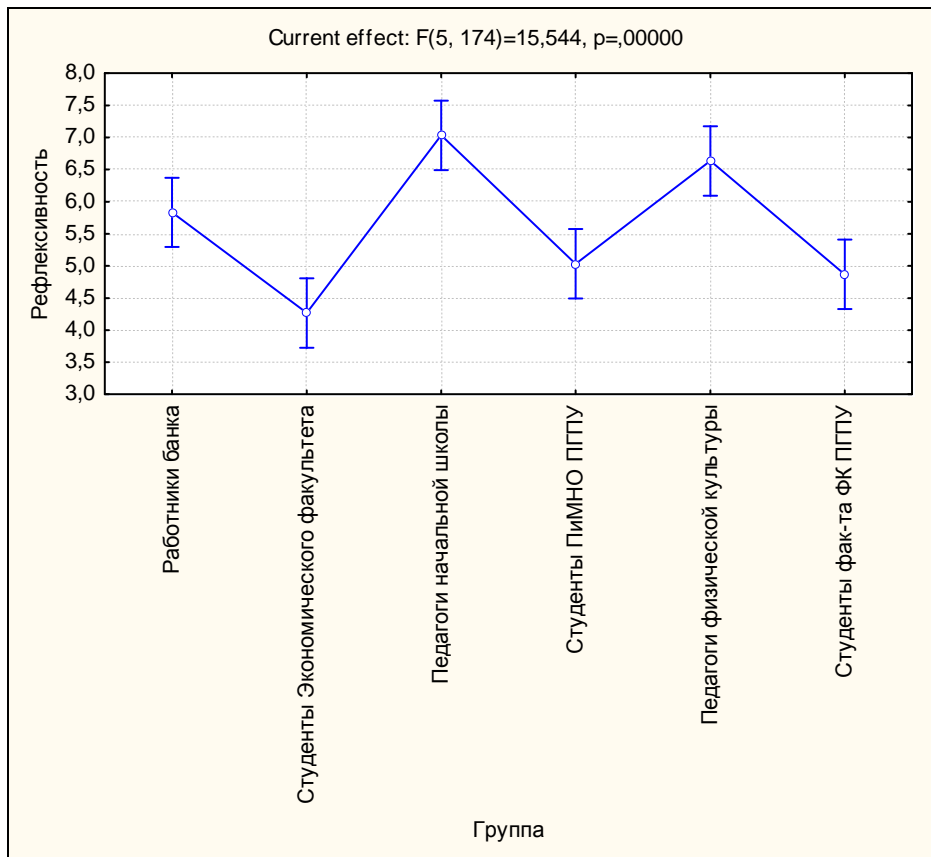
Интернальность	Интернальность						
	Общая	Достижений	Неудач	В семейных отношениях	В производственных отношениях	В межличностных отношениях	В отношении здоровья
Общая	1,00						
Достижений	0,78*	1,00					
Неудач	0,78*	0,67*	1,00				
Семейных отношениях	0,75*	0,68*	0,66*	1,00			
В производственных отношениях	0,72*	0,65*	0,61*	0,54*	1,00		
В межличностных отношениях	0,64*	0,64*	0,56*	0,59*	0,52*	1,00	
В отношении здоровья	0,60*	0,59*	0,50*	0,53*	0,45*	0,49*	1,00
Рефлексивность	0,57*	0,58*	0,48*	0,52*	0,48*	0,51*	0,48*

Результаты корреляционного анализа показателей уровня рефлексивности и уровня субъективного контроля показали, что испытуемые, имеющие высокий балл по результатам исследования уровня рефлексивности, имеют также высокий балл по шкалам субъективного контроля. То есть люди с высоким уровнем рефлексивности склонны приписывать ответственность за все происходящее с ними самим себе, что также подтверждает исследования, проведенные С.Н. Морозюк, А.Л. Рудаковым и Л.И. Адамян [1].

Высокий уровень рефлексивности и высокий уровень субъективного контроля указывают на высокую адаптацию и самооценку, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, стремление к доминированию, позитивное отно-

шение к себе. Чем выше уровень рефлексивности и уровень субъективного контроля, тем меньше работники склонны к уходу от проблем. Эти качества очень важны в профессиональном становлении, развитии и реализации личности банковского работника, продвижение по карьерной лестнице в большей степени зависит от того, как развиты эти качества личности.

При сравнении средних показателей по выборкам испытуемых было выделено, что наибольшие значения показателей уровня рефлексивности зафиксированы у групп педагогов начальной школы и педагогов физической культуры, у работников банка средние значения в уровне рефлексивности оказались несколько меньше.

Соотношение уровня рефлексивности у разных групп испытуемых

Главным приоритетом педагогического процесса является организация деятельности обучающихся, из чего следует, что первым педагогическим условием развития педагогической рефлексии является специально организованная рефлексивная деятельность педагога. Рефлексивный характер педагогической деятельности заключается в том,

что, управляя деятельностью учеников, учитель смотрит на себя и свои действия (и оценивает их) как бы глазами учащихся. Особенность отношений в педагогическом процессе предполагает, что и преподаватель, и обучающийся выступают субъектами деятельности, когда их общая деятельность протекает синхронно и каждый дополняет и обо-

гащает деятельность друг друга. Именно в меж-субъектных отношениях и заключены механизмы развития профессиональной рефлексии педагога. В отличие от профессии банковского работника, где все действия строго регламентированы и работники действуют по инструкции, профессия педагога является творческой. Педагог всегда старается найти индивидуальный подход к ребенку, ведь каждый из детей от природы талантлив, и основная задача — помочь раскрыться способностям. Педагог постоянно осуществляет аналитическую деятельность в отношении своей работы, рефлексивность является неизменным атрибутом, сопрово-

ждающим индивидуальную образовательную траекторию педагога.

Можно предполагать, что именно творческий характер педагогической деятельности, в отличие от деятельности банковских работников, образует предпосылки для большего развития рефлексивности.

То есть у работников гуманитарной сферы и профессий типа «Человек–Человек» уровень рефлексивности выше, чем у работников естественно-научной сферы и профессий типа «Человек–Знак», что подтверждает третью гипотезу исследования.

Таблица 2. Результаты апостериорного сравнения средних по критерию Fisher LSD по показателям рефлексивности

№ п/п	Группа	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}
1	Работники банка		0,000	0,003	0,016	0,718	0,000
2	Студенты экономического факультета	0,000		0,000	0,039	0,000	0,123
3	Педагоги начальной школы	0,002	0,000		0,000	0,302	0,000
4	Студенты ПиМНО ПГПУ	0,040	0,049	0,000		0,039	0,667
5	Педагоги физической культуры	0,041	0,000	0,302	0,039		0,000
6	Студенты факультета ФК ПГПУ	0,013	0,123	0,000	0,667	0,000	

При апостериорном сравнении средних значений не выявлено достоверных различий между группами студентов экономического факультета и факультета физической культуры, студентов факультета педагогики и методики начального образования и факультета физической культуры. Таким образом, можно сделать предположение, что на начальных этапах профессионального становления личности нет существенных различий по сферам и типам профессий в связи с началом дифференциации по профессиональному пути.

Не обнаружено и значимых различий при сравнении выборок педагогов начальной школы и педагогов физической культуры, что можно объяснить схожими сферами деятельности (общение с учащимися). Исходя из этого, правомерно заключить, что сущность самой профессиональной деятельности педагогов влияет на уровень рефлексивности, а не на преподаваемый ими предмет.

Итак, рефлексивность играет определяющую роль в профессиональном становлении и развитии личности банковских работников и педагогов,

являясь своеобразной отличительной чертой последних в связи с более творческим характером педагогической деятельности.

Рефлексия является важным показателем профессионализма, зрелости личности банковских работников и педагогов при овладении ключевыми компетенциями.

Список литературы

1. Адамян Л.И. Связь саногенной рефлексии с показателями психологической устойчивости личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 125–128. URL: <http://www.teoria-practica.ru/ru/2012/2-2012.html> (дата обращения: 15.09.2013).
2. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
3. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности — новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т.20, № 2. С. 103–114.
4. Психологические аспекты профессионального

становления: сб. материалов Всероссийской межвузовской научной конференции / под ред. Ю.М. Антонян, В.М. Волынкиной, Е.М. Юрасовой. М.: РИПО ИГУМО и ИТ, 2009. 144 с.

5. Рудаков А.Л. Саногенная рефлексия в контексте формирования здорового образа жизни спортсменов // Рудаков А.Л. Школа и личность / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. С. 162–164.

THE REFLEXIVITY AS A PROFESSIONAL QUALITY
OF BANK WORKERS AND TEACHERS

Lubava O. Pousyreva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The investigation of reflexivity as an important professional-quality bank workers and teachers at various stages of professional growth. Reflection is considered as one of the most important components of professional activity. There is evidence that the level of reflexivity changing in the process of the professionalization of the person and depending on the type of profession. Checking the definition of construct validity was carried out through determination of interrelation between reflexivity and level of subjective control.

Key words: reflexivity; professional quality; the level of subjective control.

УДК 159.922 + 174.4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕ: МЕЖПОКОЛЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Голдырева Вера Александровна

магистр психологии

Пермский филиал Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

614070, Пермь, ул. Студенческая, 38

e-mail: GoldyреваVA@hse.perm.ru

Представлены результаты исследования различий в представлениях о деловой этике у разных поколений россиян. В исследовании принимали участие представители взрослого поколения (33–72 лет) и молодежи (19–28 лет) России. Целью исследования было выявление межпоколенных различий в представлениях об этике делового взаимодействия. На основе литературы по данной проблематике были выдвинуты следующие гипотезы: во-первых, молодежь придает неформальным отношениям большее значение, чем люди старшего возраста; во-вторых, социальные связи в представлении молодого поколения — условие успешности бизнеса; в-третьих, для молодежи женщина-руководитель — более привычное явление, чем для взрослых. С помощью факторного анализа в ходе исследования были выявлены факторы, лежащие в основе представлений о деловой этике в России: «деловая предприимчивость», «неразборчивость в средствах», «ориентация на командную работу», «пренебрежение к делу, ориентация на связи», «прямолинейность в делах». Предположение о наличии межпоколенных различий в представлениях о деловой этике подтвердилось. Были выявлены значимые различия между группами молодых и взрослых респондентов по факторам «деловая предприимчивость», «ориентация на командную работу», «пренебрежение к делу, ориентация на связи» и «прямолинейность в делах».

Ключевые слова: деловая этика; представления о деловой этике; межпоколенные различия.

Постановка проблемы

Мы живем в мире, который постоянно развивается. Меняются ценности, установки, представления о материальных благах и т.д. Трансформации подвергается и российский рынок труда, происходит омоложение рынка, общество предъявляет свои требования к работникам компаний и организаций. На сегодняшний день происходит интеграция молодого поколения в социально-экономическую жизнь общества. От того, насколько молодые люди реализуют себя на рынке труда, во многом зависит и благополучие общества, и собственное благополучие молодежи. Сегодня на рынке труда бизнес-сообщество при найме работников отдает предпочтение людям более молодых возрастов. При условии открытого найма в более чем 70 % случаев если оговаривается возраст желаемого специалиста, то, как правило, речь идет о лицах «моложе 30 лет». В итоге в России в настоящее время возможностей трудоустройства у молодежи гораздо больше, чем у

лиц средних и старших возрастов, даже несмотря на отсутствие у молодежи опыта работы. Поскольку в российских организациях, как правило, коллектив представлен людьми разных возрастов, то часть конфликтов и разногласий может возникать на почве различий в представлениях о том, как «нужно» вести дела, или, иными словами, ввиду различий в представлениях о деловой этике. Противоречия могут касаться различий во взглядах на отношения между полами, отношения к женщине-руководителю, к правилам, инструкциям и т.д. Другими словами, конфликты в организациях могут быть результатом недопонимания друг друга, поскольку участники взаимодействия могут совершенно по-разному относиться к одним и тем же проблемам и явлениям, связанным с нормами делового поведения. Из множества проведенных за последнее время в мире исследований деловой и бизнес-этики крайне малое количество направлено на объяснение межпоколенных различий в представлениях об этике делового взаимодействия. Зарубежные исследователи за-

частую объясняют различия в представлениях об этике бизнеса различиями в ценностях [14, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 25, 27].

Поэтому актуальность нашей работы заключается в том, что в данном исследовании *впервые* в отечественной психологии предпринимается попытка исследования межпоколенных различий в представлениях россиян о деловой этике. Это важно, поскольку данный вопрос мы рассматриваем только с точки зрения российской специфики и применительно к российской действительности.

Следует заметить, что представления об этике делового взаимодействия сравнительно недавно получили место в системе российского бизнес-образования. В последние два десятилетия этика бизнеса как сфера научно-практического знания вызывает крайний интерес. Деловое сообщество не только осознает этические проблемы, но и придает им большое значение. Но отечественных разработок и учебников по данной проблематике недостаточно, и они не отвечают требованиям практического характера. Деловая этика преподносится в виде моральных норм и поучений. Много внимания уделяется этикету, а не деловой этике или этике деловых отношений в целом [1]. На практике ощущается недостаток исследований научного характера, тем более исследований, затрагивающих *аспект психологического отношения* к деловому взаимодействию.

Практическая значимость работы заключается в том, что данные, полученные нами в результате эмпирического исследования, могут способствовать улучшению взаимопонимания и адаптации людей разных возрастов в компаниях и корпорациях. С одной стороны, компании сами заинтересованы в привлечении молодых специалистов, с другой, они не хотят терять «старых», проверенных специалистов, следовательно, в организациях всегда будут присутствовать представители разных поколений. Понимание различий в представлениях о деловой этике у разных поколений может вылиться в создание этического кодекса в компаниях. Прописанные правила, инструкции, рекомендации могут свести к минимуму конфликты либо различного рода непонимание. Это выгодно не только для коллектива, но и для самих компаний. Кроме того, заранее представляя различия в представлениях о деловой этике, будет легче сформировать определенные процедуры адаптации и обучения персонала. Знание особенностей деловой этики позволит выявить барьеры

и лучше планировать различные системы управления. Благодаря проведенному исследованию представится возможность проанализировать деловое сознание молодежи.

Но перед тем как перейдем к рассмотрению деловой этики, следует определиться с ключевым конструктом работы — *представлением*. Проблема социальных представлений в последнее время становится все более актуальной и в отечественной, и в зарубежной науке. Ей уделяют все больше внимания при изучении самых разных проблем. Немецкие авторы Б. Шефер и Б. Шледер (1993) исследовали, как связаны социальные представления с групповой и личностной идентичностью. Авторы предполагали, что социальные представления являются общими для членов группы. Но, одновременно, они не могут существовать независимо от проявления отдельных людей [12]. Необходимость изучения представлений людей об окружающей действительности появилась в начале XX в. Ученые У. Томас и Ф. Знанецкий (1918) обратили внимание на то, что субъект реагирует на ситуацию, исходя из того, как он сам ее воспринимает. Можно сказать, что традиция изучения представлений человека в психологии и социологии была заложена уже достаточно давно. Но до того, как на эту проблематику обратила внимание французская школа социальных представлений С. Московичи, активного развития ее не наблюдалось. С. Московичи (1976), базируясь на теории индивидуальных и когнитивных представлений Э. Дюркгейма (1914), показал, что человек при выборе способов действия опирается не на стимулы объективной реальности, а на то, как он их себе представляет. Таким образом, интенсивное изучение социальных представлений (или «репрезентаций») в современной социальной психологии началось в русле решения вопросов социального познания французской социологической школой под руководством С. Московичи. Наиболее известными представителями этой школы стали С. Московичи (1976, 1992), Ж.К. Абрик (1994), В. Дуаз (1994), Д. Жоделе (1989), Ж.-П. Кодол (1986) и др. Социальные представления, по мнению С. Московичи, — это «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» [18]. Определить социальные представления пытались и в отечест-

венной социальной психологии. Например, Е.Б. Маценова предложила такое определение: «Социальное представление — это способ осмысления, интерпретации человеком феноменов социальной жизни» (2001) [8]. В современной отечественной социальной психологии социальные представления изучаются как одно из функционально образующих социальное мышление процедур такими учеными, как К.А. Абульханова-Славская (2000); Г.М. Андреева (2000); Г.Э. Белицкая, О.П. Николаева (1993); В.В. Знаков (1997) и др. В отечественной психологии социальные представления изучались в работах, посвященных различным аспектам. Например, общему анализу концепции социальных представлений (А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, 1987), российскому менталитету (К.А. Абульханова-Славская, 1997, 2000; Т.В. Бобрышева, 1996; А.Я. Варга, 1996), моральным и политическим представлениям (Г.Э. Белицкая, О.П. Николаева, 1993), представлениям о морали и праве (О.П. Николаева, 1992) и т.д. Таким образом, *представление* — сложный психологический и социально-психологический конструкт, который представляет собой способ осмысления и интерпретации человеком феноменов социальной жизни.

Теоретические и эмпирические предпосылки

Перейдем к определению понятия «деловая этика». По мнению Льюиса, деловая этика — это набор стандартов, правил, кодов и принципов, которые являются основой честности и морального поведения в деловых отношениях [7]. Петрунин определяет деловую этику как «применение этических принципов к деловым ситуациям». Л. Нэш считает, что этика бизнеса не является набором простых определенных моральных стандартов, а представляет собой инструмент решения и анализа проблем, которые встают перед человеком, занимающимся бизнесом [10]. В литературе деловая этика определяется как дисциплина, изучающая взаимодействие бизнеса и этики, индивидуальную и корпоративную деловую деятельность «с особым вниманием к ее моральной адекватности» [20], конкретное применение норм морали в деловой политике, институтах и поведении [26]. Деловая этика «предполагает формальную и идентифицируемую деятельность, осуществляемую между индивидами, организациями или прочими экономическими субъектами, которая связана с бизнесом и включает явно выраженную взаимо-

связь с этическими (т.е. моральными) нормами и/или их приложение» [24].

Поскольку мы рассматриваем межпоколенные различия в представлениях о деловой этике, то стоит затронуть тему формирования деловой этики в разные периоды. Во время советского периода ценностям бизнеса и правилам делового поведения уделялось мало внимания. Деловая культура советского периода — культура управленческая, основной характеристикой которой является отрыв управленца от какой-либо формы собственности на объект управления. В деятельности управленца на первое место выдвигался план. Важны были цифры, показатели отчетности. Наблюдалась высокая дистанция власти. Иерархия фиксировалась весьма жестко и требовала беспрекословного подчинения. Большое значение имели неформальные отношения. Успешный управленец должен был знать, каковы привычки, симпатии, вкусы, круг интересов вышестоящих начальников, а также партнеров по взаимодействию [13].

Постепенно российская деловая культура стала приобретать черты индивидуализма. Для современной молодежи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной (коллективистской) составляющей к индивидуальной. Возможно, что склонность к риску российской молодежи можно объяснить низким уровнем избегания неопределенности. Особое значение в современной российской культуре также придается неформальным отношениям. В российском бизнесе на сегодняшний день существует распространенное убеждение в том, что социальные связи являются важным условием успешности бизнеса. Чем сильнее эти сети, тем больше шансов на то, что бизнес будет процветать.

Остановимся подробнее на изучении представлений обоих поколений о женском руководителе, поскольку традиция женского руководства в России появилась сравнительно недавно. В советские времена женщина-начальник воспринималась скорее как исключение, а не как что-то естественное и привычное. Конец XX в. ознаменовался массовым выходом женщин в мир свободного предпринимательства. В 2010 г. было проведено исследование «Комитета 20», в котором приняли участие более 140 топ-менеджеров ведущих российских и западных компаний из различных регионов России. Некоммерческое партнерство «Комитет 20» является объединени-

ем наиболее успешных женщин-лидеров современного российского бизнеса, занимающих ключевые позиции в руководстве ведущих компаний. Исследование касалось представлений респондентов о женщине-руководителе. По результатам его выяснилось, что больше половины опрошенных (61 %) считают, что женщины обязательно должны принимать участие в управлении компаний. По мнению участников, введение нескольких женщин в правление компании может сделать менеджмент более эффективным за счет лучшей «сбалансированности команды».

Некоторые исследования свидетельствуют о высокой адаптированности молодежи, ее рациональности, прагматичности, реалистичности, ориентированности на стабильное развитие и созидательный труд [2]. Но представления о деловой этике затрагивают не только вопросы взаимоотношений с начальником или подчиненными, о внешнем виде, об отношении к женщине-руководителю и т.д. Не менее важным аспектом являются представления обоих поколений о материальных благах и их роли в жизни общества. Как отмечает О.И. Карпунин, в обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей [3]. В 2002 г. Фондом общественного мнения был проведен опрос, направленный на определение жизненных целей современной молодежи. 53 % молодых россиян отметили в первую очередь стремление к материальному благополучию. Анализ данных свидетельствует о четкой рациональной и прагматичной позиции современной молодежи, её стремлении к достижению материальных благ и успешной карьере, взаимосвязанных с возможностью получения отличного профессионального образования.

М.А. Кленовой в 2010 г. было проведено исследование, направленное на изучение социально-психологической адаптации молодежи и склонность к риску. Цель исследования заключалась в изучении структуры социально-психологической адаптации во взаимосвязи с готовностью и склонностью к риску. Автором было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 154 человека в возрасте от 18 до 25 лет. Для определения уровня социально-психологической адаптации личности была использована «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Родже-

рса и Р. Даймонда, которая позволяет определить степень психологической приспособленности человека к окружающей его среде на основе внутренних и внешних факторов. Склонность к риску изучалась при помощи двух методик: «Диагностика уровня личностной готовности к риску» Шуберта и «Диагностики личностной креативности» Е. Туник. В итоге у большинства молодых людей преобладает высокий уровень адаптивности (64 %). Так, высокие показатели отмечаются по шкалам: принятие себя (66,7 %); принятие других (57,8 %); эмоциональный комфорт (51,1 %). Анализ половых различий выявил более высокий уровень адаптивности у девушек (86,4 %); юноши характеризуются меньшей адаптивностью (61,4 %). Проанализировав данные готовности к риску, авторы получили следующие результаты: излишне осторожными и не готовыми к риску в большинстве случаев оказались 25,9 % всех опрошенных (среди них 46,7 % юношей и 27,5 % девушек). Склонность к риску наблюдается у 19,4 % всех испытуемых (среди них 27,5 % девушек, 15,5 % юношей). Готовность к риску зависит от уровня адаптации: чем он выше, тем выше и склонность к риску. В данной статье будет выделен фактор «социальная адаптивность» у взрослых респондентов, но он будет иметь малую суммарную дисперсию. Взрослые россияне не готовы к риску, уровень социальной адаптивности не так высок, уровень избегания неопределенности выше, чем у молодежи, следовательно, для них предпочтительнее будет иметь стабильную, хоть и низкооплачиваемую работу [4].

Проанализировав имеющиеся теоретические и эмпирические исследования по данной проблеме, можно сделать следующее *заключение*: во-первых, российская молодежь на первое место ставит материальные стимулы, а те, кто уже достиг определенного уровня благополучия, выше ценят стремление к самореализации и независимости. Во-вторых, среди мотивов российских предпринимателей обоих поколений выделяются следующие пять: желание реализовать свои способности; стремление обеспечить материальное благосостояние своей семьи; стремление к независимости в деловой сфере, желание заниматься полезным для людей делом и стремление завоевать авторитет у окружающих. В-третьих, можно выделить готовность молодежи к риску и их высокую социальную адаптивность.

Метод

В качестве респондентов в данном исследовании выступали 100 человек. В исследовании принимали участие представители взрослого поколения и молодежи России — представители молодого (19–28 лет) и взрослого поколений (33–72 лет); см. табл. 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки исследования

Респонденты	Взрослые	Молодежь
Всего чел.	50	50
Из них		
мужчины	21	17
женщины	29	33
Средний возраст	47 лет	24 года
Максимальный возраст	72 года	28 лет
Минимальный возраст	33 года	19 лет

В качестве основного метода исследования был использован метод опроса, заключающийся в заполнении респондентами специально подготовленного опросника, в котором была использована методика «Этика делового взаимодействия» (Н.М. Лебедева). Данная методика представляет собой опросник, состоящий из 25 утверждений, к каждому из которых предлагается пять вариантов ответов, где 1 соответствует ответу «совсем не типично», а 5 — «очень типично». Инструкция звучит следующим образом: «Оцените, пожалуйста, насколько типичны для Вас данные виды поведения по шкале от 1 до 5, где 1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен». Ниже приведены примеры видов поведения, которые требовалось оценить: «Опаздывать на важную деловую встречу», «Продумывать план и стратегию деловой встречи», «В одежде подчеркивать свою привлекательность для противоположного пола», «Позвонить незнакомому человеку и назначить деловую встречу», «В деловой встрече после приветствия сразу переходить к сути вопроса», «При устройстве на работу рассказывать о своих заслу-

гах на прежнем месте работы», «Проявлять особое внимание к женщинам, участвующим в деловой встрече (комплименты и т.д.)», «Хвалить хорошего работника в присутствии других», «Открыто выражать свое несогласие с начальником», «Пускать заработанные деньги “в рост” (класть в банк под %, делать инвестиции)», «Делать подарки людям, от которых зависит успех вашего дела, карьеры» и др. [5, 6].

Обработка полученных данных проводилась при помощи программного пакета SPSS 17.0. Для исследования межпоколенных различий в представлениях о деловой этике использовались методы математико-статистической обработки: метод сравнения средних значений с использованием *t*-критерия Стьюдента, факторного анализа по методу главных компонент; для определения внутренней согласованности психологических оценок вычислялся коэффициент α Кронбаха. Для вычисления и анализа показателей центра распределения представлений о деловой этике использовались методы описательной статистики: медиана, среднее арифметическое, стандартное отклонение.

Процедура исследования выглядела следующим образом:

Распространение бланков опросника среди участников исследования (лично в руки либо дистанционно, т.е. по электронной почте).

Самостоятельное индивидуальное заполнение опросника респондентами.

Сбор заполненных бланков опросника.

Результаты

1. Межпоколенные различия в представлениях о деловой этике

Первичный анализ ответов респондентов позволил выявить средние значения и стандартное отклонение по каждой переменной (см. табл. 2). Для проверки значимости различий переменных между взрослыми и молодежью, был выбран *t*-критерий Стьюдента. Из всех вышеперечисленных данных представление о том, что в деловой беседе следует делать долгие паузы; делать бизнес с неприятным человеком, если это выгодно; лучше иметь стабильную, хоть и низкооплачиваемую работу выше, у взрослых, остальные показатели выше у молодого поколения респондентов.

Таблица 2. Межпоколенные различия в представлениях о деловой этике (по *t*-критерию Стьюдента)

Шкалы	Взрослые		Молодежь	
	Среднее значение	Станд. откл.	Среднее значение	Станд. откл.
Опаздывать на важную деловую встречу	2.04	0.78	2,02	0.86
Продумывать план и стратегию деловой встречи	4.00	0.67	3.78	1.14
В одежде подчеркивать свою привлекательность для противоположного пола	3.02***	0.82	4.48***	0.64
Позвонить незнакомому человеку и назначить деловую встречу	2.16***	0.79	3.28***	0.92
В деловой встрече после приветствия сразу переходить к сути вопроса	1.98	0.97	2.26	1.12
При устройстве на работу рассказывать о своих заслугах на прежнем месте работы	2.32*	1.16	2.78*	0.91
Проявлять особое внимание к женщинам, участвующим в деловой встрече (комплименты и т.д.)	2.28***	0.88	3.90***	0.76
Делать подарки людям, от которых зависит успех вашего дела, карьеры и т.д.	3.34***	0.77	4.28***	0.72
Льстить влиятельным лицам	2.24***	1.15	4.12***	0.82
Критиковать нерадивого сотрудника в присутствии коллег за плохо выполненную работу	2.20***	1.03	3.86***	0.90
Хвалить хорошего работника в присутствии других	3.40**	0.80	3.92**	0.87
В деловой беседе делать долгие паузы	2.38***	0.77	1.76***	0.77
Демонстрировать свою компетентность в присутствии не очень компетентного начальника	1.98	1.16	1.96	1.06
Безропотно терпеть упреки начальства	1.98	0.97	1.84	0.93
Открыто выражать свое несогласие с начальником	2.26***	0.75	2.82***	0.80
Настаивать на своем, торговаться «до последнего»	2.24***	0.74	4.08***	0.85
Делать бизнес с неприятным вам человеком, если это выгодно	2.72***	0.70	2.24***	0.95
Пускать заработанные деньги «в рост» (класть в банк под %, делать инвестиции)	2.98***	0.95	3.76***	0.65
Предпочитать брать на работу родственников и близких	2.88***	1.08	3.66***	0.84
Назначать женщин на руководящие должности	3.06***	0.79	4.04***	0.78
Подчиненным самим выбирать руководителя	1.28*	0.49	1.60*	0.67
Руководителю — выполнять данные подчиненному обещания	3.16	0.79	3.30	0.93
Сотрудникам — проявлять инициативу и ответственность за качество работы	3.60	0.63	3.74	0.77
Стремиться создать свой собственный бизнес	2.04***	0.63	4.16***	0.68
Иметь стабильную, хоть и низкооплачиваемую работу	3.58***	0.83	2.22***	1.01

*** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$

2. Результаты факторного анализа представлений о деловой этике

Для того чтобы иметь представление о факторах, лежащих в основе представлений о деловой этике, мы использовали факторный анализ по методу главных компонент при обработке данных опросника «Этика делового взаимодействия». Чтобы объединить все высказывания в 5 основных факторов и упростить процедуру выявления межпоколенных различий, а также для того, чтобы сгруппировать все виды поведения в блоки, был проведен факторный анализ. В результате факторного анализа на всей выборке было получено 5 факторов. Каждому фактору было присвоено название. Ранее факторный анализ по данной методике никем из исследователей не проводился.

Так, *первый фактор* был назван «деловая предприимчивость». Данный фактор предполагает решительность в общении с партнером по деловому взаимодействию, стремление к независи-

мости, активную позицию и умение проявить свои сильные стороны. *Второй фактор* получил название «неразборчивость в средствах». Данный фактор символизирует такой вид поведения, как лесть, специальное акцентирование своих положительных качеств. *Третий фактор* — «ориентация на командную работу» — представляет собой ориентацию на коллективистские ценности. *Четвертый фактор* был назван «пренебрежение к делу, ориентация на связи». Для данного фактора характерны такие виды поведения, как опоздание на важную деловую встречу, предпочтение брать на работу родственников и близких. В данном случае можно говорить о высокой значимости личностного аспекта и небольшом внимании к деловой стороне взаимодействия. *Пятый фактор* получил название «прямолинейность в делах». Он предполагает открытое выражение несогласия с начальником, в деловой беседе быстрый переход к сути вопроса и т.д.

Таблица 3. Факторы деловой этики и вошедшие в них переменные (общая выборка)

Фактор	Виды поведения
1. Деловая предприимчивость (вес фактора — 6.5; дисперсия — 26 %)	<ul style="list-style-type: none"> – Стремиться создать свой собственный бизнес (0.81). – Проявлять особое внимание к женщинам, участвующим в деловой встрече (комплименты и т.д.) (0.79). – Настаивать на своем, торговаться «до последнего» (0.74)
2. Неразборчивость в средствах (вес фактора — 4; дисперсия — 16.7 %)	<ul style="list-style-type: none"> – Безропотно терпеть упреки начальства (0.78). – Демонстрировать свою компетентность в присутствии не очень компетентного начальника (0.76). – При устройстве на работу рассказывать о своих заслугах на прежнем месте работы (0.65). – Делать бизнес с неприятным вам человеком, если это выгодно (0.64)
3. Ориентация на командную работу (вес фактора — 2.2; дисперсия — 8.8 %)	<ul style="list-style-type: none"> – Сотрудникам — проявлять инициативу и ответственность за качество работы (0.83). – Хвалить хорошего работника в присутствии других (0.78). – Руководителю — выполнять данные подчиненному обещания (0.43). – Не делать бизнес с неприятным человеком, даже если это выгодно (0.34)
4. Пренебрежение к делу, ориентация на связи (вес фактора — 1.4; дисперсия — 5.6 %)	<ul style="list-style-type: none"> – Опаздывать на важную деловую встречу (0.72). – Предпочитать брать на работу родственников и близких (0.62). – Делать подарки людям, от которых зависит успех вашего дела, карьеры и т.д. (0.52). – Пускать заработанные деньги «в рост» (класть в банк под проценты, делать инвестиции) (0.47)
5. Прямолинейность в делах (вес фактора — 1.1; дисперсия — 4.6 %)	<ul style="list-style-type: none"> – Открыто выражать свое несогласие с начальником (0.68). – Позвонить незнакомому человеку и назначить деловую встречу (0.58). – В деловой встрече после приветствия сразу переходить к сути вопроса (0.57). – Настаивать на своем, торговаться «до последнего» (0.38)

Каждый фактор был проанализирован с точки зрения внутренней согласованности переменных. Предварительно мы сделали из этих переменных шкалы, посчитав средние по каждому фактору (см. табл. 4).

Таблица 4. Проверка внутренней согласованности шкал опросника

Шкала	α -Кронбаха
Деловая предприимчивость	0,6
Неразборчивость в средствах	0,8
Ориентация на командную работу	0,7
Пренебрежение к делу, ориентация на связи	0,7
Прямолинейность в делах	0,6

Как видно из полученных данных, показатели α -Кронбаха по всем выделенным факторам имеют высокие значения, следовательно, переменные, вошедшие в факторы, согласованы между собой.

Для выбора критерия значимости различий между факторами представлений о деловой этике был проведен анализ нормальности распределения данных. Для проверки распределения на нормальность и выбора критерия для дальнейшего анализа данных использовался критерий Колмогорова-Смирнова, для проверки значимости различий переменных был выбран критерий Колмогорова-Смирнова. Исходя из полученных данных можно заключить, что между группами молодых и взрослых респондентов имеют место значимые различия по факторам «деловая предприимчивость», «ориентация на командную работу», «пренебрежение к делу, ориентация на связи» и «прямолинейность в делах». У молодых представителей россиян средние значения по данным параметрам имеют более высокие значения.

Таблица 5. Межпоколенные различия в факторах представлений о деловой этике (по критерию Колмогорова-Смирнова)

Фактор (Шкала)	Взрослые		Молодежь	
	Среднее значение	Станд. откл.	Среднее значение	Станд. откл.
Деловая предприимчивость	2.6***	0.3	3.6***	0.3
Неразборчивость в средствах	2.6	0.5	2.6	0.4
Ориентация на командную работу	3.0*	0.3	3.4*	0.4
Пренебрежение к делу, ориентация на связи	3.0***	0.3	3.5***	0.5
Прямолинейность в делах	1.9***	0.5	2.8***	0.4

*** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Итак, в результате исследования были выявлены межпоколенные различия между представлениями о деловой этике у россиян.

Выявленные межпоколенные различия в представлениях о деловой этике позволяют заключить, что молодежи больше свойственно подчеркивать в одежде свою привлекательность, делать подарки и льстить влиятельным лицам; настаивать на «своем», пускать деньги «в рост», брать на работу близких, стремиться создать свой бизнес и назначать женщин на руководящие должности. Наблюдаются изменения в представлениях о женщине-

руководителе. В советские времена женщина-начальник воспринималась как исключение, а на сегодняшний день — как что-то естественное и привычное. Стоит заметить, что сегодня наблюдается тенденция вхождения женщин в мировое бизнес-сообщество, а социологические исследования демонстрируют, что, по мнению большинства опрошенных (61 %), женщины обязательно должны принимать участие в управлении компанией [17]. Социологические исследования утверждают, что введение женщин в правление компанией может сделать менеджмент более эффективным [9]. Также анализ деятельности 20 успешных российских фирм, в которых женщины занимали управленче-

скую позицию, показал, что женщины не просто справляются с управлением фирмой, но и умеют решать стратегические задачи, проводить перемены на собственных предприятиях и т.д. Число предприятий, особенно в малом бизнесе, во главе которых стоят женщины, по мнению экспертов, устойчиво росло в последние 3–5 лет практически во всех регионах России и будет расти дальше.

Традиция дарить подарки и льстить влиятельным лицам преобладает в обществе по сегодняшний день. В данный период времени существует распространенное убеждение в том, что социальные связи — важное условие успешности бизнеса. Чем сильнее эти сети, тем больше шансов на то, что бизнес будет процветать. Участникам бизнеса выгодно делать подарки людям, от которых зависит успех дела, льстить влиятельным людям и делать комплименты [13]. Такой путь «делать бизнес» через налаживание личных контактов больше свойственен, как выяснилось, молодым респондентам.

Материальный аспект, а именно представления о том, что следует пускать заработанные деньги в рост и стремиться создать свой бизнес, наиболее выражен у молодого поколения. Это не удивительно, поскольку некоторые исследования свидетельствуют о том, что доминирующими в системе ценностей современной молодежи выступают деньги, профессия и возможность жить в свое удовольствие. А по результатам экспертного исследования, проведенного фондом им. Питирима Сорокина в 2007 г., материальное благополучие, ценность «Я» (индивидуализм) и карьера (самореализация) преобладают над ценностями семьи, свободы и патриотизма [11]. Это уже свидетельствует о ярко выраженных приоритетах молодежи, а именно, материальном благополучии, карьеризме и индивидуализме. Взрослым респондентам привычнее иметь стабильную, хоть и низкооплачиваемую, работу.

Исходя из полученных данных после проведения факторного анализа на всей выборке можно сделать вывод, что между группами молодых и взрослых респондентов наблюдаются значимые различия по факторам «деловая предприимчивость», «ориентация на командную работу», «пренебрежение к делу, ориентация на связи» и «прямолинейность в делах». У молодых представителей россиян средние значения по данным параметрам имеют более высокие значения. Это свидетельствует о том, что молодые респонденты более предприимчивы, прямолинейны в делах, ориентированы на связи. Поскольку фактор «де-

ловая предприимчивость» предполагает решительность в общении с партнером по деловому взаимодействию, стремление к независимости, активную позицию и умение проявить свои сильные стороны; а факторы «прямолинейность в делах» и «пренебрежение к делу, ориентация на связи» подразумевают такие виды поведения, как опоздание на важную деловую встречу, предпочтение брать на работу родственников и близких и предполагает открытое выражение несогласия с начальником, в деловой беседе быстрый переход к сути вопроса и т.д., то можно заключить, что молодые респонденты стремятся к независимости, самостоятельности, отличаются активной жизненной позицией и умением проявлять свои сильные стороны, при этом могут вести себя некорректно по отношению к начальнику или партнеру по бизнесу. Используя результаты нашего исследования, менеджеры, работающие в компаниях, где присутствуют люди разных возрастов, смогут лучше понять особенности работников — представителей различных поколений и более эффективно организовать их работу в компании. Данные, полученные нами в результате эмпирического исследования, могут способствовать улучшению взаимопонимания и адаптации людей разных возрастов в компаниях и корпорациях. Кроме того, заранее представляя различия в представлениях о деловой этике и ценностях, будет намного легче сформировать определенные процедуры адаптации и обучения персонала.

Выводы

1. Предположение о наличии межпоколенных различий в представлениях о деловой этике подтвердилось. Молодежи больше свойственно подчеркивать в одежде свою привлекательность, делать подарки и льстить влиятельным лицам; настаивать на «своем», пускать деньги «в рост», брать на работу близких, стремиться создать свой бизнес и назначать женщин на руководящие должности.

2. Существуют межпоколенные различия в факторах представлений о деловой этике. С помощью факторного анализа были выявлены значимые различия между группами молодых и взрослых респондентов по факторам «деловая предприимчивость», «ориентация на командную работу», «пренебрежение к делу, ориентация на связи» и «прямолинейность в делах». У молодых представителей россиян средние значения по данным параметрам имеют более высокие значения.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. История экономической мысли // Русская философия собственности. (XVII–XX вв.). СПб.: Ганза, 1993. 512 с.
2. Добреньков В.И., Смакотина Н.Л., Васенина И.В. Экстремизм в молодёжной среде. Результаты социологического исследования. М.: МАКС Пресс, 2007. 42 с.
3. Карпухин О.И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124–128.
4. Кленова М.А. Социально-психологическая адаптация молодежи и склонность к риску // Известия Саратовского университет. 2010. Т. 10 Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 79–82.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с
6. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 390 с.
7. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001. 448 с.
8. Маценова Е.Б. Представления о семье в разных группах старшеклассников и студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ин-т дошк. образования и семейн. воспитания Рос. акад. образования. М., 2001. 24 с.
9. Особенности карьерного роста мужчин и женщин в России // KM.RU. 14.09.10. URL: <http://www.km.ru/biznes-i-finansy/karera/upravlenie-kompaniei/12871> (дата обращения: 21.12.2013).
10. Солоницына А.А. Профессиональная этика и этикет: учебник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 200 с.
11. Фонд им. Питирима Сорокина. Ценности в современной России: итоги экспертного исследования проведённого с 15 июня по 10 сентября 2007 года. URL: // <http://www.salvador-d.ru/files/cennosti.ppt> (дата обращения: 16.12.2013).
12. Шефер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Психологический журнал. 1993. Т. 1, № 1. С. 34–56.
13. Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М.: Новости, 2000. 200 с.
14. Abratt R., Nel D., Higgs N.S. An examination of the Ethical Beliefs of Managers Using Selected Scenarios in a Cross-Cultural Environment // Journal of Business Ethics. 1992. Vol. 11, № 1. P. 29–35.
15. Agacer G.M., Vehmanen P., Valcarcel L.J. Business ethics: Are accounting students aware? A Cross-cultural study of four countries // Electronic Journal of Business Ethics and Organization Studies. 1997. Vol. 2, № 1. URL: http://ejbo.jyu.fi/articles/0201_1.html (date of access: 18.01.2013).
16. Akaah I.P. Attitudes of Marketing Professionals towards Ethics in Marketing Research: A Cross-National Comparison // Journal of Business Ethics. 1990. Vol. 9, № 1. P. 45–53.
17. Alas R. Ethics in countries with different cultural dimensions // Journal of Business Ethics. 2006. Vol. 69, № 3. P. 237–247.
18. Augoustinos M., Innes J.M. Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory // British Journal of Social Psychology. 1990. № 29. P. 213–231.
19. Christie P.M.J., Kwon I-W.G., Stoeberl P.A., Baumhart R. A Cross-Cultural Comparison of Business Managers: India, Korea and the United States // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 46, № 3. P. 263–287.
20. Goodpaster K.E. Business ethics // Encyclopedic dictionary of business ethics. Cambridge (MA): Blackwell, 1997. P. 51–57.
21. Harris J.R. A Comparison of the Ethical Values of Business Faculty and Students. How Different Are They? // Business & Professional Ethics Journal. 1988. Vol. 7, № 1. P. 27–49.
22. Jackson T. Cultural values and management ethics: a 10-nation study // Human Relations. 2001. Vol. 54, № 10. P. 1267–1302.
23. Sauers D.A., Kennedy J.C., Loo J. Power distance and individualism as cultural determinants of ethical judgments // Journal of International Business Research. 2005. Vol. 4, № 1. P. 81–95.
24. Schwartz M.S., Weber J. A business ethics national index (BENI): Measuring business ethics activity around the world // Business a. society. L., 2006. Vol. 45, № 3. P. 382–405.
25. Thorne L., Sanders S.B. The Socio cultural embeddedness of individuals' ethical reasoning in organizations. // Journal of Business Ethics. 2002. Vol. 35, № 1. P. 1–14.
26. Velasquez M.G. Business ethics: Concepts and cases. Upper Saddle River (N.J.): Prentice Hall, 2006. 448 p.
27. Zel U. Business Ethics: The Perceptual Differences between Genders, Sectors and Cultures. // International Journal of Knowledge, Culture and Change Management. 2007. Vol. 5, № 9. P. 9–20.

**VIEWS ON BUSINESS ETHICS OF RUSSIANS:
INTER-GENERATIONAL DIFFERENCES**

Vera A. Goldyreva

*Perm Branch of National Research University «Higher School of Economics»;
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia*

The results of researching of differences in views on business ethics among different generations of Russians are presented. In research took part representatives of adult generation (33–72 years) and youth (19–28 years). On the basis of literature on this subject have been put forward the following hypotheses: first, for young people more important are informal relations, social communication in the view of young generation is the condition of business success, and thirdly, for the young woman leadership is more common phenomenon than for adults. By means of factor analysis it has been revealed that there are 5 factors which lie in the basis of views on business ethics in Russia. They are: «Business enterprise», «Illegibility in means», «Focusing on team work», «Neglect to business, focus on communication», «Straightforwardness in affairs. Significant inter-generational differences in views on business ethics of Russians» are determined. Significant distinctions between groups of young and adult respondents on factors «Business enterprise», «Orientation to team work», «Neglect to business, orientation in touch» and «Straightforwardness in affairs» were revealed.

Key words: business ethics; views on business ethics; inter-generational differences.

УДК 316.6

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕНОСТИ

Стратилат Карина Николаевна

магистрант

Школа гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

e-mail: karina_stratilat@mail.ru

Семечкин Николай Иванович

кандидат философских наук, профессор кафедры философии

Школа гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

e-mail: semechkin_nik@mail.ru

В статье рассматривается проблема кросскультурных исследований социальной лености. В частности, анализируется связь социальной лености с такими кросскультурными характеристиками, как индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, религиозные убеждения, а именно: конфуцианская мораль и приверженность нормам протестантской трудовой этики. Приводится краткая история изучения влияния перечисленных факторов на степень выраженности социальной лености и на возникновение противоположного ей феномена — социальной компенсации. Анализируются результаты уже проведенных зарубежными авторами исследований по рассматриваемой тематике. На основании предпринятого теоретического обзора делается вывод, что социальная леность, как, впрочем, и другие социально-психологические феномены, возникает на фоне сложного переплетения культурных факторов. Несмотря на то что кросскультурный аспект социальной лености достаточно хорошо изучен зарубежными социальными психологами, сохраняются отдельные вопросы, ответы на которые можно получить только в дальнейших эмпирических исследованиях. Намечаются варианты дальнейших (и вероятных) исследований по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: социальная леность; кросскультурное исследование; восточные и западные культуры; индивидуализм/коллективизм; социальная компенсация.

В 1913 г. французский ученый-аграрий М. Рингельман, проводя сравнительные эксперименты производительности людей при индивидуальном и групповом выполнении заданий на перемещение грузов, обнаружил, что производительность снижалась по мере увеличения группы [15]. Исследования М. Рингельмана — отправная точка в изучение феномена, который в последующем был назван Биббом Латанэ, Килпингом Уильямсом и Стивенсом Харкинсом (1979) социальной леностью, т.е., снижением индивидуальных усилий при групповом выполнении задания по сравнению с индивидуальной работой [17].

Исследованию эффекта социальной лености было посвящено множество работ, в которых рассматривались различные аспекты этого феномена. Один из них — кросскультурный. В российской психологической литературе, рассматривающей социальную леность, этому аспекту не уделяется

должного внимания и в связи с этим возникает необходимость его освещения.

Первые эмпирические исследования феномена социальной лености [11, 17, 22] были проведены на Западе (а точнее, в США). Как известно, США является страной с очень высокими показателями индивидуализма (по Г. Хофстеде) [5]. Индивидуализм предполагает: осознание себя как «я», осознание своих личных интересов, преобладание внешних целей группы (решение групповых задач) над внутренними (регулирование внутригрупповых отношений), стремление достичь индивидуальных целей и т.д. [10]. В связи с этим у социальных психологов возник закономерный вопрос: является ли социальная леность универсальным культурным феноменом или же она свойственна лишь западным культурам индивидуалистического типа? В частности, ученых интересовало наличие или отсутствие эффекта со-

циальной лености в восточных культурах (Китай, Япония, Таиланд, Индия, Малайзия и т.д.). Интерес социальных психологов, изучающих социальную леность, к восточным странам обусловлен, прежде всего, тем, что эти культуры ориентированы на коллективизм (по типологии Г. Хофстеде). Поскольку ориентация на коллективизм предполагает осознание себя как «мы», сохранение социальной гармонии, преобладание внутренних целей группы (регулирование внутригрупповых отношений) над внешними (решение групповых задач), подчинение своих личных интересов групповым и т.д. [10], социальные психологи выдвинули гипотезу о том, что в коллективистских культурах социальная леность не проявится. Для проверки этой гипотезы было проведено множество эмпирических исследований.

Первые кросскультурные эмпирические исследования — серия экспериментов, проведенных У. Гарбения и его коллегами с американскими и китайскими (из Тайваня и Гонконга) студентами и аспирантами (1981). Исследователи просили участников эксперимента, в зависимости от сценария, выполнять индивидуально либо в псевдогруппе два экспериментальных задания: как можно громче хлопать или кричать. Результаты этого эксперимента свидетельствуют о том, что китайцы в отличие от американцев не проявили социальную леность. Более того, их производительность увеличилась при групповом выполнении задания. Иными словами, китайцы продемонстрировали противоположный эффект — социальную компенсацию [8], которую можно определить как активизацию усилий при групповом выполнении задания [13].

Следующие эксперименты (1982) У. Гарбения и его коллеги проводили с китайскими школьниками (Тайвань), учащимися вторых, третьих, шестых и девярых классов. Ученые так же, как и в предыдущем эксперименте, просили участников исследования как можно громче хлопать или кричать. Результаты этого исследования не совпали с результатами ранее проведенных ими экспериментов, а именно — китайские школьники проявили социальную леность [8].

Дальнейшие кросскультурные исследования У. Гарбения и его коллеги проводили в других азиатских странах — в Японии, Таиланде, Индии и Малайзии. Ученые обнаружили, что граждане перечисленных стран проявляют социальную леность [4].

Наряду с командой У. Гарбения большой вклад в изучение кросскультурного аспекта соци-

альной лености внес и К. Эрли. В частности, он провел два эмпирических исследования по этой проблеме. В своем первом исследовании (1989) К. Эрли сравнивал выраженность социальной лености у американских и китайских менеджеров. Ученый просил участников исследования, в зависимости от сценария, выполнять индивидуально либо в группе из десяти человек в течение часа сорок небольших заданий, имитирующих повседневную работу менеджера (например, заполнение бланка заявок, написание писем, оценка кандидатов на работу и т.д.). Испытуемых также просили заполнить небольшой опросник, позволяющий определять выраженность коллективистской ориентации. Первичные данные, полученные в результате проведения этого исследования, свидетельствуют о том, что китайцы проявили социальную компенсацию, а американцы — социальную леность. Однако при дальнейшей обработке результатов К. Эрли обнаружил, что коллективистски ориентированные американцы не проявляли социальную леность. В связи с этим он сделал вывод, что на проявление социальной лености влияет не сама принадлежность к определенной культуре, а наличие коллективистской или индивидуалистической ориентации [7].

В следующем своем исследовании (1993) К. Эрли сравнивал выраженность социальной лености у американских, китайских и израильских менеджеров. Так же, как и в предыдущем эксперименте, ученый просил испытуемых выполнить задания, напоминающие повседневную деятельность менеджеров. Результаты этого исследования соответствуют полученным им ранее данным — американские менеджеры проявляли социальную леность, а китайские и израильские — социальную компенсацию [2].

Проведя метаанализ эмпирических исследований социальной лености (всего 78 исследований, подавляющее большинство которых было проведено с представителями западных культур), Стивен Карай и Уильямс Киплинг пришли к выводу, что индивиды, принадлежащие к западным культурам, больше склонны проявлять социальную леность, чем представители восточных культур. Причина такого положения дел — индивидуализм первых и коллективизм вторых [12]. Но в психологической литературе можно встретить и другие объяснения выявленных культуральных различий в проявлении социальной лености.

Так, например, Диана Тсо с коллегами считает, что представители восточных культур (в частности китайцы) проявляют меньшую социальную

леность, чем представители западных, или вообще её не проявляют из-за того, что они придерживаются конфуцианства. В конфуцианстве, по мнению авторов, есть несколько положений, которые могут сдерживать социальную леность. Это прежде всего представления о взаимности (предполагает обязанность помогать другим членам своей группы в достижении успеха и оказывать взаимную поддержку), стремление к гармонии в отношениях и концепция «сохранения лица» (предполагает следование своей социальной роли и соблюдение всех принятых правил для того, чтобы не потерять «лицо» или, другими словами, общественного престижа) [21]. Правда, Диана Тсо с коллегами высказали лишь гипотезу, но эмпирические исследования (по нашим данным) этой проблемы не проводились.

Стоит обратить внимание на то, что сделанный в результате метаанализа С. Караям и У. Кипплингом вывод о том, что представители восточных (коллективистских) культур проявляют меньшую социальную леность, чем представители западных (индивидуалистических) культур, опровергает первоначальную гипотезу о том, что феномен социальной лености не характерен для коллективистских культур. Иными словами, С. Карай и У. Кипплинг считают, что социальная леность — кросскультурный феномен, однако выраженность его проявления зависит от такой характеристики культуры, как коллективизм/индивидуализм.

Предположение С. Карая и У. Кипплинга о том, что феномен социальной лености имеет кросскультурный характер, оказалось верным. Действительно, результаты эмпирических исследований, проведенных после 1993 г., свидетельствуют о том, что социальная леность свойственна представителям разных странах, например, Японии [16], Австрии [18], Белоруссии [1], Новой Зеландии, Китая [6], Канады [19] и т.д.

Что же касается выводов о наличии связи между социальной леностью и такими показателями культуры, как коллективизм/индивидуализм, из чего следует, что представители коллективистских культур проявляют меньшую социальную леность, чем члены индивидуалистических культур, то здесь не все так однозначно. Дело в том, что в психологической литературе можно встретить описание эмпирических исследований, результаты которых ставят под сомнение эти положения.

Так, скажем, в исследовании Ю.-К. Клее и Н. Андерсона (2007) было установлено, что коллективистская ориентация не коррелирует с вы-

раженностью социальной лености. Однако стоит отметить, что ученые в этом же исследовании обнаружили обратную связь социальной лености с другой характеристикой культуры — дистанцией власти [14] (этот аспект культурных различий определяется Г. Хофстеде как допустимая с точки зрения относительно безвластных членов общества, степень неравномерности распределения власти в различных общественных структурах той или иной страны [10]).

Результаты исследования Д. Кларк и Т. Бейкер (2005–2010) ставят под сомнение убежденность некоторых ученых в том, что представители коллективистских культур меньше склонны к проявлению социальной лености, чем представители культур индивидуалистических. Дело в том, что Д. Кларк и Т. Бейкер, основываясь на результатах пятилетнего исследования, проведенного со студентами из разных стран (преимущественно китайцами и местными жителями), обучающимися в новозеландских вузах, пришли к выводу, что китайские студенты проявляют социальную леность при выполнении заданий в межкультурных учебных группах. Мало того, в результате анализа данных, полученных с помощью количественных (опросники-анкеты) и качественных методов (фокус-группы, интервью), было установлено, что некоторые китайские студенты не только осознавали, что они не работали в полную силу при групповом выполнении учебного задания, но и понимали, что это было не в их интересах и просто паразитировали на новозеландских студентах.

Основываясь на ответах китайских студентов, Д. Кларк и Т. Бейкер попытались объяснить полученные результаты. По их мнению, китайские студенты, выполняя учебное задание в межкультурных группах, могли проявлять социальную леность по следующим причинам:

1. Незнание в совершенстве английского языка.
2. Отсутствие опыта групповой работы.
3. Непонимание значимости групповой работы.
4. Модернизированность молодых китайцев, предполагающая большую самоориентированность, чем у более старшего поколения.
5. Прагматизм, заключающийся в восприятии образования как средства для достижения внешней цели (например, более высокого статуса).
6. Отсутствие идентификации с группой.
7. Концепция «лица». Исходя из стремления «сохранить лицо», китайцы в ситуации неуверенности в том, что сами смогут выполнить задание хорошо, предоставляют другим членам группы возможность это сделать [6].

Конечно, все эти предположения, как в совокупности, так и по отдельности, могут выступать в качестве причин возникновения у китайских студентов социальной лености, но нужно помнить, что это лишь гипотезы, которые требуют дальнейших исследований.

Для полноты возможных причин проявления социальной лености у китайских студентов в исследовании Д. Кларк и Т. Бейкер к сказанному можно добавить мнение Э.Б. Гу, касающееся представителей коллективистских культур. Э.Б. Гу считает, что в случае командно-группового обучения лица из коллективистских культур могут не высказывать свое мнение относительно решения групповой учебной задачи, поскольку не сильно заинтересованы в достижении своих личных целей, в связи с этим полагаются на мнение других членов группы [9].

Следует также отметить, что наряду с обсуждавшимися ранее характеристиками культуры (индивидуализм/коллективизм, конфуцианская мораль и др.) на выраженность социальной лености могут оказывать влияние и другие культурные факторы. Например, приверженность нормам протестантской трудовой этики (в дальнейшем ПТЭ). Соблюдение данных норм подразумевает отказ от безделья, добросовестный, тщательный, систематический, упорный труд в рамках своей профессии, отказ от сиюминутных наслаждений и наград, бережливость, дисциплинированность [3].

Несмотря на то что в таких странах, как Швейцария и Голландия, граждане которых в силу распространённости протестантизма должны придерживаться норм ПТЭ, эмпирических исследований социальной лености не проводилось (по нашим данным), можно предположить, что существуют кросскультурные различия в проявлении социальной лености, обусловленные приверженностью этим нормам. Во всяком случае именно такой вывод можно сделать, исходя из результатов эмпирического исследования С. Карая и Д. Смрт (2011), в ходе которого ученым удалось установить, что выраженность социальной лености отрицательно коррелирует с приверженностью нормам ПТЭ [20].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что социальная леность, как, впрочем, и другие социально-психологические феномены, возникает на фоне сложного переплетения культурных факторов. Несмотря на то что кросскультурный аспект социальной лености достаточно хорошо изучен зарубежными социальными психологами, сохраняются отдельные вопросы, кото-

рые необходимо решить в дальнейших эмпирических исследованиях.

Так, в психологической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой конфуцианство выступает в роли сдерживающего фактора социальной лености. Однако эмпирических исследований, подтверждающих эту позицию, нет, в связи с этим их проведение весьма актуально.

Далее, хотя в исследовании Ю.-К. Клее и Н. Андерсона было установлено, что дистанция власти отрицательно связана с выраженностью социальной лености, необходимы дальнейшие, более масштабные исследования этой проблемы. Кстати, на этом настаивают и сами исследователи. Кроме того, эти закономерности были выявлены с помощью опросников, но для получения более точных результатов можно использовать другие методы исследования, например эксперимент.

Аналогичным образом в связи с тем, что результаты некоторых исследований ставят под сомнение всеобщую убежденность в том, что представители коллективистских культур менее склонны к проявлению социальной лености, чем члены индивидуалистических культур, и что вообще между показателями по шкале коллективизм/индивидуализм и социальной леностью имеется какая-либо устойчивая корреляция, необходимы дополнительные эмпирические исследования этой проблемы. В частности, необходимы дальнейшие исследования с участием испытуемых из других восточных культур или же с коллективистски ориентированными представителями западных культур.

Помимо того, поскольку С. Карай и Д. Смрт обнаружили, что выраженность социальной лености отрицательно связана с приверженностью нормам протестантской трудовой этики, но эмпирических исследований в культурах, где преобладает протестантизм, не проводилось, назрела необходимость их проведения. В этом отношении интересно было бы посмотреть, какой из обсуждаемых здесь культурных факторов (индивидуализм/коллективизм, конфуцианская мораль, ПТЭ и др.) имеет наибольший вес при возникновении социальной лености.

В дальнейших эмпирических исследованиях необходимо также учитывать возможное воздействие и других факторов, которые могут оказывать влияние на выраженность социальной лености — возраст, гендер, ориентация членов группы на индивидуализм/коллективизм и т.д. Кроме того, поскольку в психологической литературе (как в российской, так и в зарубежной) сложно найти

сколько-нибудь целостное описание кросскультурных аспектов социальной лености, то имело бы смысл провести теоретическое исследование этих аспектов с учетом различных факторов, которые могут влиять на выраженность социальной лености (возраст, тип задания, гендер и т.д.).

И наконец, в дальнейших кросскультурных эмпирических исследованиях можно сделать акцент на прикладных аспектах изучения социальной лености, а именно на способах устранения (снижения) этого эффекта с учетом культурных особенностей.

Все перечисленное, на наш взгляд, позволит дополнить фундаментальные сведения, имеющиеся в психологии и в смежных с ней науках относительно феномена социальной лености, а также пополнить способы устранения (снижения) этого эффекта.

Список литературы

1. Белоус Е.С. Феномены социальной лености и компенсации в студенческих группах // Социологические чтения 2009: материалы студ. науч.-практ. конф. Гродно, 2009. С. 104–106.
2. Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
4. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2013. 800 с.
5. Струкова О.С., Пушных В.А. Деловая культура России: измерение по Г. Хофстеду // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 2. С. 72–73.
6. Clark J., Baker T. «It's Not Fair!» Cultural Attitudes to Social Loafing in Ethnically Diverse Groups // Intercultural Communication Studies XX. 2011. № 1. P. 124–140.
7. Earley C.P. Social loafing and collectivism: a comparison of the United States and the People's Republic of China // Administrative Science Quarterly. 1989. Vol. 34, № 4. P. 565–581.
8. Gabrenya W.K. et al. Social Loafing in the United States and China // Annual Convention of the American Psychological Association. 1982. 35 p.
9. Goo A.B. Team-based Learning and Social Loafing in Higher Education: University of Tennessee Honors Thesis Projects, 2011. 56 p. URL: http://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/1423 (date of access: 23.01.2014).
10. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Unit 2. 26 p. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (date of access: 14.12.2013).
11. Ingham A.G., Levinger G., Graves J., Peckham V. The Ringelman effect: Studies of group size and group performance // Journal of Experimental Social Psychology. 1974. № 10. P. 371–384.
12. Karau S.J., Kipling W.D. Social Loafing: A meta-analytic review and theoretical integration // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65, № 4. P. 681–706.
13. Karau S.J., Kipling W.D. Social Loafing: The Effects of Group Cohesiveness on Social Loafing and Social Compensation // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. 1997. Vol. 1, № 2. P. 156–168.
14. Klehe U., Anderson N. The Moderating Influence of Personality and Culture on Social Loafing in Typical versus Maximum Performance Situations // International Journal of Selection and Assessment. 2007. Vol. 15, № 2. P. 250–262.
15. Kravitz D.A., Barbara M. Ringelmann Rediscovered: The Original Article // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50, № 5. P. 936–941.
16. Kugihara N. Gender and Social Loafing in Japan // Journal of Social Psychology. 1999. № 4. P. 516–525.
17. Latane B., Williams K., Harkins S. Many Hands Make Light the Work: The Causes and Consequences of Social Loafing // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. Vol. 37. № 6. P. 822–832.
18. Murphy S.M., Domicone H. Trustworthiness and Social Loafing: An Examination of Austrian and American Students // Journal of International Business and Cultural Studies. 2010. Vol. 2. P. 1–10.
19. Nicholson A. Perceptions of the Peer Evaluation System: Relation with Social Loafing Behaviors: A Thesis In John Molson School of Business Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science (Administration) at Concordia University. Canada, 2012. 50 p.
20. Smrt D.L., Karau S.J. Protestant Work Ethic Moderates Social Loafing // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. 2011. Vol. 15, № 3. P. 267–274.
21. Tsaw D., Murphy S., Detgen J. Social Loafing and Culture: Does Gender Matter? // International Review of Business Research Papers. 2011. Vol. 7. № 3. P. 1–8.
22. Williams K., Harkins S., Latane B. Identifiability as a Deterrent to Social Loafing: Two Cheering Experiments // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 40, № 2. P. 303–311.

CROSS-CULTURAL RESEARCH OF SOCIAL LOAFING

*Karina N. Stratilat, Nikolay I. Semechkin**Far Eastern Federal University; 8, Sukhanov str., Vladivostok, 690091, Russia*

The article touches upon cross-cultural researches on social loafing. Particularly, the authors analyze the relationship between social loafing and such cross-cultural characteristics as individualism/collectivism, power distance and religious beliefs, namely Confucius' moral philosophy and Protestant work ethic. The article also presents short history of researches in the influence of cross-cultural factors on the extent of social loafing and the opposite phenomenon of social compensation. Furthermore, the authors analyze results which were already found by foreign researchers. On the basis of this theoretical review the authors have come to the conclusion that social loafing together with other sociopsychological phenomena arises due to plenty of cultural factors interlacing with each other. Despite the fact that the cross-cultural aspect of social loafing has been fairly thoroughly explored by foreign social psychologists there still remain some particular issues, while the answers to them can be found only by means of further empirical researches. The authors also outline variants of further (and probable) researches on the problem considered.

Key words: social loafing; cross-cultural research; oriental and occidental cultures; individualism/collectivism; social compensation.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

**ЛЮБОВЬ К ВИДЕОРЕГИСТРАТОРАМ В РОССИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА
ИЛИ ЗАЩИТА ОТ КОРРУПЦИИ ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ?*****Ковалев Виталий Владимирович***

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: Vitkovalev@yandex.ru*

Сажина Лилия Валерьевна

*доктор социологических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: Lil1970@yandex.ru*

Иванова Наталья Борисовна

*старший преподаватель кафедры политической социологии
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: ladyzarulem@gmail.com*

Статья посвящена анализу события, казалось бы, не имеющего к социальным наукам прямого отношения — падению метеорита под Челябинском. Однако этот кейс вскрывает целые пласты социокультурной реальности, которые помогают нам лучше понять как некоторые ментальные установки россиян, так и политику российского правительства по ряду аспектов информационного права. В статье обстоятельно анализируются причины интереса автолюбителей к видеорегистраторам, которые позволили зафиксировать «челябинский феномен», раскрываются особенности их использования, выявляются в свете ряда новаций в области законодательной деятельности власти перспективы применения этого гаджета как способа фиксации информации автолюбителями. Авторы полагают, что активность при отстаивании права на использование видеорегистраторов свидетельствует о том, что демократический потенциал российского общества не иссяк.

Ключевые слова: видеорегистраторы; автомобиль; культура; менталитет; право; власть; закон.

Падение метеорита под Челябинском (точнее, повсеместная запись на видеорегистраторах в машинах) стало предметом внимания в зарубежной прессе.

Космическое явление столкнулось с технологическими и социоисторическими условиями жизни в России, пишет *The New Yorker* в статье, посвященной привычке россиян прикреплать к лобовому стеклу маленькую черную записываю-

щую коробочку. Как цитирует портал newsru.com, русских понять можно: в России на дорогах людям угрожают опасности — «безумные пробки» и «территории беззакония», населенные «полицейскими, имеющими привычку вымогать, и разъяренными водителями, которые жаждут разбить вам лицо», а в суде без видеозаписи доказать что-то сложно.

Наличие большого количества видеорегистраторов во владении современных российских автомобилистов — модная мегауровневая, транснациональная тема дискурса. Мировая сеть изобилует многочисленными предложениями о приобретении данных технических средств. Однако интерес к видеорегистраторам у россиян-автомобилистов — это не только желание иметь как можно больше гаджетов, иллюстрируя этим свою «современность» и «продвинутость».

Интернет изобилует многочисленными предложениями о покупке данных устройств. Их можно приобрести и в обычных магазинах, где продается бытовая техника. Стоимость видеорегистраторов доступна для кошелька среднего россиянина — от 70 долларов. Поэтому многие автомобилисты их или уже купили, или стремятся приобрести. В чем же причины востребованности этих технических устройств в России? Исследуя этот вопрос, мы обнаруживаем глубокие социокультурные, социально-психологические и исторические корни, сформированные спецификой жизнедеятельности современного российского гражданского общества. С одной стороны, видеорегистраторы позволяют решать ряд проблем, с которыми автомобилисты сталкиваются на дорогах в повседневной жизни, с другой — они являются одним из простейших средств самовыражения, самодемонстрации и самопродвижения, доступных практически любому человеку вне зависимости от его знаний, навыков и умений.

Рассматривая указанные приборы видеорегистрации с обозначенных позиций, мы можем предложить определенную схему классификации потребностей использования видеорегистраторов россиянами.

Пожалуй, главная и наиболее универсальная — это отсутствие порядка на российских дорогах. Правила дорожного движения соблюдаются далеко не всеми автомобилистами. И это часть российской жизни, возможно, связанная с общим невысоким уровнем правовой культуры и правосознания.

Характеристика правового сознания россиян среди правоведов прошлого и настоящего связана с понятием «правовой нигилизм» [3, с. 15–25]. Считается, что в российском обществе роль права в регулировании общественных отношений не столь велика, как на Западе, а сами россияне относятся к нему как к чему-то третьестепенному. Так, по материалам всероссийского исследования, проведенного в мае-июне 2011 г. Центром соци-

ального прогнозирования (N = 3600) 47,8 % респондентов считают, что общество живет по своим правилам и лишь 5,8 % полагают, что в стране право регулирует практически все стороны жизни людей [14, с. 78]. Эти показатели абсолютно не соотносимы, так как почти половина россиян убеждены в том, что право «имеет мало отношения к жизни общества».

Эти данные можно трактовать двояким образом: либо граждане убеждены в том, что право не нужно в принципе, допуская возможность так называемых неправовых соглашений по спорным вопросам, либо сомневаются в способности его институциональных структур содействовать правовыми способами защите нарушенного права.

Относительно первого предположения рассуждать мы можем лишь умозрительно, поскольку специальных исследований по этому предмету не было. Однако ответ, полагаем, следует дать отрицательный, поскольку абсолютный правовой нигилизм противоречит как здравому смыслу, так и безопасности. В самом деле, было бы наивным предполагать, будто по каждому спорному социальному вопросу мы в состоянии договориться друг с другом без наличия четко определенных ориентиров, каковым можно считать закон. В этом смысле закон имеет преимущество даже перед нормами морали, которые оказались сильно деформированными в условиях современного индивидуализма. Закон более понятен и определеннее выражен, нежели нормы нравственности. Кроме того, он обращен ко всем гражданам на началах равноправия. Мораль же имеет свойства трансформироваться и видоизменяться в разных социальных слоях, из-за чего представители из разнородных социальных групп нередко имеют отличные друг от друга представления о правильном или неправильном. Что касается безопасности, то она обеспечивается охранительной функцией права, например, через Уголовный кодекс и выстроенную на его основе карательную систему. Эта институционализация совершенно необходима для защиты личных и имущественных прав граждан от агрессивных посягательств со стороны асоциальных элементов, возможность сговора с которыми крайне минимизирована.

Что касается второго предположения, то здесь речь необходимо вести о доверии тем институционализированным структурам, которые созданы и функционируют в институте права.

Важным показателем является частота обращения граждан для защиты своих нарушенных прав к определенному социальному адресу.

Таблица 1. К кому обращались граждане России для защиты своих прав за последние пять лет? % [14, с. 84]

Адрес обращения	Частота обращения
Суд	26,6
Хозяйственные руководители	19,7
Органы центральной или местной исполнительной власти	12,9
Сильные и влиятельные люди	11,7
Профсоюзы	3,1
Средства массовой информации	1,5
Другое	13,7

В данной таблице лишь обращение в суд говорит о том, что респондент предпочитает правовой способ решения проблемы. Все остальные адреса обращения отражают иные социокультурные ценности, которые никак не связаны с западными представлениями о законности и жизни в правовом государстве. В связи с этим важно отметить, что суд избрали менее трети опрошенных, что свидетельствует о крайне низком уровне доверия населения к институционализированным структурам института права.

Недоверие граждан к правовым учреждениям, в частности суду, объясняется их низкой эффективностью в решении правовых ситуаций. Так, например, очень показательно то, что «сильные и влиятельные люди», по оценкам респондентов, решали возникавшие ситуации в три раза эффективнее: 23,8 % решенных дел судом и 66,4 % дел, решенных «сильными и влиятельными людьми» [14, с. 92]. Неудивительно, что в целом недоверие суду высказали почти половина из числа опрошенных.

Эта же тенденция выявилась и в ходе проведения МИОН экспертного опроса в Ростове-на-Дону, Саратове, Воронеже и Иркутске (май-июнь 2007 г.).

Таблица 2. Какими способами, на Ваш взгляд, молодежь отстаивает свои права?

Способы отстаивания прав	Частота выбора, %
1. Обращение к органам власти	7,5
2. Обращение в суд	5,3
3. Обращение в средства массовой информации	14,7
4. Участие в акциях, проводимых полит. партиями и общ.-полит. организациями	23,4
5. Участие в митингах, пикетах и демонстрациях	15,3
6. Организация и участие в инетрнет-акциях	28,9
7. Защита своих интересов нелегальным путем	8,9

В этих данных обращает на себя внимание то, что из семи предложенных экспертам способов защиты молодежью своих права частота выбора суда оказалась на последнем месте, значительно уступая ориентированности на СМИ, интернет-акции, участие в митингах и пикетах.

В тесной взаимосвязи с этими положениями находятся и данные о возможности обращения гражданами в правовые учреждения для решения своих проблем в будущем.

Таблица 3. Обратятся ли опрошенные в будущем в правовые учреждения? % [14, с. 124]

Зависит от проблемы, которую предстоит решать	46,4
Еще не знают	29,1
В обязательном порядке	12,8
Если есть малейшая возможность, постараются избежать обращения в правовые учреждения, предпочитая решать проблему альтернативным путем	5,6
К правовым органам для решения своей проблемы никогда не обратятся	4,2
Затруднились ответить	1,9

Как видим, большая часть россиян ставят возможность обращения в правовые учреждения для решения своих проблем в зависимость от конкретной ситуации; около трети не определились с этим вопросом; и лишь десятая часть выразила твердую уверенность в том, что спорные ситуации следует решать исключительно легальным способом.

Эти данные также свидетельствуют о крайне низком уровне доверия к структурным элементам института права.

Подводя промежуточный итог, отметим, что проведенный анализ эмпирических данных позволяет нам утверждать, что россияне относятся к институту права с тотальным недоверием на всех его элементарных уровнях: право не является базисной ценностью россиян в социальном взаимодействии, не выполняет свои функции, а его учреждения (правоохранительные органы) работают неэффективно, что порождает исключение их из орбиты внимания россиян при решении социальных проблем. Налицо наличие правового нигилизма, который формирует характерные для этого состояния стереотипы отношения к праву, нивелирующие в массовом сознании его социальную ценность.

Деформации правового сознания можно легко объяснить отсутствием в российском социуме механизмов, которые Т. Парсонс анализировал как условия, определяющие способность общества функционировать в качестве самоорганизующейся системы [9, с. 42]. В российском социуме есть, по меньшей мере, две линии разлома: между акторами социального действия (отсутствие доверия) и во взаимодействии общества и государства. Но у этих общекультурных особенностей есть и вполне конкретные проявления, имя которым «коррупция дорожной полиции». Так уж сложилось в российском сообществе автолюбителей, что получается быстрее и дешевле дать взятку полицейскому, чем оплатить официальный штраф в банк. Со временем это развратило правоохранительные органы, и сейчас нередко имеют место случаи открытого вымогательства взяток с владельцев автомобилей на основе сфальсифицированных данных о якобы имевшем место нарушении. Наличие видеорегистратора позволяет зафиксировать происшествие и следующий за этим процесс общения с дорожной полицией. На суде запись видеорегистратора может стать надежной защитой от надуманных со стороны дорожного полицейского обвинений. Очень часто такой возможностью пользуются водители дальних грузо-

перевозок, которые страдают не только от коррупции дорожной полиции, но также могут стать объектом разбойного нападения со стороны криминала.

Вот почему важнейшей функцией гаджета является видеофиксация определенного факта или процесса, имеющего место в дорожных условиях. С этой точки зрения видеорегистраторы стали средством, объединившим многих автомобилистов в борьбе за равные права на дорогах. Съемка и размещение в Интернете фактов нарушения ПДД водителями автомобилей, имеющими в России определенные привилегии (автомобили различных государственных служб и структур с мигалками, автомобили чиновников и членов их семей и пр.), явились одним из доступных россиянам средств демонстрации своего возмущения поведением «привилегированных» водителей. Именно этот момент был той отправной точкой, с которой началось победное шествие видеорегистраторов по России.

Огромное значение также имеет возможность подтверждения корректности действий автомобилиста в случае аварии при рассмотрении дела в суде.

Конечно, запись с видеорегистратора принимается судом как доказательство, однако, чтобы использовать ее, нужно знать некоторые нюансы. Видеозапись недостаточно просто принести в суд или показать сотруднику ГИБДД. Сотрудник ГИБДД должен сам изъять видеозапись на месте ДТП и сделать об этом соответствующую отметку в протоколе. И об этом должен позаботиться сам автовладелец, так как чаще всего работникам инспекции нет до этого дела, они привыкли пользоваться старыми методами установления виновника аварии. По прибытии сотрудников ГИБДД на место ДТП автовладелец должен сообщить, что в авто установлено записывающее оборудование и проследить, чтобы были соблюдены все юридические формальности. Инспектор должен записать в протокол, что в авто установлен видеорегистратор, что запись изъята и приложена к делу, он должен также указать модель и производителя устройства. Желательно, чтобы карта памяти была при свидетелях помещена в конверт и опечатана, как вещественное доказательство. При изъятии записи должны присутствовать понятые, которые должны в подтверждение этого поставить подпись в протоколе. После этого видеозапись обязательно примет суд.

Однако принятие записи видеорегистратора в качестве доказательства или отказ в этом все еще

остаётся на усмотрение судьи. В данное время российские эксперты разрабатывают четкие критерии, которым должны соответствовать видеорегастраторы. Они включают в себя полную защищенность прибора от постороннего вмешательства (с целью невозможности изменить информацию), абсолютную точность в случае измерения прибором скорости движения и др. Реализация данной инициативы планируется в 2014 г.

Кроме судебных разбирательств, россияне крайне не доверяют сложившейся в России системе страхования автомобилей и страховых выплат: дело в том, что страховые компании стремятся занижить выплаты, используя для этого различные, в том числе и незаконные методы.

Действительность, увы, такова, что пострадавшие в ДТП систематически сталкиваются с откровенным нежеланием страховщиков добросовестно выполнять закон и взятые на себя обязательства по выплатам. А с тех пор как в 2009 г. ввели понятие «прямого возмещения» (т.е. узаконили право клиентов обращаться за выплатой в свою страховую компанию), количество конфликтов между страхователями и страховщиками значительно возросло. Ситуация сложилась парадоксальная. Страхователь тщательно выбирает крупную, надежную, платежеспособную компанию, руководствуясь разного рода рейтингами и отзывами. И справедливо надеется, что у этого страховщика проблем с возмещением убытков не будет. Однако во многих случаях владельцы пострадавших в аварии автомобилей получают необоснованный отказ.

С тех пор как был введен принцип прямого возмещения убытков и по сей день ряд страховых компаний оказывают весьма активное противодействие этому проекту. На практике это выглядит следующим образом: если клиентом заявлен крупный убыток, потерпевшего под всякими фиктивными предложениями стараются отправить в компанию виновника, если же, наоборот, ущерб оказался минимальным, то обязанная осуществить выплаты страховая компания этот незначительный ущерб возмещает.

Таким образом, страховщики нередко бойкотируют систему прямого возмещения убытков.

Между тем по законодательству Российской Федерации не предусмотрены строгие санкции по отношению к таким страховым компаниям. Многие законодатели считают, что хорошим выходом из сложившегося положения могло бы стать использование европейского опыта в виде прямого возмещения убытков на безальтернативной осно-

ве. Тогда клиент станет обращаться исключительно к своему страховщику. А страховая компания, в свою очередь, не будет иметь ни малейшего права отсылать его в компанию виновника. К сожалению, в настоящее время (при альтернативном прямом возмещении убытков) страховщик все же имеет ряд законных оснований отказать своему клиенту в выплате. В этом случае демонстрация видеозаписи является важным фактором, влияющим на принятие решения.

Таковы основные социальные причины, обеспечивающие поистине всенародную популярность видеорегастраторов.

Помимо регистрации общих фактов видеорегастраторы выполняют в России и ряд других функций. Ряд причин носят психосоциальный характер: видеорегастратор может быть простейшим средством самовыражения и самоидентификации вне зависимости от знаний и навыков водителя. Как точно подметил Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» (1968, 1991 гг.), гаджет может послужить заменой человеческих отношений. В действительности действия самого индивида в большинстве случаев пассивны (он всего лишь ведет машину), запись происшествия осуществляется без его участия, его последующие действия в данном случае сводятся к выполнению простейших операций в сети Интернет. Однако ожидание реакции интернет-сообщества и в случае удачного размещения обсуждение и оценка ролика позволяют автомобилисту изменить свой статус от пассивного до активного. Таким образом, у автомобилиста складывается ложное впечатление о своей «высокой значимости», ценности, что, безусловно, повышает его самооценку. Получая многочисленные отклики на свое сообщение, индивид получает иллюзорную уверенность в личном совершении каких-либо действий.

Мы видим, что в функционировании видеорегастратора заложено разрешение какой-либо социальной или психологической проблемы, конфликта индивида, по мнению Э. Дихтера и Л. Мамфорда в «Стратегии желания». С помощью видеорегастраторов автолюбитель может привлекать к своей персоне дополнительное внимание, удовлетворяя определенные потребности в запросах общества.

Видеорегастрации в России подвергается большая часть автомобилистов на дорогах страны. Серьезные аварии и смешные автомобильные происшествия, интересные истории с участием животных на дороге — любая видеoinформация, способная вызвать интерес аудитории, по мнению

зафиксировавшего ее, выкладывается в Интернет. Количество отснятого и размещенного в Сети материала позволяет сделать вывод о том, что мода на видеорегистраторы в России — массовое явление и аудитория владельцев данных гаджетов со временем может только расширяться.

Между тем такая, казалось бы, совершенно аполитичная тема становится объектом пристального внимания со стороны власти. В Государственную думу внесены поправки, согласно которым любые устройства, закрепленные на лобовом и боковых стеклах автомобиля, включая видеорегистраторы и навигаторы, могут быть запрещены. Правда, стоит отметить, что до принятия закона еще далеко, против него высказался ряд высокопоставленных чиновников из правящей партии «Единая Россия». Однако процесс сдвинулся с мертвой точки и на него необходимо обратить внимание.

Новая редакция касается ч. 3.2 ст. 12.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Соответствующий законопроект внесен в Госдуму Законодательным собранием Оренбургской области.

Поправки, согласно которым подпадают под запрет устройства, закрепленные на лобовом стекле (навигаторы, видеорегистраторы, а также тонировка), внесены на рассмотрение в Госдуму. В тексте законопроекта говорится, что за «дополнительные предметы или покрытия многократного использования, ограничивающие обзорность с места водителя», будет полагаться штраф 500 руб. вместе с конфискацией такого устройства.

«3.2. Управление транспортным средством, на ветровом и передних боковых стеклах которого установлены дополнительные предметы или покрытия многократного использования, ограничивающие обзорность с места водителя, влечет наложение административного штрафа в размере пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения», — следует из Текста новой редакции ст. 12.5 ч. 3.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

«Установлены факты использования <...> так называемой съемной тонировки, т.е. использования на ветровом и передних боковых стеклах различного рода легко демонтируемых приспособлений (быстросъемные солнцезащитные шторки, пластиковые накладки, сетчатые, перфорированные светофильтры, дополнительные стекла с покрытием и др.), ухудшающих светопропускание стекол», — говорится в пояснительной записке к законопроекту. За эти правонарушения полагает-

ся штраф в 100 руб. «Незначительный размер административного штрафа за данное правонарушение <...> как правило, влечет за собой повторность совершения правонарушения», — говорится в записке. Из пояснения следует, что именно с этим и связано внесение новой поправки.

Кроме того, авторы законопроекта сделали акцент на том, что выкладывание материалов, отснятых с помощью видеорегистраторов, в сети Интернет нарушает право граждан на частную жизнь.

В Российской Федерации применительно к исследуемой проблеме действуют все известные базовые информационные нормы ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (п. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2 ст. 23). Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (п. 1 ст. 24). Вмешательство в частную жизнь, ограничение тайны телефонных переговоров и корреспонденции может осуществляться только на основании закона РФ или судебного решения. Неприкосновенность жилища гарантируется в ст. 25 Конституции. В ст. 29 Конституции содержатся гарантии свободы слова и свободы информационного обмена (права искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом), а также запрет цензуры. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции перечисленные статьи имеют высшую силу и прямое действие.

Данные нормы должны закреплять содержание и характер информационных процессов, происходящих в сети Интернет. При этом другая конституционная норма, декларирующая право свободы поиска, передачи, производства информации (п. 4 ст. 29), предоставляет соответствующие права субъектам информационных отношений только в случае соблюдения таковыми законных интересов и прав других субъектов, т.к. в ней содержится указание на реализацию перечисленных действий только при осуществлении «любимым законным способом».

Приведенные гарантии информационных прав граждан раскрываются в отечественном законодательстве, регулирующем отношения в сфере информатизации (информационном законодательстве).

В Федеральном законе 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12] (далее — закон «Об информации») вводится институт персональных данных (п. 9 ст. 9).

Федеральный закон «О персональных данных» [13] не характеризует персональные данные в целом как конфиденциальную информацию, даже более того, наряду с просто определением «персональных данных» содержит определение «общедоступных персональных данных» — термин, который невозможно логически соотнести с информацией ограниченного доступа.

В ст. 3 ФЗ «О персональных данных» содержится определение «конфиденциальности персональных данных», которая заключается в их нераспространении, т.е. недопущении действий, направленных на передачу и ознакомление с персональными данными третьими лицами, их опубликование, размещение в открытом доступе. Соблюдение конфиденциальности не требуется в случае обработки общедоступных персональных данных и в случае их обезличивания, т.е. утраты всякой связи с субъектом, что не позволяет, по видимому, их в дальнейшем вообще рассматривать в качестве персональных данных. Следовательно, рассматривать персональные данные в целом как информацию ограниченного доступа вряд ли представляется возможным, скорее, было бы правильным ввести в таком случае в оборот категорию «конфиденциальные персональные данные». В итоге из всей массы персональных данных это позволило бы выделить те из них, на которые законодательством распространяется требование соблюдения конфиденциальности. Исключением из правила следует считать случаи, упомянутые в ч. 2 ст. 1 ФЗ «О персональных данных», — персональные данные, составляющие государственную тайну, хранящиеся в архивах, находящиеся в едином реестре индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, обрабатываемые исключительно для бытовых нужд. На часть из них будет распространяться другой режим ограничения доступа — режим государственной тайны. В отношении двух других случаев будут действовать совершенно другие правовые режимы, в рамках которых говорить об ограничении доступа к персональным данным в полной мере невозможно.

Самая общая оценка перечисленных правовых норм не дает нам возможности оценить усилия власти по запрету видеорегистраторов с юридической точки зрения. Кроме того, правовое поле,

в котором находятся интернет-пользователи в Российской Федерации, только начинает формироваться. В нашей стране нет ни одного специального нормативно-правового акта, посредством которого осуществлялось бы регулирование интернет-пространства.

Среди специалистов идут споры о том, в каких рамках следует регулировать интернет-отношения: стоит ли выделить в интернет-право [10, с. 56] или рассматривать в более широком смысле, в рамках информационного права [8, с. 56]. Существуют две точки зрения среди специалистов, которые занимаются данной проблемой. Одни придерживаются мнения о том, что такой институт права уже существует, предпочитая понятие «информационное право». Например, И.М. Рассолов в своей книге «Право и Интернет» полагает, что «существует комплексный институт права, который включает в себя нормы различных отраслей права, регулирующих отношения в виртуальном пространстве и вне его» [10, с. 7]. Д.К. Александров в статье «Интернет-право быть» [2, с. 3–5] упоминает данный институт как правовую форму регулирования общественных отношений, которые возникают при обмене информацией в сети Интернет, и выделяет методы его регулирования — частно-правовой и публичный. Для обозначения этого института оба автора используют термин «интернет-право». В противовес этой точке зрения приводится мнение, суть которого заключается в том, что не существует оснований для «искусственного» внедрения новой отрасли права. Например, А.Н. Ивлев считает, что «...преждевременно говорить о сетевом праве как об отдельной отрасли права, так как оно не обладает ни собственным предметом, ни методом правового регулирования» [6, с. 10–12]. Можно с уверенностью сказать, что определение предмета и метода правового регулирования в Сети является одним из приоритетных вопросов, без четкой формулировки которых невозможно систематизировать в комплексное законодательство нормативную базу, направленную на регулирование отношений, связанных с Интернетом.

Всемирная паутина пока еще мало исследована с точки зрения юридической специфики отношений, возникающих в связи с ее существованием и практическим применением.

Во-первых, нет достаточной определенности в решении вопроса о юридической природе самого Интернета. Во-вторых, нет четкости в понимании вопроса о праве, применимом к этим правоотношениям.

Ни в одной стране мира не существует организационной структуры, выступающей в качестве единоличного собственника или владельца данной компьютерной сети. Не является владельцем Интернета и федеральное Правительство США, практически прекратившее финансирование даже отдельных сетей на территории государства. Не имеет уже отношения к Интернету и Министерство обороны США, у которого имеется собственная засекреченная компьютерная сеть.

Для обычного клиента представителем того, что он называет Интернет, выступает поставщик, предоставляющий ему канал связи с соответствующим программным обеспечением. В тех случаях, когда клиент совершает возмездную сделку во время сеанса связи в Интернете (например, подписывается на заинтересовавший его журнал в электронной версии), он знает, что его контрагентом выступает не поставщик, а организация.

Для фирмы — производителя сетевых услуг представителем Интернета являются специализированные компании, способные разместить предлагаемую производителем информацию на своих компьютерах (серверах) и сделать ее доступной для других пользователей Сети (на условиях фирмы-производителя). Такая специализированная компания (владелец сервера) часто одновременно является и поставщиком, но так бывает не всегда, и в этом случае владелец сервера входит в Интернет на общих основаниях [4, с. 58].

Для поставщика представителем Интернета выступают более крупные сети, предоставляющие ему возможность соединения с ними. У каждой из таких сетей есть собственный владелец. Однако каждый владелец ни технически, ни юридически контролировать Интернет не может.

Представители наиболее крупных сетей Интернета объединены в несколько организаций так называемого сообщества Интернет. Однако эти организации не являются органами управления сетью. Они занимаются в первую очередь согласованием технических стандартов (обмена данными, соединения сетей и т.д.), а также регистрацией так называемых узловых компьютеров (соединенных между собой точками встречи) и доменных адресов или имен (идентификационных названий таких компьютеров). Само по себе это очень важно для технического функционирования Сети, но недостаточно для управления организацией [4, с. 59].

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что у Интернета не существует признаков, обычно характеризующих юридическое

лицо. Интернет не обладает организационным единством, не инкорпорирован ни в одной из стран мира и не создан как международная организация. Интернет не имеет собственного обособленного имущества, так как используемые в нем материальные и информационные ресурсы принадлежат на праве собственности самым разным субъектам (каналы связи — телекоммуникационным компаниям; компьютеры, производящие подключение к сети, — поставщикам; компьютеры клиентов — самим клиентам; техническое и программное обеспечение работы магистральных сетей — владельцам таких сетей; распространяемая на коммерческих условиях информация — ее производителям и прочим владельцам). Не способен Интернет и иметь какие-либо самостоятельные права и нести обязанности, так как за каждым возникающим при работе в Интернете правоотношением стоит конкретный правоспособный субъект [7, с. 15–16].

Итак, Интернет не является субъектом права, т.е. участником правоотношений. Если воспринимать Интернет как технологическую среду, в которой реализуются различные правоотношения, то Интернет не может быть предметом этих правоотношений, следовательно, и «Закон об Интернете» не имеет права на жизнь. Однако многие аспекты использования Сети выявляют критическое отсутствие правового регулирования и государственной позиции (политики) в отношении развития деятельности с использованием Интернета, следовательно, имеется потребность в формировании Основ государственной политики в области развития и использования глобальных информационных сетей, которые могут быть предметом федерального закона либо могут быть утверждены указом Президента РФ, при этом задачей законодателя будет нормативно-правовое обеспечение этой политики [5, с. 35–36].

Основополагающим принципом законодательной деятельности, определенным в указанных выше концептуальных документах, является баланс интересов личности, общества и государства. Понятно, что такой баланс труднодостижим, более того, определенные Конституцией права и свободы человека и гражданина являются базовыми. Однако Конституция РФ устанавливает и ограничения этих прав в интересах других лиц (ч. 3 ст. 17), общества (ч. 2 ст. 29 и др.) и государства (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56) [11, с. 61].

Если Интернет не является ни объектом, ни субъектом права, разговор о какой-либо юриди-

ческой специфике его функционирования является вообще беспредметным.

Но это не так. Специфика отношений, связанных с работой в сети Интернет, безусловно, имеется. Его появление и развитие вносит много принципиально нового в характер взаимоотношений между людьми и организациями, связывающимися между собой через Сеть, а также влечет возникновение новых деятельных субъектов — производителей сетевых услуг. Скорее всего, юридическая особенность отношений между пользователями Интернета (как и отношений по поводу производимых в сети действий) заключается в специфическом способе реализации прав и обязанностей лиц — пользователей Сети [1, с. 17–18].

Целостная и систематизированная правовая основа регулирования сети Интернет в России еще не сложилась. Лишь некоторые отраслевые правовые акты, несмотря на отсутствие фундаментальной законодательной базы, содержат нормы, если и не прямо регулирующие отношения, связанные с Интернетом либо затрагивающие их содержание, то с определенной позиции применимые к ним. Такие нормы имеются, например, в Гражданском кодексе РФ, в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации». Положения, касающиеся сети Интернет, включены и в отдельные кодифицированные акты: в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 247. ч. 9), в Налоговый кодекс РФ (ст. 264. п. 25). Кроме того, принят ряд подзаконных нормативных правовых актов, тем или иным образом относящихся к сети Интернет, например постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти». Уже сам факт присутствия указанных норм в законодательстве говорит о наличии тенденций к формированию нормативного регулирования.

Однако это всего лишь тенденции, и их наличие никак не может юридически обуславливать запрет на использование данных видеорегистраторов в сети Интернет. Надо сказать, что анализируемый законопроект встретил однозначно негативную реакцию общественности. Водителей и представителей общественных организаций больше всего насторожило, что перечень предметов, подпадающих под запрет, в поправке не перечислен. Они опасаются, что все видеорегистраторы и навигаторы, которые крепятся на лобовом

стекле, могут оказаться вне закона. Сама по себе такая «обтекаемая» формулировка закона даст возможность полиции объявить в качестве незаконного любой предмет, который каким-то образом может оказаться неудобным.

В настоящее время в Российской Федерации видеорегистраторы находятся на более чем 1 млн. автомобилей. Если учитывать существующую тенденцию, то к концу 2013 г. уже каждая 20-я машина будет ими оборудована, что в совокупности нам даст цифру в 2 млн. регистраторов или даже больше. Очень важно, что водителей, которые боятся защищать таким образом свои законные права, все меньше, ведь фактически видеорегистратор стал тем самым противовесом негласному правилу судов «нет оснований не доверять сотрудникам полиции».

Российские автомобилисты не сомневаются, что новая поправка в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации наверняка лоббистская, потому что она на руку нашей ГИБДД, которая часто терпит поражения в судах благодаря видеозаписям водителей.

С нашей точки зрения, перспектив принятия у данной поправки нет. Едва ли этот законопроект в ближайшее время может стать действующим законом, хотя запрет на видеорегистраторы, в принципе, очень органично ложится в общее русло социально-политических мероприятий российской власти последних десяти лет. Речь идет о создании таких институтов, которые позволяют, сохраняя видимость демократии, успешно контролировать те ее ростки, которые начали пробиваться в начале реформ 90-х гг. XX в. Запрет на видеорегистраторы снизил бы юридическую защищенность российских граждан, что позволило бы государству упрочить бесконтрольность власти. В то же время такое решение непременно было бы интерпретировано как российской ответственностью, так и международным сообществом в качестве попирающего права человека. Российская же власть не готова на данном этапе представлять в столь неприглядном свете. Не стоит забывать также о постепенной утрате властной элитой легитимности в глазах россиян. С учетом пробуксовки экономических реформ (особенно в области макроэкономики) власть утрачивает кредит общественного доверия. Вероятно, власть проявила разумную осторожность, когда, забросив в Интернет информацию о запрете видеорегистраторов и столкнувшись с единодушной и агрессивной позицией общества, процесс легитимации запрета остановила.

Что покажет будущее — неизвестно, но эта «маленькая» победа общества позволяет надеяться, что российский социум еще окончательно не утратил способность к самозащите и те ростки демократии, которые когда-то взошли в начале 90-х гг. прошлого столетия, со временем пустят глубокие корни в сфере общественной морали и станут могучей защитой от антидемократических посягательств.

Список литературы

1. *Абрамов Т.И.* Есть ли специфика правоотношений в среде «Интернет» // Информационная безопасность. 2009. № 2. С. 14–21.
2. *Александров Д.К.* Интернет-праву быть // Юрист. 2009. № 2. С. 3–7.
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. 211 с.
4. *Власенко А.В.* Развитие нормативно-правовой базы в сфере интернета в России // Право и жизнь. 2009. № 10. С. 58–64.
5. *Данцев А.П.* Правовая природа «Интернета» // Право и жизнь. 2007. № 6. С. 35–39.
6. *Ивлев А.Н.* Право, Интернет, реальность // Современное право. 2008. № 4. С. 10–17.
7. *Климов А.Т.* Совершенствование правового регулирования сайтов сети Интернет // Информационное право. 2007. № 2. С. 15–22.
8. *Копылов В.А.* О теоретических проблемах становления информационного права // Информационные ресурсы России. 2008. № 3. С. 56–61.
9. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002. 589 с.
10. *Рассолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 189 с.
11. *Фатьянов А.А.* Тайна и право (основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве). М.: Юрист, 2009. 252 с.
12. *Федеральный закон* «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ (в последней редакции закона от 02.07.2013 г. № 187–ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; Российская газета. 2013. 7 июля.
13. *Федеральный закон* «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152–ФЗ (в последней редакции закона от 23.07.2013 г. № 205–ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 2). Ст. 3449; Российская газета. 2013. 30 июля.
14. *Шереги Ф.У.* Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетейя, 2012. 348 с.

LOVE FOR VIDEOREGISTRARS IN RUSSIA: SOCIO-CULTURAL PECULIARITIES OF MENTALITY OR PROTECTION FROM CORRUPTION OF ROAD POLICE?

Vitaly V. Kovalev, Liliya V. Sazhina, Natalia B. Ivanova

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

The article is devoted to the analysis of the event, seemingly, not having any relation to social science — the fall of the meteorite near Chelyabinsk. However, this social case reveals the entire strata of the social and cultural realities, that help us better to understand both some mental attitudes of the Russians and the policy of the Russian government to a number of aspects of information law. In the article we thoroughly analyze the reasons of interest motorists to videoregistrars, the peculiarities of their use, reveal the prospects of application of this gadget as a method of fixation of information by motorists in the light of a number of innovations in the field of legislative activity of the authority. Authors suggests, that asserting of right on using of videoregistrars is evidence of Russian society democratic potential.

Key words: videoregistrars; automobile; culture; mentality; rights; authority; law.

УДК 316.334.56 (470.5)

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Плотникова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: Plotnikova1958@yandex.ru

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: Germanov1973@yandex.ru

В статье рассматриваются уровень жизни и социальные страты среднего города Лысьва и малого города Кудымкар. Специфика уровня жизни населения малых городов обусловлена различными факторами, в том числе социально-экономическим статусом муниципального образования. Уровень жизни отражается через размер среднемесячной заработной платы, субъективные характеристики материального положения семьи и оценку защищенности от угрозы бедности. Описано влияние финансово-экономического кризиса. Модели социальной стратификации строятся на оценках идентификации респондентами своего места в социальном пространстве. Данные классифицированы по трем критериям: уровню образования, материальному положению и обладанию властными полномочиями и выделены пять групп, представляющих различные социальные слои. Социологический анализ выявленных различий вносит свой вклад в понимание особенностей трансформационных процессов на субрегиональном уровне.

Ключевые слова: средний город; малый город; социальная стратификация; уровень жизни; уровень оплаты труда; социальные группы; социальная структура.

Оценка уровня жизни населения является одной из актуальных научных задач обществоведов, поскольку объективный анализ социально-экономических и политических процессов невозможен без учета их влияния на благополучие людей. От степени решенности проблем уровня и качества жизни во многом зависят направленность и темпы дальнейших преобразований в стране, социальная стабильность.

Уровень жизни является достаточно сложным и многоаспектным понятием. Как социально-экономическая категория он представляет собой уровень и степень удовлетворения потребностей людей в материальных благах, бытовых и культурных услугах, поэтому характеризуется прежде всего показателями потребления. Однако уровень и структура потребления в значительной степени детерминируются теми ресурсами, которые нахо-

дятся в распоряжении отдельного человека, семьи и общества в целом. Поэтому наряду с показателями собственно потребления в систему показателей уровня жизни входит и ряд показателей, характеризующих возможности потребления. К ним относятся, например, фонд потребления или уровень дохода.

Эксперты отмечают, что единый подход к измерению уровня жизни в настоящее время отсутствует. В докладе комиссии Стиглица «Измерение экономических результатов и социального прогресса» отмечается, например, что свою состоятельность доказали три основных концептуальных подхода: первый из них основывается на представлении о субъективном благополучии, второй — на представлении о располагаемых возможностях, третий — на экономических концепциях, заимствованных из теорий благосостояния и справедливого распределения [2, р. 11]. Каждый из этих подходов может служить основой для различных стратегий измерения.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-03-00243).

Программа и типовой инструментарий «Социокультурного портрета региона России» при изучении уровня жизни предусматривает анализ четырех групп показателей: доходов и расходов населения, пенсионного обеспечения, а также распространения бедности [1, с. 22–23].

Проблемы уровня жизни населения поднимаются в основном при изучении стран и регионов. В то же время при изучении территориальных образований меньших размеров соответствующая проблематика затрагивается существенно реже. Однако очевидно, что социальная дифференциация по этому показателю на субрегиональном уровне может быть достаточно резкой, что формирует высокие риски для устойчивого развития региона в целом. В качестве иллюстрации данного тезиса был проведен анализ уровня жизни населения городов, относящихся к территориям с разным типом социально-экономического развития: городам Кудымкар и Лысьва.

Одна из причин слабой изученности уровня жизни населения муниципальных образований — значительные проблемы в информационном обеспечении такого исследования, что весьма существенно ограничивает возможности объективного анализа. Например, из 16 показателей, предусмотренных в соответствующем разделе Программы «Социокультурного портрета региона России», на уровне муниципалитетов регистрируются лишь три (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий). Часть других

приходится получать расчетным путем либо привлекать источники, достоверность информации которых проверить порой весьма затруднительно. Некоторые из показателей, рекомендованных Программой, оценить не представляется возможным.

Тем не менее, имеющиеся данные позволяют дать характеристику той части доходов, которая связана размером вознаграждения за оплачиваемую работу.

Изменение размеров среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в обследованных городах имеют общие черты и, в общем, соответствуют тенденциям, характерным для Пермского края в целом (см. рис. 1). В первой половине анализируемого периода (2005–2008 гг.) наблюдалось весьма динамичное увеличение показателя (в среднем на 24 % в год). Однако в ситуации финансово-экономического кризиса темпы роста зарплаты в Лысьве существенно замедлились (11 % в год), в то время как в Кудымкаре падение темпов было не так заметно (14 % в год). Эти отличия объясняются спецификой структуры занятости населения исследуемых городов. В Кудымкаре основная доля рабочих мест приходится на бюджетный сектор, где ситуация с заработной платой в кризис была более стабильной, что позволило избежать резкого замедления роста заработной платы. Что касается Лысьвы, то здесь значительная часть работников занята на предприятиях реального сектора экономики, и поэтому негативное влияние кризиса сказалось на возможностях организаций по увеличению заработной платы.

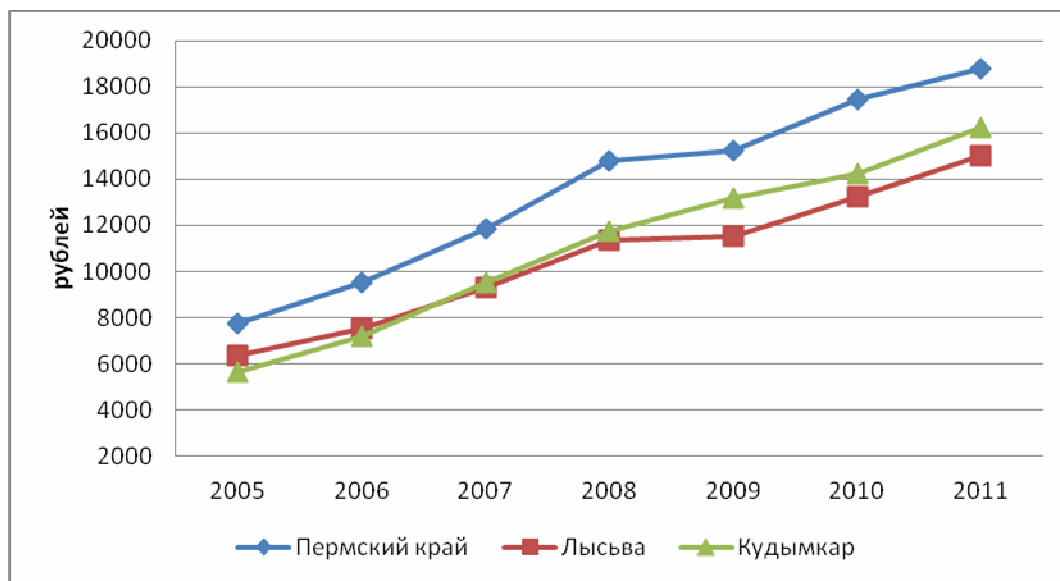

Рис. 1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций муниципальных образований Пермского края (руб.)

Отставание темпов роста заработной платы в Лысьве привело к тому, что по ее относительной покупательной способности более развитый в экономическом отношении город начал уступать менее развитому. В Лысьве на протяжении последних семи лет среднемесячная заработная плата занятого населения обеспечивала примерно 2,2 прожиточных минимума взрослого человека. В начальной точке анализируемого периода это существенно меньше, чем в среднем по Пермскому краю (2,7), но больше, чем в Кудымкаре (2,0).

Однако уже с 2008 г. показатели столицы Коми-Пермяцкого АО опережают Лысьву. В результате к концу периода отставание покупательной способности зарплаты лысьвенцев стало заметно не только на фоне жителей края в целом (2,8), но и в сравнении с кудымкарцами (2,4) — см. табл. 1. Таким образом, собранные данные свидетельствуют, что в течение анализируемого периода численность малообеспеченных среди занятого населения Лысьвы увеличивается, а в Кудымкаре — напротив, сокращается.

Таблица 1. Отношение среднемесячной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума (2005–2011 гг.)

Наименование территорий	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Пермский край	2,7	2,7	2,8	3,0	2,8	2,9	2,8
Лысьва	2,2	2,1	2,2	2,3	2,1	2,2	2,2
Кудымкар	2,0	2,0	2,2	2,4	2,4	2,3	2,4

Рассчитано по: Статистический ежегодник Пермского края. Пермь, 2012. С. 5.

Дифференциация по уровню оплаты труда между отраслями экономики в обоих городах примерно одинакова, хотя состав отраслей — лидеров и аутсайдеров различается. По состоянию на 2011 г. в Лысьве максимальная средняя заработная плата зафиксирована в размере 25,1 тыс. руб. на предприятиях транспорта и связи, минимальная — 10,1 тыс. руб. в организациях, оказывающих прочие коммунальные, социальные и персональные услуги (стандартное отклонение 5,3 тыс. руб.). В Кудымкаре самая большая заработная плата в 2011 г. была в учреждениях государственного управления и социального страхования (24,6 тыс. руб.), самая маленькая — в гостиницах и ресторанах (9,6 тыс. руб.). Размер стандартного отклонения в последнем случае составил 5,0 тыс. руб.

Однако ситуация с заработными платами далеко не в полной мере характеризует благополучие жителей обследуемых муниципальных образований. Несмотря на то что заработная плата является основным источником доходов, доля занятых в общей численности населения в Лысьве составляет около 25 %, а в Кудымкаре — чуть больше 18 %.

В связи с отсутствием достоверной статистической информации по целому ряду показателей, характеризующих уровень жизни, нам пришлось

прибегнуть к данным социологического опроса, которые через субъективные оценки квалифицируют благополучие жителей муниципальных образований. Данный подход подразумевает идентификацию уровня жизни респондентов посредством оценки степени лишений, которые они испытывают в повседневной жизни. При этом выделяются шесть вертикально структурированных социальных групп: «бедные» — индивиды, у которых доходов не хватает даже для обеспечения повседневных нужд (питание, общественный транспорт, коммунальные платежи и т.п.); «нуждающиеся» — те, кто затрачивает все свои средства на повседневные расходы; «малообеспеченные» — люди, которые полностью обеспечивают повседневные нужды, но испытывают материальные затруднения при покупке одежды, обуви, мелкой бытовой техники; «обеспеченные» — сталкивающиеся с финансовыми трудностями лишь при покупке дорогостоящей техники; «зажиточные» — для которых затруднительны покупки по-настоящему дорогих вещей (недвижимость, автомобиль), и, наконец, «богатые», которые не испытывают никаких материальных затруднений и поэтому ни в чем себе не отказывают.

Данные опроса показывают, что социальная структура по уровню материального благополу-

чия в обследованных городах практически одинакова. Примерно пятую часть населения составляют «бедные». Далее следуют три примерно равных по показателям слоя: «нуждающиеся» (26 %), «малообеспеченные» (22 %), «обеспеченные»

(25 %). Возможностями выше среднего в Лысьве и Кудымкаре обладают менее 10 % населения. К категории «зажиточных» относятся 7 %, а к «богатым» — только 1 % жителей (см. табл. 2).

Таблица 2. Субъективная характеристика материального положения семьи

Категория по материальному положению	Город		Итого
	Лысьва	Кудымкар	
Бедные	16,1	20,0	18,1
Нуждающиеся	28,3	24,8	26,4
Малообеспеченные	22,1	22,4	22,2
Обеспеченные	25,1	24,8	24,9
Зажиточные	6,9	7,7	7,3
Богатые	1,7	0,4	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0

$$\chi^2 = 7,575 \text{ df} = 5 \alpha > 0,05$$

Отсутствие статистически значимых различий в уровне жизни населения между городами прослеживается практически во всех социальных группах, выделенных по характеру основной деятельности (работающие по найму, предприниматели, студенты/учащиеся, незанятое население). Исключение составляют пенсионеры. В Кудымкаре самооценки благосостояния, данные этой ка-

тегорией граждан, значительно ниже, чем в Лысьве ($\chi^2 = 11,279 \text{ df} = 5 \alpha < 0,05$). В столице Коми-Пермяцкого АО на 16% больше «бедных» и на 7% — «нуждающихся», чем в Лысьве. В то же время представителей более благополучных категорий («малообеспеченных» и «обеспеченных») в Кудымкаре меньше на 13 % и 6 % соответственно (см. рис. 2).

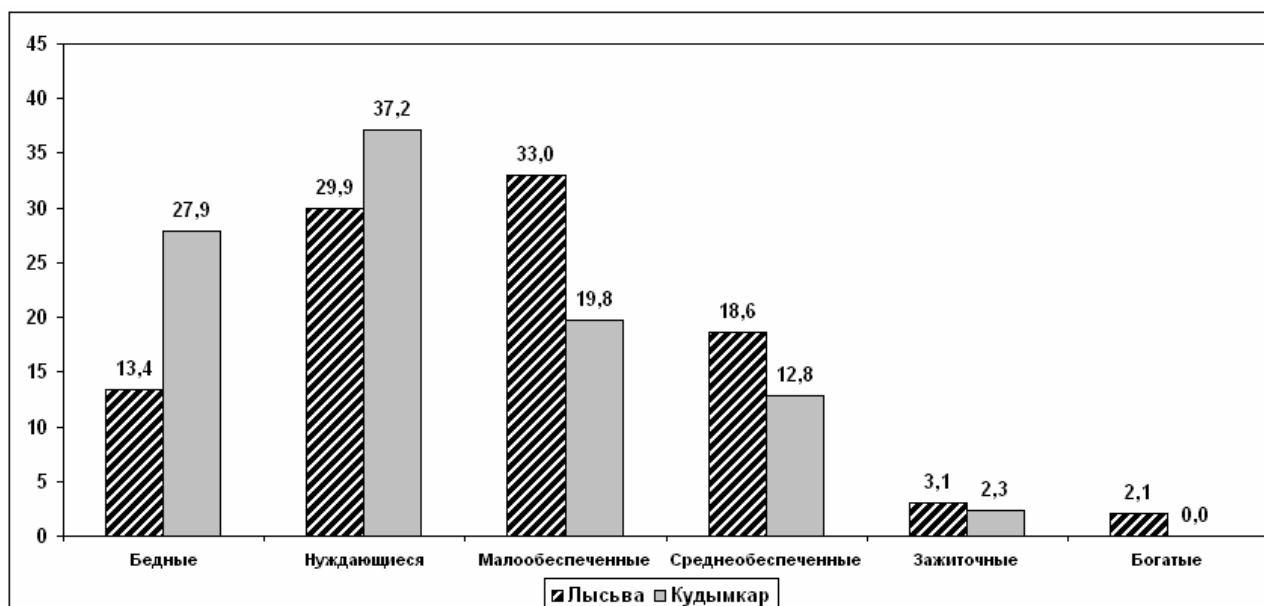

Рис. 2. Субъективная характеристика материального благополучия семьи в группе пенсионеров (доля к числу опрошенных в группе, %)

Распределение респондентов по уровню материального благополучия не имеет существенных отличий и в возрастных группах. Исключение составляют участники опроса в возрасте 46–60 лет. В обоих муниципальных образованиях уровень их жизни несколько ниже, чем у представителей других возрастных когорт. И в том, и в другом городе типичный представитель этой группы относится к категории «нуждающихся» (в других группах к «малообеспеченным»). Кроме того, бросается в глаза, что в Кудымкаре четверть респондентов в возрасте 46–60 лет определяют себя в качестве «бедных».

Весьма низкий уровень благополучия населения исследуемых муниципальных образований подтверждается у жителей самооценками степени защищенности от угрозы бедности. В обоих городах почти две трети опрошенных выразили опасения в связи с возможной потерей доходов в ближайшем будущем. Индекс защищенности¹ составил в Кудымкаре — 0,3, а в Лысьве — 0,33, он остается практически неизменным во всех группах населения, выделенных по признаку основной деятельности.

Ощущение безопасности от угрозы бедности имеет очевидную связь с текущей самооценкой материального благополучия. В табл. 4 видна тенденция увеличения индекса защищенности по мере роста благосостояния. В Лысьве эта тенденция более выражена, нежели в Кудымкаре, где «малообеспеченные» жители ощущают большую угрозу своему благополучию (индекс — 0,42) нежели «нуждающиеся» (-0,27). Эта особенность, а также то, что «бедные» в Кудымкаре испытывают большие опасения утраты доходов, нежели в Лысьве, формируют статистически значимые от-

¹ Методика «Социокультурного портрета региона России» предусматривает оценку степени защищенности от 10 основных угроз, в том числе — бедности. Респондентам предлагается высказать свое мнение по 5-балльной шкале. Индекс защищенности вычислялся по формуле $I = \frac{n_1 + 0.5n_2 - 0.5n_4 - n_5}{n}$, где n_1 — число респондентов, выбравших вариант «защищен»;

n_2 — «скорее защищен»; n_4 — «скорее не защищен»; n_5 — «не защищен»; n — общая численность респондентов в группе. Значения индекса изменяются в пределах [-1; 1], при этом отрицательные значения свидетельствуют о численном преобладании респондентов, ощущающих незащищенность, положительные — защищенность от угрозы бедности. Значения, близкие к нулю, указывают на примерно равное соотношение численности групп «защищенных» и «незащищенных».

личия между городами в распределении ответов респондентов (выделены полужирным шрифтом).

Возможно, специфика городов в оценках рисков бедности объясняется разницей оценок влияния финансово-экономического кризиса 2008–2011 гг. на благополучие жителей изучаемых городов. Неравнозначное влияние кризиса в анализируемых городах прослеживается как по занятому, так и по незанятому населению (включая учащихся, студентов и пенсионеров). Так, почти 20 % работающего населения в Лысьве отметили, что в ходе кризиса столкнулись с задержками заработной платы, 40 % — потеряли в заработках и доходе. Те же показатели, зарегистрированные в Кудымкаре, в два раза ниже: 11 % и 21 %, соответственно. Зато в столице Коми-Пермяцкого АО почти половина респондентов (45 %) указали, что в их жизни в связи с кризисом ничего не изменилось. В Лысьве подобный ответ дали только 28 % участников опроса.

Материальное положение является важнейшим, но не единственным маркером социального статуса индивида в обществе. Для построения модели социальной стратификации используются также оценки идентификации респондентами своего места в социальном пространстве.

Данные исследования указывают на то, что самоидентификация социального статуса участников опроса соответствует среднему уровню и ниже. При этом значительных отличий между городами не наблюдается. Прослеживается тенденция занижения своего социального положения в зависимости от увеличения масштабов сравнения. Например, в Кудымкаре доля респондентов, отнесших себя к слоям «выше среднего» и «высшему», снижается с 6 % до 3 %, к среднему — с 57 % до 25 %. В то же время растет численность группы, отнесшей себя к нижним социальным стратам: с 24% до 31% (слой «ниже среднего») и с 11 до 35 % («нижний слой»). Аналогичную картину можно наблюдать и в Лысьве (см. рис. 3, 4).

В целом при сопоставлении своего социального положения в месте жительства и в крае занижение социального статуса на 1–2 ступеньки характерно примерно для двух из пяти опрошенных жителей Лысьвы и Кудымкара. При сравнении в масштабах страны этот показатель возрастает до 55 %.

Занижение самоидентификации социального положения одинаково характерно для основных социально-демографических групп, выделенных

по возрастному признаку и основному виду деятельности.

Следуя методике «Социокультурного портрета региона России» мы провели многомерную классификацию массива данных по трем критериям: уровню образования, материальному положению и обладанию властными полномочиями. Использовалась процедура кластерного анализа методом К-

средних. Исходные данные были предварительно дихотомизированы. В результате были выделены пять групп, представляющих различные социальные слои, составляющие иерархическую структуру общества. Результаты классификации, полученные в Лысьве и Кудымкаре, имеют как общие черты, так и черты отличия.

Таблица 3. Оценка защищенности от угрозы бедности (индексы)

Категория жителей	Города		Тест хи-квадрат, $df = 5$	
	Лысьва	Кудымкар	Значение	Значимость
Бедные	-0,49	-0,60	13,470	0,009
Нуждающиеся	-0,50	-0,27	19,026	0,008
Малообеспеченные	-0,31	-0,42	6,055	0,195
Обеспеченные	-0,20	-0,09	9,002	0,061
Зажиточные	0,02	0,11	12,661	0,013
Богатые	0,31	0,00	1,146	0,766
Всего	0,33	-0,30	18,408	0,001

В **Лысьве** в центре первого кластера («высокостатусные») признаки обладания властными полномочиями (свыше 50 чел.), высоким образовательным уровнем (высшее образование), а также сравнительно благополучным материальным положением (категория «зажиточных»). Количественно этот кластер очень небольшой — всего 2 % жителей города.

Второй кластер (8 %) представлен респондентами с высшим образованием, однако они смогли использовать этот символический капитал при завоевании высоких позиций по другим измерениям социальной стратификации. Представители данного слоя не имеют на своей работе подчиненных, уровень их доходов позволяет идентифицировать их в качестве «малообеспеченных». Этот кластер можно условно обозначить «малообеспеченные эксперты».

В третьем кластере сосредоточились люди, обладающие значительными властными ресурсами (от 5 до 50 подчиненных), однако по уровню образования и доходов они не дотягивают до «высокостатусных». Основу слоя составляют респонденты, имеющие среднее специальное образование, относящиеся по материальному положению к категории «малообеспеченных». Назовем этот кластер «руководители среднего звена». Он объединяет 12 % опрошенных лысьвенцев.

Четвертый кластер — «реалисты» — сформировался путем объединения людей со сравнительно низким уровнем образования (среднее специальное) и доходами («малообеспеченные»), не обладающих к тому же властными полномочиями. Доля представителей этого класса в выборочной совокупности — около 37 %.

Наконец, в пятом кластере в центре люди, относящиеся к категории «нуждающиеся», с низким образовательным статусом (общее среднее и ниже), без властного ресурса. Учитывая положение представителей этой группы на всех трех шкалах социальной стратификации, их можно обозначить как «низкостатусные». Объем этого кластера составляет 48 %.

В **Кудымкаре** стратификационная модель, сформировавшаяся в результате процедуры кластерного анализа, выглядит несколько иначе. Здесь отсутствуют респонденты, которых по аналогии с Лысьвой можно было бы отнести к категории высокостатусных. Респонденты, обладающие властными полномочиями (менее 10 подчиненных), тем не менее, не обладают высоким образовательным статусом (большинство имеют среднее специальное образование) и значительными доходами (относятся к категории «обеспеченных»). По своим характеристикам этот кластер близок к «руководителям среднего

звена», выделенного в Лысьве. Объем данного кластера — 10 %.

Как и в Лысьве, в Кудымкаре выделяются слои «реалистов» и «низкостатусных», объем данных кластеров составляет 30 % и 39 % соответственно. Кластер, объединяющий «экспертов», отличается лишь более высоким уровнем благосостояния. По-видимому, в Кудымкаре люди с высшим образованием с большим успехом конвертируют свой символический капитал в доходы. Материальное положение этой группы в среднем характеризуется как «обеспеченные». Доля представителей этого социального слоя в выборке — также 10 %.

Еще одним отличием системы стратификации в Кудымкаре является наличие кластера, который объединяет сравнительно немногочисленную (около 12 %) группу людей, не располагающих властными полномочиями, но с достаточным образовательным потенциалом (среднее специальное). Однако их знания остаются не востребованы экономикой территории, поскольку по уровню доходов они находятся в весьма плачевном положении («нуждающиеся»). Возможно, наличие этого социального слоя является спецификой Кудымкара, с его депрессивной экономикой и постоянно сокращающимся рыночным спросом на квалифицированную рабочую силу.

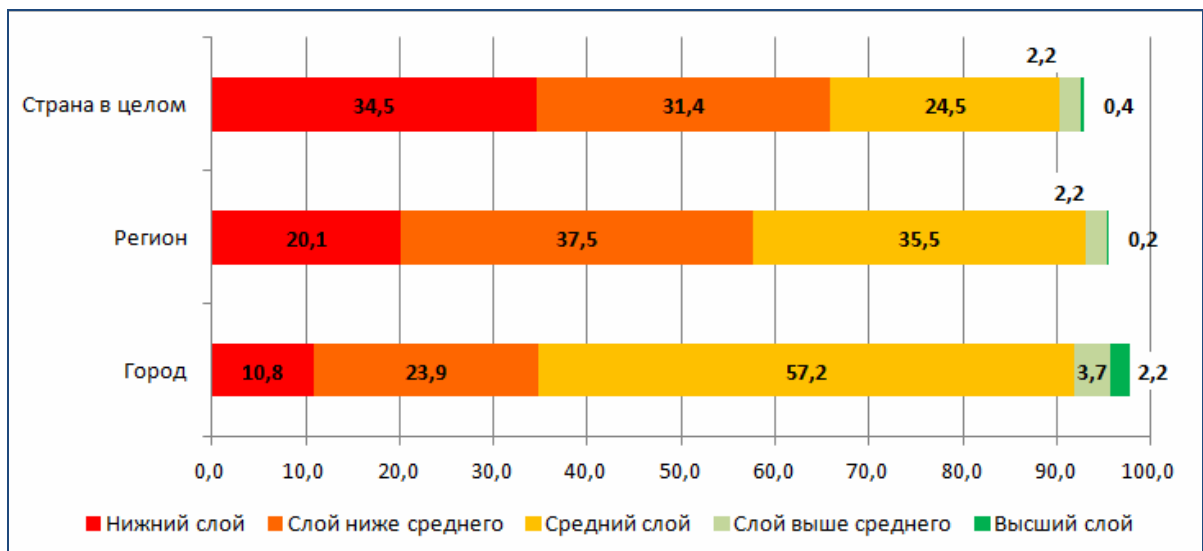

Рис. 3. Самооценки социального статуса жителями г. Кудымкар (доля от числа опрошенных в группе, %)

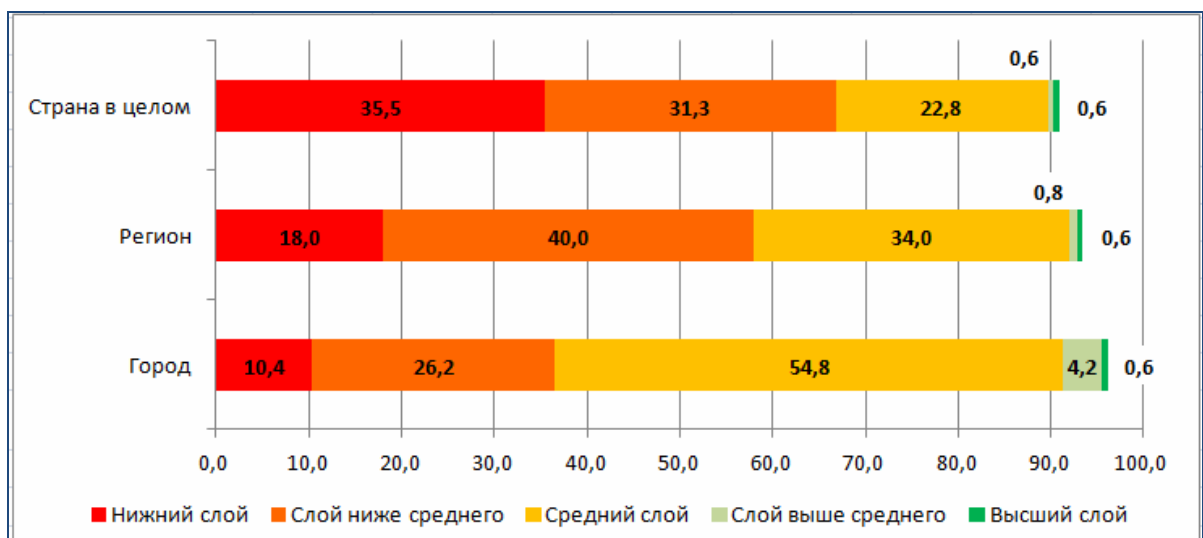

Рис. 4. Самооценки социального статуса жителями г. Лысьва (доля от числа опрошенных в группе, %)

Таким образом, мы увидели, что уровень жизни населения малых городов имеет значимую специфику, обусловленную различными факторами, в том числе социально-экономическим статусом муниципального образования. Социологический анализ выявленных различий представляется весьма интересным направлением исследований, поскольку вносит свой вклад в понимание особенностей трансформационных процессов на субрегиональном уровне.

Список литературы

1. *Латин Н.И.*, Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 135 с.
2. *Stiglitz J.E.*, Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // Documents de Travail de l'OFCE / Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE). 2009. Dec. №. 2009-33. Цит. по: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

STANDARD OF LIVING AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE CITIES OF THE PERM KRAY *Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov*

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The paper examines standards of living and social stratas of the mid-sized city of Lysva and small town Kudymkar. Variety of standards of living among minor towns depends on a range of factors including the town's formal identification with type of settlement based on acknowledged number of inhabitants and resulting in town's receiving subsidies and tranfers. Standard of living is assessed through average wages per month, subjective estimations of economic situation of households and of welfare protection. The effect of economic crisis is described. Social stratification is modeled using respondents' assessments of their own localizations within the social space. Stratification is based on three criteria (education, income, and position power) to identify 5 social classes. Sociological analysis of the revealed discrepancies makes an input into our understanding of particularities of processes of transformations at the subregional level.

Key words: mid-sized city; small town; social stratification; standard of living; wages level; social class; social structure.

УДК 316:61

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры моделирования социальных процессов
Южный федеральный университет
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
e-mail: gafiatulina@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению социального здоровья студенческой молодежи в контексте гендерного подхода. В настоящее время выводы о социальной обусловленности состояния здоровья, его гендерной дифференциации становятся общепризнанными. Однако в научной литературе пока еще мало публикаций, посвященных комплексному анализу гендерных аспектов социального здоровья студенческой молодежи, особенностей формирования гендерно обусловленных потребностей в социальном здоровье. В статье обобщены результаты авторских исследований «Социальное здоровье студенческой молодежи: гендерный анализ». Представлены аналитические материалы, посвященные общей характеристике социального здоровья молодежи и возможностям гендерного анализа политики в сфере здравоохранения. Статья позволяет получить достаточно полное представление о социальном здоровье российской студенческой молодежи с точки зрения теории и методологии гендерных исследований.

Ключевые слова: социальное здоровье; студенческая молодежь; гендерные дифференциации; гендерные стереотипы; показатели субъективного здоровья; Южный федеральный университет.

Введение

Изучение здоровья студенческой молодежи в социальных и гуманитарных науках базируется на различных методологических подходах, которые позволяют с разных точек зрения оценить многообразие взглядов на его природу. При этом в современных научных исследованиях наблюдается возрастающий интерес к исследованию гендерных отношений и гендерной обусловленности здоровья, все большая заинтересованность в применении гендерного подхода к интеллектуальному осмыслению категории здоровья.

Сохранение и укрепление здоровья молодежи является приоритетной задачей в достижении ключевых целей государственной политики в сфере здравоохранения, заложенных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Такая постановка задачи обусловлена тем, что на фоне социальной неопределенности, социально-экономической нестабильности, недостаточной безопасности среды обитания в нашей стране отмечается устойчивая

тенденция к ухудшению состояния здоровья молодежи.

Социологическое исследование социального здоровья российской студенческой молодежи имеет огромную практическую, медико-социальную и общественную значимость. Сегодняшней молодежи предстоит реализовать такие важнейшие социальные функции общества, как профессионально-трудовая, репродуктивная, интеллектуальная, социокультурная и нравственная. Российская студенческая молодежь, являясь специфической группой населения, весьма активно реагирует на любые процессы в современном обществе. А поскольку социальные трансформации, происходящие в российском социуме уже более 20 лет, значительно изменили социальное пространство и вместе с ним экономические, социально-стратификационные, культурно-национальные, идеологические и гендерные отношения, то закономерны на фоне данных трансформаций и изменения в картине социального здоровья молодежи.

В основании неравенства социального здоровья студенческой молодежи лежат преимущества

или, наоборот, лишения, связанные с распределением богатства, власти, престижа, т.е. с атрибутами социальной иерархии, разновидностью которой является гендерная иерархия.

В настоящее время четко обозначилась потребность в качественно новом освещении гендерных аспектов здоровья в связи с гендерно обусловленными потребностями в социальном здоровье российской студенческой молодежи. Объективные условия, влияющие на состояние социального здоровья современной студенческой молодежи, обуславливают необходимость создания механизма эффективного воздействия на гендерные процессы, связанные с оздоровлением нации и повышением ее духовного и физического потенциала.

Несмотря на острую практическую востребованность гендерных исследований в области социального здоровья студенческой молодежи современной России, число исследовательских работ этого направления незначительно. Поле исследовательской деятельности по данной проблематике является широким.

Таким образом, цель данной статьи — определение уровня социального здоровья в среде студенческой молодежи, выявление гендерных различий в механизмах формирования групп социального здоровья и в показателях социального здоровья молодежи.

Обсуждение результатов

Объектом исследования были студенты Южного федерального университета, разделенные на две группы по половому признаку. Возрастные особенности данных групп колеблются в интервале от 17 до 22 лет.

Основной метод идентификации гендерной обусловленности социального здоровья — метод социологического исследования. Реализация исследования предполагает применение опросных методов — формализованного интервью или анкетирования студентов с последующим анализом заполненных анкет.

Прежде чем перейти к обсуждению эмпирических результатов исследований, уделим внимание теоретическому осмыслению рассматриваемой социально-демографической группы — студенческой молодежи.

Следует отметить, что студенческий период характеризуется изменением социального статуса, вхождением молодых людей в новую социальную роль. В определении студенческой молодежи можно выделить характеристики, отличаю-

щие ее от других групп: во-первых, возрастные границы; во-вторых, специфика социального статуса; в-третьих, ролевые функции и особенности гендерного поведения; в-четвертых, гендерная самоидентификация и самоопределение студенческой молодежи как социальной группы.

Студенческий возраст — особый жизненный этап, опосредующий переход молодого человека во взрослую жизнь. Для него характерно расширение круга межличностного взаимодействия и его интенсификация. Наиболее значимым для студенческой молодежи является неформальное общение, отражающееся на состоянии ее социального здоровья, поскольку это общение оптимизирует состояние психоэмоциональной сферы, выступает в качестве поддержки в сложных жизненных обстоятельствах.

Обратимся к категории «социальное здоровье» молодежи, которое сравнительно недавно вошло в научный оборот. В широком смысле под ним подразумевается влияние общественных (социальных факторов) на физическое, психическое и нравственное здоровье человека. Разнообразные социальные факторы оказывают как позитивное, так и негативное влияние на состояние здоровья молодого человека в целом.

Здоровье при этом понимается «не с точки зрения узких медико-биологических позиций, а шире, берется во внимание социальный и психологический контекст. Это подводит к важному разграничению между объективной и субъективной составляющими здоровья» [11, с. 104]. Объективный подход к здоровью предполагает оценку здоровья внешним наблюдателем (экспертом) в рамках специализированных медико-социальных обследований. А субъективный подход отражает ощущения, внутренние установки и мнения самого индивида.

Содержание категории социального здоровья включает, по мнению В.Н. Ярской, понятия социального комфорта, социальной безопасности, устойчивости социального статуса. При этом «система статусных характеристик социальной группы или отдельно взятого индивида охватывает параметры экономического, этнического, профессионального, образовательного, семейного, интеллектуального культурного и психологического укоренения человека в социум» [15, с. 28]. Понятие статуса в таком понимании по смыслу созвучно понятию статуса социального здоровья.

Роль социального здоровья, на наш взгляд, заключается в его регулирующей функции. Становясь мотивом поведения, оно может выражаться в

различных формах активности или пассивности студенческой молодежи. При соприкосновении с социумом происходит воспроизведение системы субъективных ощущений, которые указывают на определенную степень психофизиологической и социальной комфортности.

В целом понятие социального здоровья рассматривается социологами как состояние индивида, группы, общества, которые соответствуют норме с точки зрения основных статусных параметров, а именно: физического, психологического, духовного, социокультурного, социально-экономического. Благодаря устойчивости отдельных статусных характеристик личности, в результате действия интегрирующей и социализирующей функций можно судить о социальной норме личности, ее социальном здоровье и социальном самочувствии.

Социальное самочувствие характеризуется ощущением комфортности или дискомфорта в данной социальной среде и в конкретное время. Социальное самочувствие российской молодежи — это реально функционирующее сознание и поведение данной социально-демографической группы, в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой «уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [1, с. 56]. Иными словами, социальное самочувствие является субъективной стороной социального здоровья, поскольку включает в себя внутренние личностные переживания, личный и групповой опыт адаптации к новым условиям российской молодежи.

Характеризуя социальное самочувствие молодежи, известные российские социологи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают, что «восприятие и оценка молодым человеком своей жизненной ситуации осуществляются им в рамках усвоенных социальных ценностей и норм в соотношении с жизненными идеалами, ожиданиями, планов на будущее и т.д. и этим предопределяют эмоциональный фон и волевой импульс, характеризующие самочувствие. В социальном плане индивидуальные самочувствия группируются в типичные социальные установки, обеспечивающие регуляцию социального поведения индивид и групп» [14, с. 422].

Как указывает Т.Ф. Маслова, позитивные результаты социального самочувствия анализируются в плоскости представлений о положительных эмоциях, детерминированных удовлетворенно-

стью различными аспектами жизни, в том числе уровнем доходов, учебной, семейной, общим состоянием социального здоровья [7].

Особенности социального здоровья студенческой молодежи определяются под влиянием гендерного фактора — гендерной специфики ценностных иерархий, влияния соответствующих социальных стереотипов и ролей. В ситуации нестабильности, неравенства доступа к различным социальным благам, когда ослабляются общие нормы, регулирующие поведение в сфере здоровья и призванные смягчать неравенство, действие этого фактора усиливается, гендерные различия выступают более четко.

Гендер — это важный фактор, определяющий здоровье, который вместе с социально-экономическими отношениями оказывает влияние на обеспечение здоровья на всех уровнях. К основным теориям гендера, которые приняты в современных социальных и гуманитарных науках, можно отнести теорию социального конструирования гендера, интерпретацию гендера как стратификационной категории и рассмотрение гендера в качестве культурного символа. Концепция социального конструирования гендера базируется на таких постулатах: 1) гендер строится посредством социализации; 2) гендер конструируется и самими людьми — на уровне их сознания (т.е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в образе жизни, способах поведения и пр.).

Гендерное измерение основано на идее о том, что значимость имеют не физические или биологические различия между мужским и женским началом, а то социокультурное значение, которое социум придает данным различиям.

Гендерные различия молодежи в отношении к здоровью и характеристике социального здоровья складываются под воздействием целого ряда социокультурных факторов, а именно: социально-экономических, экологических, культурно-исторических, психосоциальных, поведенческих. Кроме того, по нашему мнению, на характеристику социального здоровья студенческой молодежи безусловное влияние оказывает гендерная социализация, которую можно определить как процесс усвоения норм, правил поведения, стереотипов и социальных установок в соответствии с культурными представлениями о роли, предназначении и положении мужчины и женщины в обществе.

Согласно Н.М. Римашевской, гендер выступает как важный структурный фактор, обуславливающий

здоровье, который при взаимодействии с такими детерминантами, как возраст, образование, семейное и материальное положение, род занятий, влияет на здоровье человека. «Он отражает материально-экономическое и символическое положение женщин и мужчин в социальной иерархии, их опыт, определяющий их жизнь. Асимметрии в положении женщин и мужчин проявляются не только в различной подверженности рискам для здоровья (например, уязвимость в отношении наследственных болезней), но также фундаментально — в их способности и возможности управлять собственной жизнью, справляясь с рисками, и влиять на сохранение и укрепление своего здоровья» [4, с. 20].

Социальное здоровье молодежи с точки зрения своей природы имеет когнитивный, аксиологический, эмоционально-чувственный и поведенческий аспекты. Познавательный (когнитивный) аспект связан с рациональным познанием окружающей социальной реальности, аксиологический (ценностный, оценочный) — с механизмами оценки и самооценки, чувственный — с эмоциональными переживаниями и отношением к конкретной ситуации. Что касается поведенческого аспекта, то он затрагивает действия молодого человека, направленные на самосохранение или на саморазрушение [2].

Ценностный компонент социального здоровья проявляется в сопоставлении имеющихся у молодежи знаний и представлений об обществе и о самом себе с собственными потребностями и интересами, непосредственно сопряжен с оценкой и самооценкой. Основная проблема здесь — в степени соответствия своих социальных и ценностных ориентаций с ценностной системой общества.

Мы полагаем, что именно в самооценке проявляется субъективный характер социального здоровья молодого человека, так как характер и уровень самооценки полностью зависят от способности человека объективно оценивать собственные действия, поступки и мысли. Самооценка, таким образом, выступает основанием и главным механизмом формирования субъективной стороны социального здоровья — социального самочувствия.

Говоря о гендерном аспекте ценностного компонента социального здоровья, важно заметить, что ценностные ориентации, с одной стороны, являются продуктом социализации юношей и девушек, т.е. освоения социокультурных традиций, нравственных, общественно-политических, эстетических идеалов и непреложных нормативных требований, предъявляемых обществом. С другой

стороны, ценностные ориентации в области социального здоровья, будучи отражением определяющих интересов юношей и девушек, выражают их субъективную социальную позицию. Формирование установки на социальное здоровье в общей системе ценностей означает становление личности молодого человека как активного субъекта социальной действительности. Именно она является основанием ценностного сознания юношей и девушек и влияет на их поведение. «Ценностные ориентации действуют как на уровне сознания, так и на уровне подсознания, определяя направленность волевых усилий, внимания, интеллекта» [5, с. 176].

В рамках гендерного подхода к осмыслению социального здоровья студенческой молодежи важно сказать и о гендерной культуре здоровья. Безусловно, гендерная культура социального здоровья, понимаемая как производная от общей социальной культуры, имеет исторический характер, реагирует на любые изменения в реальной действительности и обнаруживает, каким образом социокультурная традиция здоровья отражается в специфической области сосуществования и взаимодействия полов. Детерминированная конкретным социальным строем и национальными брачно-семейными традициями и обычаями, гендерная культура здоровья проявляется практически во всех сферах жизни социума: в духовной, психосоциальной, экономической, общественно-политической.

Мы можем рассуждать о двух полярных и в то же самое время сосуществующих вместе типов культуры социального здоровья — патриархального и эгалитарного типов, характерных и для населения в целом, и для молодежи Юга России в частности. Патриархальный тип культуры социального здоровья, базируясь на представлениях о половой дихотомии, выводит взаимодополняемые социополовые статусы и роли из «естественного» предназначения мужчины и женщины, рассматривая их не только в двойственной оппозиции, но и в иерархии. Эгалитарный тип социального здоровья, основываясь на идее социального равенства полов как вполне нормальном принципе построения отношений людей в обществе, рассматривает женщин и мужчин как равноправных субъектов всех сфер общественной жизнедеятельности, что нивелирует, убирает проблему поляризации гендерных характеристик.

Как указывают украинские исследователи А.Г. Петрученя и М.И. Воронка, социально-педагогические аспекты гендерной культуры

представлены большим диапазоном концептуальных теорий, которые можно разбить на три подхода [9]:

1) полоролевой подход, который выводит гендерные различия юношей и девушек из социальных ролей. Сторонники данного подхода раскрывают понятие «гендерная культура» в плоскости, обозначенной «общественными ожиданиями», «принадлежностью к определенному полу», «подготовкой к супружеской жизни». К примеру, она рассматривается как особый способ оформления личностью молодого человека своей жизнедеятельности, обусловленный ее стремлением к максимальной реализации своих сил и способностей как представителя определенного социального пола, что проявляется через выбор адекватной стратегии гендерной идентичности, усвоение норм, ценностей и правил полоролевого поведения в сфере социального здоровья;

2) гендерный подход, признающий социально и культурно структурируемый характер гендерных дифференциаций в отношении к здоровью, отраженных в гендерных стереотипах и воплощенных в гендерной культуре здоровья. В соответствии с таким подходом гендерная культура здоровья рассматривается как способ жизнедеятельности, отражающий бытующие в социуме установки, связанные с выполнением социополовых ролей, приписываемых индивидам определенного пола для воспроизведения гендерного порядка на основе преемственности. При этом она осознается как социально-исторический процесс, в котором молодой человек является не только творцом, но и продуктом и результатом культуры здоровья;

3) поло-дифференцированный базируется на том, что причины гендерных дифференциаций выводятся из половой дихотомии, различной биологической и социальной роли мужчин и женщин, которые рассматриваются как два отличных друг от друга психофизиологических и психосоциальных полюса. Половые различия классифицируются по генетическому, физическому, психологическому, социальному, когнитивному критериям и уровням коммуникации в области здоровья. Из половой специфичности выводится гендерное воспитание, понимаемое как воспитание социально здоровой и целостной личности юноши и девушки, способной к адекватной саморефлексии собственных психофизиологических и социальных особенностей в соответствии с существующими духовно-нравственными и социальными нормами и благодаря этому способной к установлению социально здоровых, приемлемых от-

ношений с индивидами своего и противоположного пола во всех сферах жизни, и сфера социального здоровья не составляет исключения.

Надо сказать, что гендерная спецификация пола проявляется довольно рано, однако ее порой не замечают. В этом, на наш взгляд, коренится главная причина не вполне удовлетворительного состояния здоровья детей и молодежи в совокупности всех его сторон: и физической, и психической, и социальной.

На очевидность гендерной обусловленности личностных самооценок здоровья указывают современные исследователи В.А. Медик и А.М. Осипов. Согласно результатам проведенных ими в Новгородском государственном университете исследований девушкам намного реже, нежели юношам, присуща полная удовлетворенность собственным состоянием здоровья. Так, 33 % юношей и только 21,5 % девушек оценивают здоровье как «хорошее». Но в отношении информированности о наличии хронических заболеваний девушки проявляют сравнительно лучшую информированность (20,3 %) по сравнению с юношами (9,8 % соответственно) [8].

В целом российская студенческая молодежь дает низкую оценку состоянию своего социального здоровья, причем оценка его у девушек ниже соответствующей у юношей (И.В. Журавлева, Е.В. Дмитриева, Л.С. Шилова).

Аналогичные данные мы находим и в других социологических исследованиях. Так, С.А. Суслин отмечает, что «в группе молодежи самооценка здоровья ниже у женщин, чем у мужчин. Так, только 1,1 % респонденток имеет отличное состояние здоровья против 9,5 % у мужчин. В то же время плохое здоровье у себя отмечает 8% опрошенных женщин до 29 лет, по сравнению с 2,4 % у мужчин того же возраста» [12, с. 39]. Приведенное распределение свидетельствует, что гендерные различия оказывают влияние на динамику самооценки здоровья респондентов.

По нашему мнению, наиболее простой в измерении и сложной при интерпретации является показатель из группы показателей субъективного здоровья — самооценка социального здоровья в целом. С середины прошлого века данный показатель измеряется посредством очень простого и понятного всем респондентам вопроса: «Как Вы в целом оцениваете свое здоровье?».

В рамках нашего социологического опроса среди студенческой молодежи Южного федерального университета (ЮФУ) с целью измерить уровень ее социального здоровья мы задали такой

вопрос: «Как Вы оцениваете состояние Вашего социального здоровья?».

Распределение ответов на этот вопрос по гендерному делению таково: как «очень хорошее» оценили состояние своего социального здоровья 13,1 % юношей и 12,5 % девушек. Считают его «хорошим» 37,8 % юношей и только 25,9 % девушек. Оценивают уровень своего социального здоровья как «среднее, не хорошее и не плохое» 47,9 % юношей-студентов и 56,3 % девушек-студенток соответственно. Плохим свое социальное здоровье считают 1,3 % юношей и 5,4 % девушек.

Исходя из анализа полученных данных, субъективные оценки здоровья четко отражают гендерную обусловленность социального здоровья.

В частности, юноши более оптимистичны в субъективной оценке своего здоровья, чем девушки: 48,5 % юношей называют состояние своего здоровья хорошим, а среди девушек так оценивают свое здоровье только 32,4 %. Более того, 56 % девушек считают, что состояние их здоровья удовлетворительное (не хорошее и не плохое), юношей таковых 36,8 %. Из это видно, что пессимистичная оценка собственного здоровья преобладает среди девушек.

Формы досуга учащейся молодежи также стали предметом нашего исследования. Досуговые самооценки также являются гендерно обусловленными. Так, девушкам реже, чем юношам, свойственна полная удовлетворенность своим отдыхом: 42,7 % юношей полагают, что отдыхают хорошо, доля девушек, дающих положительную оценку, меньше — 30,5 %.

Отмечены значимые различия в образе жизни юношей и девушек: девушки по сравнению с юношами реже занимаются спортом, бывают на свежем воздухе. Нами выявлено, что 42,7 % юношей и только 19,2 % девушек занимаются физической культурой и спортом регулярно. 48,5 % юношей занимаются в учебном заведении физической культурой, среди девушек этот показатель выше — 65,6 %. Однако 25,2 % юношей указывают, что занимаются и на других спортивных площадках, среди девушек таких только 7,9 %. Вероятно, этот факт можно интерпретировать полоролевыми стереотипами по отношению к физическому воспитанию. Для мужского пола оно имеет более важное значение в жизни (как символ силы, мужественности), нежели для женского пола. Возможно, по этой же причине 39,8 % юношей полагают, что занимались физическими упражнениями хорошо, среди девушек удельный

вес удовлетворенных своими физическими занятиями более чем вдвое ниже (18,1 %) [3].

Корреляция прослеживается между готовностью реализовать принципы ЗОЖ и половой принадлежностью. Причем 34,9 % юношей и только 18,8 % девушек утверждают, что «конечно, готов». Кроме того, 33,9 % юношей и 44,9 % девушек готовы воплотить здоровый образ жизни в реальную жизнь только частично. В качестве побудительной силы, направляющей на укрепление и сохранение здоровья, 36,8 % юношей указывают собственное заболевание, это на 12 % меньше, чем у девушек (48,3 %). При ответе на вопрос «Кто может мотивировать Вас на изменение поведения в отношении укрепления и сохранения здоровья?» 73,2 % девушек называют семью, юноши подобный ответ дают реже — 58,2 %.

Этот факт, вероятно, связан с более ранней первичной социализацией девушек по сравнению с юношами, более тесными семейными узами и несколько повышенной ответственностью за здоровье в случае его временной утраты. Другими словами, установка на здоровый образ жизни является гендерно обусловленной.

При анализе ответа на вопрос анкеты «Подрабатываете ли Вы?» обнаружено, что 44,7 % юношей эпизодически подрабатывают, а доля имеющих постоянную работу составляет 5,6 %. Соответственно 38,8 % юношей указали, что вовсе не имеют подработок, а удельный вес девушек, не подрабатывающих, составляет 78,8 %. Свыше 27 % юношей занимаются преимущественно физическим, обслуживающим трудом не по своей специальности, среди девушек таковых лишь 4,5 %. Данная ситуация во многом объясняется тем, что современное российское общество по-прежнему воспроизводит традиционные гендерные стереотипы. Особенности сложившегося регионального рынка труда, а именно ограниченный выбор занятости для молодых женщин, позволяет нам объяснить тот факт, что подрабатывающих девушек-студенток меньше, чем подрабатывающих юношей-студентов.

Юноши чаще, чем девушки, считают, что работу и учебу сочетать удастся успешно (32,2 %), а доля девушек, разделяющих данную точку зрения, — 12,8 %. Кроме того, молодые люди готовы работать много во имя «хорошего заработка». Соответственно и тревожность за трудоустройство возрастает с 24,4 % в первые два года обучения до 44,4 % в последний год обучения.

Трудоустройство неизбежно влечет за собой для многих молодых людей изменение жизнен-

ных стереотипов, условий и интенсивности трудового и (или) образовательного процесса, режима и качества питания, иногда переезд на другое место жительства. Следствием всего вышеперечисленного будет необходимость в соответствующей адаптации к новым средовым факторам социально-гигиенического, психосоциального, экономического, климатического и иного характера. Все эти факторы не могут не отразиться на качестве социального здоровья студенческой молодежи.

Данная ситуация отражает состояние нашего общества на сегодняшний день, когда успех достигается за счет высокого уровня социально-экономической активности, что требует прежде всего хорошего здоровья. Если материальные возможности как гарант успеха ограничены, то инструментальная ценность здоровья как средства достижения других целей возрастает, что способствует большей эксплуатации здоровья [3].

В современном обществе первостепенное значение стало отводиться ответственности самого человека за собственное здоровье, т.е. поведенческому аспекту социального здоровья. Это объясняется тем, что в возникновении физического и социального неблагополучия наиболее важны устранимые субъективные факторы, элиминировав которые можно создать равновесие между социально-антропогенной средой и биологической структурой организма человека.

Одним из показателей, идентифицирующих поведение молодого человека, способствующее сохранению его социального и физического здоровья, является его медицинская активность. Впервые данная категория была описана Ю.П. Лисицыным в 1987 г. в рамках социально-гигиенической науки. Под медицинской активностью подразумевается активное отношение к здоровью, выполнение различных медико-социальных предписаний, социально-гигиенических норм и иных видов деятельности человека, групп населения, связанных со здоровьем. Согласно Ю.П. Лисицыну, социальное здоровье отражает определенное состояние общества, при котором каждому гражданину предоставлена возможность следовать здоровому образу жизни [6].

Главным условием медицинской активности является осознание молодым человеком непреходящей ценности здоровья, необходимости личного участия в его сохранении и укреплении еще до ухудшения самочувствия как физического, так и социального.

По нашим данным, большая часть студенческой молодежи (59,2 %) обращается к врачу 1–2 раза в год; 24,7 % — 1 раз в несколько лет; 11,6 % — 2–5 раз в год; 3,8 % — более 6 раз в год.

В сравнении с девушками, юноши гораздо реже обращаются к врачу. Частота обращений также достоверно снижается с возрастом: доля респондентов, обращающихся 1 раз в год, возрастает, доля же обратившихся 3–5 раз в год, напротив, уменьшается. Мы предполагаем, что за время обучения у студентов накапливается определенный уровень медико-социальных знаний, позволяющий зачастую определить тактику в отношении собственного самочувствия.

В качестве первой и основной причины невыполнения рекомендаций врача респонденты ЮФУ называют недостаток времени (43,8 %), мотивируя это тем, что в случае лечения необходимо пропускать занятия и затем их отрабатывать. Среди девушек этот мотив является доминантным. В качестве второй причины (27,9 %) указывается, что врачи делают много назначений и их лень выполнять. Отдельные респонденты считают, что «со временем само пройдет». Почти каждый пятый (19,5 %) не выполняет рекомендаций по причине недостатка средств. Причем девушки чаще, чем юноши, указывают на данную причину.

Кроме того, девушки-студентки чаще, чем юноши-студенты, указывают на плохое качество медицинского обслуживания, оказываемого в вузе, что также является фактором невнимательного отношения к своему социальному самочувствию и здоровью в целом.

Неудовлетворенность студенток медицинским обслуживанием имеет различные причины. Согласно эмпирическим исследованиям социологов, имеются четыре основные причины, вызывающие недовольство студентов медицинским обслуживанием:

- 1) недостаток медицинской аппаратуры и лекарственных средств;
- 2) отсутствие ряда узких специалистов-медиков и вспомогательного персонала;
- 3) большие очереди на прием к врачу;
- 4) грубое, нетактичное поведение некоторых врачей и среднего медицинского персонала [13].

Гендерные исследования различий «мужского» и «женского» когнитивных аспектов социального здоровья весьма разнородны и, как правило, также опираются на гендерные стереотипы, которые представляют собой упрощенный образ поведения мужчин и/или женщин. Данные стереотипы весьма устойчивы и проявляются во всех

сферах жизни человека: самосознании, в межличностном общении, межгрупповой интеракции и в социальном здоровье в том числе [10].

Согласно нашим опросам, женское социальное здоровье считается более ситуативным и изменчивым, что обусловлено изначальной зависимостью самочувствия девушек от эмоциональных контактов и межличностных взаимоотношений. Оценка психоэмоциональной сферы студентов показала наличие у них повышенного уровня тревожности. Более половины студентов обоих полов имеют как завышенную, так и заниженную самооценки.

Кроме того, интересным является бытующее в молодежном сообществе мнение, что забота о социальном здоровье — преимущественно женская проблема. Согласно гендерным стереотипам большинство юношей не проявляют большого интереса к социальному здоровью, более того, они не имеют четких представлений о нем, отдавая при этом предпочтение физическому здоровью, как символу мужественности. Ассоциаций, полученных в связи с понятием «социальное здоровье», больше у представительниц женского пола. Ответы на вопрос «Что такое социальное здоровье? Что вы под этим понятием понимаете?» у девушек более эмоциональны, объемны и зачастую связаны с конкретной ситуацией, в целом имеют четко выраженную ориентацию на ценности личного благополучия (любовь, семья, красота, хорошее самочувствие, удовольствие). Это отражает гендерные психологические особенности девушек. В представлении же юношей социальному здоровью приписываются так называемые активно-творческие характеристики (активность, уверенность в своих силах и в себе, возможность расти и развиваться социально).

Таким образом, результаты наших исследований свидетельствуют о достаточно высоком психоэмоциональном напряжении и социальном пессимизме со стороны женского пола, что в свою очередь не может не отразиться на качественных и количественных характеристиках воспроизводства населения.

В последние годы лишь каждая 7-я девушка (14,3 %) относится к своему будущему с оптимизмом, 43,7 % девушек отмечают обеспокоенность перспективами своей жизни. Причем в сравнении с юношами высокий процент обеспокоенных своим профессиональным будущим девушек отмечается во всех возрастных группах. Так, мы обнаружили, что существуют два стереотипа, касающиеся гендерных предпочтений рабо-

тодателя. Первый стереотип, распространенный в студенческой среде, говорит о том, что женская рабочая сила менее выгодна и более затратна. Во многом соответствующий стереотип основан на представлении о действующих сегодня правовых льготах и гарантиях работающим женщинам. Второй стереотип детерминирован существованием представлений работодателя о специфически «мужских» и специфически «женских» профессиях. При этом 47,2 % респондентов ЮФУ искренне убеждены в том, что подобная дифференциация предопределена самой природой. Девушки полагают, что традиционно за ними закрепляются вопросы, связанные с образованием, культурой и здравоохранением. Их доля по разным оценкам в данных отраслях колеблется от 67 % до 80 %. Как свидетельствует наше исследование, именно девушки-студентки не имеют особых иллюзий и не питают надежд в отношении своего будущего. Таковых в Южном федеральном университете 37,3 %, у юношей этот показатель несколько выше — 43,7 %, что в свою очередь влияет на фон социального самочувствия и отражается на социальной стороне здоровья.

При этом удельный вес девушек, практически удовлетворенных своей настоящей жизнью и оценивающих свое социальное здоровье как благополучное, совсем невелик (3,7 %), а каждая третья испытывает субъективное ощущение неудовлетворенности и социального неблагополучия. Здесь важно отметить, что согласно материалам проведенного нами анкетирования среди студенческой молодежи ЮФУ такая неудовлетворенность своей настоящей жизнью, ощущение социального неблагополучия связаны, в первую очередь, с материальными и психосоциальными проблемами, с учебой в вузе, взаимоотношениями в семье, ощущением одиночества. Среди молодежи, неудовлетворенной своей жизнью и состоянием здоровья, можно отметить преобладание отрицательных характеристик социального здоровья среди девушек-первокурсниц, по сравнению со студентками старших курсов.

Одним из факторов риска негативного воздействия на здоровье студенческой молодежи Южного федерального университета являются неблагоприятные условия обучения, обусловленные увеличением аудиторной учебной нагрузки. Увеличение обусловлено рядом причин организационного характера: длительными переездами с факультета на факультет, «окнами» между занятиями, неравномерным распределением учебной нагрузки по дням недели, кроме того, максимальная

часть нагрузки включает самостоятельную работу во внеаудиторное время. Согласно опросам загруженность студентов самостоятельной работой доходит до 6–7 часов. Как показали опросы, около 44,7 % студентов считают учебную нагрузку весьма высокой. В конце учебного дня у 56,9 % респондентов отмечается ухудшение социального самочувствия. Одновременно по окончании учебной недели у 69 % студентов выявлены стойкие изменения в социальном поведении: 32,6 % юношей стали агрессивными, 24,3 % девушек — более ранимыми и чувствительными, 16,9 % — более спокойными, а 17,1 % — безразличными ко всему.

Кроме того, труд студенческой молодежи сопровождается стрессовыми ситуациями во время сдачи зачетов и экзаменов, что может оказывать отрицательное влияние на психосоциальное и соматическое здоровье молодежи.

Издержки в организации учебной деятельности студентов в условиях глобального роста профессиональной информации, подлежащей усвоению, существенно сказываются и на образе жизни студенческой молодежи.

Мы полагаем, что нынешние социально-экономические условия, к сожалению, отнюдь не способствуют обеспечению благоприятных условий для здорового образа жизни, что затрудняет реализацию программы управления здоровьем молодежи через образ жизни путем внедрения новых технологий обучения.

По результатам нашего исследования показатели заболеваемости имеют гендерные различия: заболеваемость студенток несколько выше, чем студентов, что согласуется с данными и других авторов.

Особенно очевидны гендерные различия в механизмах формирования групп социального здоровья при анализе осознаваемого социального благополучия.

В результате нашего социологического исследования мы выделили 4 группы респондентов, различающихся социальным здоровьем и обнаруживающих живучесть гендерных стереотипов.

Первая группа — студенты-«позитивисты». Важно отметить, что среди этой группы студентов ЮФУ значительно преобладают юноши-старшекурсники, уже где-то трудоустроившиеся и совмещающие обучение в вузе и работу.

Стоит отметить, что студенты данной группы в целом показали хорошую степень адаптированности к обучению в университете (необходимость поиска информации, самостоятельность и др.),

для них не представляет сложности разумно распределять свое время (сочетать учебное, рабочее и свободное время). Большая часть девушек-студенток, отнесенных нами к первой группе, считают, что нагрузка в вузе незначительно отличается от нагрузки в школе. Кроме того, студентов этой группы в меньшей степени беспокоят материально-жилищные проблемы, поскольку в основной своей массе они являются местными.

Представители этой группы дают оптимистичные оценки социального здоровья и его перспектив, надеются в большей степени на себя. От окружения ожидают «создания условий» и «невмешательства» в практику личного социального оздоровления. Их ценностные ориентации обычно строятся на достижении финансового благополучия и закреплении определенного социального статуса. Это выражается, например, в таких словах: «молодежи необходимы гарантии в безопасности, а со всем остальным она сможет справиться самостоятельно», «надо создавать условия для зарабатывания денег молодежью — и социальное здоровье станет улучшаться автоматически», «если человек “будет крутиться”, то он всегда будет хорошо себя чувствовать», «надо ставить реальные цели и добиваться их».

Такие высказывания дают нам все основания утверждать, что молодые люди в настоящее время практически склонны полагаться не на везение, удачу или благосклонность судьбы в достижении высокого уровня здоровья, а больше — на самих себя и свои собственные силы. Хотя эти высказывания, по нашему мнению, свидетельствуют о потребительском отношении к здоровью, его инструментальной, а не фундаментальной ценности.

Вторая группа — «пессимисты». Представители этой группы пессимистично оценивают свое социальное здоровье и положение в обществе в целом, считая, что вряд ли что-либо изменится благодаря их собственным усилиям. Они надеются «на приемлемые физкультурно-оздоровительные мероприятия», на «изменение молодежной политики в сфере здравоохранения». Иными словами, студенческая молодежь данной группы ориентирована на воздействие извне, у нее преобладает пассивное начало, что демонстрирует стереотип фемининности. «Фемининность рассматривается как “пассивно-репродуктивное начало”, проявляющееся в экспрессивных личностных характеристиках, таких как зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка, эмоциональность» [10, с. 143].

Поэтому среди представителей данной группы значительное место принадлежит девушкам, причем выявлена характерная особенность возрастного критерия, иными словами, количество девушек-старшекурсниц преобладает над количеством девушек младших курсов.

Кроме того, представители этой группы гораздо менее адаптированы к особенностям обучения в ЮФУ. Высока доля девушек-студенток, полагающих, что нагрузка при обучении в данном вузе выше, чем в других учебных заведениях. Значительные трудности они испытывают в распределении и сочетании учебного и свободного времени. В этой группе много приезжих студентов, живущих в общежитиях ЮФУ или снимающих комнаты (квартиры), и вполне понятно и закономерно, что представителей группы «пессимистов» чаще беспокоят жилищные и материальные проблемы. В социальном взаимодействии с однокурсниками и преподавателями испытывают затруднения в общении около 32,5 % респондентов, что, согласно нашим представлениям, также свидетельствует о невысоком уровне социального здоровья.

Третья группа — «равнодушные». Представители этой группы отличаются индифферентными взглядами на социальное самочувствие, они мало интересуются состоянием своего здоровья. Для них главным является наличие источника средств к существованию, а при каком социальном здоровье — это для них не столь важно. Интересно, что у представителей обозначенной группы обнаружены минимальные социальные запросы, личные амбиции и устремления также сведены до минимума. Это прослеживается, к примеру, в таких выражениях: «зачем что-либо улучшать, если и без этого я чувствую себя хорошо», «если природой дано хорошее или плохое здоровье, то уже ничего не изменишь», «можно жить с любым уровнем здоровья, главное — чтобы было чем питаться и что одевать».

Что касается уровня адаптированности в академической среде ЮФУ, то у представителей этой группы выявлен средний уровень адаптации к процессу обучения. Студентов этой группы особенно не беспокоят материальные и жилищные проблемы, поскольку они не мешают учебе, не влияют на их настроения и самочувствие в целом.

В этой группе гендерные различия мало представлены, поскольку выявлено примерно одинаковое количество респондентов обоих полов.

Четвертая группа — «маргиналы». Представителей данной группы характеризует то, что они не выработали четкой оценки собственного социального здоровья и ценностных ориентаций в этой области, у них обнаруживаются противоположные установки в восприятии социального здоровья и социального самочувствия. На этот факт указывают, например, фразы: «сильная молодежная политика и власть» и «свобода выбора образа жизни», «право на личное самоопределение» и «отстаивание интересов здоровья». С одной стороны, этих молодых людей не очень устраивает состояние их социального здоровья, но, с другой стороны, они не могут четко и обоснованно указать, что бы они хотели для оптимизации своего самочувствия. Их ценностные ориентации направлены на ожидание внезапной «удачи», когда все проблемы решатся сами собой и всем будет хорошо. Можно сказать, что своеобразный юношеский инфантилизм определяет их убеждения и поведение. Например, примечательно высказывание: «хорошо было бы, если бы мои права защищались, мое социальное здоровье укрепляли, я бы мог многое получить, и на мне бы это никак не отразилось».

Основной состав этой группы — студенческая молодежь ЮФУ первых и вторых курсов в возрасте от 17 до 20 лет, причем удельный вес юношей несколько выше, чем девушек.

У представителей четвертой группы мы обнаружили низкий уровень адаптации, они не могут приспособиться к требованиям преподавателей ЮФУ, трудность для них составляет освоение правил обучения на факультете. Студенты данной группы не всегда знают, к кому обратиться за помощью по тому или иному вопросу, и не могут рационально сочетать учебное и свободное время.

Таким образом, оснований для неблагоприятного социального самочувствия, на наш взгляд, у современной молодежи более чем достаточно: это прежде всего материальное благополучие, получение достойного образования и, как следствие, устройство на подходящую работу, оказание квалифицированной социальной, юридической и медицинской помощи.

Выводы исследования

Проведенное социологическое исследование подтвердило важность дальнейшего изучения социального здоровья студенческой молодежи с позиций гендерного подхода.

На основании проведенного в 2012 г. социологического исследования на базе Южного

федерального университета и анализа полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Обучение в вузе способствует изменению субъективного самочувствия и социального здоровья в среде студенческой молодежи. Наиболее высокое психоэмоциональное напряжение и социальный пессимизм отмечаются у девушек-студенток.

2. Более половины обследуемой студенческой молодежи (юношей и девушек) имеют в целом удовлетворительное социальное здоровье. Но по мере обучения от 1 к 4 курсу наблюдается снижение количества юношей с хорошим социальным самочувствием и высокой активностью.

3. Согласно результатам проведенного нами эмпирического исследования показатели заболеваемости имеют гендерные дифференциации: заболеваемость девушек-студенток несколько выше, чем юношей-студентов.

4. У большей части студенческой молодежи преобладающие позиции занимают пессимистическое социальное самочувствие в различных вариациях, что в целом свидетельствует о тенденции к негативному состоянию социального здоровья. Причем девушки по сравнению с юношами более пессимистичны в своих оценках, а юноши более оптимистичны в субъективной оценке своего здоровья.

5. Значительная часть юношей-студентов имеют средний уровень тревоги с тенденцией к низкому. В процессе учебной деятельности отмечается увеличение количества лиц с высоким уровнем тревоги. Около половины опрошенных девушек-студенток в начале и конце обучения в вузе имеют средний уровень тревоги с тенденцией к высокому.

6. По итогам социологического опроса нами выделены 4 группы респондентов, имеющих различия между собой по уровню социального здоровья и обнаруживающих живучесть гендерных стереотипов. В частности, мы обозначили данные группы как «позитивисты», «пессимисты», «равнодушные» и «маргиналы».

7. Социальное здоровье студенческой молодежи во многом определяется состоянием ее эмоциональной сферы и гендерно-личностными установками.

Данные проведенных исследований в ЮФУ, конечно, являются несколько обобщенными, но, с нашей точки зрения, они могут наметить общие перспективы формирования и оптимизации социального здоровья не только студенческой моло-

дежи, как особой социально-демографической группы, но и населения России в целом.

В заключение хотим отметить, что эмпирические исследования социального здоровья молодежи в рамках гендерного подхода имеют большое прикладное значение и существенно дополняют имеющиеся знания по многим аспектам социальной жизни.

На данном этапе наиболее остро встают вопросы защиты интересов российской студенческой молодежи как в формировании, сохранении ее социального здоровья, так и в обеспечении качества жизни. При этом пристальное внимание должно быть уделено девушкам, поскольку им принадлежит ведущая роль в формировании здоровья будущих поколений населения России.

Список литературы

1. Бурко В.А. Интерпретация показателя «социальное самочувствие» // Общество и социология: новые реалии и новые идеи: тез. Первого Всерос. социол. конгресса. СПб., 2000. С. 54–59.
2. Гафиатулина Н.Х. Генезис и факторы социального здоровья российской молодежи // Компетентностный подход в развитии навыков здорового образа жизни у детей, подростков и молодежи: материалы науч.-практ. конф. с международным участием, 1–2 декабря 2010 г. М.: МГПУ, 2010. С. 25–32.
3. Гафиатулина Н.Х. Здоровье как ценность в среде учащейся молодежи: монография / РАС ЮРГУЭС. Ростов н/Д, 2009. 166 с.
4. *Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении* / под общ. ред. Н.М. Римашевской. М.: Агентство «Социальный проект», 2007. 240 с.
5. Кравченко Л.А., Исаева Л. А. Гендерная специфика ценностных ориентаций и мотивационных установок в сфере занятости (региональный аспект) // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. С. 174–184.
6. Лисицын Ю.П. Социальная гигиена (медицина) и организация здравоохранения. М.: НПО «Медикосервис», 1999. 698 с.
7. Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции // Социальное самочувствие населения в современной России: тез. Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2010. С. 131–134.
8. Медик В.А., Осипов А.М. «Университетское студенчество». Образ жизни и здоровье. М.: Логос, 2005. 200 с.
9. Петрученя А.Г., Воронка М.И. Формирование гендерной культуры личности как задача непрерывного образования в условиях демократизации общества в Украине // Известия на съезда на

- учените – Сливен: нац. конференция с международным участием «Образовательни технологии 2013». София: ИПФ – Сливен. 2013. Т. 24. С. 93–97.
10. *Практикум по гендерной психологии* / под ред. И.К. Клециной. СПб.: Питер, 2003. 479 с.
11. *Рамонов А.В.* Анализ статуса здоровья населения России с использованием интегральных показателей // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 104–115.
12. *Суслин С.А.* Здоровье сельского населения: некоторые социологические перспективы // Бюллетень Российской академии медицинских наук. 2004. № 5. С. 34–42.
13. *Шереги Ф.Э.* Социология образования: прикладные исследования. М., 2007. 427 с.
14. *Энциклопедический словарь. Социология молодежи* / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008. 610 с.
15. *Ярская В.Н.* Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности // Российский журнал социальной работы. 1995. № 2. С. 27–33.
-

SOCIAL HEALTH OF STUDENT'S YOUTH IN GENDER DIMENSION
(ON THE MATERIALS OF THE SOUTH FEDERAL UNIVERSITY)
Natalia K. Gafiatulina

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

This article is devoted to social health of student's youth in the context of gender's approach. At present time the conclusions of social state of health and about its gender differentiation become universally recognized. But in the scientific bibliography there are not enough publications dealing with general analysis of gender aspects of social health, peculiarities of the formation of gender-related needs in the social health.

The article sums up results of the authors research «Social health of student's youth: analyze of gender». The publication presents analytical materials relating to general characteristic of the social health of youth and possibilities for gender analysis of the politics in health sector. The article gives quite a full view of the social health of Russian student's youth from theory and methodology gender perspective.

Key words: social health; student's youth; gender differentiation; gender stereotypes; indicators of subjective health; South Federal University.

УДК 316.6

МНОГОФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гордеева Светлана Сергеевна

ассистент кафедры социологии и политологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

В статье проведен анализ подходов отечественных и зарубежных авторов к рассмотрению многофакторной обусловленности здоровья. Отмечено, что все подходы признают действие факторов, детерминирующих здоровье наряду с влиянием внешней среды. Систематизированы факторы, влияющие на здоровье современной молодежи. Представлен механизм воздействия на здоровье молодежи факторов экзогенной и эндогенной природы, описаны факторы риска и антириска. Приведен пример воздействия на организм молодых людей вредного употребления алкоголя как одного из основных факторов риска, ведущих к ухудшению здоровья молодого поколения. Выделено понятие «сочетанность действия» при описании механизма воздействия на здоровье человека. Обоснована необходимость комплексного подхода к изучению механизма воздействия факторов различной природы на здоровье молодежи.

Ключевые слова: факторы здоровья; экзогенные факторы; эндогенные факторы; фактор риска; фактор устойчивости.

Здоровье молодежи, являясь целостным динамическим состоянием, развивается в процессе реализации генетического потенциала в условиях окружающей среды. Исходя из парадигмы биосоциальной природы человека, здоровье определяется взаимодействием биологических и социальных факторов, т.е. воздействия внешней среды опосредуются особенностями систем и функций организма. При этом важным свойством целостного организма является его способность поддерживать стабильность внутренней среды независимо от меняющихся внешних условий. Здоровье молодежи находится под влиянием большого числа факторов различной природы, неодинаковых по интенсивности и механизмам воздействия. Проблематика обусловленности здоровья, традиционная как для медицинской науки, так и для социологической, психологической, педагогической и других наук, нашла отражение в моделях обусловленности здоровья.

Основная идея концепции Б. Линка и Дж. Фелан состоит в рассмотрении социальных условий как фундаментальных причин болезни. По их мнению, важно концентрироваться на том, при каких социальных условиях факторы риска ведут к болезни и есть ли какие-либо социальные условия, при которых индивидуальные факторы риска никак не влияют на болезнь, т.е. на причинах того

или иного поведения человека, имеющих макросоциальный характер, или на «риске рисков» [23].

Рассматривая проблему социального неравенства и здоровья, Г. Штайнкамп предлагает многоуровневую модель объяснения неравенства в болезнях и продолжительности жизни, где выделяет три уровня: макроуровень (место в системе социального неравенства), мезоуровень (материальные и социальные условия производства (труда) и воспроизводства (партнеры, семья, досуг) и микроуровень (личность, организм) [20].

Другой моделью, которая определяет взаимосвязь и взаимообусловленность факторов, влияющих на здоровье человека, является модель Г. Дальгрена и М. Уайтхеда. Согласно данной модели на здоровье человека оказывают влияние не модифицированные (пол, возраст, генетические особенности) и модифицированные факторы (образ жизни, физическая и социальная среда, социально-экономические и культурные условия окружающей среды) [24]. Модель позволяет судить и о степени влияния того или иного фактора на здоровье индивида. Так, согласно данным западных ученых [24], уровень смертности жителей США зависит на 30 % от генетической предрасположенности, на 15 % от социальных обстоятельств, на 5 % от воздействий окружающей среды, на 40 % от поведенческих факторов и на 10 %

от нехватки медицинской помощи. Однако модель Г. Дальгрена и М. Уайтхеда применима лишь к США или к другой западной стране со схожими социально-экономическими и экологическими характеристиками, составом и структурой населения.

Основоположник отечественной модели обусловленности здоровья Ю.П. Лисицын утверждает, что здоровье и болезнь опосредованы условиями и социальными факторами [8]. Другие российские исследователи — Б. Прохоров, И. Горшкова, Д. Шмаков и Е. Тарасова, говоря о ведущей роли социально-экономических факторов в определении состояния здоровья населения, включают в их число жилищно-бытовые условия; степень урбанизации территории; качество рекреационных ресурсов; вредные привычки; величину доходов населения; развитие социальной помощи нуждающимся группам населения; наличие или отсутствие достойной работы; доступность и качество образования; напряженность информационного поля в среде обитания; проблемы семьи и нравственности; миграционную подвижность; специфику образа жизни в регионах с различными природными, социальными, этническими, религиозными особенностями.

И. Назарова классифицирует социальные факторы на демографические (пол, возраст, национальность, место проживания), экономические (образование, доход, занятость), социальные и поведенческие (употребление алкоголя, курение, занятие физкультурой, контролирование веса, конфессиональная принадлежность). Исследователь также отмечает зависимость здоровья от культурных факторов: традиций, воспитания и, как следствие, поведения и стиля жизни.

Анализ подходов к рассмотрению многофакторной обусловленности здоровья дает основание утверждать, что все подходы признают действие факторов, сохраняющих, укрепляющих или ведущих к потере, утрате здоровья человека, наряду с регулятивным воздействием внешней среды.

По нашему мнению, многофакторная обусловленность здоровья молодежи включает в себя факторы различной природы, которые можно объединить в несколько групп: экзогенные и эндогенные факторы, факторы устойчивости и факторы риска.

Экзогенные факторы, или факторы среды обитания, обусловлены действием внешней среды, причин, находящихся вне самого человека. Факторы среды обитания включает в себя различные факторы, которые по природе их воздействия на

организм разделяют на физические (температура окружающей среды, сила тяжести (гравитация), влажность воздуха, электромагнитные и геомагнитные излучения), химические (вода, кислород, питательные вещества и другие вещества), биологические (вирусные, бактериальные, паразитарные и иные) и социальные (питание, водоснабжение, условия быта, труда и отдыха) [4].

К экзогенным факторам, детерминирующим здоровье молодежи, следует отнести факторы, связанные с антропогенным загрязнением окружающей среды, часто их называют экологическими. Исследователи расходятся в оценке значимости данных факторов на здоровье человека. Ряд ученых отмечают незначительное влияние экологических факторов на уровень общей заболеваемости и смертности населения [9]. Другие [13] утверждают, что загрязнение окружающей среды (загрязнение воды, воздуха, почв) оказывает непосредственное влияние на состояние здоровья и продолжительность жизни населения. Так, доказана связь между ростом числа раковых заболеваний взрослого населения с потреблением некачественной питьевой воды [7]. Пагубно сказывается загрязнение окружающей среды на состоянии здоровья детей и подростков. Химические выбросы промышленности и транспорта вносят существенный вклад в формирование заболеваемости бронхиальной астмой у детей и подростков. Исследователями выявлена закономерность экологического воздействия на показатели заболеваемости в крупных городах и регионах с высокоразвитой индустрией [17]. Выбросы промышленных предприятий и автомобильного транспорта являются основными источниками вредного воздействия на состояние окружающей среды. Наибольший «вклад» в загрязнение среды обитания вносят предприятия нефтеперерабатывающей промышленности (11 %), цветных металлов (9 %), энергетики (9 %) [4].

Важно отметить, что влияние среды — это не только воздействие физической и социальной среды обитания на организм человека, но и воздействие на сознание индивида, формирующее модели его поведения в той области, которая непосредственно отвечает за сохранение здоровья. По мнению А.А. Бариевой [2], среди экзогенных факторов важное место занимают ценности и нормы поведения индивида, образ его жизни, мотивация на укрепление и сохранение здоровья. Как отмечает А.Б. Падиарова [14], система факторов, формирующих здоровье молодежи, вклю-

чает состояние здравоохранения, экологию среды и образ жизни молодых людей.

При этом образ жизни напрямую зависит от степени социального неравенства, которое по мере углубления влияет на все стороны жизнедеятельности молодежи: имущественное положение, доступность медицинских и образовательных услуг, качество питания, характер досуга и отдыха, возможности профессиональной карьеры. А.Б. Падиарова подчеркивает, что социальное неравенство в современном российском обществе имеет разные формы: экономическое, образовательное, социально-демографическое, информационное. Все виды социального неравенства взаимосвязаны и оказывают решающее влияние на объективные условия формирования здоровья молодежи. К наиболее значимым причинам, влияющим на рост числа заболеваний среди молодежи и снижение сопротивляемости молодого организма, исследователь относит уровень и качество жизни, образование родителей, тип региона и населенного пункта, состав семьи [14].

Эндогенные, или внутренние, факторы, детерминирующие здоровье молодежи, — это врожденные наследственные, генетические, порождены внутренним развитием человеческого организма. Известно, что эти факторы играют большую роль в возникновении психических нарушений здоровья, нежели соматических [18]. Кроме того, считается, что роль эндогенных факторов обусловлена преимущественно старением организма, поэтому на протяжении жизни человека их влияние неравномерно и концентрируется в старших возрастах.

Вместе с тем к эндогенно детерминированным относят также часть заболеваний и смертей, вызванных врожденными пороками, наследственными заболеваниями и т.д., которые наступают в ранних, преимущественно детских, возрастах. В целом же наследственная предрасположенность характерна практически для всех заболеваний, но степень ее значительно варьирует.

Организм молодых людей отличается повышенной чувствительностью к действию экзогенных и эндогенных факторов [3]. Фактор биологического созревания влияет на формирование личности молодого человека, воздействует на проявление определенных форм поведения, но не является решающим. Биологические предпосылки индивида имеют определенную форму выражения благодаря той или иной социальной структуре.

В зависимости от направленности воздействия все факторы, детерминирующие здоровье челове-

ка, целесообразно разделить на факторы устойчивости, или факторы антириска (укрепляющие здоровье), и факторы риска (ухудшающие здоровье). Факторы устойчивости повышают сопротивляемость человека факторам риска. По мнению исследователей [15], социальные факторы (факторы риска/антириска), формирующие здоровье, представляют собой относительно близкие причины изменения состояния здоровья человека. При этом контекстуализация социальных факторов риска и устойчивости позволяет выявить условия, детерминирующие их существование, а исчезновение социальных факторов риска, непосредственно связанных с состоянием здоровья человека, позволяют выработать эффективные инструменты управления ими.

В качестве факторов риска выступают факторы различной природы, провоцирующие или увеличивающие риск ухудшения здоровья человека (развития определенных заболеваний, преждевременной смерти и пр.). Социальные факторы риска, являясь условиями, порождаемыми совместной деятельностью людей и повышающими вероятность наступления некоего негативного события [5], могут проявляться на различных уровнях. На институциональном уровне факторами риска будет выступать специфика функционирования социальных институтов, на социетальном уровне — социальное расслоение, особенности социально-экономической и социально-политической подсистем общества.

Согласно И.В. Зузуле [6], в настоящее время здоровье молодежи характеризуется группой факторов риска:

- социально-экономические и политические (условия труда, жилья, уровень материального благосостояния, качество питания, отдыха, правовая система общества и т.д.);
- социально-биологические (возраст, пол, предрасположенность к наследственным заболеваниям и т.д.);
- экологические и природно-климатические (загрязнение среды обитания, экстремальные природно-климатические факторы и т.д.);
- организационные или медицинские (качество и доступность медицинской помощи и т.д.);
- цивилизационный (кризис социокультурной системы).

Поведенческие особенности молодых людей, обусловленные их интегрированностью в социальные структуры, выступают в качестве социальных факторов риска на микроуровне. Поведе-

ние, противоречащее принятым в данном обществе социальным (нравственным, правовым и т.п.) нормам, в социологической литературе определяется как девиантное поведение. Девиантное поведение молодежи имеет многофакторную причинную детерминацию, различные формы проявления. В основе механизма формирования девиантного поведения молодежи, по мнению С.В. Тачиной [19], лежат как биологические, так и социальные факторы. К биологическим факторам автор относит природные склонности молодого человека, сиюминутные побуждения, узкоэгоистические инстинкты, неосознанность совершаемых поступков и действий. К социальным факторам, согласно С.В. Тачиной, относятся средовые факторы (влияние семьи и школы) и воспитательные образцы, отсутствие навыка самоконтроля.

Одной из распространенных форм девиантного поведения в молодежной среде является злоупотребление спиртными напитками. Всемирная организация здравоохранения в рамках «Глобальной стратегии сокращения вредного употребления алкоголя» отмечает, что вредное употребление алкоголя рассматривается в качестве одного из основных факторов риска, ведущих к ухудшению здоровья во всем мире [5]. По данным социологических исследований в Пермском крае треть населения находится в группе риска, т.е. регулярно употребляют спиртные напитки [16]. По оценкам экспертов, в настоящее время в РФ растет смертность в молодежной среде от внешних причин. Анализ смертности в молодежной среде показал, что 6 % от общего числа смертей были обусловлены злоупотреблением или отравлением психоактивными веществами, а 5 % — алкогольной интоксикацией [1].

Действие факторов злоупотребления алкоголем в молодежной среде как формы девиантного поведения имеет свои особенности. Так, важная роль генетического предрасположения к развитию алкогольной зависимости среди молодых людей доказана рядом исследований [11, 12], проведенными генеалогическим, близнецовым методами и изучением приемных детей с их биологическими и приемными родителями, а также изучением моделей зависимости на животных. Согласно данным исследований [10] существенный вклад в разнообразие по подверженности развитию алкогольной зависимости вносят генетические факторы, которые мы относим к группе эндогенных факторов. Наличие биологического родственника, больного алкогольной зависимостью, является важным фактором риска развития

аналогичного заболевания у других членов семьи, прежде всего детей и подростков. Эти данные подтверждаются американскими исследованиями, согласно которым у 18,27 % приемных детей, имеющих биологических родителей с алкогольной зависимостью, также развивались проблемы с алкоголем, среди детей, имеющих родителей без алкогольной зависимости, таковых оказалось лишь 6 % [22]. В то же время американские исследователи отмечают, что генетический фактор играет определяющую роль в формировании других характеристик личности, которые могут быть связаны со специфическими моделями потребления алкоголя, включая индивидуальные особенности и проблемы душевного здоровья [21].

Значимым понятием при описании механизма воздействия на здоровье человека должно стать понятие «сочетанность действия». Под сочетанным действием мы понимаем одновременное воздействие нескольких химических, физических, биологических или социальных факторов. Значимость отдельных факторов, обуславливающих здоровье, не одинакова и зависит от степени выраженности и сроков продолжительности действия каждого из них, а также от соответствующих условий. Так, согласно данным ВОЗ [4] степень риска, связанного с вредным употреблением алкоголя, варьируется в зависимости от возраста, пола и других биологических параметров потребителя, а также условий и контекста, в которых употребляется спиртное. В то же время некоторые уязвимые или подвергающиеся риску группы и лица отличаются повышенной восприимчивостью к психоактивным и вызывающим зависимость свойствам этилового спирта, а низкорискованные формы употребления алкоголя на индивидуальном уровне могут не связываться с проявлением или существенным возрастанием вероятности негативных последствий для здоровья и общества.

Таким образом, здоровье молодежи обусловлено действием взаимосвязанных и взаимозависимых факторов. Систематизация и анализ факторов, влияющих на здоровье молодежи, может стать теоретико-методологической базой при разработке социальной политики государства в области сохранения и укрепления здоровья молодого поколения.

Список литературы

1. *Альбицкий В.Ю.*, Иванова А.Е., Ильин А.Г., Терлецкая Р.Н. Смертность подростков в Российской Федерации. М., 2010. 61 с.
2. *Бариева А.А.* Общественное здоровье в контек-

- сте социального потенциала региона (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2012. 20 с.
3. *Бароненко В.А.*, Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента. М.: Альфа-М, 2003. 352 с.
  4. *Гигиеническая индикация последствий для здоровья при внешнесредовой экспозиции химических факторов* / Г.Г. Онищенко, Н.В. Зайцева, М.А. Землянова; под ред. Г.Г. Онищенко. Пермь: Книжный формат, 2011. 532 с.
  5. *Глобальная стратегия сокращения вредного употребления алкоголя* / Всемирная организация здравоохранения. 2010. URL: http://www.med.cap.ru/home/rc/docs/fz/fz_gssvua.pdf (дата обращения: 12.01.2014).
  6. *Зузуля И.В.* Социальное здоровье молодежи как фактор стабильности общественного развития и национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Дону, 2007. 24 с.
  7. *Лебедева-Несевря Н.А.* Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Биология. 2010. Вып. 3. С. 36–41.
  8. *Лисицын Ю.П.* Теоретико-методологические проблемы концепции «общественного здоровья» // Общественные науки и здравоохранение. М.: Медицина, 1992. С. 416–435.
  9. *Милле Ф.*, Школьников В.Ф. Смертность в России: затянувшееся отставание // Мир России. 1999. № 4. С. 138–162.
  10. *Москаленко В.Д.* Биологические, индивидуальные, семейные и внесемейные факторы риска и защиты от злоупотребления психоактивными веществами у подростков // Медицина неотложных состояний. 2010. № 3. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/12978> (дата обращения: 27.01.2014).
  11. *Москаленко В.Д.*, Шевцов А.В. Роль генетических и средовых факторов в возникновении зависимости. Ч. 1. Изучение семей близнецов, приемных детей и факторов среды // Новости науки и техники. Серия: Медицина. Алкогольная болезнь (ВИНИТИ). 2000. № 2. С. 1–6.
  12. *Москаленко В.Д.*, Шевцов А.В. Роль генетических и средовых факторов в возникновении зависимости. Ч. 2. Генетические модели на животных. Проблема маркирования. Гены-кандидаты // Новости науки и техники. Серия: Медицина. Алкогольная болезнь (ВИНИТИ). 2000. № 3. С. 1–5.
  13. *Осипов Г.В.*, Ефимов К.М., Ефимова Е.К. О влиянии состояния окружающей среды на здоровье населения // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. тр. Минск: ИАЦ, 2008. С. 325–360.
  14. *Падиарова А.Б.* Влияние социального неравенства на здоровье молодого поколения россиян: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2009. 27 с.
  15. *Паутов И.С.* Риски, связанные со здоровьем населения в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 22 с.
  16. *Петухов К.А.* Паттерны потребления алкоголя в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2. С. 155–161.
  17. *Суржиков Д.В.* Загрязнение окружающей среды промышленного центра металлургии как фактор риска для здоровья: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Иркутск, 2007. 42 с.
  18. *Сухарева Г.Е.* Клинические лекции по психиатрии детского возраста: в 3 т. М.: Медицина, 1965. 336 с.
  19. *Тачина С.В.* Особенности девиантного поведения подростков: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2003. 39 с.
  20. *Штайнкамп Г.* Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II, вып. 1. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1999_1/Steinkamp_1999_1.pdf (дата обращения: 12.01.2014).
  21. *Barnow S.*, Schuckit M.A., Lucht M. et al. The importance of a positive family history of alcoholism, parental rejection and emotional warmth, behavioral problems and peer substance use for alcohol problems in teenagers // Journal of Studies on Alcohol. 2002. Vol. 63. P. 305–315.
  22. *Hawkins J.D.*, Catalano R.F. & Miller J.Y. Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // Psychological Bulletin. 1992. Vol. 112. P. 64–105.
  23. *Link B.*, Phelan J. Social Conditions As Fundamental Causes of Disease // Journal of Health and Social Behavior. 1995 № 3(28) (Extra Issue). P. 80–94. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/12978> (дата обращения: 02.08.2013).
  24. *Whitehead M.*, Dahlgren G, Gilson L. Developing the policy response to inequities in Health: a global perspective // Challenging inequities in health care: from ethics to action. New York: Oxford University Press, 2001. P. 309–323.

MULTIPLE-FACTOR PATTERN OF THE YOUTH HEALTH DEPENDANCE:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Svetlana S. Gordeeva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article presents analysis of the approach of the native and foreign authors to the multiple-factor health dependence. It is observed that all the health dependence approaches acknowledge influence of the factors determining health alongside with influence of the environment. The factors influencing the health of the modern youth are systemized in the work. It is observed that all the health dependence approaches acknowledge influence of the factors determining health alongside with influence of the environment. The work presents the mechanism of the influence of the exogenous and endogenous factors on the youth health and describes the risk and anti-risk factors. The example is given for the influence of the harmful alcohol consumption as one of the main risk factors for the young organism leading to the health deterioration of the young generation. The notion «action conjunction» is defined when describing the mechanism of the influence on the health. The necessity of the complex approach is justified for the study of the influence mechanism of the factors of different nature for the health of the youth.

Key words: health factors; exogenous factors; endogenous factors; risk factor; stability factor.

УДК 316.346.32-053.6

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА**Маркова Юлия Сергеевна***аспирант, ассистент кафедры социологии и политологии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: julyamarkova@gmail.com*

Статья посвящена актуальной проблеме формирования ценностей современного студенчества. Представлены результаты социологического эмпирического исследования, которое было проведено среди студентов, обучающихся в вузах г. Перми, методом анкетного опроса. На основе полученных данных охарактеризована структура терминальных и инструментальных ценностей студентов, выявлены сферы и ресурсы реализации человеческого потенциала, наиболее значимые для студентов. Отражены вопросы об уровне религиозности пермского студенчества, миграционном потенциале и ценностных ориентациях в отношении семьи и воспитания детей. Показано отношение молодых людей к явлениям и процессам, которые традиционно не одобряются обществом. Сделаны выводы о тенденциях изменения ценностного и нормативно-правового сознания и поведения студентов.

Ключевые слова: ценности; нормы; студенчество; человеческий потенциал.

Состояние современного российского общества во многом обусловлено процессами реформирования 1990-х и 2000-х гг. Несмотря на переход к восстановительному процессу, кризисная ситуация в России все еще не преодолена и носит общесистемный характер, охватывающий все сферы жизни. Решение существующих проблем связано не только с деятельностью государственных управленческих элит, но и с активизацией человеческих ресурсов. Все острее становится необходимость уделять внимание проблемам социального самочувствия, улучшения уровня жизни, подготовки высококвалифицированных профессионалов, повышения общего интеллектуального уровня, политической грамотности и т.д. В данных условиях человеческий потенциал рассматривается в качестве одного из определяющих факторов общественного развития — тех изменений, которые затрагивают структурную композицию общества и связаны с появлением новых элементов культуры, новых социальных институтов, включая многообразные социальные практики.

Роль молодежи в этих инновационных процессах, творческом преобразовании значительна. Метафоричное высказывание известного немецкого философа и социолога К. Мангейма: «Молодежь — это потенция, готовая к любому начина-

нию», приведенное ученым в «Диагнозе нашего времени», ярко отражает богатство возможных вариантов самореализации молодых людей. Понимание же того, что является приоритетным для молодежи, становится возможным путем изучения ценностных представлений данной социальной группы. Именно ценности, выступая в качестве культурных регуляторов социальной жизни, определяют смысл, стратегию целенаправленной деятельности, внутренне мотивируют личность.

Система ценностей развивается динамично и противоречиво. Ценности, почитаемые обществом, должны быть осмысленны и внутренне приняты каждой личностью, каждым следующим поколением людей. Ценность, принадлежащая к символическому полю культуры данного сообщества, входит в духовный мир человека так, будто бы ее создают заново, и воспринимается в качестве глубоко интимного внутриличностного качества, свойства индивидуального «Я». Таким образом общество посредством ценностной регуляции как выработанных критериев оценки контролирует предсказуемость поведения человека. Но данный контроль осуществляется, как правило, опосредованно, сквозь призму интеллекта личности, ее глубинных психологических качеств, убеждений, способности осуществлять выбор. Другими словами, ценностная регуляция поведения — это осознанная, основанная на самостоятельных размышлениях индивида регуляция социального поведения, предполагающая несение ответственности за соб-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

ственные решения, планы и стратегии деятельности, которые человек принимает, ориентируясь прежде всего на принятые в обществе ценности и нормы. Поскольку механизм ценностно-нормативной регуляции предполагает личное восприятие, размышление над тем, что является более предпочтительным для человека, та или иная ценность не может быть усвоена насильно. Чтобы стать частью внутреннего «Я» личности, ценность должна быть осознанной и принятой как желательное и необходимое, — «всякий смысл... обязательно подвергается критическому осмыслению, проходит испытание под знаком... ценностей, призванных допустить в мир добро и... ограничить зло» [3, с. 85]. И в этом состоит преимущество ценности для личности, заключающее в себе долю рискованности для общества. Благодаря данному процессу становится возможным появление нового, непредвиденного, создается потенциал для социального творчества, но сохраняется предсказуемость поведения по наиболее значимым, имеющим принципиальное значение вопросам.

Исследования и практика показывают, что между ценностью, которая была внутренне воспринята человеком, и его практическими действиями может существовать глубокое противоречие — разрыв между желаемым, предпочтительным и реальным, практически осуществляемым. В таком случае реальные действия человека будут вынужденными, принуждаемыми теми обстоятельствами, которые порождены окружающей средой. Воплощение ценности как внутреннего устремления в жизнь — процесс сложный, зависимый от множества факторов и условий. И пока для человека данная ценность будет иметь приоритетное значение, он продолжит стремиться к ее реализации, к поиску тех условий, где она станет возможной.

В 2012 г. нами было проведено социологическое исследование, посвященное изучению ценностных ориентаций современного студенчества [1]. Методом исследования было анкетирование. Выборочная совокупность составила N = 641 человек. При разработке методики были заимствованы материалы Института социологии РАН и Комитета социально-политического анализа и общественных связей г. Югры. Согласно полученным результатам [1, с. 62] для большинства пермских студентов важнейшие цели жизни заключаются в гуманистических ценностях личного счастья, а именно: наличие крепкой семьи, детей (73 %), здоровье свое и близких людей (69 %). Также практически 2/3 респондентов (63 %) считают, что одним из важнейших показателей ре-

ализации потенциала является финансовое и материальное благополучие. Половина опрошенных (51 %) уверены, что значимое место в их ценностной системе занимает такая ценность социального взаимодействия, как наличие надежных друзей. Для 39 % респондентов в качестве одного из критериев жизненного успеха выступает уверенность в себе, для 35 % — интересная работа. Еще треть опрошенных (33 %) в качестве важной сферы раскрытия своего потенциала называет любовь, пятая часть (21 %) — карьеру и высокую должность. Социально ориентированные общечеловеческие ценности называют в качестве наиболее важных ценностей гораздо меньшее количество респондентов: помощь своей стране, людям — 6 % опрошенных; жить по правде, совести, справедливости — 16 % (см. рис. 1).

Российскими социологами уделяется большое внимание проблеме ценностей молодых людей, которая изучается как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Сравнительный анализ полученных в нашем исследовании результатов и данных социологических исследований, проведенных НИИКСИ СПбГУ в 2006 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Иваново, Перми и екатеринбургскими социологами в 2000 г. в Нижнем Тагиле, показывает, что семья, здоровье, друзья, интересная работа, деньги являются одними из наиболее приоритетных ценностей студентов. Ценности семьи и здоровья занимают лидирующее положение в системе ценностей подавляющего большинства Санкт-петербургских, московских, ивановских, пермских и нижнетагильских студентов. Вместе с тем в исследовании НИИКСИ СПбГУ доля студентов, признающих одними из наиболее важных ценностей друзей и интересную работу, была выше доли студентов, считающих, что одной из важнейших ценностей являются деньги. Напротив, в проведенном нами исследовании доля студентов, придерживающихся мнения о том, что одними из самых главных жизненных ценностей выступают друзья и интересная работа, меньше доли студентов, называющих в качестве одной из самых важных ценностей материальное и финансовое благополучие. Среди студентов Нижнего Тагила доля тех, кто разделяет ценность денег, материальных благ, примерно равна доле респондентов, которые считают важной ценностью семьи. Интересная работа, друзья являются важными ценностями для меньшего количества опрошенных. Таким образом, полученные в Нижнем Тагиле данные достаточно близки результатам нашего исследования.

Рис. 1

Рис. 2

Не менее актуальным является вопрос о том, что служит для молодых людей своеобразными инструментами, помогающими достигать поставленных целей. Используя теоретико-методологический подход французского социолога П. Бурдьё, мы можем говорить, что те или иные личностные ресурсы (человеческий капитал) могут играть неравнозначную роль в социальной деятельности индивида. Различные ресурсы, кроме того, и субъективно воспринимаются как более или менее важные. Анализ ценностных ориентаций современного студенчества показывает, что наиболее значимыми ресурсами-ценностями, благодаря которым возможны достижение жизненного успеха, личностная самореализация, являются: целеустремленность (по мнению большинства опрошенных — 78 %), ум (60 %), уверенность в себе (58 %), трудолюбие, добросовестное отношение к делу (43 %), образованность (40 %), ответственность (40 %), наличие связей с «нужными» людьми (36 %), умение приспособляться (31 %), инициативность (26 %), удачливость (19 %). Менее значимыми для большинства студентов являются такие качества, как финансовая и материальная обеспеченность (14 %), честность, принципиальность (12 %), отзывчивость, чуткость к другим людям (11 %), доброта (11 %), чувство юмора (10 %), сила (4 %), красота (3 %), забота, прежде всего, о себе (2 %) (см. рис. 2).

В рамках исследования изучались также ориентации молодых людей в отношении ряда важных социальных практик. Приведем некоторые результаты, затрагивающие вопросы уровня религиозности пермского студенчества, миграционного потенциала и ценностных ориентаций в отношении семьи и воспитания детей.

Результаты исследования показывают, что уровень религиозности пермского студенчества достаточно высок: в той или иной степени верующими признают себя большинство студентов (80 %). Но из них к глубоко верующим относят себя всего 3 % респондентов. Остальные (79 %) веруют скорее традиционно, всех обрядов и ритуалов не соблюдают либо практически совсем не интересуются церковной жизнью. Неверующими себя считают 18 % респондентов, из которых к убежденным атеистам себя относят 6 %. Индифферентно относятся к религии 1 % студентов, никогда не заду мывавшихся на религиозные темы.

Тенденции развития современного российского общества, особенности социально-экономического положения и социально-психологического самочувствия молодежи актуализируют вопрос о том, каковы желания молодых людей относительно переезда за границу. Согласно результатам исследования потенциал миграции молодежи из России очень высок: с теми или иными целями хотели бы уехать за границу 72 % респондентов. Навсегда хотели бы уехать 23 % молодых людей. Еще 17 % готовы уехать за рубеж только на время, для того, чтобы заработать денег. Данное обстоятельство служит подтверждением существующих в российском обществе проблем.

Как уже было отмечено, создание крепкой, счастливой семьи, воспитание детей занимают одно из важнейших мест в структуре жизненных ориентаций большинства студентов. Семья предстает в качестве одной из важнейших гуманистических ценностей личного счастья. Данная тенденция согласно результатам социологических исследований сохраняется на протяжении многих поколений россиян, что ярко отражает признаваемую нашими согражданами высокую значимость в их жизни семьи и тех благ, которые она может дать человеку.

Что же, по мнению студентов, необходимо для образования крепкой и счастливой семьи? Большинство студентов (83 %) уверены, что обязательным условием для ее создания является взаимная любовь как та гуманистическая ценность, что делает взаимные отношения между супругами духовно и чувственно более глубокими, полными и гармоничными. Вместе с тем многие современные молодые люди готовы создавать семью только тогда, когда будут располагать необходимым уровнем доходов, который позволит жить независимо от родителей, близких. Согласно мнению практически 2/3 респондентов (65 %), уровень доходов является еще одним важным фактором образования семьи. Половина опрошенных студентов (51 %) признают необходимость согласованности семейных и личных жизненных планов, еще около 36 % — наличия жилья для отдельного проживания от родителей (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что является совершенно необходимым для создания семьи?»

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Что является самым важным в воспитании детей?»

Большое значение имеет вопрос о том, что является для нынешних студентов самым важным в воспитании детей. Отвечая на него, более поло-

вины молодых людей (56 %) назвали такие качества, как любовь к семье, дому, близким, и примерно столько же (55 %) — честность, доброту,

отзывчивость. Половина респондентов (51 %) считает также, что важно дать детям хорошее образование, чуть менее половины (48 %) — привить организованность, самодисциплину, ответственность, 38 % — сформировать целеустремленность, деловые способности, «хватку», чуть более четверти (26 %) — воспитать терпимость, гибкость, умение адаптироваться к ситуации. Существенно меньшая доля молодежи считает, что важно сформировать в детях гражданскую позицию, убеждения, любовь к Родине (9 %), обеспечить достойный круг общения, знакомств (7 %), воспитать веру в Бога (4 %) (см. рис. 4).

Таким образом, исследование показывает, что любовь к родным и близким, являясь значимой ценностью для молодых людей, должна быть, по их мнению, воспринята и детьми как одна из таковых. Несмотря на то что честность, доброта, чуткость к людям не являются, по мнению большей части опрошенных, главными качествами, которые могут помочь современному человеку достичь благополучия в жизни, дети, как считает значительное количество студентов (хотя и далеко не подавляющее большинство), должны воспитываться прежде всего добрыми, честными и отзывчивыми. Современные же либеральные ценности: организованность, самодисциплину, ответственность, целеустремленность, деловые способности, «хватку», — которые, как показало исследование, разделяет значительное число молодых людей, важно, по их мнению, воспитывать и в детях. Другими словами, многие молодые люди не только сами внутренне усвоили, восприняли эти, во многом новые для российского общества, ценности, но и считают необходимыми передать их будущему поколению.

Механизм регуляции социального поведения выступает в виде сложной, культурно обоснованной системы, где, помимо ценностей, существуют и нормы. Нормы представляют собой определенные правила поведения, указывающие, как должны поступать люди в тех или иных ситуациях в мире их повседневности. В исследовании получил освещение ряд вопросов, связанных с проблемой нормативного сознания и поведения студентов.

Исследование показывает, что в целом пермское студенчество придерживается негативной позиции по отношению ко многим поступкам, которые принято считать аморальными либо неэтичными: в число безусловно табуированных действий входят плохое воспитание детей, их заброшенность и беспризорность (94 %), жестокое обращение с животными (88 %), употребление

наркотиков (86 %), пьянство, алкоголизм (72 %). Кроме того, к числу недопустимых действий, с точки зрения большинства, хотя и не подавляющего, относятся публичное проявление неприязни к представителям других национальностей (65 %), измена Родине (63 %). Более половины респондентов не приемлют проституцию (55 %) и супружескую измену (53%). По мнению половины и чуть менее половины опрошенных, никогда не могут быть оправданы взяточничество (50 %), гомосексуализм (49 %) и аборт (47 %).

Многие традиционно неодобряемые общественными поступки, как показывает исследование, сегодня пересматриваются, демонстрируя тенденцию перехода от отношения осуждения к снисходительности и оправданию. Так, только менее половины студентов в качестве недопустимых рассматривают деловую необязательность (43 %), уклонение от уплаты налогов (40 %), хамство, грубость и нецензурную брань (37 %). Следует отметить, что указанная тенденция просматривается и относительно некоторых названных выше социальных действий. Еще более ярко она проявляется в отношении студентов к обогащению за счет других (28 %), уклонению от службы в армии (20 %), сопротивлению полиции (20 %), присвоению найденных денег (13 %), безбилетному проезду в общественном транспорте (10 %), которые, как мы видим, не одобряются лишь 10–28 % опрошенных, и, следовательно, рассматриваются большинством как общественно приемлемые поступки (см. табл. 1).

Приверженность тем или иным нормам проявляется не только в словах, но и в поступках, совершаемых людьми, поведении, которому они следуют в повседневной жизни. Студентам в ходе опроса был задан вопрос о том, приходилось ли им делать что-то из того, что традиционно не одобряется обществом.

Как показывает анализ полученных данных, наиболее табуированным поступком является употребление наркотиков, это категорически не приемлет большинство опрошенных (86 %). Вместе с тем часть студентов проявляют лояльность относительно данного социального явления. Терпимо относятся к употреблению наркотических веществ 5 % респондентов, заявляя при этом, что сами наркотики не пробовали, но других за это не осуждают. Еще 7 % говорят о том, что в своей жизни они пробовали наркотики, 1 % опрошенных употребляет их часто.

Большинство (но не подавляющее) молодых людей являются противниками гомосексуализма

(63 %), использования секса в корыстных целях (62 %) и взяточничества (60 %), а о своем терпимом отношении к подобному говорят около трети опрошенных: 30 %, 27 % и 27 % соответственно. В личной практике в сфере экономических отношений нарушали табу 12 % респондентов, дававших взятки (из них 2 % — часто) и 4 % опрошенных, уклонявшихся от налогов (их них часто — 1 %). При этом уклонение от налогов считают недопустимым чуть более половины респондентов (54 %), еще 35 % сами никогда этого не делали, но других за это не осуждают.

В своей жизненной практике многие респонденты включаются в добрачные сексуальные отношения — об этом говорят 56 % молодых людей. Часто курят треть опрошенных (30 %), 34 % делают это редко либо только пробовали. Крепкие спиртные напитки часто употребляет пятая часть опрошенных (20 %), более половины молодых людей (59 %) практикуют это в своей жизни редко или только однажды пробовали (см. табл. 2).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какие из следующих поступков никогда не могут быть оправданы, какие могут быть допустимы иногда, а к чему следует относиться снисходительно?» (% от числа опрошенных)

<i>Поступки</i>	<i>Никогда не может быть оправдано</i>	<i>Иногда это допустимо</i>	<i>К этому следует относиться снисходительно</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Обогащение за счет других	28	49	12	11
Хамство, грубость, нецензурная брань	37	50	10	3
Деловая необязательность	44	28	13	15
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	65	18	11	6
Присвоение найденных денег	13	49	31	7
Проституция	55	16	19	10
Гомосексуализм	49	13	30	8
Употребление наркотиков	86	8	3	3
Дача/получение взятки	51	35	7	7
Уклонение от уплаты налогов	40	36	12	12
Пьянство, алкоголизм	72	15	8	5
Безбилетный проезд в общественном транспорте	10	53	34	3
Уклонение от службы в армии	20	48	25	7
Жестокое обращение с животными	89	7	2	2
Измена Родине	64	14	6	16
Плохое воспитание детей, заброшенность, беспризорность	94	1	2	3
Сопроотивление полиции	20	57	12	11
Супружеская измена	53	30	9	8
Аборт	47	36	8	9

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам совершать следующие поступки?»
(% от числа опрошенных)

Поступки	Да, часто	Редко (только пробовал)	Сам этого не делал, но других за это не осуждаю	Нет, противник подобных действий	Не хочу отвечать на вопрос
Курение	30	34	9	25	2
Употребление крепких спиртных напитков	21	60	4	12	3
Употребление нарко- тиков	1	7	5	86	1
Дача взятки	2	10	27	59	2
Уклонение от налогов	1	3	35	55	6
Вступление в половые связи до брака	38	18	15	6	23
Использование сексу- альных связей для дос- тижения корыстных целей	2	3	27	62	6
Сексуальные отноше- ния с человеком своего пола	1	2	30	63	4

Таким образом, можно сделать вывод: несмотря на то, что нормативно-правовое сознание студенчества является достаточно размытым, в целом студенты сохраняют приверженность многим традиционно одобряемым обществом нормам. Вместе с тем ряд других традиционных норм морали пересматривается, демонстрируя тенденцию перехода от отношения порицания, неодобрения к снисходительности, оправданию и принятию.

Подводя итог, отметим, что реализация студенческой молодежью своего потенциала направлена в большей степени на частную, приватную сторону жизни — семью и ближайшее социальное окружение, а также на удовлетворение потребностей в сфере труда. Одновременно это служит одной из причин слабой вовлеченности молодых людей в активистскую политическую деятельность и функционирование общественных организаций. Сложившаяся ситуация тормозит развитие в молодежной среде гражданских инициатив как механизма воздействия на процессы принятия управленческих решений, а значит, и влияет на особенности социально-политического и экономического развития общества.

Список литературы

1. Антипов А.Г., Захаров Н.Н., Маркова Ю.С. Жизненные и духовно-нравственные ценности российского студенчества (по материалам социологического исследования студентов г. Перми): монография. Пермь: Изд-во Прикамского социального института, 2012. 148 с.
2. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.
3. Коневских Л.А. Современное состояние мира и российского общества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2012. № 6. С. 81–86.
4. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

LIFE VALUES OF MODERN STUDENTS

Julia S. Markova

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In the paper attention is paid to formation of students's values in modern society. The author describes the results of sociological empirical research which was conducted among Perm university students. Questionnaire was the research method. Based on the findings the structure of terminal and instrumental values of students is characterized, spheres and resources of human potential realization, which are most significant for students, are noted. The author considers questions of religiosity level of the Perm students, migratory potential and valuable orientations concerning a family and education of children. The attitude of young people to the phenomena and processes which traditionally aren't approved by society is shown. Conclusions about tendencies of change of axiological and normative consciousness and behavior of students are present in this paper.

Key words: values; norms; studentship; human potential.

УДК 378.4

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ РОЛИ РЕЙТИНГОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВУЗА НА МОТИВАЦИЮ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ВЫБОРЕ МЕСТА ОБУЧЕНИЯ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Ефимова Ирина Николаевна

кандидат социологических наук, начальник Отдела по связям с общественностью
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
e-mail: pr@unn.ru

Маковейчук Артем Васильевич

аспирант, специалист Отдела по связям с общественностью
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
e-mail: pr@unn.ru.

В статье рассматриваются российские и зарубежные университеты как субъекты новых тенденций глобальной конкуренции и интеграции в мировое образовательное пространство, делается попытка анализа влияния рейтинговых позиций и имиджевых показателей университетов на психологические аспекты мотивации абитуриентов при выборе места обучения, а также основных направлений развития системы высшего образования в современной России. Проанализированы современные тенденции мировой практики ранжирования высших учебных заведений, вариативность в концепциях и подходах к трактовке целей и задач данного процесса. В качестве эмпирической базы используются основные положения и результаты социологического исследования, проведенного в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) во время приема студентов в 2012 г.

Ключевые слова: образовательная потребность; мотивация; бренд и репутация вуза; рейтинговые позиции; международная реклама и рекрутинг; психология выбора.

Эффективность высшего образования в условиях новой экономики становится стратегическим направлением инновационной политики увеличивающегося количества стран в мире. В последнее время все больше внимания уделяется именно исследовательской работе ведущих вузов, их вкладу в решение основных глобальных проблем человечества. При этом главная задача высшего образования — оказание помощи своим регионам в выравнивании и ускорении экономического развития, в борьбе с бедностью и социальным неравенством.

Международные рейтинги вузов традиционно воспринимаются как важная составляющая оценки экономического развития и сравнения достижений высшего образования различных стран мира.

Поддержка высшего образования всегда сочетается с двойными требованиями к нему. С одной стороны, общество заинтересовано в системе массового высшего образования для большого количества студентов, а с другой — оно всегда

стремится создавать условия для университетов мирового класса.

Университет мирового уровня может иметь различные концепции и не быть совершенным во всех сферах деятельности, тем не менее он всегда должен служить эталонной моделью для других вузов. Это касается не только научно-исследовательской деятельности, но и других сфер, таких как этика поведения, соблюдение демократических и прозрачных принципов набора студентов, практика карьерного роста сотрудников.

История высшего образования свидетельствует, что учебное заведение мирового класса не может быть создано по распоряжению сверху. Большинство таких учебных заведений развивались постепенно, на протяжении длительного времени, культивируя связи с научными сообществами, поддерживая инициативы в области преподавания и исследований.

Учитывая потребности общества, рынок труда и причины, связанные с принятием решений, возникает необходимость дать оценку деятельности университетов.

Одним из подходов, связанных с «качественным вызовом», является определение рейтингов и составление списков ведущих университетов. Кратким определением рейтинга может быть постоянный подход с соответствующей методологией и процедурой для отображения сравнительного состояния учебных заведений в целом или определенных сфер их деятельности.

Довольно часто высказывается мысль, что высшие учебные заведения должны сотрудничать, конкурировать между собой по вопросам качества. Заимствование опыта как инструмента самоусовершенствования для заведений, сочетающего преимущества улучшения качества главным образом на основании внутренней оценки, обмена передовым опытом, хорошо соответствует направлению сотрудничества. С другой стороны, рейтинги прежде всего стимулируют конкуренцию между высшими учебными заведениями на национальном и международном уровнях, в последнем случае способствуют становлению так называемого университета мирового класса.

Можно выделить цели определения рейтингов:

- предоставление общественности информации относительно вузов для принятия решения на индивидуальном или групповом уровне (это потенциальные студенты, родители, политики, фонды, работодатели и т.д.);
- развитие конкуренции;
- рост стимулирования развития центров усовершенствования;
- предоставление дополнительного обоснования для выделения средств.

В последние годы значительно увеличивается количество международных и национальных рейтингов, а также повышается их значимость для функционирования высших учебных заведений на уровне системы высшего образования в целом и отдельного учебного заведения в частности. В этом контексте, а также с учетом быстрого количественного роста высшего образования в России определение рейтингов следует рассматривать как логический шаг, направленный на повышение качества.

Важная роль рейтингов и внимание, которое им уделяется со стороны университетов, обуславливают необходимость тщательно выбирать методы их определения. Поэтому те, кто проводит рейтинги и предают их гласности, должны осозна-

вать, что рискуют своей репутацией, если в таблицах рейтингов будут какие-либо ошибки.

В этом контексте группа экспертов и разработчиков университетских рейтингов, известная как международная группа экспертов по проведению рейтингов (International Ranking Expert Group (IREG)), инициировала в мае 2006 г. разработку основных определяющих принципов (так называемых Berlin Principles on Ranking of Higher Education Institutions).

Таким образом, глобальные рейтинги вузов уже стали привычны в жизни университетов и национальной политики многих стран, стали заметным фактором рынка образовательных услуг.

Между тем определить, какое из высших учебных заведений лучше, а какое — хуже, по ряду причин представляется проблематичным. Если речь идет об университетах разных стран, то оценка их качества дополнительно осложняется. В связи с этим во многих странах разворачивается большая работа, связанная с составлением глобальных рейтингов университетов, призванных информировать общественность, по крайней мере, о самых лучших вузах мира. В настоящее время можно говорить о настоящей «рейтинговой лихорадке», которая, похоже, близка к апогею.

Тем не менее первая сотня вузов в рейтинге QS относительно стабильна, одни вузы выбывают, уступая места другим, их не более 10 %. И случаев быстрого перемещения из третьей-четвертой сотни в первую практически нет. При этом всегда имеется возможность для вхождения в первую сотню вузов и из развивающихся стран. Так, в топ-100 рейтинга QS присутствуют китайские, южнокорейские и тайваньские университеты, а во вторую сотню входят вузы из Малайзии, Бразилии и Мексики. В топ-100 рейтинга ТНЕ входят два китайских и два корейских вуза. Но прецедентов вхождения в мировые рейтинги сразу пяти вузов одной развивающейся страны пока история еще не знала. Однако именно такая задача является ключевой для Министерства образования и науки РФ и рассматривается как отдельный крупномасштабный глобальный проект, который должен стать рычагом институциональных преобразований ведущих вузов России.

В связи с этим разрабатывается соответствующая программа. Первичный отбор составит 15 российских вузов. На втором этапе останется семь-восемь вузов, с которыми будет вестись дальнейшая работа.

И это не просто рабочий конкурс по итогам выполнения программы развития вуза, а конкурс оценки реальных действий управленческих команд в области кадровой политики, реформы ме-

ханизмов и моделей управления университетом, направленный на дальнейшую перспективу вхождения вузов в топ-100 мирового рейтинга QS.

По мнению Национального агентства научно-технологического развития Таиланда рейтинги вузов должны стать более похожими на рейтинги кредитных агентств и банков. Последние, как известно, учитывают прежде всего качество работы, а не формальное положение в рейтинговой таблице.

Анализ как самих рейтингов, так и мотивации абитуриентов образовательных услуг дает основания и для корректировки учебных программ, совершенствования управления образовательным процессом, и для совершенствования всей политики вуза, направленной на разработку методов поиска абитуриентов и на привлечение потенциальных студентов вуза.

Мотивация получения высшего образования занимает одно из ведущих мест в структуре личности [1, с. 7]. Изменения системы высшего образования являются следствием происходящих в жизни нашей страны реформ и изменений требований ко всем сторонам общественной деятельности. Все более актуальной становится проблема целеполагания образования в условиях реформирования общества и, как следствие этого, реформирования системы высшего образования. Быстрота и глубина изменений, происходящих во внешней среде, побуждают вузы к поиску новых идей, построению систем и структур управления, адекватных требованиям рынков труда и образовательных услуг.

Анализ образовательных потребностей и мотиваций профессионального выбора абитуриентов в условиях ранжирования вузов — это инструмент для выявления изменений, происходящих в отношении перспектив получения высшего образования.

Реформы социальной жизни в нашей стране существенно изменили ситуацию в области высшего образования, в системе жизненных ценностей, иерархии мотивов выбора профессии молодыми людьми [2, с. 54].

За последние десять лет в России сформировался рынок образовательных услуг, на котором появилось большое количество как государственных, так и негосударственных высших учебных заведений, между которыми ведется жесткая конкуренция за привлечение студентов. Российские вузы активнее интегрируются в мировое образовательное пространство, вступают также и в жесткую конкуренцию с ведущими вузами мира, продвигая свои образовательные программы и услуги на мировом образовательном рынке, на-

ращивая уровень интернационализации и рекрутинга иностранных студентов и преподавателей, а также ведущих учёных. Поэтому очень важными для абитуриентов, как российских, так и иностранных, при выборе вуза становятся рейтинговые характеристики, имидж и репутация вуза в глобальном образовательном пространстве.

Внешние имиджевые показатели вуза оказывают определенное влияние на выбор учебного заведения, а внутренние — на процесс обучения. Имидж и репутация вуза становятся мотиваторами в процессе выбора и обучения. Воспринимая имидж и репутацию вуза как образ-представление, студенты сопоставляют характеристики имиджа и репутации вуза с собственными мотивами обучения и общими познавательными мотивами и на основе этого принимают решение об обучении в том или ином образовательном учреждении.

В настоящее время задача учебных заведений заключается не только в том, чтобы сформировать у молодежи предпосылки к постоянному, непрерывному в течение всей жизни образованию, получению новых специальностей и квалификаций, что является важной характеристикой современной системы высшего образования, но и в том, чтобы подготовить к гибкой смене профессий и специальностей, что требует формирования у молодых людей соответствующих качеств личности, навыков, умений, компетенций (мобильность, обучаемость и др.).

Представители современного студенчества России обладают рядом доминирующих характеристик. Они имеют высокий уровень притязаний по отношению к обучению, нацелены на получение профессии, востребованной в обществе. Для этой социальной группы характерно самостоятельное принятие решений. Прагматизм в профессиональной деятельности продолжает играть доминирующую роль среди целей обучения.

Актуальность темы объясняется тем, что вопрос рейтингов вузов тесно связан с мотивацией и, по существу, является вопросом о качестве получаемого образования, об успешности социально-психологической адаптации молодых людей к условиям обучения в вузе, эффективности профессиональной подготовки будущего специалиста.

Выбор выпускниками школ рейтинговых вузов является задачей со многими неизвестными, от успешного решения которой зависит их будущее. Каждый абитуриент понимает, что образование является в настоящее время неотъемлемой составляющей всей его жизни. Поэтому спрос на образовательные услуги достаточно велик [3, с. 19]. Конкурентные преимущества обеспечива-

ют себе вузы, обладающие высоким интеллектуальным потенциалом, что позволяющим создавать уникальные компетенции и наращивать активы, реализующие концепцию «образование в течение всей жизни».

Основной целью данного исследования является анализ осведомлённости абитуриентов о вхождении российских вузов в отечественные и мировые рейтинги, а также причин и факторов, оказывающих решающее влияние на выбор абитуриентами конкретного учебного заведения для поступления в 2012 г.

Перед исследователями был поставлен ряд задач, основные из них:

- определение демографического портрета абитуриента ННГУ 2012 г. (пол, место проживания, семейное положение), а также учебного заведения, которое он закончил и с какими результатами успеваемости;

- выявление наиболее популярных источников получения абитуриентами информации о вузе;

- определение эффективности функционирования официального сайта вуза, достижение им своих целей и задач в контексте привлечения абитуриентов к поступлению;

- выявление уровня осведомлённости абитуриентов об участии российских вузов в отечественных и мировых рейтинговых системах и, в частности, о включении ННГУ в ТОП-601+ глобального рейтинга QS;

- определение влияния рейтинга на мотивацию абитуриентов при выборе вуза.

Обработка результатов исследования

Для достижения поставленной цели была разработана анкета на основе адаптированного опросника отдела контроля качества обучения университета г. Линкольна (Великобритания) и материалов центра контроля качества обучения ННГУ. На вопросы данной анкеты ответили 892 респондента из числа абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского 2012 г.

Опрос был проведен в приемных комиссиях 16 факультетов вуза в с 20 июня по 20 июля 2012 г. Вся полученная информация была приведена к более сжатому виду с помощью программ Microsoft Word и Microsoft Excel. В результате данного исследования нами были получены представленные ниже результаты.

В опросе участвовали 892 респондента, из которых 312 (35 %) — юноши, 580 (65 %) — девушки.

Распределение респондентов по признаку местности проживания было таким: 81,3 % (725) опрошенных абитуриентов проживают

непосредственно в г. Нижнем Новгороде или в ближайших городах области: (Кстово, Дзержинск и т.д.), 18,7% (167) проживают в других городах РФ.

Рассмотрим распределение респондентов по семейному положению: 95,8 % ответов — холост (не замужем), 1,8 % — женат (замужем) и 2,4 % — разведен(а).

Относительно учебного заведения, которое закончили абитуриенты, имеем следующие данные: больше половины респондентов (56,7 %) закончили среднюю общеобразовательную школу, второй по частоте вариант ответа — лицей, гимназия, замыкает тройку популярных ответов школа с углубленным изучением отдельных предметов. Подавляющее большинство респондентов (в сумме первых 3 вариантов ответа получаем 89,1 %), поступавших в ННГУ в 2012 г., имеют аттестат о среднем (полном) общем образовании.

Относительно среднего балла аттестата (диплома), получены следующие данные. Для большей наглядности и анализа представим полученные данные в обобщенном виде (рис. 1).

Большинство респондентов имеют высокий средний балл аттестата (диплома): 77,1 % поступающих имеют только 5 и 4.

Относительно причин, влияющих на желание получить высшее образование в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, имеем следующие данные (при возможности выбора нескольких вариантов ответа).

Для большей наглядности и анализа полученные данные представлены на рис. 2.

Большинство респондентов (29,7 %) называют в качестве основной причины получения высшего профессионального образования желание стать дипломированным специалистом, 14,3 % — хотят получить больше знаний по конкретной специальности, 13,9 % респондентов считают, что высшее образование необходимо в жизни всем, 12,6 % — указывают в качестве причины залог материального благополучия, 9,6 % респондентов хотят за период обучения приобрести связи, которые помогут им в жизни, 9,3 % — отмечают в качестве причины выбора престижность вуза. Остальные приведенные критерии варьируются от 5,9 до 0,6 %.

Рассмотрим вопрос, касающийся различных критериев при выборе абитуриентами конкретного вуза. Представим результаты опроса снова в виде диаграммы (рис. 3).

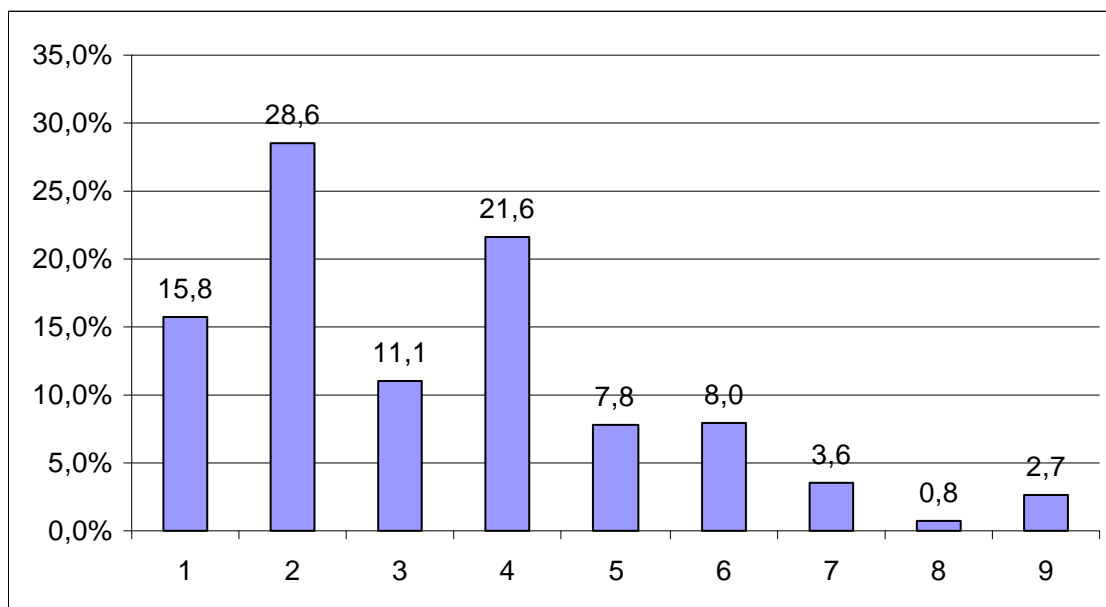

Рис. 1. Средний балл аттестата (диплома) абитуриентов ННГУ:

1 — только пятёрки; 2 — больше пятёрок, есть четвёрки; 3 — примерно поровну пятёрок и четвёрок; 4 — больше четвёрок; 5 — четвёрки, есть 1 тройка; 6 — примерно поровну четвёрок и троек; 7 — увы, большинство тройки; 8 — затрудняюсь ответить; 9 — другое

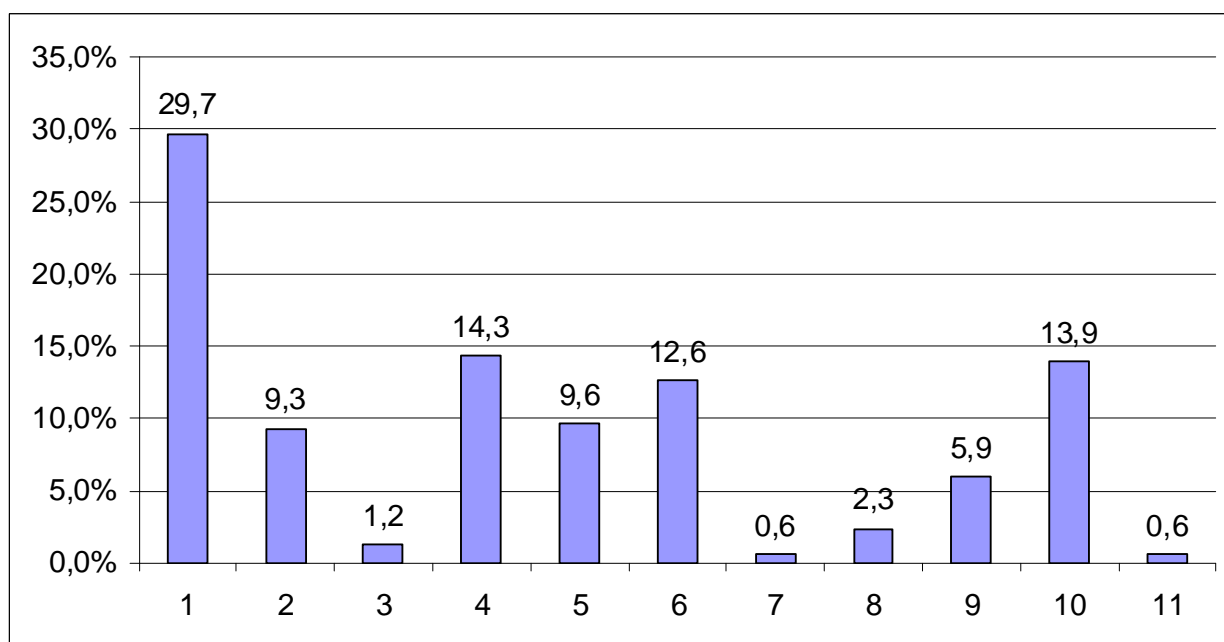

Рис. 2. Причины получения высшего профессионального образования:

1 — хочу стать дипломированным специалистом (бакалавром, магистром); 2 — хочу получить диплом престижного вуза; 3 — хочу получить специальность как у родителей; 4 — хочу получить больше знаний по специальности, которая меня интересует; 5 — это возможность познакомиться с людьми и приобрести связи, которые помогут в жизни; 6 — это залог моего материального благополучия; 7 — это нужно моим родителям (друзьям и т.д.); 8 — это престижно, модно, популярно; 9 — это повысит мой социальный статус; 10 — высшее образование в жизни необходимо всем; 11 — другое

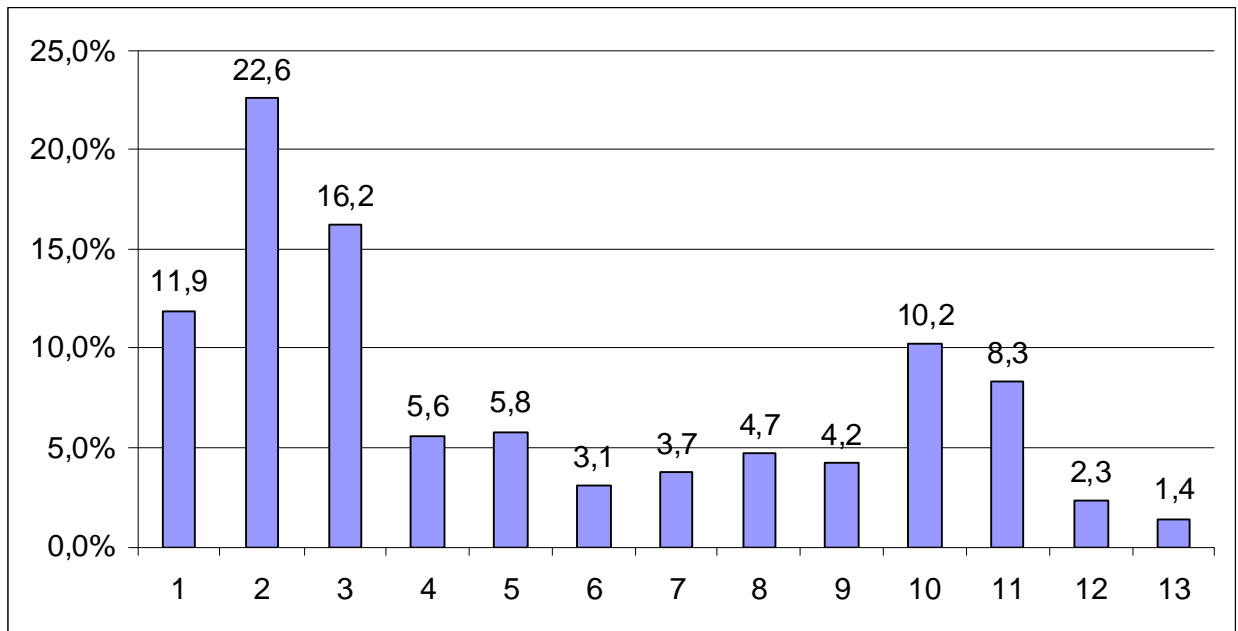

Рис. 3. Критерии выбора абитуриентами вуза:

1 — местонахождение вуза; 2 — возможность бесплатного обучения; 3 — место вуза в различных рейтингах; 4 — мнение родителей; 5 — возможность совмещать работу и учебу; 6 — материально-техническая база, доступный и скоростной Интернет; 7 — есть военная кафедра; 8 — возможность дополнительно обучаться за границей и получить сразу 2 диплома; 9 — изучение более одного иностранного языка; 10 — вуз государственный, предоставление общежития; 11 — активность внеучебной студенческой жизни; 12 — стоимость обучения в вузе на внебюджетном месте; 13 — другое

В качестве основных критериев выбора вуза 22,6 % абитуриентов назвали возможность получения бесплатного образования, 16,2 % — место вуза в различных рейтингах. При этом 11,9 % выбирают вуз по критерию его местонахождения; 10,2 % выбрали потому, что вуз государственный; 8,3 % — из-за активности студенческой жизни. Остальные критерии варьируются от 5,8 до 1,4 %.

Чтобы не ошибиться в выборе учебного заведения, абитуриентам необходимо получать максимально полную, качественную и достоверную информацию об интересующих вузах.

Источников информации в настоящее время достаточно количество, рассмотрим в связи с этим, какие же из них наиболее популярны среди абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского (рис. 4).

Анализ диаграммы показывает, что наиболее популярным источником информации оказался официальный сайт ННГУ им. Н.И. Лобачевского — ему отдали предпочтение 26,8 % респондентов, для 24,2 % респондентов предпочтительно было мнение знакомых, друзей, родных; замыкает тройку популярных ответов (17,1 %) — сведения из социальных сетей в Интернете; далее — по убыванию.

Проведем анализ посещения сайта ННГУ абитуриентами: 88,6 % опрошенных заходят на сайт вуза, 9,8 % — нет и 1,6 % респондентов не имеют возможности посещать сайт.

Проведем анализ частоты посещения сайта ННГУ абитуриентами, представим обобщенные данные на рис. 5.

Результаты опроса показывают, что 45,4 % респондентов посещают сайт не реже одного раза в неделю, 23,5 % — примерно раз в месяц и чаще, 11,1 % — примерно раз в квартал и реже, 10,8 % — выбрали не приведенные варианты, 9,2 % респондентов посещают сайт не чаще, чем раз в месяц, но не реже, чем в квартал.

Проведем анализ оценки сайта ННГУ абитуриентами и предложений по его усовершенствованию: 60,5 % опрошенных дают сайту оценку «хорошо»: удобная навигация по страницам, вся необходимая информация там находится быстро, легко доступна; 34,4 % — оценку «удовлетворительно»: информативность, легкость доступа и скорость поиска информации приемлема; 5,1 % — оценку «неудовлетворительно»: мало необходимой информации, сложно её найти, есть проблемы с загрузкой страниц и файлов с сайта.

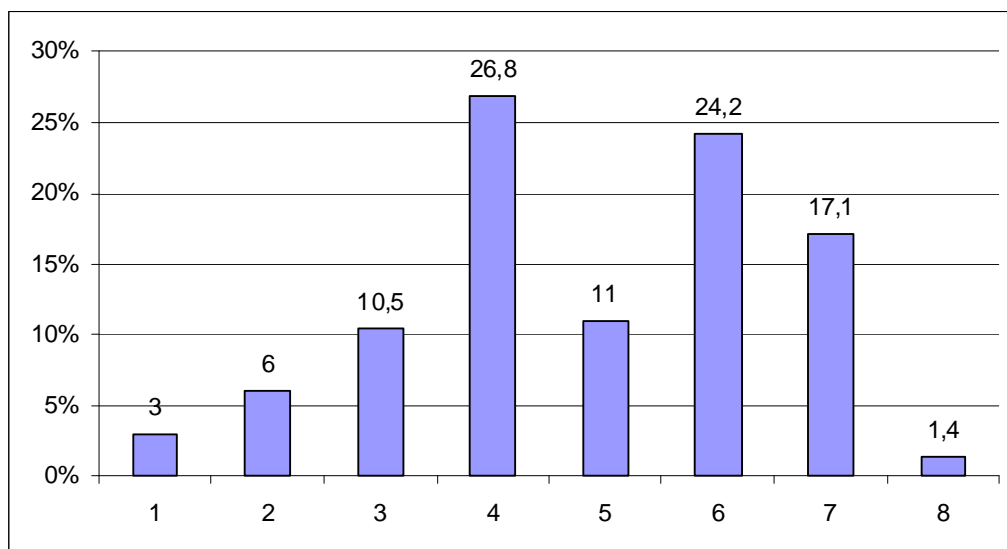

Рис. 4. Популярность источников информации:

1 — из рекламы в газетах и журналах; 2 — из справочной литературы для абитуриентов; 3 — из рекламы на радио и ТВ; 4 — с официального сайта ННГУ; 5 — от учителей; 6 — от знакомых, друзей, родных; 7 — из социальных сетей в Интернете (ВКонтакте, Facebook, Twitter); 8 — другое

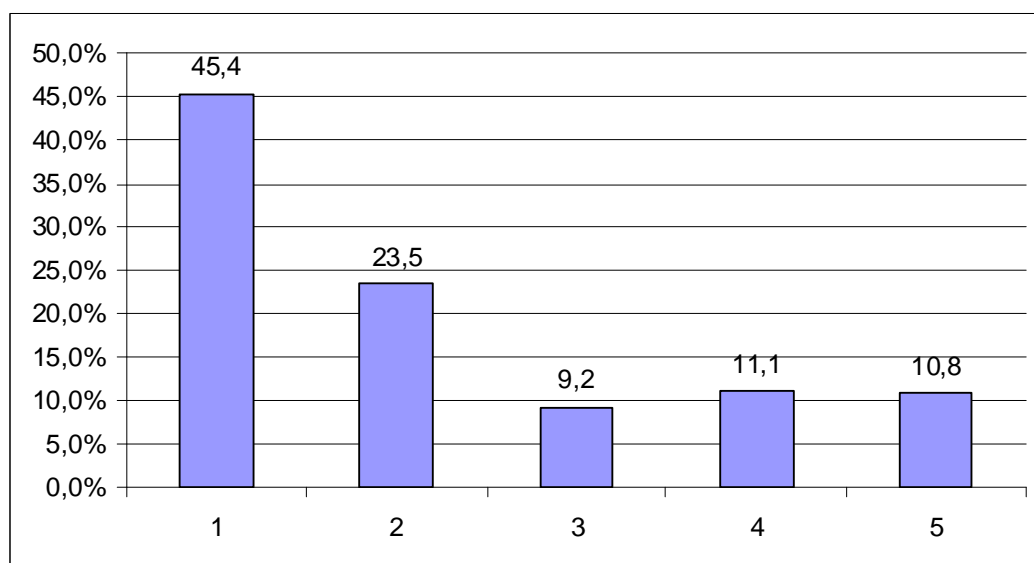

Рис. 5. Анализ частоты посещения сайта ННГУ абитуриентами:

1 — примерно раз в неделю и чаще; 2 — примерно раз в месяц и чаще; 3 — чаще, чем раз в квартал, но не чаще 1 раза в месяц; 4 — примерно раз в квартал и реже; 5 — другое

Перед анкетированием предполагалось, что большинство абитуриентов свое решение в отношении выбора вуза уже приняли, поэтому они смогут более четко ответить на вопрос, что именно повлияло на выбор того или иного вуза, в том числе на его российский и международный рейтинги.

Проведем анализ осведомленности абитуриентов о наличии отечественных и мировых рейтин-

гов. Результат показывает, что 39,7 % респондентов интересуются рейтингами вузов; 21,4 % — слышали, но не придают им большого значения; 20,3 % опрошенных что-то слышали о рейтингах вузов в целом; 10,2 % — ничего не слышали о рейтингах вузов.

Ответы на вопрос относительно анализа значимости рейтинговых позиций вуза при его выборе показали, что 59,4 % опрошенных считают рей-

тинг важным показателем при выборе вуза; 19,3 % — незначительным фактором; 12,3 % затрудняются ответить.

Анализ осведомленности абитуриентов о вхождении ННГУ в ТОП-601+ мирового рейтинга вузов QS World University Rankings показывает, что не просто знают, что ННГУ входит в мировой рейтинг QS в ТОП-601+, но что именно это повлияло на выбор вуза, — 15,5 % респондентов; 27,8 % — слышали о мировом рейтинге QS, но это не было определяющим при выборе этого вуза; основная часть (48,0 %) опрошенных вообще не знают об этом рейтинге.

Заключение

В ходе социологического исследования причин и факторов, оказывающих влияние на мотивацию абитуриентов при выборе вуза, был проведен системный анализ первичной и вторичной информации. Для сбора первичной информации респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты, после чего все полученные данные обобщались и анализировались.

В результате по итогам исследования мы пришли к следующим выводам:

- главной причиной получения высшего образования является желание стать дипломированным специалистом (бакалавром, магистром);

- важнейшими критериями при выборе ННГУ им. Н.И. Лобачевского были названы (три первых по популярности варианта ответа в порядке убывания): возможность бесплатного обучения, место вуза в различных рейтингах, местонахождение вуза;

- официальный сайт ННГУ, знакомые, друзья, родные и социальные сети в Интернете (ВКонтакте, Facebook, Twitter) — это наиболее популярные источники информации для абитуриентов, на их качество, полноту и оперативность учебным заведениям стоит обратить более пристальное внимание с целью обеспечения максимальной осведомленности абитуриентов;

- 88,6 % абитуриентов посещают официальный сайт ННГУ, это достаточно высокий показатель. Из них 45,4 % посещают сайт не реже 1 раза в неделю, 23,5 % — примерно раз в месяц и чаще, что также позволяет сделать вывод о востребованности и необходимости сайта в данном контексте — как инструмента информирования абитуриентов о правилах и механизмах поступления в ННГУ. 94,9 % респондентов оценивают работу сайта и его полезность для них на «хорошо» (60,5 %) и «удовлетворительно» (34,4 %), вся необходимая для них информация там представлена в доступной форме;

- данное исследование показало, что 27,8 % респондентов слышали об основном мировом рей-

тинге вузов QS, а 15,5 % всех респондентов не просто слышали, что ННГУ вошёл в ТОП-601+ мирового рейтинга QS, но также отметили, что это повлияло на их выбор именно ННГУ;

- 59,4 % респондентов при ответе на другой вопрос отметили, что в целом рейтинг вуза является важным показателем при выборе учебного заведения;

- при выборе учебного заведения абитуриенты также ориентируются в основном на информацию, полученную от представителей вуза (дни открытых дверей и др.), советы друзей, знакомых, родителей, в последнюю очередь — на собственное мнение.

В настоящее время в условиях острой конкуренции возрастает роль рейтингов вузов, отражающих позицию вузов и формирующих в сознании потребителей образовательных услуг образ вуза.

Данное исследование наглядно иллюстрирует текущее состояние информационного обеспечения абитуриентов, критерии выбора учебного заведения, определяет степень влияния различных факторов при поступлении и многие другие показатели.

Полученные результаты можно использовать для более детального исследования, направленного на изучение характеристик и мотивации абитуриентов при выборе конкретного вуза, а также влияния рейтинга на выбор вуза.

В новых условиях к рейтингам должны предъявляться дополнительные требования, такие как большая объективность в отражении слабых и сильных сторон каждого вуза, повышение внимания к прикладным результатам и исследовательской работе.

Новые тенденции в рейтинговой оценке вузов, научные исследования как фундаментального, так и прикладного характера должны для России превратиться из вспомогательного материала учебного процесса в его необходимый внутренний фундамент.

Понятно, что глобальные рейтинги не могут быть единственным критерием включенности российских вузов в мировое образовательное пространство. Тем не менее, рейтинги частично отражают формальные показатели, такие как доля иностранных студентов и преподавателей вузов, во многом сказываются на мнении академического сообщества относительно отечественных вузов.

Включенность российских вузов в мировое образовательное пространство может быть охарактеризована и с помощью позиций вузов в рейтингах. Позиции российских университетов в названных рейтингах на сегодняшний день крайне низки и не могут устраивать ни отечественное академическое

сообщество, ни органы управления образованием, ни студентов, ни общественность.

В современном мире постоянно растет спрос на прозрачные и объективные инструменты оценки качества образования. Именно в этих целях создаются различные аккредитационные центры и агентства. Однако процедура аккредитации не позволяет решить все проблемы, связанные с выбором вуза и специальности, с размещением государственного заказа на подготовку специалистов, с открытием/закрытием определенных образовательных программ в вузе и т.д.

В связи с этим растет популярность рейтингов вузов. Появившись как инструмент для внутривузовских сравнений (сравнения студентов, преподавателей, кафедр, факультетов), рейтинги постепенно стали элементом инфраструктуры национальных образовательных и инновационных систем. Именно они позволили принимать обоснованные решения в масштабах государства представителям различных целевых аудиторий: абитуриентам и их родителям, работодателям и специалистам по подбору кадров, руководству вузов, органам управления образованием.

Процесс глобализации отразился и на сфере высшего образования: в последнее время наметился бурный рост академической и студенческой мобильности, резко увеличилось число программ «двойных дипломов», существенно повысился интерес платежеспособных абитуриентов к зарубежному обучению. К концу XX в. оформился международный рынок образовательных услуг. Ежегодный объем этого рынка — несколько десятков миллиардов долларов. По некоторым оценкам се-

годня более 2,5 млн. студентов обучаются за пределами своей родины и ежегодно данный показатель увеличивается в среднем на 20 %. Поэтому особо важным сегодня в свете влияния рейтинговых позиций вуза на предпочтения абитуриентов становится активизация работы по продвижению университета в крупнейших и авторитетных рейтинговых агентствах, следствием чего в перспективе станет улучшение исследовательского климата, наращивание объемов интернационализации и коммерциализации продуктов интеллектуальной деятельности в вузе, увеличение реализуемых совместных с крупнейшими научными центрами мира инновационных проектов, внедрение новых управленческих стандартов, качественная трансформация системы высшего образования в России в соответствии с передовыми международными стандартами.

Список литературы

1. Гуськова Н.Д., Неретина Е.А., Маколов В.И. Анализ конкурентных позиций национального исследовательского университета // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 1. С. 6–11.
2. Гуськова Н.Д., Краковская И.Н. Инвестиции в человеческий капитал вуза: организационный аспект // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 5. С. 53–58.
3. Ефимова И.Н. Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 19–23.

ANALYSIS OF THE INFLUENCE THE ROLE OF THE UNIVERSITY RANKING POSITIONS ON THE MOTIVATION OF PROSPECTIVE STUDENTS CHOOSING A PLACE OF STUDY: APPLIED ASPECT *Irina N. Efimova, Artyom V. Makoveichuk*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; 23, Gagarin av., Nizhni Novgorod, 603950, Russia

The article describes in general Russian and foreign universities as subjects of the new trends of global competition and the integration into the world educational space, attempts to analyze the influence of the role of universities ranking positions and image parameters on the psychological aspects of the motivation prospective students choosing a place of studying, as well as guidelines for the development of higher education in modern Russia in this context. It is analyzed recent trends in world practice ranking of higher education institutions, the variability in the concepts and approaches to the interpretation of the goals and objectives of the process. An empirical basis of the article is the results of the survey were conducted in University of Nizhni Novgorod during admission campaign 2012.

Key words: educational need; motivation; brand and reputation of the university; ranking position; the international advertising and recruiting; psychology of choice.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международную базу данных Ulrich's Periodicals Directory, в базу данных «Университетская библиотека on-line», интегрированную с международной базой EBSCO Discovery Service, а также в электронную систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла – фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Каждая публикация приводится в списке только один раз – при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи. При оформлении источника списка литературы обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски – за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК.**
- **аннотацией** 500-600 знаков с пробелами.
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках.
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) – рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на **электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

В случае предоставления скан-копии справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения, **плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается.**

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2014 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 (17) - до 01 февраля	31 марта
в № 2 (18) – до 01 мая	30 июня
в № 3 (19) – до 01 августа	30 сентября
в № 4 (20) – до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Bulletin* is included in the **Ulrich's Periodicals Directory**, the **University Library On-line** database integrated in the **EBSCO Discovery Service**, and the **Russian Science Citation Index**.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81] or [1, p. 81–82]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500-600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Bulletin*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor is it before another journal for consideration and will not be sent to other journals for publication. Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2014

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 (17) February 1	March 31
No 2 (18) May 1	June 30
No 3 (19) August 1	September 30
No 4 (20) October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyi-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014
Выпуск 1 (17)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 28.03.2014. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 21,27.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
ООО «Аксиома»
614068, г. Пермь, ул. Сергея Данщина, 4, офис 12